

Российская
военно-
историческая
библиотека

Ю. В. Погода, Я. Г. Иванюк

Полтавская баталия: Крепости и герои

ББК 63.3(0)51

П41

*РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
«ПОЛТАВА: 300 ЛЕТ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ»:*

В. М. Антонов, В. А. Артамонов, М. А. Большакова, В. В. Грицков,
Г. Э. Кучков (ответственный секретарь), В. М. Лавров, В. М. Мартынюк,
Ю. Н. Моруков, С. Ю. Пантелеев, Н. Ф. Самохвалов,
А. Н. Сахаров (сопредседатель), В. Ф. Тимофеев,
А. А. Трошин, В. Е. Чуров (сопредседатель)

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА «РУССКИЙ МИР» И ОАО «ТРАНСНЕФТЬ»

Книга издана в авторской редакции Ю. В. Погоды

Погода Ю. В., Иванюк Я. Г.

П41 Полтавская баталия: Крепости и герои. — М.: Объединенная редакция МВД РФ; Кучково поле, 2009. — 384 с., 8 л. ил.

ISBN 978-5-8129-0091-5 (Объединенная редакция МВД РФ)

ISBN 978-5-9950-0052-5 (Кучково поле)

Великая Северная война 1700–1721 годов породила множество героев, но лишь одному из них (спустя почти 200 лет) был установлен памятник. Имя этого храбреца — Алексей Степанович Келин. Он был генерал-майором Русской армии и комендантом легендарной Полтавы, устоявшей перед натиском сильнейшей в конце XVII — начале XVIII веков шведской армии. Как ни странно, но до последнего времени не существовало отдельного исследования, посвящённого «доблестному коменданту» (так он назван в надписи на монументе). Эта книга, изданная в преддверии 300-летнего юбилея Полтавской баталии, в значительной мере восполняет этот досадный пробел.

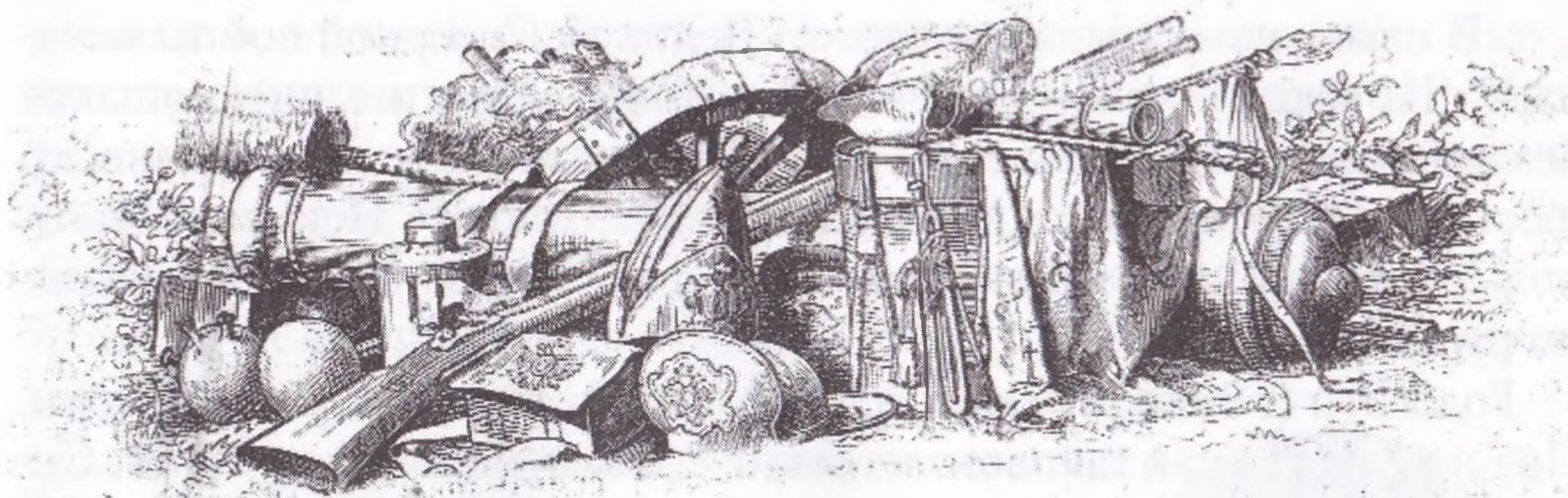
В ней также содержится системный обзор всех значимых городов-крепостей, сыгравших ту или иную роль во время так называемого полтавского периода Великой Северной войны (октябрь 1708 — июнь 1709 годов).

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Объединенная редакция МВД РФ, 2009

© Кучково поле, 2009

© Погода Ю. В., Иванюк Я. Г., 2009

СЛОВО О КРЕПОСТЯХ И ГЕРОЯХ ВСТУПЛЕНИЕ

Не русская это была в общем-то затея — война, вошедшая в учебники под названием Северной, но с непременным дополнением — «1700–1721 годов». Уточнение крайне необходимое, потому что всяких разных «северных войн» Россия имела

за свою историю так много, что «нести им числа». Сражалась с войсками Тевтонского ордена. С ливонскими рыцарями. А больше всего — со шведами, соседом крайне неуживчивым и не весьма разборчивым в способах ведения боевых действий*.

Александр Невский.
1220–1263.

Художник Л. П. Столыгво

Лишь самые заядлые романтики от истории, которых всегда хватало, были готовы представлять этих корыстных скандинавов некими опозитизированными «последними викингами» (эпитет более всего «приклеился» почему-то к Карлу XII), что по идее синонимично рыцарству. На самом деле это были весьма прагматичные, расчётливые и жестокие захватчики, вполне

сознательные в достижении своих сугубо корыстных, не побоимся этих слов, устремлений.

* Подробнее об этом см., в частности: Широкоград А.Б. «Северные войны России». М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

...В известном смысле прологом Великой Северной войны начала XVIII века стала шведская интервенция в Россию, случившаяся без малого веком раньше, в 1609–1617 годах. Целью нападавших, как это часто случалось и прежде, было захватить Псков и Новгород, а также прилежавшие к ним северные и северо-западные исконно русские земли.

Годы эти (1609–1617) — весьма сложные и трудные для России. Правительства как такового не было, его заменила пресловутая Семибоярщина. Польша, со времён Степана Батория (1533–1586) мнившая себя «сверхдержавой» (Речью Посполитой), двинулась расширять свои владения на восток. Осада в сентябре 1609 года Смоленска, длившаяся два года, поход на Москву и захват её в 1610-м... Лишенное воли к сопротивлению руководство России, состоящее из представителей семи считавшихся «лучшими» боярских родов, провозгласило (беспрецедентный случай!) русским царём польского королевича Владислава...

Но последовавший за этим буквально взрыв народного патриотического движения привёл к освобождению Москвы в октябре 1612 года вторым ополчением под руководством посадского из Нижнего Новгорода Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, свержению ненавистной Семибоярщины и избранию нового русского царя Михаила Фёдоровича из древнего рода бояр Романовых.

На этом фоне очередное шведское нашествие*, ставившее целью урвать своё от истекающей кровью России, смотрится особенно вы-

* Шведский «ограниченный воинский контингент», в котором собственно шведов (этнических) было не много, первоначально был введён в Россию на основании русско-шведского договора 1609 года. Так что в юбилейном 2009 году ему тоже исполняется круглая дата — 400 лет.

Подписанный 28 февраля в Выборге стольником Семёном Головиным и дьяком Сыдавным Васильевым, он предполагал присылку в Россию «за наём» две тысячи конных «збруйных» и три тысячи «добрых пешцев оружников», «да сверх тех наемных пяти тысяч человек сколько возможно король Карл (Девятый, правивший в 1604–1611 гг. отпустит».

Альянс, казалось, представлялся не столь уж плохим: Карл IX, бывший младшим сыном Густава I Вазы, «возглавил движение широких слоев населения против шведско-польского короля Сигизмунда», как пишут о том энциклопедические источники. Родного племянника не пожалел, предавшегося, так сказать, ненавистным полякам!

пукло и выразительно. Какое там «рыцарство» и «военная доблесть» — здесь если что и можно усмотреть, то лишь голую предприимчивость и умение в полной мере использовать ситуацию себе на пользу. Достаточно сказать, что помимо военной добычи (явления нормального по представлениям того времени), шведы под командованием своего «выдающегося» военачальника Якова Понтуса Делагарди (де ла Гарди, выходца из Франции на шведской службе) умыкнули из Новгорода штемпели и вывезли местных мастеров по чеканке денег, после чего по крайней мере шесть лет подряд штамповали у себя фальшивые русские копейки (современники называли эти монеты «чеканенными Нефедкой с товарищами в Свее»), забрасывая их потом в Россию, чем основательно подрывали её и без того поврежденную войной с поляками экономику.

Это деяние (без разницы, государство им занимается или частное лицо) квалифицируется всегда и везде как уголовное преступление. И ответственность за него ложится в данном случае не на кого иного, как на Густава II Адольфа, в год начала правления которого и случилось это криминальное приключение.

Кстати говоря, Густав II Адольф Ваза был кумиром другого короля — Карла XII Ваза-Пфальц-Цвейбрюккена, короля шведов, го-

Густав II Адольф.
Со старинной литографии

По Выборгскому договору Россия шла на беспрецедентные траты ради получения позарез нужной ей в тот момент иностранной военной помощи: помимо ежегодной платы в 100 тысяч рублей (колоссальная по тем временам сумма) шведы получали в случае успешного хода боевых действий во владение городок-крепость Корелу с уездом.

«Длинный рубль» сразу же привёл под знамёна Якова Делагарди около 15 тысяч сухопутных «джентльменов удачи» (по «отписке» главнокомандующего русской армией Михаила Скопина-Шуйского, по состоянию на май 1609 г.). Но, реально понюхав пороху, большинство из них (уже в середине лета того же года, при стоянии под Калязином) разбежались: численность наёмников составила в то время лишь тысячу человек. Тогда как у государева боярина, начинавшего с полутора тысяч человек ополчения, войско выросло уже до 20 тысяч ратников.

В дальнейшем наёмников становилось и больше, до 3–4 тысяч, однако перевес численности всегда оставался на стороне отечественной армии (её числен-

тов и вандалов (таков его краткий титул), одного из основных персонажей Великой Северной войны 1700–1721 годов, о которой далее пойдет речь.

Не время и не место перечислять здесь шведские вины: достойный почин этому был сделан бароном П.П. Шафировым — ответственным, как сказали бы мы теперь, сотрудником Посольского приказа (аналога, скажем так, министерства иностранных дел), активным участником не только Се-

П.П. Шафиров

верной войны 1700–1721 годов в целом, но и Полтавского сражения 27 июня 1709 года в

частности (что для нас в данном случае особо ценно и важно). Пётр Павлович написал «Рассуждение, какие законные причины Его Царское Величество Пётр Первый, Царь и повелитель Всероссийский, и протчая, и протчая, против короля Карола 12, Шведского, 1700 году имел...», положившее начало целому собранию книг, прямо или косвенно рассматривающих

ность оценивается примерно в тридцать, а то и более тысяч воинов). При этом наёмники всячески тянули время при выполнении приказов, постоянно жаловались на задержку жалования, увиливали от тех или иных поручений.

В конечном итоге «шведы, отступившие на север, начали открытую войну против России, осаждали и захватывали русские города» (Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990. С. 117).

Желательно понимать при этом, в каком состоянии они бросили своих союзников: в Тушине сидел «вор Лжедмитрий», в Пскове объявился ещё один самозванец — некий диакон Матюшка Верёвкин, на Москву шёл со своими войсками один из лучших полководцев польского короля Сигизмунда III великий литовский гетман Ян Кароль Ходкевич — и это ещё далеко не все проблемы...

Попытка «дружить со шведами» дорого обошлась тогда России: она стала причиной открытия войны на два фронта. Отрезок 1609–1615 гг. при периодиза-

этот вопрос. В нем любой желающий может найти такие великолепные имена, как Вольтер или Вениамин Бергман, Анри Труайя или Евгений Тарле, а также Юнаков, Забелин, Устрялов и многие, многие другие.

Мы же вернёмся к первоначальному посылу: несмотря на то, что «...мысль о Северной войне была мыслью веков. Она была начата Иваном IV... Она жила в Годунове. Она воскресла в царе Алексее и его министрах и досталась в наследство Петру как вековое предание. Это Пётр ясно сознавал и признавал, гордясь великим значением совершителя того, что было начато, чего так сильно желали его предшественники...»*, — несмотря на это, первые залпы Северной войны 1700–1721 годов прозвучали отнюдь не из русских пушек.

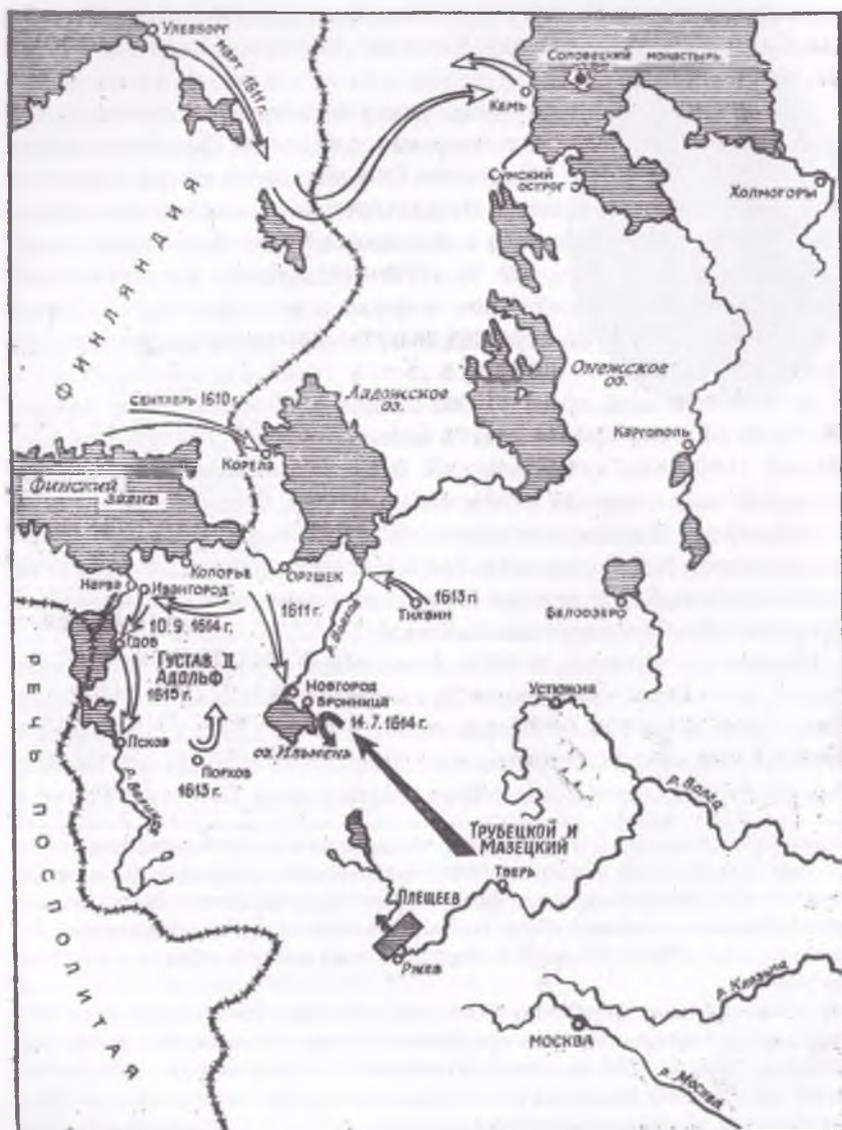
К тому времени практически безраздельное шведское владычество на Балтике продолжалось более полувека. В результате экспансии 1610 года, «узаконенной» несправедливым «миром», вынужденно заключённым в деревне Столбово, оттого и именуемого Столбовским, шведы присоединили к себе территории, получившие названия Кексгольмский Лен и Ингерманландия, солидной по ширине полосой отделившие Россию от жизненно необходимой ей для развития и процветания Балтики.

Несколько позднее, в 1651 году, после распада Тевтонского ордена, ими была прихвачена Эстляндия с Ревелем, а несколько даже ранее, в 1629-м, — Лифляндия с Ригой. Области Бремена и Вердена, Висмара и Штральзунда тоже стали шведскими. Висмар был взят у герцогства Макленбург, Штральзунд, Штеттин, Рюген и

ции русской истории так и называется: «Борьба со шведской интервенцией на русском Севере». В него входит и героическая оборона Пскова в 1615 г., осаду которого вёл (совершенно безуспешно, потеряв при этом одного из лучших своих полководцев — Горна и лично получив ранение) следующий шведский король — Густав II Адольф (которого Карл XII считал для себя образцом для подражания).

Столбовский мирный договор 1617 г. унял эту шведскую авантюру. Россия по его условиям вернула себе Новгород (захваченный, как лебединая песня, ещё войсками Карла IX, скончавшегося 30 октября 1611 г. в Нючепинге), а также Старую Руссу, Ладогу и некоторые другие северные города. Но устье Невы и Карелия были для России временно потерянными.

* Слова С.М. Соловьёва из рецензии на книгу Н.Г. Устрялова «История царствования Петра I» (Атеней. 1858. № 27–28. С. 81).

Шведская интервенция на русском Севере в 1608–1613 гг.

Вольгаст — у герцогства Померания. Данию шведы ущемили, отобрав у неё в 1658 году южные провинции Скандинавского полуострова Сконе, Блекинге, Халланд и остров Борнхольм. Норвежцев, бывших тогда в унии с Данией, потеснили за счёт вычленения земель Емтланд и Херьедален (в 1645 году), а также Тронхейм (в 1658–1660 годах). Никого не забыли, у всех что-нибудь, да отобрали.

* * *

В эти годы произошло колоссального значения событие: 8 января (18-го по н. ст.) 1654 года, в особенные для каждого православного христианина дни — вскоре после праздника Рождества Христова и в канун Крещения, в Переяславе (будущем уездном центре Полтавской губернии) Велико-россия воссоединилась с Малороссией.

А.Л. Ордин-Нащокин

Реакция Польши на данный исторический акт известна: ею стала немедленная прямая агрессия, связанная с разжиганием экстремистско-сепаратистских настроений на восточных окраинах. Русско-польскую войну 1654–1667 годов в итоге завершило так называемое Андрусовское перемирие на тринадцать с половиной лет, подписанное 30 января в деревне Андрусово недалеко от Смоленска. С русской стороны документы подписал А.Л. Ордин-Нащокин*

(после чего был пожалован в бояре и назначен главой Посольского приказа), с польской — шляхтич Ю. Глебович.

* Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605 г. — 1680 г., Псков). Дожи-ви он до периода Петровских преобразований, быть бы ему, несомненно, в числе ближайших и любимейших сподвижников царя-реформатора.

Получил хорошее по тем временам образование (изучал иностранные языки, математику, риторике). Достоин проявил себя на военном поприще, своеобразном для дворянина того времени: во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. лично участвовал в штурме Витебска, походе на Динабург, руководил штурмом Дриссы. Как дипломат отличился в 1656 г., подписав договор о дружбе и союзе с Курляндией, установив полезные для государства отношения с Бранденбургом.

В период руководства Посольским приказом значительно активизировал внешнюю политику России. Выступал за союз с Речью Посполитой для борьбы со

По этому перемирию Польша тогда возвратила России Смоленское и Черниговское воеводства и признала воссоединение с Россией Левобережной Украины; Правобережная Украина и Белоруссия, увы, оставались пока под властью Польши. Киев («мать городов русских») тоже должен был остаться за Россией лишь до 1669 года, с последующим «возвратом» Речи Посполитой, но Россия и после наступления этой даты удержала его за собой (что было оформлено Вечным миром 1686 года). Запорожская Сечь, вскользь заметим, объявлялась под совместным управлением России и Польши...

Переяславская рада 8 января 1654 г.
Старинная литография

В это время шла, напомним, другая — северная, русско-шведская война 1656–1658 годов: причинами её были всё то же стремление России вернуть территории на северо-западе, захваченные Швецией в XVI–XVII веках, и попытка добиться выхода к жизнен-

Швецией за выход к Балтийскому морю, а также с целью совместного отражения турецкой агрессии. При этом, не надеясь на союзников, был ярым сторонником преобразования России в экономической и военной областях: так, в 50-х гг. предложил реформировать армию путём введения рекрутских наборов, увеличения численности стрелецкого войска и сокращения количества малобоеспособной дворянской конницы.

Поощрял развитие торговли и промышленности; создал судовой верфи на Западной Двине и Оке (в селе Дединово). Развитие промышленности рассматривал не только как источник получения денег и возрастания объемов экспорта, но и как способ преодоления общей экономической отсталости России. Имя его стоит у истоков отечественной металлообрабатывающей, кожевенной, бумажной и производящей стекло и изделия из него промышленности. Создание Новоторгового устава 1667 г. регламентировавшего торговлю с иностранцами, и заключение договора с армянской компанией по торговле шёлком — его иници-

но необходимому для неё Балтийскому морю.

В 1655 году шведский король Карл X, воспользовавшись ослаблением Польши, напал на неё. К концу того же года шведские войска овладели значительной частью Польши. Теперь уже не Польша, а Швеция с её широкими (и за- костенелыми, надо добавить), агрессивными планами представляла наибольшую угрозу для России.

Летом 1656 года Россией была объявлена Швеции война. Русские войска направились для занятия рубежа реки Невы и в июле того же года отобрали у шведов Нотебург (русский, напомним, Орешек) и Ниеншанц (русские Канцы). Главные силы Русской армии тогда же, в июле — августе, заняли Динабург (Даугавпилс) и Кокенгаузен (Кокнесе), а в конце лета начали осаду Риги. Отдельный отряд осадил Дерпт (Юрьев), который сдался месяц с небольшим спустя, в октябре.

Осада Риги, увы, оказалась неподъёмной из-за малых сил и отсутствия поддержки с моря. В середине осени она была снята.

Но шведы, быстро «разобравшись» с Польшей и получив новые подкрепления из метрополии, в 1657—1658 годах развернули активные боевые действия в Прибалтике, нанеся немногочисленным русским войскам ряд поражений, и вернули часть занятой русскими территории. В трудное для России время и Польша не могла не

Крепость и город Рига в конце XVII — начале XVIII вв.

циативы. На практике сам занимался торговыми операциями в Прибалтике и в 60-е гг. XVII в. считался крупным землевладельцем-предпринимателем. «Думая наперёд», отправил в Западную Европу ряд торгово-дипломатических посольств.

В 1671 г., вследствие возвышения боярина А.С. Матвеева, был отставлен от службы, а в 1672 г. постригся под именем Антония в Крыпецком монастыре близ Пскова. Однако был привлекаем государем и в дальнейшем к делам службы: так, в 1679 г. принимал участие в переговорах с поляками.

За ревностную службу был пожалован богатыми вотчинами и поместьями (Поречкой волостью Смоленского уезда, 500 дворами крестьян в Костромском уезде и другими).

Был инициатором устройства почты между Москвой, Ригой и Вильнюсом, а также регулярного составления рукописной газеты «Куранты».

попытаться отобрать, как считала, своё: она возобновила войну с Россией. Что и стало причиной заключения 20 декабря 1658 года так называемого Валиесарского (или Вальесарского, как иногда пишут) договора о перемирии на три года. Подписан он был в деревне Валиесари близ Нарвы, и условия его были достаточно благоприятными для России: занятые на тот момент русскими войсками эстляндские и ливонские города Кокенгаузен (Кокнесе), Юрьев (Дерпт, а ныне Тарту), Мариенбург (Алуксне), Сыренск (Васкнарва) и другие на время перемирия (на три года) оставались под властью России; при этом, что особенно важно, восстанавливались нормальные торговые сношения России со Швецией; обе стороны освобождали пленных.

Статус-кво, достигнутое силой русского оружия и успехами русской дипломатии, было разрушено... ну да, не кем иным, как Речью Посполитой и её несостоятельными, как вскоре выяснилось, союзниками — Австрией и Бранденбургом, подписавшими 3 мая 1660 года в Оливском монастыре близ Данцига (Гданьска) при посредничестве Франции мир, впоследствии так и называемый — Оливский. По его условиям польский король Ян II Казимир отказывался от притязаний на шведскую корону; Швеция отныне на «законных» основаниях закрепляла за собой Эстляндию с островом Эзель и почти всю Лифляндию

(т. е. территории, захваченные ею в основном ещё в XVI — начале XVII века). Оливский мир, в основе которого лежали условия польско-бранденбургского, так называемого Велявско-Быдгощского, трактата 1657 года, «усиленный» подписанием ещё одного, так называемого Копенгагенского мира 1660 года, завершал Северную войну 1655–1660 годов (для западных держав).

Польша, развязав себе руки ценой громадных потерь, оживилась на своих восточных окраинах, начав войну, известную теперь как «русско-польская 1659–1662 годов» (в контексте то затухавшей, то разгоравшейся вновь войны между Россией и Польшей, охватывавшей общий период 1654–1667 годов); шведы тем временем стали

Король Ян II Казимир.
С картины Я. Матейко

проявлять большую активность в северо-западных пределах России. В итоге это привело к новым переговорам и заключению невыгодного для России Кардисского мирного договора 1661 года (между Россией и Швецией). Он был подписан 21 июня (1 июля) в местечке Кардис около Дерпта и завершал «вечным миром» русско-шведскую войну 1656–1658 годов. Шведскую делегацию возглавлял Бенгт Горн, русскую — князь И.С. Прозоровский.

Следует заметить, что Кардисскому миру существовала реальная и весьма заманчивая, если посмотреть на неё «холодным взглядом инопланетянина», альтернатива. А.Л. Ордин-Нащокин рекомендовал царю заключить мир с Польшей, отказавшись от Малороссии, и продолжить войну за Ливонию со Швецией. Однако это предложение было решительно и бесповоротно отвергнуто царём Алексеем Михайловичем: предать единоверных братьев даже ради несомненных политических и экономических дивидендов, которые сулила успешная борьба в Прибалтике, он не смог бы никогда. Поэтому, будучи не в состоянии вести войну одновременно и со Швецией, и с Польшей, русское правительство было вынуждено заключить Кардисский мирный договор и вернуть Швеции эстляндские и лифляндские города, уже отошедшие к России по Валиесарскому перемирию 1658 года. Была восстановлена граница, установленная Столбовским миром 1617 года. Что было очень и очень плохо для России, опять лишаемой коротких морских коммуникаций с Западом.

Положительное же значение Кардисского мира состоит в том, что он облегчил продолжение войны России с Польшей за Малороссию и Белоруссию, поскольку по его условиям Швеция обязалась не помогать Польше. Таким образом, участь её (Польши) однозначно была решена: население Малой и Белой Руси вместе с единокровными братьями великороссами разбили, как и следовало того ожидать, своих многолетних, если не сказать вековых, угнетателей — ненавистных яхов.

Однако спор за северо-западные пределы не был решён — он просто был отсрочен. И возобновлён, считая от Кардисса, через 39 лет, от Столбово — через 83 года, а от Невской битвы 1240 года — через 460 лет... Очень и очень давний спор!

* * *

Первой боевые действия, притом успешные, начала против шведов в конце зимы 1700 года Дания. Король Фредерик IV ввёл свои

войска во владения шведской марионетки и как бы тезки герцога Шлезвиг-Голштинского (он тоже носил имя Фредерика IV) и заставил его бежать под защиту своего родственника и сюзерена короля Карла XII. Август II, король Польши с 1697 года и курфюрст Саксонии, времени не тратя даром, тоже двинул свои полки — в Ливонию и осадил Ригу*. Правда, действовал он крайне медленно и нерешительно, что и навлекло многие беды на антишведскую коалицию. Естественно, действия союзников отнюдь не были случайным совпадением: переговоры о войне со шведами велись достаточно давно и, следует отметить, весьма активно и заинтересованно.

Первый реальный шаг к образованию союза Дании, Польши и России, направленного на преодоление шведского владычества на Балтике, был сделан на встрече Петра I с польским королём и курфюрстом Саксонии Августом II ещё 3 августа 1698 года**. Письменно договоренность не фиксировалась: монархи лишь «друг другу обязались крепкими словами о дружбе... и разъехались»***.

Переговоры были продолжены в сентябре 1699 года, когда в Москву приезжали, как представители короля Августа II, саксон-

Датский король Фредерик IV

* Дата начала боевых действий Северной войны 1700–1721 гг. — 1 февраля 1700 года. Война случилась в четверг, если это кому-то интересно.

** Договор, о котором идёт речь, следует разграничить. Заключённый 11 ноября 1699 г. в Преображенском союз с Августом II (курфюрстом Саксонии) предусматривал немедленное вступление Саксонии в войну со Швецией и обязательство Августа II склонить к вступлению в союз Польшу. Им определялся театр военных действий: Россия — в Ингрии и Карелии, Саксония — в Лифляндии и Эстляндии.

Ратифицированный Петром I союзный договор с Данией лишь по смыслу был направлен против Швеции; объект военного противостояния прямо в нём не назван. Алиаторы (стороны соглашения) обязывались в нём оказывать военную помощь друг другу в случае нападения на одну из них третьей державы (см., в частности: Бобылёв В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I / Рец. д. ист. н. Г.А. Санин, канд. ист. н. И.В. Сучков. М.: Изд-во УДН, 1990).

*** Журнал, или Подённая записка императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1770. Ч. I. С. 2 (далее — «Журнал, или Подённая записка...»).

ский генерал Карлович и лифляндский дворянин И. Р. Паткуль; в результате обсуждений было достигнуто соглашение, и на его основе 11 ноября того же года в селе Преображенском был подписан тайный договор о наступательном союзе против шведов. В нём было оговорено участие в войне против Швеции Датского королевства, поскольку с ним уже имелся договор, заключенный несколько ранее, 24 августа. В этом документе, в свою очередь, предусматривалось участие в боевых действиях Саксонии. Но вступление в войну

России в обоих документах особо оговаривалось заключением ею мирного договора с Турцией: «...когда с Турки получим мир или на довольные (т.е. достаточные) лета перемирье...»*

Курфюрст Саксонии и король Польши Август II

Оговорка эта не была дипломатической хитростью, ибо еще в апреле 1699 года из Азова в Турцию с задачей заключения долгосрочного мирного договора, целью которого ставилось предотвращение губительной войны на два фронта, отправилось посольство облечённое особыми полномочиями русского дипломата Емельяна Украинцева. Миссия посла была обставлена как можно эффективнее: он прибыл в Стамбул на военном корабле «Крепость», чего турки

никак не ожидали и что произвело на них, по слову романиста, «впечатление разорвавшейся бомбы».

Тем не менее переговоры затянулись почти на пятнадцать месяцев: к миру, правда весьма почётному (не зря, выходит, столько времени потратили), османов удалось склонить лишь 3 июля 1700 года.

Дело действительно того стоило: помимо собственно твёрдого замирения на 30 лет турки отдавали во владение русским Азов с окрестностями; территория между Азовом и Крымом объявлялась нейтральной; была прекращена выплата Россией дани вассалам султана — крымским татарам, то есть ликвидировалось самое последнее позорное и морально отяготительное наследие монгольского ига...

* Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 309.

Таким образом, смертоносный, как казалось, круг должен был сомкнуться вокруг Швеции — ведь совокупная мощь трёх государств значительно превосходила военно-экономическую силу Швеции. Но действовали они порознь. Поэтому король Карл XII, в середине июня 1700 года отметивший своё 18-летие, явил месяц спустя пример ответного блицкрига (молниеносного удара): совершенно неожиданно он перебросил 15-тысячное войско под Копенгаген и осадил эту крепость. «...Эскадры морских держав не воспрепятствовали шведам подвергнуть бомбардировке датский флот и столицу, хотя сами и не приняли в этом участия»*. А датский король Фредерик IV увяз в это время в Голштинии, и для защиты своей столицы сил у него просто не оставалось...

Ситуация разрешилась просто и быстро: датскому монарху было предложено выйти из коалиции, признать «суверенитет» (под шведским, понятно, протекторатом) Голштинии и выплатить 200 тысяч талеров на военные издержки. Фредерик IV согласился; в никому ни дотоле, ни после того не известном Травендале (так правильнее, хотя иногда пишут «Травенталь»), замке близ Любека, в августе был подписан мир, фактически означавший выход Дании из антишведской коалиции — в самом что ни на есть начале Северной войны 1700–1721 годов.

* * *

Тем временем Август II, как уже говорилось, крайне вяло вёл осаду Риги, мотивируя это отсутствием помощи со стороны русских.

Пётр I, свято выполняя взятые на себя союзнические обязательства, буквально на второй день после получения известия о заключении мира с Турцией, наскоро отпраздновав его «преизрядным фейерверком», 19 августа объявил Швеции войну и двинул свои войска под Нарву. Намерения царя Петра были серьезны и основательны: готовясь к войне, он ещё 2 марта 1700 года отписал из Воронежа Головину**: «Накажи ему [стольнику Василию Дмитриевичу Кормчину, выученному за границей инженерному

* Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 84.

** Головин Фёдор Алексеевич, генерал-адмирал, один из ближайших сподвижников Петра Великого. В 1696 г. ходил с ним под Азов, в 1702 г. был сделан «главным начальником над иностранными делами». Умер в 1706 году.

искусству и посланному в Прибалтику с целью разведки крепостей], чтоб присмотрел города и места кругом; также, если возможно ему дела сыскать, чтоб побывал и в Орешке, а буде в него нельзя, хоть возле него. А место тут зело нужно: проток из Ладожского

озера в море (посмотри в картах), и зело нужно ради задержания выручки; а детина кажется не глуп и секрет может снести. Зело нужно, чтоб Книпер* того не ведал, потому что он знает, что он [Кормчин] учён».

Генерал-адмирал
Ф. А. Головин

Реально русские войска появились под Нарвой 9 сентября; первым прибыл туда отряд князя Ивана Трубецкого. Спустя целых две недели, 23-го, к месту подошел отряд Бутурлина, и лишь 14 октября — отряд Головина и наскоро собранная нестройная поместная конница под командованием Шереметева (генерала; еще не фельдмаршала). Где-то между этими датами из

Пскова и Новгорода подтянулась к Нарве артиллерия в количестве 66 орудий. Войска же Репнина, около 10 тысяч человек, всё ещё находились в пути — они формировались на юге России, и дорога их была особенно длинна.

Полное сосредоточение Русской армии у Нарвы (около 35 тысяч человек при 145 орудиях осадного парка) и начало бомбардировки города пришлось на 20 октября.

Следует отметить, что осада именно этой твердыни имела свои неповторимые особенности. Будучи сама по себе очень сильно укрепленной крепостью, Нарва (древний русский Ругодив) имела мощное дополнительное укрепление — замок Иван-город, построенный при Иване III; таким образом, осаждавшие брали в кольцо, по сути, две крепости сразу. Даже сдав какую-нибудь одну из них, гарнизон мог перейти в другую и продолжать обороняться. Необходимостью бло-

Медаль с изображением
Ф. А. Головина

*Шведский посол в России.

кирования сразу двух крепостей и объясняется, в частности, сильно растянутая линия русских укреплений, что впоследствии сыграло роковую роль.

Вторым негативным моментом было преобладание на командных должностях в Русской армии иноземных наёмников. Командующий, 49-летний герцог Франции, князь Священной Римской империи, фельдмаршал австрийской и саксонской армии Карл-Евгений фон Кроа-де-Круи*, принятый в этом же чине на русскую службу, открыто выражал презрение к войскам, которыми взялся командовать. Под стать ему оказались и многие другие наёмные офицеры.

* * *

Чем помог России в это время единственный союзник Петра I — польский король Август II? Фактически только тем, что...

* Крайне любопытна дальнейшая судьба этого человека — после сдачи в плен шведам. Потомок очень знатной фамилии, восходившей к венгерскому королевскому двору династии Арпадов, он сделал «до того» блестящую карьеру, послужив последовательно четырем европейским дворам. Во время Сконской войны 1675–1679 гг., уже будучи генерал-майором датской, на тот момент, армии, герцог и князь Карл-Евгений получил первый боевой опыт сражений со шведами. Под знамёнами австрийского императора Леопольда I сражался с турками. Но, будучи впервые назначен главнокомандующим, в 1693 г. не сумел организовать оборону Белграда и отступил от него с большим уроном. Должность отобрали и передали Евгению Савойскому.

Он имел два существенных порока — пьянство и игру в карты по-крупному. Император Леопольд I, впрочем, дал герцогу де Круи рекомендательные письма на службу к русскому царю. Но «цесарца» перехватил под свои знамена Август II, а когда дела у него стали совсем плохи (а быть может, просто разобравшись как следует в «военном специалисте»), передал его Петру I.

В конце лета 1700 г. герцог прибыл в Россию. Фельдмаршальское жалованье ему было положено баснословное. А главное, чин предполагал почти неограниченный кредит, чем фон Кроа-де-Круи пользовался вовсю. За что потом пришлось жестоко и необычно расплатиться...

Некоторые исследователи (допустим, В.А. Красиков) полагают, что «царь не считал Кроа виновником постигшего русских разгрома» (Красиков В. А. Неизвестная война Петра Великого. СПб.: Нева, 2005). Но очень глубоко вникнувший в историю царствования Петра Великого писатель Алексей Николаевич Толстой иначе живописует реакцию царя на постигший разгром:

«... — Герцог первый сдался? Цезарец-то, герой, сукин сын! И Блюмберг с ним? Алекшашка, можешь понять? Брат родной — Блюмберг — ускакал к шведу... Вор, вор! ...Семьдесят девять предателей! Головин, Долгорукий, Бутурлин Ванька, знал я, что — дурак... но — вор! Трубецкой, боров гладкий! Как они сдались?..

дол: он снял осаду с Риги, чем открыл шведам беспрепятственный путь к Нарве.

...В ночь на 19 ноября на землю пал густой туман, а после полудня с неба повалил крупный, хлопьями, «лапчатый» снег; вокруг не видно было ни зги, предметы терялись уже в 50 шагах. Под прикрытием мрака и непогоды шведы приблизились к русским шанцам вплотную. Едва небо прояснилось, как русские воины увидели ряды построившегося к бою противника. Двумя выстрелами шведами было предложено русским сражение (это всегда означало для шведов начало боя). Русские пушки тоже затеяли стрельбу; стрельцы и солдаты начали палить из ружей, но все больше почему-то поверх голов.

В два часа пополудни каролинцы ринулись в атаку. Ветер и снег били русским солдатам в лицо. Натиск нападавших был столь си-

— Подъехал к землянке генерал Врангель с кирасирами, наши отдали ему шпаги...

— И ни один, — хотя бы?..

— Которые плакали...

— Плакали! Ерои! Что ж они, — надеются: я после сей конфузии буду просить мира?

— Мира просить сейчас — подобно смерти, — негромко сказал Алексахка...» (Толстой А. Н. Петр Первый. М.: Худ. литература, 1981).

А теперь о мести герцогу де Круи от сограждан того города, в котором ему довелось коротать остатки своих дней. По понятным причинам из списков Русской армии он был исключен, шведам такие полководцы и вовсе были не нужны. «...И умер он не просто в бедности, а обремененным значительными долгами, без каких-либо надежд на их погашение. Когда это выяснилось, озлобленные кредиторы в отместку вспомнили о практически забытом старинном законе, который отказывал несостоятельному должнику в праве на погребение. Труп Кроа арестовали и поместили в церковный склеп... Впоследствии тело выставили для всеобщего обозрения. Мумия герцога в мундире и парике почти два века лежала под стеклянным колпаком в капелле мертвых кирхи Святого Николая в Ревеле. Лишь на исходе XIX столетия царское правительство все же решило, что подобное зрелище несовместимо с европейским статусом цивилизованного государства, и распорядилось предать земле останки одного из первых главнокомандующих русской регулярной армией» (Красиков В.А. Указ. соч.).

Мумифицированный труп Кроа в капелле мертвых кирхи Святого Николая в Ревеле

лён, что вызвал замешательство и панику. Отступавшие бросились к единственному наплавному мосту у острова Кампергольм. От большого напора человеческой массы переправа разорвалась, люди падали с неё в ледяную воду и тонули. Набранная с бору по сосенке иррегулярная дворянская конница пустилась наутёк вплавь через реку...

Однако отдельные очаги сопротивления оставались. А Преображенский и Семёновский полки, построившись за землянками и телегами, остановили шведов. Так они продолжали сражаться до самого вечера, и сломить их не смогло даже присутствие шведского короля, явившегося лично поднять боевой дух солдат и офицеров (и это были не абы кто, а отборные части генерала Реншёльда). «...Ободрённые присутствием государя, шведы несколько раз бросались в атаку; но тщетно: оградив себя повозками артиллерийского парка, русские были непоколебимы и отразили все усилия неприятеля. Наступившая ночь прекратила битву...»*

Ни одна (запомним это) русская часть не сложила добровольно своего оружия. В соответствии с обыкновенной в то время практикой ведения боевых действий последовали переговоры о «почётной капитуляции и сдаче на разумных условиях». Карл XII, зная о малочисленности и расстройстве своей армии, согласился на предложенные русскими «кондиции»: выйти со знамёнами и оружием.

Офицер Семеновского полка в 1700–1720 гг. Вид изображает крепость Ивангород и часть крепости Нарвы. (Здесь и далее использованы изображения из книги «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».)

* Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. С. 47–48.

Шведы сами помогли навести мост, чтобы русские побыстрее убрались восвояси. Доблестные Преображенский и Семёновский полки так и переправились — с оружием и знамёнами. Но Карл XII не сдержал своего слова: он внезапно приказал отделить солдат от офицеров и генералов, коих и взял в плен в количестве 79 человек. Солдаты вынуждены были оставлять своё оружие, переходя реку. По пу-

ти к Новгороду многие из них погибли от голода и холода...

Нарвский разгром 19 ноября, о чём так много любят говорить ненавистники России, был на самом деле — да, большим и жестоким военным поражением. Но не стоит забывать и о том, что всего лишь три с половиной года спустя, 30 мая 1704 года, та же Нарва вместе с Иван-городом вновь были осаждены русскими войсками. Крепости плотно блокировали, чтоб ни туда, ни от туда мышь, как говорится, не проскочила. Причём Пётр I параллельно повёл также осаду Дерпта (древнего Юрьева), тоже окружив его кольцом войск, намертво замкнувшись 4 июня.

Рядовой солдат Преображенского полка в 1700–1720 гг. Вид изображает часть крепости и города Нарвы

Вёл осаду Дерпта Б.П. Шереметев (уже генерал-фельдмаршал). Но как-то вяло и нерешительно. Выпустил по крепости 2 тысячи ядер, однако ни одну из стен проломить так и не смог.

Тогда к Дерпту на двадцать девятый день осады, 2 июля, прибыл сам царь Пётр I. Он лично перепланировал батареи и распорядился тут же подготовить всё необходимое к штурму. Спустя три дня шквал огня, не утихавшего потом всю неделю, обрушился на крепость. Стены были пробиты сразу в нескольких местах. 13 июля начался штурм, и жестокий бой за крепость продолжался всю ночь.

На рассвете гарнизон сам запросил пощады и сдался. Шведам позволили выйти из крепости с личным имуществом и оружием, но без знамён и артиллерии (и в отличие от своего «брата Карла» Пётр I слово своё сдержал).

Любопытны цифры потерь: шведов, по разным оценкам, было убито от 811 до 2000, русских (хотя «нормальной» в таких случаях считается пропорция 1:6) — от 317 до 900, да ранено было от 400 до 2500 человек.

Оттуда, из-под Юрьева, царь вернулся под Нарву, куда вскоре подошёл и корпус Б.П. Шереметева, освободившийся от «дерптской обузы». За эту крепость основательно взялись 30 июля, снова предварив штурм десятидневной усиленной бомбардировкой (было сделано не менее 18 тысяч выстрелов). Лишь после того как стенам причинили «значительный ущерб», 9 августа русские войска пошли на штурм, оказавшийся скоротечным и весьма кровавым

Взятие Нарвы 9 августа 1704 г.
Художник А. Е. Коцебу

(очевидно, среди солдат оказалось немало тех, кто пережил «Нарвскую конфузию» 1700 года — ворвавшись в крепость, они не щадили никого). Осаждающие потеряли 1707 человек, в том числе убитыми во время штурма — 359, ранеными —

1438; осаждённые (за все время осады) — 4555, из них убитыми — 2707 человек. Никакого «акорда»* — коменданта крепости (им был все тот же Горн, с полковника поднявшийся за это время до генерал-майора) арестовали, а 1848 подчинённых ему солдат и офицеров объявили пленными.

Участь крепости Иван-город после этого была предрешена. Спустя неделю после взятия Нарвы, 16 августа, его гарнизон тихо

* Акорд — здесь: договор об условиях сдачи крепости.

капитулировал и был отпущен на все четыре стороны, но без знамени и артиллерии, естественно.

* * *

Однако вернёмся ненадолго опять в ту злосчастную осень — в Нарву 1700 года. Детали поражения стали всплывать много позже. Из чего начала складываться картина отнюдь не закономерной, а как раз *случайной* для Карла XII той вроде бы блестящей победы шведского оружия. Капитан Преображенского полка Ян (Яган) Гуммерт перебежал тогда к шведам, но потом раскаялся и обратился с письмом к Петру I. По его словам, в тот момент, когда преображенцы и семёновцы стали в каре и оказали решительное сопротивление, «...шведы были в страхе и смятении» и сами чувствовали себя «на волосок от разгрома».

Пир Петра Первого после Полтавской победы. Иллюстрация худ. В. А. Серова к поэме А. С. Пушкина «Полтава» 1949 г. издания

Если бы писал об этом лишь один случайный перебежчик... Но о том же свидетельствуют и показания другого видного очевидца событий, шведского королевского камергера графа Вреде: «Если бы русский генерал, имевший до 6 тысяч под ружьем, решился на нас ударить*, мы были бы разбиты непременно: мы были крайне утомлены, не имея пищи, ни покоя несколько дней; притом же наши солдаты так упились вином, которое нашли в русском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок»**.

...На пир после Полтавской победы Пётр I, как известно, пригласил пленённых им шведских генералов и провозгласил отдельный тост:

— Пью за здоровье моих учителей!

— И кто же ваши учителя, позвольте спросить? — полюбопытствовал один из пленных.

* Вероятно, граф Вреде имел в виду дольше всех задержавшуюся на позициях русскую дивизию генерала А. А. Вейде, атаку которой неминуемо поддержали бы преображенцы, семёновцы и другие.

** Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. IV. С. 49.

— Вы, господа шведы, — ответил царь.

— Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей, — заметил Рёншильд.

Достаточно часто цитируя этот пассаж, авторы никогда почему-то не вспоминают, что Пётр I всего-то-навсего выполнил некий зарок, данный самому себе в 1700 году.

Получив известие о печальных событиях под Нарвой, ознакомившись со всеми обстоятельствами поражения, узнав о подлости и предательстве одних и о мужестве и доблести других, он сказал:

— Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей*.

Царское слово незыблемо: так оно на самом деле и получилось.

* * *

Общим местом стало для исторических публицистов сравнение монархов двух противоборствующих стран. Оно напрашивается

Царевич Пётр. 10 лет

как бы само собой: действительно, оба они рано потеряли отцов (Пётр — в возрасте 4 лет, Карл — 15). В известной мере каждый из них «сделал себя сам», только для Карла это было неумённое баловство на охотах и пирушках, а для Петра — полезные забавы с «потешными» войсками: Преображенским и Семёновским — сразу ротами, затем батальонами, а впоследствии полками, ставшими «закладными камнями» в фундамент новой Русской армии.

К Петрову детству относятся и первый («Кожуховский») поход, и первая взятая крепость («стольный град Прешбург»), и упражнения на Плещеевом озере с дивным ботиком, умевшим ходить под парусом против ветра («дедушкой русского флота» назовут его впоследствии современники).

Но наследство досталось двум венценосцам совершенно разное. Один из них (Карл) получил отлаженный механизм взимания налогов и комплектования армии, по праву считавшейся сильнейшей в Европе (а стало быть, и чуть ли не во всём мире того времени);

* Яков де Санглен. Подвиги русских под Нарвой в 1700 году. С. 26.

один из лучших на свете флотов; развитые и тоже, поди, лучшие в мире горнодобывающую и металлургическую промышленность; отвоёванные у соседей и гораздо более, нежели собственно шведские, урожайные земли северо-западной оконечности европейского континента и почти всё Балтийское, превращенное в шведское внутреннее, море.

Другому досталось в наследство огромное континентальное, напрочь отрезанное от морей, кроме Ледовитого океана (а значит, и обречённое на замкнутое, лишённое перспектив развития), царство, снедаемое внутренними противоречиями, перманентными кризисами власти, порождаемыми неуёмными боярскими претензиями с их собственным пониманием своей роли в формировании властных структур; архаичной системой сбора податей и наложения «тягот»; нестройной и негармоничной организацией армии и полным отсутствием флота («однорукое»*, стало быть, государство было); неразвитой промышленностью и закостенелой торговлей; с разъедаемыми червями сепаратизма окраинами.

Нормальным ли было такое положение вещей? Конечно же, нет. Балтийское море в стародавние времена именовалось Скифским, и на один из островов в нём, Рюген, издревле указывали как на колыбель славянской цивилизации. Города-крепости на его побережьях строили ещё древние русские князья (и первейшим из них стоит упомянуть именно Юрьев — названный так по христианскому имени Ярослава Мудрого, переименованный затем в Дерпт; была высокая справедливость и внутренняя логика в том, что именно его и отвоёвали первым). Море Чёрное прежде и вовсе называлось Русским, и

Кронпринц Карл и его сёстры: Ульрика-Элеонора (в центре) и Гедвиг-София.

Картина 1690 г.

Художник Д. Эренсталь.

* «Всякий потентат (т.е. облечённый властью), который только сухопутные войска имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет!» — любил говорить Пётр Великий.

поселения на его побережье издревле были населены славянами: это и Корчев (Керчь), и Сугдея (Судак), и окрестности современного Севастополя, где была основана в апостольские времена одна из первых христианских епархий и где был крещён сам князь Владимир, — все эти города всегда имели особое значение для русского народа.

Пётр Первый

Сейчас же (во времена Петра I) Балтика мало того что стала напрочь отсечённой от России, — её побережье по воле захватчиков-шведов усеялось ожерельем ещё более мощно укрепленных скандинавами, построенных в своё время русскими людьми для своей защиты крепостей, жерла пушек которых были теперь обращены против них самих, в глубь континента.

Крым, волею судеб превращенный остатками Золотой Орды в татарский

Кырым, одной сплошной неприступной крепостью, к тому же связанной с турецкой Портой, напрочь запирает выход не только во внешнее Черное, но и во внутреннее (еще для Древней Руси) Азовское море; крепости на них создавали очаги постоянной нестабильности в Поднепровье, откуда устранивались и регулярные кровопускания Малой Руси и шла угроза самой Москве.

В таком виде, схваченная с двух сторон удавками — шведской и крымско-татарско-турецкой, пришла Россия под скипетр Петра I. Осознавая все это, невольно ловишь себя на мысли: а был ли он человеком вообще? Или это был некий герой и даже... мессия, призванный самой Судьбой влить новый смысл в державу Русскую, придать иное качество и содержание жизни государству славян?

Он полностью разрешил «северный вопрос»; а «южный вопрос» в полной мере разрешила другая государыня, снискавшая в потом-

Екатерина Вторая

ках такого же проименования — «Великой»; проникшая в суть и смысл дел Петровых и прямо объявлявшая себя их продолжательницей. Императрица Екатерина II исполнила предначертания Петра Первого, и государство Российское, исполнив задуманное и начатое Петром Великим, поднялось уже при ней к вершинам славы, могущества и благоденствия.

Мессиа́нский характер Великой Северной войны 1700–1721 годов видится ещё и в том, что она из локального прибалтийского конфликта (как это обычно не раз бывало) разлилась впоследствии на огромную территорию, включавшую Данию, Саксонию, Польшу, Белую и Малую Русь; затронула Великороссию; докатилась до турецких пределов; через Польшу и Саксонию вернулась опять на Балтику и «огнем и мечем» прошлась потом по шведской земле. Вот почему в отличие от многих прочих северных войн её по праву принято именовать Великой Северной войной. Да и по продолжительности она была, по слову Петра Великого, «тройной школой» (обычный курс равнялся в то время семи годам).

«Школа» оказалась тем более суровой, что Россия в своём противостоянии шведам в конечном итоге осталась совершенно одна: Дания была выбита из «Северного акорда» (союза) уже 7 августа 1700 года (когда Россия, собственно, ещё и не начала воевать), Саксония — 3 (24) сентября 1706 года; Польша, с 1704 года считавшаяся в союзниках России, в 1706–1709 годах была с нею лишь наполовину, поскольку «другую Польшу» представлял ставленник Карла XII «полуцарь» Станислав Лещинский.

После Полтавской победы, когда положение дел коренным образом изменилось, союз с Россией против шведов возобновили сначала Саксония (с 9 октября славного 1709 года), а двумя днями спустя — и Дания. Последнюю «семилетку» войны (фактически «пятилетку», а то и менее), с Россией против Швеции заодно были Пруссия (со 2 мая 1715 года до 22 января 1720-го) и Ганновер (с 17 октября 1715-го до 21 ноября 1719 года).

Но вспомним, кто был на стороне противника: Англия и Голландия, обладатели самых мощных флотов в то время; «великие державы» Франция и Турция, первая из которых имела весьма значительные финансовые ресурсы, подпитывающие шведского короля в изгнании, а вторая — колоссальную по численности армию (под Станислава в 1711 году 37-тысячной русской армии противоборствовала, шутка сказать, более чем 200-тысячная армия турецко-татарская).

И «дело под Станилешти» в итоге окончилось «всего лишь» отдачей туркам Азова с прилегающими городками да подтверждением права на беспрепятственный проезд Карла XII из Бендер в Швецию (которое с самого начала никто и не оспаривал).

Взамен Русская армия смогла тогда беспрепятственно выйти из турецких пределов, снабженная противником продовольствием на обратный путь, — вот вам и «крупная неудача» русской армии, получившая наименование Прутского похода (в контексте годов русско-турецкой войны 1711–1713 годов, имевшей лишь одно это реальное вооруженное противостояние).

* * *

Ещё одна особенность Великой Северной войны 1700–1721 годов состоит в том, что она была, как никакая другая, «войной крепостей».

Шлезвиг-Гольштейн (Schleswig-Holstein), ныне земля на севере Германии площадью 15,7 тысячи квадратных километров, что чуть больше половины усредненной области современной Украины, куда вторгся со своей армией датский король Фредерик IV, представляла собой полосу территории вдоль побережья Северного и Балтийского морей и цепочку островов на нём (Северо-Фризские и другие, ещё помельче). Города Киль, Любек, не говоря уже о менее известных, были, разумеется, крепостями, которые взять с налёту не представлялось никакой возможности.

Крепостью была и столица Дании — Копенгаген, бомбардировкой, а не полномасштабной осадой (на чём он, несомненно, зубы себе всё же пообломал бы) начал свою ответную войну Карл XII.

Рига, столь безуспешно осаждённая польским королем Августом II и снятием осады с которой косвенно был поставлен под удар его русский союзник, тоже являлась очень сильной крепостью. Она стала весьма важным «узловым пунктом» Вели-

Рига в XVIII столетии.

кой Северной войны: как известно, Пётр I во время своего первого путешествия за границу избрал путь в Европу через шведские владения и в начале весны 1697 года прибыл в Ригу. «Недовольство Петра приемом, который оказал ему в этом городе губернатор Эрих Дальберг, послужило три года спустя, при возникновении северной войны, своего рода *casus belli*»* (поводом для объявления войны).

Сей «казус» был успешно разрешен 4 июля 1710 года, когда после изнурительнейшей осады, длившейся с 25 октября 1709 года (семь с половиной месяцев!), Рига пала. Потери русской армии были весьма велики — более 10 тысяч человек, но их поразил не огонь шведских орудий и мушкетов, а внезапная эпидемия чумы.

Спустя две недели после начала осады начались бомбардировки

Риги, первую из которых опять-таки провел лично сам царь. Затем город плотно блокировали и оставили в таком положении почти на полгода.

10 мая 1710 года сюда подтянули дополнительную осадную артиллерию. Вполне возможно, что с этим обозом и пришел в русский лагерь возбудитель бубонной чумы, унесшей за месяц 9800 жизней. Хотя, возможно, эпидемия пришла как раз, наоборот, из крепости, где дремлющую заразу разбудила начавшаяся жара — в гарнизоне Риги тоже умерли от чумы несколько тысяч (точных данных нет) солдат и жителей города.

Генерал-фельдмаршал
Б.П. Шереметев

Бомбардировка Риги началась 14 июня и продолжалась 10 дней, после чего генерал-губернатор Штремберг запросил «акорда», то есть выразил готовность сдать на определенных условиях. Они были изложены в 65 пунктах и подписаны с русской стороны генерал-фельдмаршалом Шереметевым. Но царь не утвердил этих «условий» (как это обычно бывало), поскольку Рига была случаем «особым», а задержал шведов (в количестве 5132 человек) как пленных.

* Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1902. Т. 1. С. 168–169.

Победы Русской армии над шведами начались уже в следующем после начала войны и горестного нарвского поражения, 1701 году.

В последних числах декабря этого года русские войска в количестве 18 800 человек, треть из которых составляла иррегулярная конница, под общим предводительством генерала боярина Бориса Петровича Шереметева столкнулись в Прибалтике с корпусом генерал-майора кавалерии барона Вольмара Антона фон Шлиппенбаха. 30 декабря под Эрестфером между ними состоялся пятичасовой бой, в котором шведы попытались так же, как и под Нарвой, «нахрапом» одержать победу. Вначале им действительно удалось опрокинуть русский авангард, но подошедшие основные силы переломили ход сражения. Пехота, артиллерия — всё было потеряно на поле боя Шлиппенбахом, с частью кавалерии трусливо усакавшим под защиту крепостных стен Дерпта (sic!)*.

Потери русских войск в битве при Эрестфере разными историками оцениваются по-разному: от одной тысячи убитыми и ранеными до одной тысячи только убитыми; шведы потеряли, как считают, более тысячи убитыми и ранеными, а по некоторым данным — аж до трёх тысяч. Там же были взяты первые из «последних викингов» пленные (от 150 до 370 человек) и 16 «овеянных прежней славой» шведских знамён.

Борис Петрович Шереметев, будущий главнокомандующий русской пехотой в Полтавской битве, за «дело под Эрествером» был награжден высшим в России чином фельдмаршала.

То, что победа оказалась отнюдь не случайной, подтвердил бой у Гуммельсдорфа 18 июля 1702 года. Противники были опять те же: Шереметев и Шлиппенбах. В начале этого сражения успех снова сопутствовал шведам, они даже взяли свои трофеи — 6 русских пушек; но вскоре наступил перелом, и скандинавы поспешно бежали, бросив всю свою пехоту и артиллерию. Лишь коннице удалось уйти от преследования и укрыться за стенами Пернау.

Потери русских войск составили 411 человек убитыми и 800 ранеными; шведы же только убитыми и «разбежавшимися», а по некоторым оценкам — только убитыми, потеряли от трёх до пяти с половиной тысяч человек. В плен попали от 238 до 315 человек. Трофеи победителей составили на сей раз 17 пушек и 16 знамён.

* Sic! — здесь: обратите внимание.

К этому времени войска Шереметева безраздельно властвовали на всей этой обширной, прежде шведской территории; с этого момента и уже навсегда Швеция потеряла главную свою житницу. Очагам сопротивления оставались лишь укрепленные города (sic!).

Но вскоре наступил и их черёд.

* * *

Перной по времени стала осада старинного замка Мариенбурга, которая началась (и месяца не прошло после битвы у Гуммельсдорфа) 14 августа 1702 года и продлилась до успешного завершения всего лишь только десять дней.

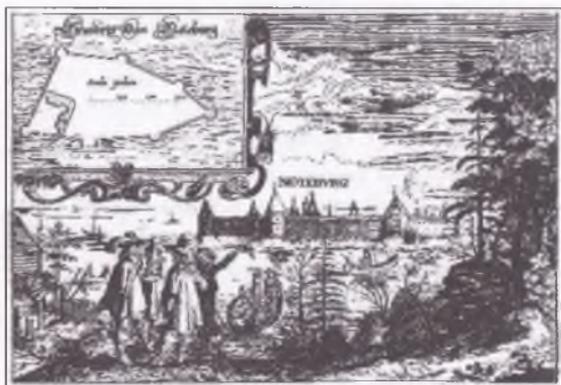
Под началом коменданта гарнизона майора фон Тиллау находилось 350 человек — вроде бы и немного, но крепость сама по себе казалась абсолютно неприступной — помимо мощных стен её отделяла от осаждавших 200-метровая полоса воды. Мост шведы, естественно, разрушили.

Предварив штурм десятидневной бомбардировкой, Шереметев послал на приступ отряд добровольцев на плотах. Храбрые шведы инквизиционной русской атаки не выдержали и выбросили белый флаг. Шереметев уже готов был предоставить гарнизону и жителям весьма лояльные условия сдачи, однако два фанатика спутали все карты. Они бросились с факелами в пороховой погреб и взорвали его, убив при этом многих русских солдат. Русский главнокомандующий в гнев порвал условия договора и взял всех мариенбуржцев в плен.

Не один только Шереметев спору учился воевать со шведами. Войска другого русского военачальника — П.М. Апраксина, прежде бывшего воеводой (с 1698 года) в Новгороде, которому поручен был набор новых драгунских полков, с чем он блестяще справился, прикрывали северо-западную границу России. Они оттеснили шведские войска генерала Кроньюрта (иногда пишут Кронхьерда) от Ладogi, разбили их на реке Ижоре и вынудили отойти к крепости (sic!) Ниеншанц в устье реки Невы. Флотилия И. Тыртова тем временем вытеснила шведские корабли из Ладожского озера. Всё это должным образом обеспечило осаду Нотебурга, который был осаждён по всем правилам воинского искусства 28 сентября 1702 года, а 11 октября (две недели спустя!) взят.

Менее чем сотне уцелевших защитников крепости под командованием подполковника Шлиппенбаха (брата впоследствии сдавшегося под Полтавой генерал-майора барона Вольмара Антона фон

Шлиппенбаха; «пылкого Шлиппенбаха», по Пушкину) позволили уйти «с воинскими почестями, знаменами, музыкой, 4 пушками, личным оружием и имуществом». Что опять-таки убедительно свидетельствует о честном исполнении русскими военачальниками принятых на себя обязательств: учитывая, что под рукой у Петра I, лично возглавившего осаду, было не менее 12 тысяч солдат непосредственно у крепости, да ещё 20 тысяч на ближних подступах к ней, 51 осадное орудие и «большое количество», как пишут исследователи, полевой артиллерии (плюс корабельные орудия вошедших в Ладожское озеро судов), прихлопнуть этот гарнизон, «яко муху», труда бы не составило. Крут оказался государь как раз по отношению к своим: «...повешен /был/ Преображенского полку прапорщик да солдат 22 человека за то, что с приступу побежали...», сообщают источники...

Крепость Нотебург

Нотебург переименовали в Шлиссельбург («Ключ-город»), что позволило далее развить успех: 27 апреля 1703 года началась осада Ниеншанца (дело решилось в пять дней добровольной сдачей крепости и, как следствие, мирным отпуском гарнизона во свояси). Подобным же образом и всего в

шесть дней (8–14 мая) был взят город-крепость Ям. Не дальше (22–25 мая) провозились и с Копорьем. В первом случае честь овладения крепостью, которая контролировала переправу через реку Лугу, где соединялось несколько дорог на Нарву, принадлежала русскому корпусу генерала фон Вердена, во втором — войскам генерал-фельдмаршала Шереметева. Копорье, напомним, было цитаделью, запиравшей одну из столбовых дорог в Эстляндию.

Взятие более мелких крепостей — Везенберга, Вейсенштейна, Фаллина и Руина, случившееся во второй половине 1703 года, не составило особого труда для объединенных корпусов Шереметева

и фон Вердена. Но помимо овладения вражескими русские солдаты занимались укреплением ставших теперь «своими» городов Има, Копорья, Ниеншанца и других; а в мае 1703 года, как все мы хорошо помним, произошла закладка и совершенно нового города — Петербурга. Кроме того, для прикрытия устья Невы у её южной судоходной протоки была заложена крепость Кроншлот, а на острове Котлин сооружена для начала укрепленная артиллерийская батарея; позже здесь была создана знаменитая впоследствии крепость Кронштадт.

Закладка крепости Петербурга.
Старинная гравюра

Попытки шведов в 1704 году комбинированными ударами с суши и моря захватить Петербург были успешно отражены...

* * *

Следующий, 1704 год начался новыми сражениями, имевшими целью отвоение территорий, прилегавших к Финскому заливу, самыми заметными из которых выглядят бои у Везенберга, где удача в полной мере сопутствовала 8-тысячному отряду Русской армии под командованием полковника Ренне, и близ Якобштадта, но там тактический успех, увы, оказался на стороне шведско-литовской армии генерал-майора Левенгаупта (обоим этим командирам тоже предстоит впоследствии встретиться под Полтавой).

Главными же событиями года по-прежнему оставались осада и взятие крепостей: Дерпта (4 июня — 13 июля) и Нарвы с Иван-городом (о чем уже упоминалось ранее). Относительно недолгое время, затраченное на их взятие, как и количество жертв, вполне равнозначных для противоборствующих сторон (причём для осаждавших они могли быть значительно выше, не предваряя Пётр I во всех случаях штурм весьма основательной артподготовкой — пороха и ядер, стало быть, не жалели, — жалели, насколько это было возможно, людей), убедительно свидетельствует о достаточно быстром совер-

шенствовании новой армии России. Таким образом, суворовские «чудо-богатыри» явились не сами собою и не в конце XVIII века — нет, они появились в самом начале века «осмнадцатого», и начали они сражаться ещё под знаменами царя Петра. Откуда исходит подобное убеждение? Вот такое, к примеру, есть свидетельство: уже упоминавшийся нами Гуммерт в письме к Петру I писал: «Сила Вашего Величества неописана и так велика, что с тремя или четырьмя неприятелями вместе можно вести войну с пользою; люди сами по себе так хороши, что во всем свете нельзя найти лучше...»*

* * *

Планомерно освобождая окрестности Санкт-Петербурга от шведов, Пётр I намеревался занять в следующем, 1705 году крепость Выборг. В том была насущная необходимость: в 1704 году шведами были предприняты новые попытки соединёнными ударами с суши и моря захватить Петербург, но они были успешно отражены. Однако осложнения в Польше заставили царя существенно изменить свои планы и направить главные силы русской армии туда, где увеличивалась концентрация войск противоборствующей стороны (Карл XII, заставив шляхту в 1704 году выбрать новым королем свою марионетку Лещинского, навязал Польше неравноправный союзный договор 1705 года; Пруссия заигрывала со Швецией, но Карл, подобно Гитлеру двести с лишним лет спустя, слепо верил лишь в собственные силы и, расположив свои войска зимой 1704–1705 годов в Силезии, на границе, отрезал Августа II от Саксонии).

Выполняя союзнический долг, Пётр I направил свою 60-тысячную армию в Полоцк, послав, кроме того, необходимые подкрепления королю Августу, двигавшемуся от Кракова на Люблин и Брест на соединение с Русской армией.

Осведомлённый об этом манёвре, Карл XII приказал генерал-майору Левенгаупту атаковать из-под Митавы (Курляндия) выставленный против него корпус фельдмаршала Шереметева, а генерал-лейтенанту Г. И. Майделю начать тем временем решительное наступление на Петербург по суше в тесном взаимодействии с эскадрой адмирала Анкерштерна, действующей с моря.

К тому моменту русский Балтийский флот уже превратился в достаточно сильную самостоятельную боевую единицу под нача-

* Цит. по кн.: Тельпуховский Б.С. Северная война. М.: Военное изд-во Министерства Вооруженных сил Союза ССР. 1946. С. 39.

том адмирала голландца Корнелия Крюйса (в отличие от прежних времён, когда флот служил лишь вспомогательным инструментом

полевой армии). Командование сухопутными силами принадлежало шотландцу генерал-майору Роману Брюсу (брату будущего командующего артиллерией в Полтавской битве Якова Вилимовича Брюса).

Атаки шведского флота на Котлин и Кроншлот Корнелий Крюйс отбил без осо-

Балтийский флот в походе

бых усилий, заставив своего коллегу шведского адмирала Анкерштерна отвести свои потрёпанные суда для починки, и пришёл на помощь пехоте Романа Брюса. Шведов, вышедших было на берега Большой и Малой Невки и попытавшихся закрепиться там с батареями артиллерийских орудий, удалось выбить со значительным уроном в живой силе; обоз свой они тоже потеряли в резвом отступлении.

Город-крепость Петербург, как и все другие близ него лежащие крепости, вновь удалось отстоять в целостности и невредимости.

Помимо этого, в 1705 году русские войска овладели курляндскими крепостями Митавой (5 сентября) и Бауском (14 сентября), прикрывавшими юго-западные подходы к столице Лифляндии Риге. В том и в другом случае шведские коменданты (первый из них полковник Кнорринг, фамилия второго, увы, неизвестна) от сопротивления отказались и покорно отдали шпаги претендентам (в первом случае им был сам царь Пётр, во втором — полковник Русской армии Н.Н. Балк).

* * *

Год следующий, 1706-й, начался с поражения союзных войск при Фрауштадте, случившегося 2 февраля*, и у города Клецка —

* При Фрауштадте войсками Реншёльда был разбит 30-тысячный не русский, а саксонский корпус генерала И.М. Шуленбурга. Но в его составе находилось около 6500 русских воинов. Из них в живых осталось 1600 солдат и офицеров.

19 апреля, а также неудачной осадой крепости Выборг, длившейся с 11 по 27 октября. Убедившись, что блокаду крепости осуществить не удалось — всё необходимое шведы исправно и невозбранно получали по морю — и что осада подготовлена из рук вон плохо, Пётр I повелел войскам возвращаться на зимние квартиры в Петербург.

Отличиться в том году удалось лишь Меншикову, не только разбившему 18 октября под Калишем буквально в пух и прах корпус генерала А. А. Мардефельта и понеся при этом удивительно малые потери (84 человека убитыми и 324 ранеными), но и взявшему крупный полон — 2598 солдат и офицеров, да три пушки при этом заполучили, да 400 ружей и 26 знамён. Пленён в том числе был и сам шведский генерал Мардефельт. Убитых и раненых солдат противника насчитали тогда 1260 человек — такого успеха против шведов у нас ещё не бывало*.

Год 1706-й был тем более труден для русской армии, что 13 сентября она окончательно лишилась своего последнего союзника: Август II, напуганный шведами и, что называется, загнанный в угол, заключил с Карлом XII сепаратный Альтранштадтский мир**.

В известном смысле получив ещё большую свободу действий, Карл XII после этого начал предметно готовиться к вторжению в Россию. Он довёл численность действующей армии до 95–100 тысяч человек. В «главных силах» непосредственно под его командованием сосредоточилось не менее 35 тысяч солдат и офицеров; в корпусе генерал-лейтенанта графа Адама Людвиг Левенгаупта в Прибалтике, опиравшегося на пресловутую крепость Ригу, —

* Современный русский историк В.А. Артамонов, разворачивая известное Петрово определение Лесной, как «матери Полтавской победы», победу под Калишем называет не иначе, как «дедушкой Полтавской победы» (см.: Артамонов В.А. Калишская баталия 18 октября 1706 года. М.: Цейхгауз, 2007).

** Альтранштадтский мир — договор между шведским королём Карлом XII и саксонским курфюрстом и польским королём Августом II. Заключён 13(24) сентября 1706 г. в местечке Альтранштадт (Altranstadt), близ Лейпцига, Саксония, после захвата шведскими войсками значительной части территории Польши и их вторжения в это немецкое княжество. По его условиям Август II отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, порывал союз с Россией и соглашался оплатить громадные военные издержки. После победы России над Швецией под Полтавой 27 июня 1709 г. Август II объявил Альтранштадтский мир недействительным, восстановил союз с царем Петром I (Торуньский договор 1709 г.) и с помощью русских войск вернул себе польский престол.

Наградная медаль для полковников
за сражение при Калише
(золото, финифть, алмазы,
аквамарины)

16–20 тысяч (кроме того); в корпусе генерал-майора (генерал-лейтенанта с 1710 года) барона Георга Любекера в Финляндии, имеющего опорной базой пресловутый Выборг, — ещё 12–14 тысяч. В корпусе генерал-лейтенанта Эрнста Детлова фон Крассау, располагавшегося в Польше, также насчитывалось не менее 8 тысяч солдат и офицеров. Да под знаменами шведского флота служило на тот момент ещё не менее 8–10 тысяч военных моряков.

* * *

Шведский флот всё ещё доминировал тогда на Балтийском море, и Карл XII лелеял планы захвата с его помощью единственного свободного российского порта на севере — Архангельска.

Армии же надлежало, по его мысли, одолеть Псков и Новгород. Затем должно было последовать установление шведского протектората над Литвой, Польшей и Малороссией. Россию, по замыслам Карла XII, в дальнейшем ожидало расчленение на отдельные зависимые от Швеции княжества. С целью воплощения этих планов в жизнь Карл XII активизировал тайные переговоры с гетманом Украины И.С. Мазепой, который решил перейти на сторону Швеции*. Шведы весьма рассчитывали также на внутренние настроения в России (восстание в Башкирии, недовольство некоторых бояр и части духовенства преобразованиями Петра I).

* Современные историки относят начало изменнических действий Мазепы к 1704 году; получается, что Карл XII получил эту «змею подколотную» в качестве некоего «бонуса» при возведении на польский престол Станислава Лещинского. Хотя есть и более радикальные мнения. А.Г. Брикнер в своей «Иллюстрированной истории Петра Великого» пишет, что «многие, вслед за избранием Мазепы, считали его ненадежным и способным на измену. В 1689–1692 годах, как это теперь документально подтверждается, он вел тайные сношения с Польшей. Польские подстрекательства в Малороссии не прекращались ни на одну минуту. В этой стране постоянно находились польские эмиссары...» (Брикнер А.Г. Указ. соч. Т. II. С. 84). Впрочем, в основных разделах этой книги мы ещё вернемся к более обстоятельному разговору об измене Мазепы.

Вооруженные силы России были примерно равны шведским (главные силы в Польше под командованием князя А.Д. Меншикова — 57 тысяч человек, корпус генерала Рудольфа Феликса Бауэра под Дерптом — 16 тысяч человек, корпус генерала Ф.М. Апраксина в Петербурге — 25 тысяч человек)*. Во флотских командах насчитывалось около 6 тысяч матросов и офицеров.

Но настоящего боевого опыта Русской армии и флоту ещё действительно в полной мере недоставало.

* * *

Отойдя сначала в глубь своей страны, а затем вернувшись на основной театр военных действий в Польшу, Пётр I поставил русские полки на зимние, 1706–1707 годов, квартиры в Польше чуть севернее Львова, в районе Дубно — Жолква (ныне пишут — «Жовква»). Здесь в конце 1706 года и состоялся важнейший по своему значению военный совет, выработавший стратегию на два года (!) вперёд. Суть его решений можно определить как торжество здравого смысла: «...не вступать в генеральное сражение на территории Польши, а дать баталию на своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет, при отходе же изматывать противника ударами конницы с тыла и наносить ему контрудары на переправах...»

Царь Пётр призывал к себе в союзники (коль других не было) само время, и оно действительно весьма успешно работало на него: 7 февраля в городе Львове Сандомирская конфедерация подтвердила своё отрицательное отношение к Станиславу Лещинскому

* Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика Русской армии в Полтавский период Северной войны. Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 27.

Есть и другие цифры: иные историки общую численность шведской армии обозначают «небывалым для Швеции» числом 88 000 солдат, «отправляя» из неё 41 500 с королём, 13 000 «оставляя» в Риге, 12 000 размещая в Финляндии и 20 000, дистанционно «призванных охладить воинственность Дании и Пруссии», — в метрополии.

Численность Петровской армии те же современные историки (допустим, В. А. Красиков) указывают в 135 000 человек (на самом деле явно много меньше). До 83 000 из них, говорится в книге В. А. Красикова «Неизвестная война Петра Первого», были дислоцированы в Польше, 30 000 стояли на охране Петербурга и 12 000 задействованы на прикрытии Украины. Тоже, надо полагать, не одномоментная цифра, не учитывающая постоянного движения войск, а механически слагающая разрозненные и часто противоречивые данные.

(несмотря на оказанную ему «международную поддержку» — шведскую марионетку признала, в частности, Великобритания, постоянно, хотя и безуспешно вредившая России почти на всём протяжении Великой Северной войны). Стало быть, его (Лещинского) относительную стабильность могла обеспечить только опора на шведские штывы.

Станислав Лещинский

Ничего не дали ни в 1707-м, ни в каком другом году Великой Северной войны (исключая первые семь месяцев 1711 года) и контакты Карла XII с Турцией — русские дипломаты, тонко играя на противоречиях внутри самого двора султана, обезоруживали все попытки столкнуть лбами Россию с оттоманской Портой*. При этом Карл XII вплоть до 1709 года близоруко отмахивался от крымцев и булавинцев: я, мол, «сам с усам».

Вместе с тем первое полугодие следующего, 1708 года не было успешным для русских войск: бой у Гродно, случившийся 27–28 января, несмотря на превосходящие силы русских (3000 против 600 шведов), показал всё ещё превосходящую выучку скандинавов. В сражении при Головчине 3 июля (здесь против 40 тысяч солдат и офицеров под командованием генерал-фельдмаршала Шереметева выступило, по разным оценкам, от 20 до 30 тысяч шведов, во главе которых стоял сам король) поле боя вновь осталось за шведами. Цифры потерь (как всегда, когда речь идёт о важных моментах) разнятся значительно: в русских полках убыль будто бы составила от 1852 до 2302 человека (в том числе от 547 до 997 человек убитыми, 675 ранеными, 630 пленными, плюс 12 пушек якобы сдали); шведы вообще

* Запорожские казаки немало подгадили России в это время, бесшабашно грабя турецких купцов, за что претензии Турция предъявляла, понятно, не им, а России, поскольку Малороссия была частью её, вассалом по турецким понятиям. Цифры убытков купцы сознательно завышали, а русское посольство вынуждено было безропотно оплачивать дутые счета, дабы не допустить губительного в тех условиях вооруженного конфликта, который легко мог перерасти в войну на два фронта (см., в частности: Орешкова С. Извольте осторожность учинить // Родина. 2008. № 1).

оперируют цифрой убитых русских в 5–6 тысяч человек. У шведов минимум убитых составил якобы 255 человек, а раненых — 1219; но по русским оценкам убито было 1200–2000 человек скандинавов, при этом противник «...вдвое больше нашего потерял...»*.

Не вполне удачным, хотя и далеко не столь кровавым стал бой у реки Тосны 30 августа, где схлестнулись русские войска под командованием генерал-адмирала Апраксина и шведские генерал-майора Любеккера, но 16 октября того же года у Сойкиной мызы Фёдор Матвеевич взял полный реванш: он потерял в сражении лишь 58 человек убитыми и 220 ранеными, зато шведских трупов осталось в их лагере близ Лужской губы не менее 900, да еще 209 «потомков викингов» было взято в плен. В целом же корпус Любеккера был потрёпан боями настолько основательно, что шведам его пришлось эвакуировать на морских судах к Выборгу на переформирование — в общей сложности он потерял от 4 до 5 тысяч человек...

Ход войны примерно в это время претерпел и серьезные качественные изменения: на следующий день после схватки Апраксина с Любеккером у впадения в Неву небольшой речки Тосны в совсем другом месте — у белорусского села Доброе сошлись в поединке русские войска под предводительством генерал-майора Михаила Голицына и шведские генерала барона Карла Густава Рооса. Русские начали бой первыми и до конца

Князь Михаил Голицин

сражения так и не выпустили из своих рук инициативу. Отступили они только перед приходом основных сил шведской армии, понеся потери — 375 человек убитыми, 1191 ранеными. Шведы будто бы признают утраченными 270 убитых своих солдат и офицеров и 750 ранеными; 3 пушки и 7 знамен; по русским же оценкам их полегло под Добрым от 2 до 3 тысяч и ранеными столько же. В любом случае это был весьма заметный успех новой Русской армии.

* Русские, отступив, оценивали потери противника на глазок. Шведы поступали точно так же. Но свои потери и те, и другие определяли более точно — ведь после боя обязательно составлялись табели потерь, и они сохранились в архивах.

То, что успех сей являлся далеко не случайным, подтвердили события уже следующего месяца — сентября, когда русские войска под командованием лично Петра I основательно разбили курляндский корпус генерала Левенгаупта у деревни Лесная, близ Пропойска. С этим корпусом шёл крупный обоз, по разным оценкам включавший в себя от 2 до 7–8 тысяч повозок с продовольствием, оружием и боевыми припасами. В нём крайне нуждалась основная армия, изрядно оголодавшая маршем через топи болот и чащи лесов Белоруссии и впоследствии не нашедшая продовольствия «ни в Стародубе, ни в Мглине, ни в Почепе, так как русские успели укрепить главные города этого края» (sic!).

* * *

Почему же шведы полезли в эти чащи и болота, зачем пошли по местности, подвергшейся «оголоданию»? Да потому, что Карл стремился кратчайшим путем выйти к Москве.

Главные силы шведской армии во главе с Карлом XII выступили в поход на Россию осенью 1707 года, двигаясь из Саксонии через Гродно, куда они вошли в начале 1708 года, а оттуда, идя по направлению Сморгонь — Радошковичи — Минск, приблизились к русской границе (которая тогда проходила у с. Андрусово и Митновичи, что совсем недалеко от Смоленска!) и форсировали в июне 1708 года речку Березину.

Основные силы Русской армии в это время сосредоточились на прикрытии Московского направления в районе Могилёва, заняв весьма удобную позицию, с которой открывалась возможность действовать против флангов противника в случае его поворота как на Псков и Петербург, так и на Малороссию.

После сражения у Головчина (это недалеко от Могилёва) Русская армия отошла за Днепр и сосредоточилась в районе местечка Горки. Часть главных её сил стала в районе Моготово — Строшина — Соболево, прикрывая собой стратегически важный Смоленск.

Карл XII в нетерпении своём не стал дожидаться в относительно безопасном Могилёве прибытия корпуса Левенгаупта, выступившего в июне из Курляндии с обозом снаряжения и боеприпасов, а двинулся из Могилёва на Смоленск. Сражения у Доброго и спустя десять дней — у деревни Раёвка основательно сбили с него спесь. Дополнительно возникли трудности в снабжении продовольствием, чего прежде в Польше и Саксонии испытывать не

приходилось — здесь, в Белоруссии, население вовсе не намерено было безропотно, как это делали саксонцы и поляки, кормить захватническую армию. Всё это и принудило Карла XII, остановившегося 10–12 сентября в селе Стариши, обдумать как следует ситуацию и окончательно отказаться от мысли наступать на Смоленск.

Шведы повернули отсюда на Малороссию, куда их призывал (хотя и боялся, что шведы действительно внемлют его призыву) изменнический гетман Мазепа.

В конце сентября шведские полки вышли к Костеничам, от которых лежала прямая и не очень длинная дорога на Стародуб, и остановились в ожидании корпуса Левенгаупта. Вскоре он явился, но не с обозом, как предполагалось, а совершенно пустой, потерявший и с таким трудом собранные им средства для ведения войны, и значительную часть людей из своего корпуса. Уцелевшие «его» шведы были до полусмерти измотаны многоступенчатым избиением, устроенным им русскими войсками и местными партизанами почти на всем пути их следования*.

Далее шведские войска перемещались уже под пристальным и непосредственным наблюдением войск русских. Отряд генерал-фельдмаршала Шереметева, согласно распоряжению Петра I, шёл параллельно движению шведских войск Карла XII, как бы отжимая их вправо, к западу. Отлично снабжённые, войска Шереметева опережали авангарды противника и тем предупредили занятие ими городов Почеп, Стародуба, Новгорода-Северского и других. Что бы там теперь ни врал современные «исследователи», но в защите этих городов от шведов самое активное участие принимали местные жители — верные присяге и достойные самого глубокого уважения малороссыяне.

* * *

Военные советы, состоявшиеся в Почепе (город восточнее Мглина) в начале октября, приняли решение совместно с полками украинских казаков численностью около 16 тысяч сабель полностью уничтожить шведскую армию ещё до начала зимы. Военный совет 3 или 4 октября постановил «послать малые партии для осмотра оборотов неприятельских». Там же, впрочем,

* См.: об этом подробнее в кн.: Артамонов В. А. Мать Полтавской победы (к 300-летию победы Петра Великого при Лесной). М., 2008.

высказывалось, что-де «имеем опасность, дабы [швед] в таких полевых условиях не принудил к генеральной баталии». Стало быть, члены военного совета полагали, что армия к ней (генеральной баталии) не вполне готова. Поэтому военный совет 9 октября решил за благо в случае наступления неприятеля все же отступить за реку Судож, а Почеп сжечь*.

И всё равно при благоприятном исходе дел война (не случись измены Мазепы) могла бы завершиться в том же 1708 году. И не было бы ни сожжения Батурина, превращенного мятежным гетманом в базу военных припасов для Карла XII, ни трагедии Гадяча, Краснокутска и других городов, жителей которых шведы и их, с позволения сказать, союзники выгоняли на лютейший мороз, где те и погибали от холода; не потребовались бы ни героической, кровопролитной для обеих сторон обороны сначала Веприка, а затем Полтавы; не произошли бы драматические события в Чернухах, где шведы согнали людей в церковь и сожгли; не устроена была бы расправа над мирными обывателями Опошни, которых оккупанты перевешали в устрашение всем прочим; не пролилась бы кровь партизан, малороссийских казаков и русских воинов, сражавшихся с захватчиками родной земли... И даже «запорожцев кающихся» (выражение Феофана Прокоповича), обманом уведенных Мазепой в Турцию и там частью отданных Карлом XII за ненадобностью в качестве подарка султану на галеры, частью разбежавшихся от короля, когда на них цыкнули турки, не случилось бы...

Измена Мазепы действительно повернула войну в несколько иное русло. Но она никак не могла изменить самой логики магистрального хода истории.

* * *

27 октября неподалеку от Новгорода-Северского состоялась встреча наконец-то решившегося открыто перейти на сторону шведов Мазепы; «на переговоры и празднование этого события потеряли неделю», пишет историк.

Пётр I узнал о предательстве гетмана буквально на следующий день. Военный совет принял решение без промедления ввести русские гарнизоны в гетманскую резиденцию — крепость Батурин и столь же укрепленную Белую Церковь, где тоже хранились продовольствие, боеприпасы и часть гетманской казны.

* См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. С. 727–728, 788.

Первую задачу с присущей ему энергией выполнил кавалерийский корпус под командованием князя А.Д. Меншикова (при деятельной помощи малороссиян верных), вторую взяли на себя войска князя Д.М. Голицына, выступившие из Киева. Батуринские жители-патриоты и в мыслях не допускали изменить присяге православному царю и вряд ли сражались с сердюками* Чечеля против русских. Меншиков вывез из Батурина по крайней мере 70, а по некоторым оценкам — даже до 300 и более артиллерийских орудий и боеприпасов к ним, а также другого снаряжения и продовольствия; Карл XII и Мазепа аккуратно в это время восседали за пиршественным столом. Лишь 2 ноября шведы форсировали Десну и только через восемь дней подошли к реке Сейм, на правом берегу которой стоял желанный для них Батурин. Но было уже поздно — крепости более не существовало.

Белая Церковь столь же легко пала в руки князя Дмитрия Михайловича Голицына, после чего он продолжил выполнение основного своего поручения — стоять заслоном западных рубежей театра военных действий и не допустить прибытия подкреплений к Карлу XII из Польши от Станислава Лещинского.

По Малороссии прокатилась волна расправ самого населения с «мазепинцами», наиболее выразительные из которых произошли в Полтаве и Лубнах. К Петру I массово начали возвращаться обманом уведённые казачьи отряды со своими полковниками Данилой Апостолом, Игнатием Галаганом и другими. Из ссылки были немедленно возвращены сосланные по наветам Мазепы военачальники, самым знаменитым из которых «была живая легенда обеих — и Правобережной, и Левобережной — Малороссий», фастовский полковник Семён Филиппович Палий.

Были немедленно отменены все те неуёмные поборы с населения, которые ввёл в своё время Мазепа якобы по царскому указу, а на самом деле исключительно с целью личного обогащения.

Масла в огонь подлило обнародование верноподданнического письма Мазепы от 5 декабря 1708 года к польскому «полукоролю»

* Сердюки — казаки наёмных пехотных полков на Левобережье. Начало их формирования относится к 70-м гг. XVII в., т.е. к периоду, называемому Руина. Особое развитие получили при гетмане Мазепе, который без их охраны практически никогда не появлялся на людях. Содержались за счёт гетманской казны и несли охрану гетманской резиденции, военных складов и войсковой артиллерии. Использовались при подавлении народных выступлений, что вызвало крайне отрицательное отношение к ним среди крестьян и казаков. Окончательно ликвидированы (распущены) в 1726 году.

Станиславу Лещинскому; после этого малороссийских казаков не надо было просить сражаться — они уничтожали шведов и мазепинских сердюков везде, где только случалось с ними встретиться.

* * *

Карл XII уже с конца 1708 года оказался, по существу, в мышловке, в которую попал по собственной ошибке, приняв лукавое предложение Мазепы; вот только стены этой ловушки поначалу оказались достаточно широкими для того, чтобы он это понял и осознал. Попытки шведов расширить этот район в ноябре 1708 года окончились неудачей из-за сопротивления местного населения при помощи русских войск. Описывая этот период, любой добросовестный историк на первое место всегда ставит не действия регулярной армии, а именно противодействие захватчикам самих жителей Малороссии.

Обеспечивая полную изоляцию войск шведского короля от Польши, Пётр I в декабре 1708 года направил за Днепр к польской границе крупный отряд генерал-фельдмаршал-лейтенанта барона Генриха фон дер Гольца, а в Литву — ещё семь драгунских полков. Насколько разумной была эта предупредительная мера, показало, в частности, сражение у Лидухова, состоявшееся 13 мая 1709 года. Здесь сошлись в битве два объединённых противника: русско-польско-литовский корпус под командованием генерал-фельдмаршал-лейтенанта барона Генриха фон дер Гольца и польско-шведский корпус под началом бобруйского старосты Яна-Казимира Сапеги*. Жестоко

Ян-Казимир Сапега

*1 Руина — народное, а позже и историческое название «самого темного периода», по выражению авторов первой «Української загальної енциклопедії» (Львов-Станислав-Коломыя, середина 30-х гг. XX в.), в истории Украины. Он охватывает годы правления гетманов Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича (1663–1687). Характеристика периода: «беспомощность народных масс, безыдейность и жадность предводителей» (Указ. соч. Т. II. С. 1296). Опасения за свою жизнь и заставили последних создать эту «преторианскую гвардию» — сердюков. Мазепа, имевший пуще других основания опасаться расправы над собой, укрепил, развил и расширил этот «институт».

* Руководствуясь, вероятно, принципом «за битого двух небитых дают», бобруйского старосту, имевшего также титул «великого гетмана литовского», Яна-Казимира Сапегу приняли впоследствии на русскую службу, на которой он дослужился до звания фельдмаршала (с 1726 г.).

разбитый уже в первом сражении, клевет Станислава Лещинского был в течение пяти дней и на расстоянии свыше ста километров преследован его победоносным противником. Количество убитых неизвестно; пленными же было взято шведов и поляков свыше двух тысяч человек; среди трофеев насчитывалось 27 знамен и один штандарт.

Поражение под Лидухово лишило Станислава Лещинского даже теоретических шансов на оказание дальнейшей помощи Карлу XII. Он, кстати, и не собирался идти в дальний поход помогать Карлу (на что тот надеялся вплоть до кануна Полтавской битвы) — он вступил в тайные переговоры с русским посланником Дашковым и просто тянул время.

* * *

Единомыслие населения Малороссии, ни в малой мере не подержавшего замысел гетмана-предателя, а также активные дипломатические мероприятия русского правительства, подкрепленные убедительной демонстрацией Азовского флота, склонили Турцию и крымского хана к мысли не только воздержаться от войны с Россией, но и полностью прекратить официальные переговоры с эмиссарами Карла XII.

Шведский король с его союзником (который чем дальше, тем больше стал напоминать почетного пленника, ибо вскрылись его попытки предать шведского монарха российскому царю) оказались в полной и совершенной практической изоляции*.

* * *

Армия шведов расположилась на зимовку 1708–1709 годов в районе некоего географического треугольника, вершиной упирающегося в Ромны, левым краем — в Прилуки, а правым — в Зеньков; в широком основании его лежали такие населённые пункты, как Лохвица и Рашевка, чуть ниже — Сорочинцы. Внутри этого «треугольника», выше левой его стороны и ниже основания, развернулись активные партизанские действия местных крестьян, совместно с кавалерийскими отрядами русских драгун и малороссийских казаков уничтожавших отошедшие от армии провиантские отряды шведов.

Русская армия главными своими силами прикрывала дорогу на Харьков и Белгород, располагаясь в районе Богодухов — Ахтырка — Лебедин — Сумы.

* Здесь мы не касаемся вопросов международной политики — мероприятий Англии и Франции, державших сторону Карла XII и пытавшихся очень многими средствами противодействовать России.

Зимней передышки вопреки обычаю ведения войн того времени шведы тогда так и не получили.

Уже в декабре 1708 года были предприняты демонстративные действия против временной резиденции Мазепы — Гадяча. Выступившим ему на помощь шведам пришлось «сжать» район своего расквартирования, в результате чего они утратили свои базы в Ромнах и Прилуках и понесли, преследуя русских воинов, потери минимум в 3–4 тысячи человек замерзшими и обмороженными — та зима выдалась на редкость лютой. Борис же Петрович Шереметев, осуществив эту «диверсию», благополучно отошёл к Лебедину.

«Полтавский треугольник» — район расквартирования шведской армии зимой 1708–1709 гг.

«Значительными», как сообщают источники, потерями шведы заплатили и за свою новую попытку продвинуться на восток. Их войска в феврале 1709 года дошли было до Краснокутска

(продвинувшись за 2 месяца лишь на 80 километров), но острый недостаток продовольствия и фуража (что убедительно свидетельствует об отсутствии какого бы то ни было сотрудничества местных жителей с оккупантами) заставил Карла XII ранней весной 1709 года отказаться от своих планов и повернуть на юг, в район не затронутой ещё войной Полтавы и нижнего, по отношению к ней, течения реки Ворсклы. «При отходе шведы жгли населённые пункты и уничтожали мирных жителей», — говорится в исторических исследованиях, и это напрочь лишало их возможности когда-либо возвратиться в эти края: любая карательная акция шведов и мазепинцев поднимала в ответ новую, ещё более сильную волну народного сопротивления.

* * *

В начале апреля шведская армия сосредоточилась в районе до-толе никому не известного малороссийского местечка Полтавы.

Это была весьма слабая, по меркам того времени, деревянно-земляная крепость, и Карл XII действительно имел все основания полагать взять её штурмом, даже не прикладывая к тому особых усилий, ведь несмотря на все испытания, понесенные шведами на протяжении неблагоприятной для них во многих отношениях осени и суровой зимы 1708–1709 годов, за его спиной всё же ещё стояла армия, номинально считавшаяся самой сильной в Европе.

Однако многократные настойчивые попытки одолеть город были отражены необычайно героическим

Вид Полтавской крепости в XVII веке. Рисунок неизвестного автора

сопротивлением гарнизона крепости под командованием коменданта полковника А.С. Келина.

Защитники крепости были вскоре морально поддержаны подходом главных сил русской армии, наносившей противнику всё более чувствительные удары. В Полтаву вошло армейское подкрепление в количестве 900 человек, с ним осаждённым было доставлено некоторое количество пороха.

Казачьи полки гетмана Скоропадского тем временем удерживали переправы на реках Псёл и Хорол. А занятие русскими войсками полковника Яковлева совместно с малороссийскими казаками полковника Галагана Запорожской Сечи и уничтожение там запасов, приготовленных сторонником Мазепы кошевым атаманом Костей Гордиенко для шведов, а также флотилии средств к их переправе через Днепр, ранее сосредоточенных в районе крепости Переволочная, фактически означало полное стратегическое окружение оккупантов под Полтавой.

Сложилась ситуация, которая для шведов была более чем невыгодной — она являлась заведомо проигрышной. И тем не менее в апреле 1709 года Карл XII спесиво отверг предложение Петра I заключить мир с уступкой России Петербурга и Нарвы. Это отнюдь не являлось признаком слабости государя. «Мир мне паче всех по-

бед, любезнейшие», — так выразит перед поверженными шведами свою нравственную максиму буквально несколькими неделями позднее русский царь. Но в тот момент давний исторический спор волею судеб мог быть разрешен только силой оружия.

И 27 июня (10 июля) в сражении, вошедшем в историю под названием Полтавского, русская армия под непосредственным командованием Петра I и его военачальников Б.П. Шереметева, А.Д. Меншикова, Н.И. Репнина и других наголову разгромила шведские войска.

Карл XII и Мазепа с немногочисленной свитой бежали с поля боя и через Старые и Новые Санжары, Кобеляки, мимо крепости Соколка достигли побережья Днепра, встав лагерем у заблаговременно разрушенных русскими и малороссийско-казацкими войсками стен Переволочной.

Лишь небольшой свите двух проигравшихся в пух и прах авантюристов удалось переправиться на правый берег, а ещё меньшему числу шведов и мазепинцев посчастливилось благополучно достичь турецких владений (погоня, которую возглавил непосредственный предшественник Келина, первый русский комендант крепости Полтава в конце 1708 — начале 1709 годов бригадир А.Г. Волконский, взяла в плен около полутысячи шведов; значительное количество сердюков Мазепы спаслось тем, что, бросив своего господина на произвол судьбы, разбежалось при её приближении по степи и речным плавням).

Карл XII и Мазепа спасаются бегством

* * *

Полтавская победа во многих смыслах явилась поворотным пунктом Великой Северной войны 1700—1721 годов.

Россия стала отныне державой такой, с которой не могли не считаться крупнейшие государства мира того времени.

Был возобновлен Северный союз в составе России, Дании, Речи Посполитой и Саксонии. К нему позже примкнули Ганновер и Пруссия, обязавшаяся не пропускать шведские войска через свою территорию.

И в 1710 году русские войска развернули новое наступление в Прибалтике.

* * *

Точнее говоря, наступление в Прибалтике было начато ещё 28 октября предыдущего, 1709 года, когда генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев с 40-тысячным войском осадил Ригу. Первую бомбардировку города 14 ноября возглавил, как мы помним, лично Пётр I. Существенных разрушений крепостным сооружениям тогда причинить, увы, не удалось.

Но по окончании весенней распутицы, 10 мая 1710 года, была подвезена дополнительная осадная артиллерия.

Однако четырьмя днями позже в русском лагере вспыхнула жесточайшая эпидемия чумы, стоившая жизнью 9800 солдат. Чумная эпидемия бушевала и в крепости, и она тоже собрала свою обильную жатву: там умерло до 60 тысяч мирного населения, очень много шведских солдат и офицеров.

Новая бомбардировка Риги была начата 14 июня и продолжалась десять дней, после чего шведский генерал-губернатор Штремберг вступил в переговоры о сдаче. В плен было взято 5132 шведских воина.

Тем временем другой выдающийся полководец — А.Д. Меншиков — действовал в северо-восточных землях Речи Посполитой. Крепость Эльбинг, расположенную неподалеку от Гданьска, он поручил взять своему подчинённому генерал-майору Ностицу, и тот блестяще выполнил поручение: при этом погибло лишь 32 русских воина и 72 шведских. Это произошло 29 января 1710 года.

Затем настал черед Выборга — древнего (основан в 1293 году) замка шведских королей, построенного именно как форпост для завоеваний на Востоке. Безуспешно осаждаемый русскими войсками в ходе одной из бесчисленных русско-шведских войн, в 1495 году,

Князь А.Д. Меншиков

он снискал репутацию крепости воистину непобедимой, а её комендант в то время Кнут Поссе — славу великого воина.

Честь взять на шпагу эту твердыню в 1710 году выпала генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину.

Его войска вышли с острова Котлин 16 марта и по льду Финского залива преодолели за шесть дней 160 километров. Первые 13 орудий, необходимые не так для осады (потом общее число пушек возрастет до 298), как для блокирования крепости, они принесли, что называется, «на себе».

Вскоре к отряду Фёдора Матвеевича сквозь ещё не совсем растаявший лёд пробилась корабли молодого русского флота, доставившие 5 тысяч солдат и 108 крупных осадных пушек.

По-настоящему за крепость Выборг взялись лишь 1 июня, через два месяца после начала осады. Бомбардировка длилась пять дней. Результатом её стало пробитие брешей, достаточных для начала штурма. Его отложили до прибытия царя, однако на третий день томительного ожидания в полной неизвестности комендант полковник Стиернстрале не выдержал и запросил перемирия.

Выборг капитулировал 13 июня. Пётр I на следующий день вступил в него во главе Преображенского полка, но отказался отпустить 3880 шведов «с пожитками и семействами», как это было оговорено первоначально между комендантом и Апраксиным, а объявил их военнопленными. Очевидно, русским монархом была принята во внимание и роль Выборга как многовекового форпоста шведов в их завоевательной политике против России, и то, что он продолжительное время торчал эдакой занозой, угрожая любимому его детищу — северному Парадизу.

Замок в Выборге. Сдан Петру Великому
13 июня 1720 г.

...В письме к князю-кесарю по поводу Полтавской победы Пётр I писал, что отныне «надёжный камень в основание Санкт-Петербурга заложен», а об овладении Выборгом он говорил так: «...Через взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено».

* * *

На противоположном от Выборга берегу Карельского перешейка стояла другая сильная крепость — Кексгольм. Её было поручено взять генералу Брюсу.

Дабы не терять людей понапрасну (поскольку крепость располагалась первоклассными фортификационными укреплениями, построенными с умелым использованием природных препятствий, штурм непременно повлечёт бы большие потери), Кексгольм было решено взять измором.

Но у осаждавших при этом имелась уже в достаточном количестве могучая осадная артиллерия, которая также не бездействовала — 103 орудия своими мощными залпами методично ломали не только крепостные сооружения, но и волю шведов к сопротивлению. Продержавшись июль и август, 8 сентября 1710 года гарнизон крепости сдался на милость победителя. Пётр I в данном случае был весьма великодушен: шведам разрешили уйти, взяв с собой не только личное имущество, но и оружие, оставив победителям знамёна и музыку.

* * *

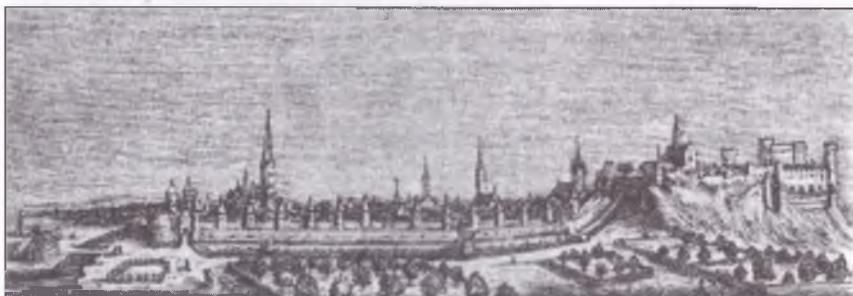
Кексгольм — это не просто очередная крепость, взятая силой русского духа и мощью русского оружия, — с его падением шведы потеряли возможность угрожать Санкт-Петербургу даже гипотетически.

При этом расширяя и дальше «зону безопасности», русские войска заходя, в первом случае 8-го, а во втором — 14 августа овладели лифляндской крепостью Динамюнде, расположенной к западу от бывшей столицы этой провинции — Риги, а также севернее от неё стоящей — Пернау. Гарнизон Динамюнде продержался менее месяца, гарнизон Пернау сложил оружие и того ранее — через три недели после начала осады. Добровольно и безропотно сдавшихся шведов отпустили на все четыре стороны.

Известно, что из первой из названных крепостей оборонцы ушли одной частью в Ревель, а другой частью на остров Эзель. И уго-

дили они, сами того не ведая, из огня да прямо в полымя: крепость Аренсбург, главная шведская база на южной оконечности острова Эзель, закрывавшего с севера Рижский залив, тоже была осаждена русскими войсками в начале августа, а уже 14 августа сдалась; таким образом, гарнизону Динамюнде в течение месяца дважды пришлось складывать оружие.

Ревель продержался несколько дольше: с 15 августа (начало осады) до 29 сентября. «Бич Божий» — чума, столь безжалостно выкосившая ряды русских войск под Ригой в первой половине 1710 года, теперь ещё более свирепо прошла по рядам шведских защит-

Город и крепость Ревель в начале XVIII столетия

ников крепости: из 50 тысяч местных жителей в живых осталось не более 3 тысяч. Болезнь свалила и коменданта крепости полковника Паткуля. Запросил капитуляции и подписал её условия старший по выслуге лет полковник. После того как русские войска заняли укрепления, шведским судам позволили войти в порт и забрать своих оставшихся в живых солдат.

* * *

Происками шведов и дипломатов западных держав у «Порога Счастья» (в первую очередь Англии и Австрии) Османскую империю всё же удалось втянуть в европейские авантюры, и она в конце 1710 года объявила войну России. В начале 1711 года крымские татары вторглись на Украину, дойдя до Харькова и Белой Церкви, но были отброшены. Русско-турецкая война свелась в конечном счете к одной-единственной военной кампании, в просторечии именуемой Прутским походом, и продлилась (о чем уже говорилось) всего семь месяцев. Окончилась, по расхожему мнению, крупной неудачей для России.

Действительно, в центральном событии этой войны — битве при Станилешти 8 и 9 июля 1711 года поле сражения осталось за турками. Силы были крайне неравны: против 37 тысяч русских солдат и 7 тысяч их союзников-молдаван было выстроено, по разным оценкам, от 130 до 270 тысяч мусульманских воинов (перевес, доходивший до шестикратного!). Турки имели свыше 400 орудий против 122 русских.

Битва отняла жизни 5 тысяч русских воинов, при этом противник понёс убытки в полтора-два раза большие: он потерял от 7 до 9 тысяч войска, причём отборного — янычар. Они-то и склонили главнокомандующего великого визиря Балтаджи Мехмет-пашу к переговорам. В итоге умелых действий русской дипломатии во главе с бароном Шафировым удалось добиться перемирия с Турцией ценой уступки Азова. При этом великий визирь даже снабдил русскую армию продовольствием на обратный путь, что имело крайне важное значение ввиду потери отбитого турками обоза*.

Но перемирие — не мир, последний был подписан в городе Адрианополе лишь 13 июня 1713 года. А до того времени Россия была вынуждена держать значительные силы в пределах Южной Ру-

Карл XII безуспешно добивается от Балтаджи Мехмет-пашы возобновления сражения на Пруте

* Карл XII, пребывавший в это время в турецкой Порте в качестве «почётного гостя», слишком поздно узнал о результатах сражения при Станилешти. Прискакав в расположение войск великого визиря, он начал требовать у него хотя бы несколько полков, с которыми он мог бы, дескать, наголову разбить русские войска. Балтаджи Мехмет-паша ему отказал, мотивируя тем, что, во-первых, мусульмане никогда не будут сражаться под командованием неверного, а во-вторых, «ты, дескать, под Полтавой уже пробовал, и что из этого получилось?». Карл XII стал настаивать, в качестве резона приводя тот аргумент, что он мог бы пленить царя Петра, на что мудрый визирь ответил: «И кто же в этом случае будет управлять Россией? Ты, что ли?..» Авантюра не состоялась.

си, что сковывало её возможности развивать успех в северо-западных пределах.

Этим, в частности, объясняется безуспешная осада крепости Штральзунд, ведшаяся соединенными русско-датско-саксонскими войсками. А также тактический успех шведского генерала Магнуса Стенбока, нанесшего в декабре 1712 года силами своей 18-тысячной армии поражение датским войскам у Гадебуша в Мекленбурге. На помощь датчанам пришли русские войска. Бой при Фридрихштадте готовился, составлен был ордер баталии, но сражения так и не произошло!..

* * *

Это был год новых побед русского оружия в Прибалтике. Последняя полевая шведская армия численностью 17 тысяч человек под командованием генерала Магнуса Стенбока прекратила своё существование 4 мая 1713 года в порту-крепости Тоннинген (или Тенинген), на западном побережье Ютландии.

Номинально главнокомандующим этой осадой, начатой 3 марта, был датский король Фредерик IV, но реально организовал её Пётр I, уехавший затем в Петербург и оставивший вместо себя командовать русскими войсками в этом районе светлейшего князя Меншикова. Да и русских воинов (26 тысяч) было больше, чем всех остальных, вместе взятых (общее число осаждавших простиралось до 48 тысяч).

Крепость Тоннинген была настолько плотно блокирована с моря и суши, что никакой доставки в неё организовать не было возможности; вследствие этого из-за недостатка продовольствия и медикаментов вскоре в ней начались голод и болезни. Продержавшись кое-как два месяца, Стенбок, а с ним 11 134 здоровых и 2884 человека больных и раненых шведов сдались на милость победителей.

Меншиков после этого переместился к Штеттину, попутно очистив 4 июля с помощью 17-тысячного объединённого русско-саксонского корпуса остров Рюген — по некоторым данным, напомним, колыбель славянской цивилизации.

Осада очередной крепости — Штеттина — началась 11 июля и продолжалась до 21 сентября, почти два с половиной месяца. Затянулась она исключительно по вине саксонцев, свыше двух месяцев доставлявших обещанную ими осадную артиллерию. Но как только орудия большого калибра прибыли на место, одного дня бомбар-

дировки хватило, чтобы «убедить» таким «аргументом» шведов беспрекословно сложить оружие (Штеттин отдали потом прусско-му королю с целью дальнейшего вовлечения его в боевые действия против шведов).

* * *

Дела на северном театре военных действий могли бы идти намного динамичнее и успешнее, если бы не постоянные, непрекращающиеся споры между Пруссией, Данией, Саксонией и мелкими германскими государствами, усиливавшиеся из-за интриг так называемых великих держав. Это связывало руки царю и сковывало инициативу русской армии. Поэтому Пётр I решил нанести очередной главный удар в Финляндии. В том же 1713 году особый Ингерманландский корпус численностью будто бы (точных данных нет) 65 тысяч человек при содействии гребного (в количестве примерно 200 судов, несущих на себе 870 орудий) и парусного (включавшего 17 линейных кораблей, 4 фрегата, с вооружением в 900 орудий) флотов перешёл в наступление и летом занял крепости Гельсингфорс (Хельсинки) и Або (Турку).

Сводный корпус в составе отрядов Ф.М. Апраксина и М.М. Голицына общей численностью до 16 тысяч человек 6 октября 1713 года нанес крупное поражение шведским войскам генерала К. Г. Армфельта на реке Пялькяне, а 19 февраля 1714 года М.М. Голицын вновь разбил шведов у деревни Лаппола и занял Васу (Вазу) — крупнейший город-крепость-порт на восточном побережье Ботнического залива. Это был, несомненно, серьёзный удар по самолюбию Карла XII — ведь название этого города составляло часть его собственного титула и являлось именем до недавнего (по отношению к нам) времени царствовавшей династии шведских королей*.

* Ваза, или Васа (Vasa) — шведская королевская династия, правившая в 1523–1654 годах. Основателем её стал Густав I Ваза (годы правления 1523–1560). Шведскими королями были также его сыновья Эрик XIV (1560–1568) и Юхан III (1568–1592), внук Сигизмунд (1592–1604, фактически до 1599), сын Густава I Карл IX (1604–1611), а также сын последнего (и кумир Карла XII) Густав II Адольф (1611–1632), и его, Густава II Адольфа, дочь Кристина (1632–1654). Династия Ваза в 1587–1668 гг. царствовала также в Польше: Сигизмунд III (1587–1632) — сын Юхана III Шведского и Екатерины Ягеллонки, дочери польского короля Сигизмунда I Старого (с избранием в 1592 г. Сигизмунда III шведским королём была установлена шведско-польская личная уния, просуществовавшая до 1599 года); сыновья Сигизмунда III Владислав IV (1632–1648) и Ян Казимир (1648–1668).

Победа русского гребного флота в Гангутском сражении 1714 года* полностью завершила освобождение Финляндии от шведских войск.

После этого русские корабли развернули боевые действия в Ботническом заливе и особенно в районе «запиравших» его от Балтики Аландских островов, угрожая всем прочим укрепленным городам и селениям на восточном побережье Швеции. Так война пришла на порог дома тех, кто принёс её на подошвах своих сапог в русские пределы.

Точку в освобождении этих мест от шведов поставило взятие Нейшлота — крепости, стоявшей пониже к югу от города Вазы, чуть выше острова Гренгам.

Эта, по сути, последняя из осад достаточно крупных шведских крепостей, завоёванных в ходе Великой Северной войны, началась 19 июня 1714 года, а завершилась переходом её во владение русских войск 30 июля, всего лишь двумя днями позже знаменитого Гангутского сражения. Взять Нейшлот было поручено полковнику Шувалову, и под началом его находился всего лишь 561 воин при 31 орудии.

Крепость была блокирована с моря и суши. Перед нею отрыли параллели и другие траншеи для скрытного подхода к стенам при штурме, построили батареи. Бомбардировку начали 26 июля, и уже на пятый день её шведы выбросили белый флаг. Поэтому гарнизон беспрепятственно отпустили восвояси (без оружия и артиллерии, разумеется).

* * *

На это же время как раз приходится окончание войны за Испанское наследство**. И внимание так называемых великих держав полностью переключается на театры Великой Северной войны.

* Гангутское сражение — битва у полуострова Гангут (русское название полуострова — Ханко) произошло 27 июля 1714 года. В ходе его авангард русского галерного флота под личным командованием Петра I разгромил шведскую эскадру контр-адмирала Н. Эреншельда и захватил все 10 вражеских кораблей, одержав таким образом первую в истории русского флота крупную морскую победу. «Морской Полтавой» иногда называют Гангутское сражение историки, подчёркивая исключительную его роль.

** Нелишне напомнить, что именно активность России на Балтике послужила косвенной причиной прекращения этой почти всеевропейской бойни, унесшей свыше 600 тысяч жизней.

Великобритания первой предприняла демарш и отозвала своего посла из России. Затем снарядила эскадру в помощь шведскому флоту и попыталась посорить союзников: она упорно склоняла Данию к заключению сепаратного мира со Швецией.

Франция, в свою очередь, возобновила союзный договор со Швецией, что повлекло за собой выплату главному противнику России крупных денежных субсидий. А деньги, по слову Петра Великого, «суть артерия войны»...

Но Россия стремительно училась воевать не только шпагой, но и пером: её дипломатия уже умела использовать противоречия между этими «великими» державами и привлекать на свою сторону других заинтересованных «игроков» на международной арене. С Гамбургом, Любеком и Данцигом (Гданьском) были заключены обоюдовыгодные конвенции о правах «вольной торговли» с Россией и на Балтийском море. С Пруссией подписан договор, по которому она получала бывшие шведские владения Штеттин, Вольгаст и острова Волин и Узедом. И получалось, что держаться на стороне России многим становилось выгоднее...

Смягчению англо-русских отношений послужило вступление на английский престол в 1714 году курфюрста Ганновера Георга I — он не питал особых симпатий к воинственным соседям своей прежней родины...

В начале 1716 года Пётр I заключил союзный договор с Мекленбургом, по которому последнему передавались Висмар и Варнемюнде. Чтобы закрепить за новыми (старыми, точнее говоря) хозяевами эти приобретения, в помощь Пруссии и Мекленбургу были отправлены русские войска.

В это же время Петру I удалось в конце концов добиться сближения с Францией и заключить 4 августа так называемый Амстердамский договор 1717 года о союзе и дружбе между Россией, Францией и Пруссией — при отказе Франции от договора со Швецией, срок которого истекал в будущем, 1718 году. Это послужило резкому ухудшению внешнеполитического, да и экономического, истощённого длительной войной положения Швеции, и она согласилась на мирные переговоры.

* * *

Переговоры начались весной 1718 года и остались в истории под названием Аландского конгресса (поскольку их участники

собрались на Сундшере, одном из островов Аландского архипелага в Ботническом заливе). Несмотря на противодействие и угрозы со стороны Великобритании, условия мира всё же были согласованы. Но окончательному подписанию договора, увы, воспрепятствовали... внезапная гибель Карла XII в ноябре 1718 года при

Скорбная процессия с телом короля Карла XII.
С картины Г. Седерстрема

осаде крепости Фредрикстен, близ Фредриксхалла, в Норвегии, и приход к власти королевы Ульрики Элеоноры. Надеясь на обещанную помощь англичан, её правительство высказалось за возобновление военных действий.

В августе 1719 года Великобритания действительно заключила договор со Швецией, по которому обязалась (в случае отказа России от английского «посредничества») оказывать Швеции военную помощь. Зато Россия своих союзников фактически потеряла: действуя тайне от неё, Ганновер, Пруссия, Саксония и Дания заключили мир со Швецией, которая признала их территориальные приобретения.

Дабы спровоцировать столкновение с русским флотом и уничтожить его, в Балтийское море на протяжении 1719–1721 годов трижды посылалась английская эскадра адмирала Норриса, но эта явная провокация англичанам так и не удалась.

Русский флот иначе продемонстрировал свою боеспособность (не вступая в прямой вооруженный конфликт с сильнейшим в то время флотом — английским): он одержал блестящие победы над своим прямым противником — шведами — у острова Эзель (в мае 1719 года) и у острова Гренгам (в июле 1720 года). Помимо этого, флот доставил русские десанты на побережье Швеции, и ни один город-крепость, ни одно селение на их пути не смогли устоять перед силой русского оружия.

Всё это показало шведскому правительству безнадёжность дальнейшего продолжения войны (тем более что Великобритания не оказала Швеции никакой реальной помощи, таким образом, все шведские территориальные уступки Ганноверу, Пруссии и Дании оказались напрасной жертвой).

Видя полную бесперспективность для своей страны продолжать войну, новый король Швеции Фридрих (муж Ульрики Элеоноры) возобновил мирные переговоры с Россией, закончившиеся заключением Ништадтского мирного договора 1721 года*.

Изнурительнейшая война, троекратная, по слову императора Петра I, школа**, была успешно окончена.

Россию ждали новые времена, другие свершения.

* * *

Великая Северная война...

Во всём она была великой: по бескрайности просторов, где велись её боевые действия, лежащих между северной частью Ботнического залива и Азовским и Чёрным морями, между Пруссией и западными окраинами Великороссии. По количеству вовлечённых в неё людских масс и по объёмам человеческих потерь***.

Но главное, в чём она действительно была «великой», — так это по масштабам наступивших перемен.

* Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией, завершивший Северную войну 1700–1721 гг., был подписан 30 августа 1721 г. в городе Ништадт (Финляндия). Русскую делегацию возглавляли Я.В. Брюс и А.И. Остерман; шведскую — Лилиенштадт и Штремфельдт. Договор состоял из преамбулы и 24 статей. Россия получила по нему Лифляндию с Ригой, Эстляндию с Ревелем и Нарвой, часть Карелии с Кексгольмом, Ингерманландию (по-русски — Ижорскую землю), острова Эзель, Даго и другие территории от Выборга до курляндской границы. Россия возвратила Швеции Финляндию, занятую русскими войсками, и уплатила Швеции в качестве компенсации 2 миллиона ефимков^{*1}. Восстанавливалась нормальная торговля между обеими странами; Швеция получила право ежегодно беспошлинно закупать и вывозить из России на 50 тысяч рублей хлеба (кроме неурожайных годов), и ещё на 100 тысяч товаров по усмотрению шведов, также без уплаты пошлин.

При этом следует помнить, что Ништадтским мирным договором Россия «все-го лишь» вернула себе захваченные ранее Швецией земли и надёжно закрепила за собой выход к Балтийскому морю.

^{*1} Ефимок — русское название западноевропейского серебряного талера, из которого в XVII — начале XVIII века в России чеканились серебряные монеты; в 1704 г. принят за весовую единицу серебряного рубля.

** Обычный курс школьного образования предполагал семилетнее обучение.

Беликая Северная война стала неким чудовишным, прежде невиданным механизмом, преобразовавшим чуть ли не всё и вся. Ведь действительно: Россия вошла в неё обветшалым «царством Московским» — предметом насмешек, собственных унижений и унижений со стороны держав и «великих», и не очень, а вышла — блестящей и могучей Российской империей: державой, с которой отныне приходилось считаться любому; чьей протекции добивались, а дружбой дорожили.

В начале Великой Северной войны мы видим редкие мачты достаточно неуклюжих русских кораблей на крохотном Азовском море, в конце — стройные фрегаты, покрывшие под Андреевским флагом своими парусами огромное по сравнению с «Азовской лужей» Балтийское море.

Стрелецкие, с шаткой дисциплиной, полки, да нестройное дворянское ополчение составляют преимущественно армию России в 1700 году, в начале её конфликта со шведской, по признанию многих авторитетов — лучшей армией того времени. В конце же Великой Северной войны именно русская армия стала лучшей, пожалуй, в мире, превосходящей все прочие и по дисциплине, и по самоотверженности, и по храбрости; не говоря уже о превосходстве в вооружении, довольствии, развитой тыловой инфраструктуре.

*** В монографии Б.Ц. Урланиса говорится, что во время Великой Северной войны шведы потеряли убитыми 150 тысяч человек. Помимо этого не менее 200 тысяч человек составили так называемые санитарные потери (ранеными, умершими от эпидемий, свирепствовавших в крепостях, на кораблях и т.д.). Шведы, насколько нам известно, этих цифр не оспаривают.

Русские же потери, по данным этого источника, притом не в одной лишь Великой Северной войне, а во всех вообще войнах Петровской эпохи, составили 40 тысяч человек (см.: Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. С. 58). Добавив сюда — пропорционально — предполагаемую цифру неизбежных санитарных потерь, мы получим общую цифру погибших и раненых порядка 90 тысяч.

Это наиболее, на наш взгляд, объективные данные, поскольку иные источники принимают за основу умозрительных расчетов общую численность призванных на службу (не факт, что в таком же количестве и реально вставших под ружье), вычитая из этой цифры число оставшихся в строю после войны (не учитывая демобилизаций и перемещений из армии на другие государственные службы).

А ведь потери в ходе Великой Северной войны были и у поляков, саксонцев, датчан, валахов, молдаван и турок — следовательно, общая численность погибших приближается (а возможно, и превышает) к полумиллиону человек.

Задатки к тому, чтобы стать лучшей, у неё, несомненно, были: лишь 11 дней (с 1 по 11 октября 1702 года) заняла осада крепости Нотебург («Орехового города») вместе с победоносным штурмом, случившимся в последний из этих дней, — а шведы в мае 1612 года смогли взять её только после девятидневной осады. «Зело жесток сей орех был, однако же, слава Богу, счастливо разгрызён», — писал Пётр I по поводу этой виктории, первой в череде славных побед во взятии крепостей.

Действительно, крепости были теми волшебными оселками, на которых оттачивалось боевое мастерство крепнувшей русской армии. Отметим: не устояла перед русскими воинами ни одна из них — ни в пределах бывших древних русских вотчин в Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии; ни в захваченных на время шведами Польше и Померании; и в Финляндии тоже. И напротив, очень многие из русских городов, Малороссии в первую очередь, которые в полной мере и крепостями-то назвать можно с большой натяжкой, оказались не по зубам «лучшей армии мира», а Веприк и Полтава навсегда стоят первыми в этом ряду.

Ништадтский мир.
Барельеф работы
К. Б. Растрелли и А. Нартова

Пётр I объявляет народу известие
о заключении Ништадтского мира

Выходит, не многометровые стены из камня (их можно разбить огнём тяжелой осадной артиллерии), не широкие и глубокие водные преграды перед ними (их можно форсировать) и даже не хваленые шведские бездумная дисциплина и неукоснительная (так и подмывает сказать — тупая) исполнительность (их можно подорвать) в конечном итоге решали дело, а нечто совсем иное — беспримерное мужество защитников крепостей; бесподоб-

ная боевая спайка славян, защищавших общее наследство: веру православную и свою землю.

А ещё Великая Северная война 1700–1721 годов породила множество героев (и массовые награждения солдат и офицеров, начавшиеся в русской армии, и в мировой практике вообще, именно после Полтавы, — ещё одно, отнюдь не лишнее свидетельство тому).

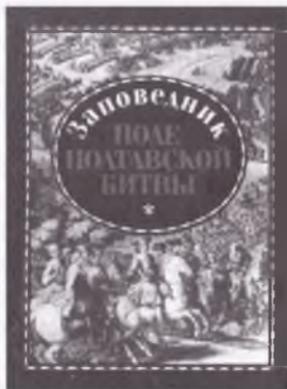

Вот об этом и повествует предлагаемая книга — о крепостях и героях.

Автор её, Ярослав Григорьевич Иванюк, профессиональный историк, в своё время работал заместителем директора по научной части уникального историко-культурного заповедника «Поле Полтавской битвы».

Объектом его особого интереса была личность коменданта города-крепости Полтава в период героической обороны (апрель — июнь 1709 года), полковника русской армии Алексея Степановича Келина; а также изучение крепости Полтава и всех иных городов и укреплённых населённых пунктов Южной России, расположенных на левом берегу Днепра и сыгравших ту или иную, большую или меньшую роль в событиях так называемого Полтавского периода Великой Северной войны 1700–1721 годов. Памятники Полтавской баталии, коих на самом деле столь много, что «огласить полный их список» до сих пор не представлялось даже возможным, также представляли для него живой и непреходящий интерес.

Ярослав Григорьевич Иванюк (в соавторстве с тогдашним директором музея А.Н. Ростовским) стал автором толковой по своей сути книги-путеводителя «Заповедник “Поле Полтавской битвы”», вышедшей массовым, 50-тысячным тиражом в харьковском издательстве «Прапор» в 1986 году.

Отдельные исследования по интересующим его темам достаточно часто публиковались за его самостоятельной подписью в «Украинском историческом журнале» — официальном издании Института истории Академии наук Украинской ССР.

Будучи неутомимым популяризатором отечественной истории, Ярослав Григорьевич состоял в качестве лектора в обществе «Знание», часто и много выступал перед самой различной аудиторией — от школьной и рабочей до всесоюзной телевизионной, быв приглашаем в качестве гостя-участника на такие популярные в своё время передачи, как «Что? Где? Когда?».

А помимо этого, его постоянными (и благодарными, судя по откликам) читателями были люди всех возрастов и профессий — подписчики многочисленных районных и двух областных газет «Зоря Полтавщини» и «Комсомолец Полтавщини», в то время (до 1990 года) почти монопольно владевших всей читательской аудиторией Полтавской области.

Книг «Доблестный комендант непокорённой Полтавы. Герой Северной войны генерал-майор А.С. Келин. Страницы биографии», а тем более «Крепости Полтавского края»* Ярославу Григорьевичу было не суждено увидеть в печати: пяти месяцев и двух дней не дожив до своего 67-летия, он умер в 1992 году от тяжёлой, весьма изнурявшей его болезни, — хотя именно в это время были в значительной мере сняты все препятствия к публикации подобных исследований, заключавшиеся главным образом в нескончаемых идеологических согласованиях.

Волею судеб и по решению семьи Ярослава Григорьевича его личный архив был передан в начале 2008 года автору этих строк — с правом редакторского вмешательства и дальнейшей публикации.

Степень готовности к обнародованию тех или других материалов из этого наследия была разной: так, исследование о коменданте А.С. Келине изначально было написано Я.Г. Иванюком по-русски, и редакторская работа над ним оказалась не весьма затруднительной. Разумеется, вмешательство было: оно выразилось, в частности, в том, что редактор посчитал просто необходимым дать справки об авторах источников, которыми пользовался в своих

* Это исследование находилось в стадии разработки и пребывало в далёком от обнародования виде. Оно было подготовлено к печати редактором специально для данного издания.

исследованиях Я.Г. Иванюк: многим ли теперь известно (имея в виду, что данная книга ориентирована не только на академические круги, но и на массового читателя, интересующегося историей своей родины), кто такие А.З. Мышлаевский, И.Ф. Павловский, Г.П. Данилевский, И.И. Голиков, Ф.Ф. Ласковский, Е.В. Тарле, А.Ф. Шафоронский, Н.И. Арандаренко, В.Ю. (в других случаях — В.Е.) Шутой? А ведь это были весьма авторитетные исследователи. Справки о них даны в качестве примечаний.

К примеру, акцентировано, что Афанасий Филимонович Шафоронский — состоятельный малороссиянин (никаких «украинцев» в то время, как известно, не было и в помине), имел три университетских диплома, был опытным военным врачом, участником ликвидации эпидемии чумы 1774 года в Москве. Этот опыт был изложен в его книге, переизданной впоследствии на многих европейских языках. Стал главным врачом Москвы и руководителем Московской медицинской конторы (филиала Медицинской коллегии). Впоследствии вернулся домой, в Чернигов, где систематизировал, упорядочил и издал «Черниговского наместничества топографическое описание...» — классический труд по истории и культуре Левобережной Малороссии второй половины XVIII столетия. А «путаница» в инициалах «классического» и на сегодняшний день исследователя полтавского периода Великой Северной войны историка Шутого объясняется просто: его зовут Василий Ефимович (Юхимович, по-украински).

Не обойдя вниманием биографические справки, читатели книги сами могут составить мнение о том, кого именно Ярослав Григорьевич Иванюк собрал в «круг своих собеседников» и на чьи разработки опирался в собственных исследованиях. Поверьте на слово: все до единого — добросовестные учёные и порядочные люди.

* * *

Несколько иным был путь к публикации оригинального исследования Я.Г. Иванюка о крепостях Полтавского края. В основе его лежат две авторские работы Ярослава Григорьевича — «Города-крепости Левобережной Украины и их роль в ходе Северной войны» и «Крепости Полтавского края (XVI–XVIII ст.)». Обе эти рукописи первоначально были написаны по-украински; каждая из них имела свои пропуски относительно тех или иных городов и местечек; назначение первой из работ было в большей степени на-

учным (о чём говорил, в частности, значительный библиографический аппарат), другой — скорее популяризаторское, ибо библиотечного и справочного блока она не имела, автор ограничился лишь очень немногими сносками и ссылками на те или иные источники в самом тексте.

Поэтому исследование «Крепости Полтавского края» представляет собой наиболее полную компиляцию из двух связанных тематическим единством упомянутых выше работ Я.Г. Иванюка, дополненных отдельными фрагментами из других самостоятельных публикаций Ярослава Григорьевича в журналах (в первую очередь «УИЖ»), местных газетах и, естественно, редакторскими комментариями.

При этом редактору пришлось добавить с целью полноты изложения данные о некоторых других, не упомянутых Я.Г. Иванюком, но очень важных и значимых для понимания хода событий полтавского периода Великой Северной войны крепостях: Старых и Новых Санжарах, Васюриной (в некоторых материалах — Васкориной) горе, Соколке и т.д. Для извлечения сведений о них использовались в первую очередь те же источники, от которых отталкивался в своих работах сам Я.Г. Иванюк.

Все сноски и примечания, а также комментарии по тексту, кроме специально оговоренных авторских, — редакторские; как и это предисловие к самой книге. Последнее оказалось необходимым, так как в процессе подготовки авторских текстов к публикации у редактора выкристаллизовалось убеждение, что в нынешней обстановке, сложившейся на Украине в преддверии 300-летия Полтавской битвы, и усиленного нагнетания антироссийской истерии, будет отнюдь не лишним ещё раз расставить важные акценты в описании событий тех трудных, но славных лет, когда в горниле жесточайших испытаний белорусский, великорусский и малороссийский народы совместно и убедительно подтвердили свой общий исторический выбор — «навек вместе».

Редактор, выступая в этом случае в качестве автора, попытался подчеркнуть такие важные особенности Великой Северной войны, как её историческую неизбежность — и в то же время — что не она, не Россия начала этот военный спор; указать на то, что эта война, как никакая другая, была действительно «войной крепостей» — и что гораздо более сильной показала в ней отнюдь не шведская, а

именно русская армия, отбиравшая одну за другой каменные твердыни у противника, в то время как шведская «спотыкалась» даже о деревянно-земляные (как Полтава и Веприк) укрепления, оказывавшиеся для неё, несмотря на все потуги, неприступными.

Что именно свободная воля населения Малороссии, вполне сознательного в своём историческом выборе, сделанном в январе 1654 года, превратила Полтавский период Великой Северной войны в войну поистине народную — и что именно это, а не какое-нибудь иное обстоятельство в конечном счёте и привело к Полтавской победе 1709 года.

Несколько выходя за рамки обязанностей редактора, автор этих строк в процессе подготовки рукописи к печати проехал почти по всему пути, проделанному шведской армией от вступления в малороссийские пределы до Полтавы, и её отступления, вскоре перешедшего в паническое бегство, — от Полтавы до Переволочной. Фотографиями, сделанными во время этих поездок и в известной мере отражающими современное состояние тех мест, проиллюстрированы некоторые страницы этой книги.

Другие иллюстрации взяты как из архива автора (Я.Г. Иванюка), так и из личного собрания редактора. Помимо них в книгу вошли рисунки, гравюры и карты, предоставленные по просьбе редактора некоторыми местными музеями и отдельными людьми — краеведами из Кобеляк, Сум, Ахтырки, Гадяча и Полтавы, коим редактор этой книги приносит свою глубокую благодарность за помощь и участие.

Завершает книгу очерк о её авторе — историке Я.Г. Иванюке. Это понятная, надеемся, дань уважения памяти человеку, для которого Полтавская битва была не просто «местом работы» в её музее, но и большим делом, которому Ярослав Григорьевич всегда служил надлежаще — искренне и честно, отнюдь не кривя душой.

Но отсутствие выхода к западному (Балтийскому) и южным (Азовскому и Черному) морям напрочь лишало её возможности к нормальному развитию.

На северо-западе пути на Балтику отрезала и удерживала «на замке» Швеция. Выходы на Азовское и Черное моря плотно перекрывала Турция.

Взятие в 1678 году русскими войсками Азовской крепости в дельте Дона отнюдь не могло разрешить в полном объеме проблемы, как мы скажем теперь, внешних экономических связей для России.

Помимо всего прочего, турецкий флот почитался в то время чуть ли не сильнейшим в мире. К противоборству с ним «Россия молодая», Россия юного царя Петра была ещё явно не готова.

В этих условиях по ряду обстоятельств борьба за выход на морские просторы приобрела иной, балтийский вектор — и, пожалуй, она получила на тот момент главнейшее значение во всей внешней политике.

Для успешного ведения такой борьбы России нужна была сильная армия. События XVII века, когда русскому народу пришлось отражать военную интервенцию шляхетской Польши и не только, показали недостаточную боеспособность стрелецкого войска, дворянского ополчения и городских казаков, представлявших собой главные составные элементы вооруженных сил страны этого исторического периода.

В России это отлично понимали. Вот почему ещё правительством (скажем так), царя Михаила Федоровича (1613–1645) принимало меры для усиления боеспособности войска. В это время были созданы первые регулярные солдатские пехотные, драгунские и рейтарские (кавалерийские) полки. Экипировка и содержание этих войск осуществлялись за счёт казны.

Царь Михаил Федорович
(Романов)

Но наряду с этим в армейском строю основу продолжали составлять стрельцы — к тому времени фактически изжившие себя воин-

ские формирования, самосодержание которых осуществлялось за счёт предоставляемых им налоговых и иных льгот, а также государственного жалования, размер которого варьировался в мирное и военное время в зависимости от стоящих перед ними задач, приближенности того или иного полковника к властям предрежащим и т.д.

Имущественное в первую очередь неравенство влекло за собой неудовольствия, достаточно часто выливавшиеся в бунты, что отнюдь не повышало боеспособности стрелецкого войска.

Царь Алексей Михайлович,
отец Петра Первого

В 1647 году, уже в царствование Алексея Михайловича, в Русской армии был введён новый воинский регламент, получивший название «Устав ратных и пушечных дел». Пётр Первый именно этот год считал началом создания русского регулярного войска.

К 1680 году вооружённые силы России вместе с малороссийскими казацкими полками насчитывали 214 тысяч человек. Их «элита» — полки «нового строя» — имела более совершенное вооружение: мушкеты и карабины с кремневыми замками, более надёжными по сравнению с ранее применявшимися фитильными, а также пистолеты и гранаты.

Солдатским, рейтарским и стрелецким полкам была придана артиллерия, в составе которой появились новые типы орудий, в том числе многоствольные. На вооружении полевой армии России имелось тогда уже порядка 350–400 пушек; в гарнизонах укрепленных городов их насчитывалось свыше 2500.

В 1699 году в России был осуществлён переход к новой системе формирования вооружённых сил — рекрутским наборам, что заложило надёжный фундамент комплектования качественно иной, регулярной армии.

В том же году Пётр Первый заключает договор — так называемый Северный союз — с королём Дании Фридрихом IV и курфюрстом Саксонии и королем Польши Августом II. Союз, хотя прямо об этом в документах не говорилось, по смыслу был направлен непосредственно против Швеции и её короля Карла XII.

Одним из важных условий вступления в войну России против общего врага Петром Первым ставилось заключение мирного договора с Турцией, что и было достигнуто в июле 1700 года. А уже 19 августа того же года начались непосредственные боевые действия России против Швеции.

Русская армия численным составом 34 тысячи человек осадила сильно укрепленную шведскую крепость Нарва, расположенную на левом скалистом берегу реки Нарова в 12 верстах от её впадения в Финский залив Балтийского моря.

Внешняя оборонительная ограда этой крепости имела шесть бастионов: Кристерваль, Триумф, Фама, Глория, Оноп (или Гонор) и Виктория, окружённых рвами. Внутренняя ограда состояла из каменной стены с башнями. Она отделяла старый город (цитадель) от нового. К стене примыкал замок. Цитадель была укреплена четырьмя бастионами¹.

Ещё до начала осады Нарвской крепости русскими войсками шведский король Карл XII летом того же года внезапной высадкой своего десанта на территорию Дании заставил короля Фридриха IV капитулировать, выйти из союза с Россией и Польшей и перебросил свою армию, считавшуюся сильнейшей в Европе (а стало быть, по ситуации того времени, и в мире), на деблокаду Нарвы.

Решающее сражение произошло 19 ноября 1700 года.

Русская линия обороны была чрезмерно растянута (свыше семи вёрст по фронту), между отдельными частями существовали большие разрывы. Сама ситуация была на руку шведам — сильнейший ветер со снегом бил русским в лицо, а наступавшим — в спину.

Преображенский и Семёновский гвардейские полки, Лефортов полк оказали тем не менее достойное и упорное сопротивление

Нарвские бастионы. Со старинного издания

шведам, но другие формирования, в большинстве своём укомплектованные новобранцами, были вынуждены под натиском неприятеля отступить.

Основной причиной поражения молодой русской армии в этом сражении, как считают непредвзятые военные специалисты, явилось отсутствие у неё достаточного боевого опыта и выучки. К тому же значительная часть офицеров-иностранцев, состоящих на русской военной службе, в критический момент битвы изменила царю Петру; вместе с командующим русской армией герцогом фон Кроа они сдали свои шпаги шведам.

Но поражение под Нарвой не сломило волю царя Петра и его сподвижников к продолжению борьбы за исконные русские земли, за право отстаивать интересы страны. Фридрих Энгельс писал в связи с этим, что «Нарва была первой большой неудачей поднимающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы»².

Полагая, что поражением под Нарвой Россия надолго выведена из войны, шведский король Карл XII поспешил со своими войсками в Польшу, дабы отобрать у польского короля Августа II корону и передать её своему ставленнику Станиславу Лещинскому. За свой тыл ему вроде бы не приходилось опасаться — в Ингерманландии и Эстляндии оставались корпуса шведских генералов Шлиппенбаха и Кронхиорта, насчитывавшие в своём составе около 15 тысяч человек. В шведских крепостях этого края также стояли сильные гарнизоны с артиллерией.

Пётр Первый весьма удачно воспользовался отходом главных шведских сил из Прибалтики. Труды его были направлены на пополнение армии, усиление её боеспособности и подготовку грядущих наступательных операций. И уже в конце 1701 года русская армия приступила к успешным активным военным действиям против неприятельских сил, а к 1705 году достигла в этом деле значительных положительных результатов. Этому отчасти способствовала и сложившаяся в Европе политическая и военная обстановка: внимание правительств Англии, Франции, Австрии и Голландии было приковано к борьбе за так называемое испанское наследство, ввиду чего ни времени, ни сил, ни средств для оказания помощи Швеции в войне против России у них не оставалось.

В Прибалтике шведским войскам противостояла в то время армия генерала Бориса Петровича Шереметева, в состав которой вхо-

дил и полк А.С. Келина. На этом театре войны подполковник Келин участвовал во взятии Нотебурга (1702 год), Дерпта и Нарвы (1704 год), в ряде других боевых действий.

* * *

Подлинного портретного изображения А.С. Келина, увы, нет, и мы не можем абсолютно достоверно передать читателю, как выглядел наш герой. Если такой портрет и был написан при его жизни (чего невозможно исключить, принимая во внимание масштаб его подвига во время обороны Полтавы), то вряд ли он сохранился: слишком уж бурными были события, участником которых становился наш герой.

А.С. Келин. С портрета работы художника Е. Путри

Созданные позже «изображения А.С. Келина», наиболее известными из которых являются экспонируемый и ныне в музее истории Полтавской битвы портрет А.С. Келина (чеканка по бронзе) работы местного художника Евгения Путри и картина, изображающая встречу коменданта крепости Полтава с царём Петром I (того же художника), или «Клятва полтавчан» кисти Т. Вышенской, представляют собой самобытные авторские интерпретации образа героического коменданта, показывают полковника Келина в виде типичного русского офицера Петровской эпохи.

Хотя, к сожалению, мы не имеем достоверного художественного изображения А.С. Келина, но сохранившиеся письменные источники — прежде всего государственные акты, военные репортажи* русского главного командования о боевых действиях, эпистолярное наследие царя Петра Первого и его военачальников — вполне позволяют нам воссоздать психологический портрет нашего героя, показать главные его внутренние черты, что имеет, пожалуй, не меньшее значение, нежели портрет чисто визуальный, предназначенный лишь для зрительного восприятия.

Общеизвестно, что царь Петр I умел находить, а затем смело и решительно выдвигать на ключевые позиции в государстве и армии

* Репортаж — доклад, докладная записка; донесение о военных происшествиях (уст.).

талантливых людей. Именно таким и был Алексей Степанович Келин — человек действия. Сильный характер в сочетании с военным профессионализмом, обладание высокими организаторскими способностями, исключительная личная храбрость и всегдашняя готовность к оправданному риску; огромная работоспособность, самообладание и твердость при выполнении заданий командования — вот главные особенности А.С. Келина. Свидетельством тому в первую очередь его многолетняя беспорочная воинская служба до Полтавы.

При этом следует добавить, что Алексей Степанович был весьма образованным по тем временам человеком, при необходимости умел выражать свои мысли не только ясно, но и утонченно, обладал незаурядным ораторским дарованием.

* * *

Достаточных сведений о нём до начала Великой Северной войны, увы, не сохранилось. Родословная Келиных также не прослеживается на сколько-нибудь длительном отрезке времени.

Тем не менее в работе В.С. Иконникова «Пребывание Петра Великого в Киеве (Киев — Полтава)», опубликованной в 1910 году в «Военно-историческом вестнике», содержатся сведения из правительственных источников XVII века, где говорится, что среди «государевых людей» — сокольничих первой статьи* («начального сокольника») значатся Андрей, Игнат и Афанасий Келены (Кельины, Келены)³.

В документах московского архива Министерства юстиции (период до октября 1917 года) упоминается Варлаам Кельин из Курска⁴.

Такое же написание фамилии А.С. Келина встречается и в различных документах периода Великой Северной войны.

* Соколиная охота и связанные с ней добыча, содержание, разведение и обучение этих птиц были не только дорогой царской забавой, но и важной деталью придворного дипломатического церемониала. Сокольники достаточно часто включались в состав представительских посольств к иноземным дворам, а обученные соколы и кречеты представляли собой дорогой и желанный подарок (поминок), при помощи которого порой удавалось разрешить сложные вопросы заключения либо упрочения мира, приобретения союзника или получения займа, иными способами не решаемые. Вот почему сокольников и кречетников именовали «государевыми людьми» безо всяких натяжек. Немало их было записано в потешные, ставшие затем первыми регулярными полки юного царя Петра (подробнее см.: Семёнов И. «Живые» поминки // Родина. 2008. № 39. С. 109–115).

Все это дает право сделать вывод, что фамилия А.С. Келина имеет русское происхождение, тем более что в списках служивших в России иностранцев она не встречается*.

Достоверно известно, А.С. Келин — потомственный военный. Его отец, Степан Келин (Келен), майор стрелецкого войска, в 1675—1676 годах участвовал в осаде Соловецкого монастыря⁵.

В конце XVII — начале XVIII века А.С. Келин имел старший офицерский чин «полуполковника»

(подполковника). В годы Великой Северной войны он был уже немолодым человеком и даже «преклонный летами»⁶.

Напомним о боевых операциях русской армии в Прибалтике в начальный период войны, непосредственным участником которых был А.С. Келин.

Первые после нарвского поражения результативные сражения против шведов были проведены русскими войсками в конце де-

Приезд царей Иоанна и Петра Алексеевичей на Семёновский потешный двор Москвы в момент зачисления сокольничих в потешные.

С картины худ. И.Е. Репина

* Ход мысли автора понятен: коли предположить, что фамилия Келен, будучи тождественной Кельину, имеет монастырское происхождение (келейник — служитель монашествующему лицу, послушник или монах же, состоящий на искусе, — так по Далю), то келарь — это инок, заведующий монастырскими припасами или вообще светскими делами монастыря. Данное слово (келарь) происходит от латинского *cellarius*, так и в греческом произношении; а в немецком — *Kelleg*, что очень близко по звучанию с Келен (тем более что в некоторых источниках, к примеру в «Полном географическом описании нашего Отечества» П.П.Семенова, изданном в Санкт-Петербурге в 1903 г., фамилия полтавского коменданта пишется с двумя «л» — Келлин).

Но вполне возможно, что происхождение фамилии полтавского коменданта имеет отнюдь не церковные, а «служилые» истоки: келейным рядом или порядком назывался на Руси ряд малых избышек в деревнях («кельенок»), в которых жили безягловые и одинокие, бывшие солдаты, а также склонные к иночеству, отшельничеству.

кабря 1701-го и 1 января следующего, 1702 года, под Эрестфером.

Находясь с главными силами своей армии в Пскове, Б.П. Шереметев получил сведения о семитысячном отряде генерала Шлиппенбаха, стоящем в районе Дерпта.

Генерал Шереметев принимает решение атаковать противника.

Вскоре происходит боевое столкновение русского и шведского авангардов, и натиск русских был таков, что неприятель принуждён был отступить.

Развивая успех, Шереметев направляет свои силы против главной части шведских войск, сосредоточенных у села Эрестфер...

Начало нового сражения не было для русских войск благоприятным. Артиллерия задержалась на марше и не смогла своевременно поддержать своим огнём пехоту и кавалерию, уже вступивших в бой. Но когда русские пушкари всё же подошли к месту сражения и ударили по шведам всей своей мощью, войска Шереметева быстро перешли в контратаку, сломили сопротивление шведов и захватили их артиллерию.

Под Эрестфером противник потерял только убитыми три тысячи солдат и офицеров. Но, что гораздо важнее, именно здесь и в это время (а не под Полтавой и семь с половиной лет спустя) канул в небытие миф о непобедимости шведских войск.

Царь Пётр I щедро наградил всех, кто отличился в этой битве, а генералу Б.П. Шереметеву было присвоено звание фельдмаршала.

Заметим, что не всегда военные реляции называли фамилии командиров частей, принимавших участие в тех или иных боевых операциях, проводимых силами армии против шведских войск. При таких достаточно неблагоприятных для биографа обстоятельствах иногда приходится определять пути Келина, основываясь на свидетельствах исторических документов о действиях более крупных подразделений, в состав которых входил и его полк (как это было и под Эрестфером).

В своём письме к царю Петру 28 мая 1702 года генерал-фельдмаршал Шереметев докладывал, что берет в Псков «...два полка солдатские... Иванов полк Мевса да Алексеев полк Келина, который был Петра Девсена; а он Алексей Келин в том полку полуполковником, и на нем твой указ состоялся, ево пожаловал в полковники, и в то число не было места порожнева, а ныне умер полковник Андрей Шневенц...»⁷.

Итак, А.С. Келин в первой половине 1702 года, уже будучи в чине полковника, получает под свое командование пехотный полк, который вначале именовался по его фамилии Келиновым, а с 1708 года получил новое наименование — Тверской.

Изданные в 1871 году материалы военно-учёного архива Главного штаба содержат сведения из Военно-походного журнала (с 3 июня 1701-го по 12 сентября 1705 года) Б.П. Шереметева, «...посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля», где упоминается и полк Келина, входивший в состав пребывавшей под началом генерал-фельдмаршала армии.

«Журнал» свидетельствует о том, что «...в 702-м году по указанию Великого Государя... Петра Алексеевича... Борис Петрович, будучи на его Великого Государя службе во Пскове, с генералы по совету... предложили идти с конными и пешими полками в неприятельскую швейскую (т.е. шведскую) землю для поиску и промыслу над неприятели, куда военный случай позовет, сухим и плавным путем...»⁸.

В «Журнале» говорится также и о первоначальном количественном составе полка Келина в том походе: «...офицеров 27 человек, урядников и рядовых 835 ч...»⁹

Перед армией Шереметьева стояла тогда действительно исключительно важная задача: нанести удар по вражеским войскам на Ладоге в устье Невы, где шведы занимали на самом деле сильные позиции и, опираясь на свой флот, высаживали десанты на русское побережье Ладожского озера.

Осуществить в полной мере этот план мешали сильные шведские крепости Нотебург и Кексгольм (в прошлом русские Орешек и Корела), особенно первая, полностью замыкавшая вход в Неву из Ладожского озера.

Тем не менее успехи русских войск на этом театре военных действий уже давали возможность подготовить и осуществить осаду Нотебурга.

К ней готовились весьма основательно: так, в частности, неутомимый Яков Виллимович Брюс — один из организаторов артиллерийского дела в России и будущий командующий артиллерией в генеральном сражении под Полтавой — летом 1702 года деятельно заготавливал в Новгороде припасы, необходимые для осады и штурма этой одной из лучших шведских твердынь.

На оружейных заводах страны отливали новые пушечные стволы (фактически с нуля создавали новую полевую русскую артиллерию). Только в 1701–1702 годах в России было изготовлено 413 орудий.

В военной стратегии и тактике того исторического периода фортификации — науке о строительстве долговременных и полевых укреплений, осаде и обороне крепостей — уделялось весьма значительное место. Остановимся хотя бы кратко на этих вопросах, чтобы чётче представить себе действия противоборствующих сторон. Ибо в Великой Северной войне — и на её прибалтийском театре, и в Малороссии, и в других регионах — нередко главной целью военных действий была именно осада или оборона укреплённых городов.

Ещё в начале XVI века в европейских армиях начинают применяться дополнительные, предназначенные специально для увеличения секторов обстрела блокируемой крепости и подавления её артиллерии осадные орудия. Собранные воедино в так называемые осадные батареи, они получили название демонтирных*.

Во второй половине того же XVI века на поле боя возникает и получает достаточно широкое распространение и новая фортификационная система, изобретенная известным французским военным инженером Себастианом Вобаном**.

Одной из особенностей этой системы явилось строительство атакующей стороной на избранном участке прорыва крепостной стены специальных траншей, так называемых параллелей. Они обеспечивали сравнительно безопасный подход к крепости, давали возможность устройства подкопов под её стены для закладки мин с последующим взрывом укреплений.

В крепостных войнах различались три главных этапа***.

Себастиан Вобан

* Демонтирование как приём имеет целью сбить неприятельские орудия прицельными выстрелами.

**Вобан — правильно Себастьян-ле-Претр де Вобан (1663–1707) — знаменитый французский инженер и маршал.

*** Весьма подробно об этом изложено в работе Ф. Энгельса «Фортификация» (Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1956).

На первом из них войска атакующей стороны блокировали крепость, отрезали коммуникации, по которым осаждённому гарнизону могла быть оказана помощь извне — свежими силами, снаряжением и боеприпасами. При этом осаждающие вели разведку и добывали сведения о вооружении, боезапасе, защитных сооружениях крепости, командном составе гарнизона, численности его, имеющемся запасе продовольствия и т.д.¹⁰

Осада города. Со старинной гравюры.

Против осаждённых велись отдельные боевые операции; тем временем составлялся план штурма и определялся участок атаки. На подступах к крепости располагались инженерные и артиллерийские части. Здесь же по фронту наступления располагались лагерь войска, выделенные для штурма.

На втором этапе атакующие строили параллели — земляные траншеи особого устройства. Первую откапывали примерно в 550 метрах от крепостной стены. В ней устраивали так называемые рикошетные* батареи для стрельбы вдоль фронтов атаки, располагали гаубицы и мортиры для обстрела внутренней территории крепости (стрельбы по закрытым целям).

Из первой параллели выводились зигзагообразные траншеи, и под их прикрытием осаждавшие приближались к крепости на расстояние до 300 метров, где устраивалась вторая параллель. В ней располагали демонтирные батареи. Из этой второй параллели вели траншею к полупараллели, сооружаемой обычно в 200 метрах от

* Рикошет — в артиллерии — род стрельбы, при которой снаряды, встречаясь с ровной поверхностью, продолжают свой полёт всё уменьшающимися прыжками.

крепостных укреплений; здесь ставили мортиры для ведения огня по живой силе противника. При необходимости сооружались третья и даже четвёртая параллели.

На третьем, заключительном этапе осады из последней, ближней к крепости, параллели осаждающие вели подкопы и закладывали мины под городские укрепления — валы и стены. Если мины удавалось взорвать и тем самым образовать в стенах бреши и проломы, начинался штурм с целью непосредственного прорыва в осаждённую крепость.

Действия крепостного гарнизона на первых этапах осады сводились главным образом к попыткам подавить своим артиллерийским огнём батареи противника, осуществлению вылазок за городские стены для активного противодействия осадным работам.

На завершающем этапе осады осаждённый гарнизон вёл бои за овладение вражескими окопами, проводил контрминные работы, направленные на обнаружение и обезвреживание неприятельских мин.

Крепости в значительной мере помогали полевым армиям усилить противодействие неприятелю, задерживали его продвижение к намеченным рубежам, давали возможность выиграть время и подготовиться к решающему сражению.

В крепостных войнах XVII—XVIII столетий система Вобана считалась наиболее совершенной, хотя, как свидетельствует историческая практика, осада и оборона укрепленных городов нередко осуществлялись и по другим схемам, применительно к складывающимся обстоятельствам — наличию (или отсутствию) осадной артиллерии, с учётом рельефа местности и других важных факторов.

* * *

Возвратимся к событиям в Прибалтике.

В конце августа 1702 года из Архангельска в устье Свири, где русские войска готовили для боевых действий речные суда, прибыл царь Пётр I с гвардейскими частями. Осмотрев работы, он не мешкая направился к Ладоге. Там уже находилась пришедшая из Новгорода дивизия генерала Аникиты Ивановича Репнина.

Из Пскова привёл сюда же свои войска Б.П. Шеремстев, которого царь Пётр I и назначил командующим всеми силами, выделенными для осады Нотебурга. Сведенные в 14 полков, они насчитывали 15 тысяч солдат и офицеров.

Помимо этого, на реке Ижоре сосредотачивались кавалерийские части под командованием Петра Матвеевича Апраксина с задачей перерезать коммуникации с крепостью Нотебург войскам Кронхорста, в самом деле пытавшимся прорваться на помощь осаждённому гарнизону. Кавалеристам Апраксина пришлось разгромить шведский отряд неподалеку от места своей дислокации. В итоге Кронхорсту удалось переправить в осаждённый Нотебург всего лишь 50 человек своих солдат.

Подробное описание укреплений Нотебурга содержится в работе А.Г. Глаголева «Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников»¹¹. Мы же ограничимся кратким взглядом на неё.

Построенная в форме треугольника, эта крепость имела стены высотой 32 метра, а толщина их доходила до 6,5 метра. По углам крепости стояли круглые башни: с западной стороны — Кирх, с северной — Шварц. Юго-восточную башню шведы называли Коко-Селике.

На северо-западном отрезке стены находились главная проезжая четырехугольная башня Порт и круглая Фогт, а на юго-западном — круглые башни Келлар и Прест.

В северо-восточном углу внутренней территории крепости возле башни Шварц находилась цитадель — наиболее укрепленная часть Нотебурга. С северной стороны её усиливала полубашня Корс, где располагались казармы гарнизона, с западной — полубашня Крут, в которой хранились запасы пороха. Была в крепости ещё одна башня — Калк. Она находилась в противоположной части твердыни.

Гарнизон Нотебурга насчитывал 450 солдат и офицеров при 142 орудиях.

Шлиссельбург — древний русский Орешек, шведский Нотебург. Фото 1970-х годов

Крепость располагалась на острове в 215 метрах от левого берега Невы. Сухопутных подходов к ней не было вовсе, приблизиться к городу можно было, лишь следуя по Неве, куда русские войска и перетянули волоком из Ладожского озера по заранее прорубленной просеке 50 лёгких суден со штурмовыми лестницами. Даже в начале XX века, то есть спустя 200 лет после описываемых событий, следы этой просеки, сделанной петровскими гренадёрами, были еще явственно различимы.

Блокада Нотебурга началась 26 сентября 1702 года.

Уникальный источник Петровской эпохи, имеющий полное наименование «Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских. Во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войск его королевского величества швейского», в составлении которой принимал непосредственное участие царь Пётр I, содержит достаточно подробное описание осады и взятия крепости Нотебург.

Приведем некоторые выдержки из этой книги.

«...В 26-й день сентября, в субботу о 12 часах, через посылку войска, которое стояло от города в 20 милях, четыреста человек Преображенских солдат без всякой утраты шанцы начали, и пост или место заняли, и тоя же ночи подошли два неприятельския судна для досмотру, какая гости в их соседство пришли, но понеже по них наша мушкетерия жестоко стреляла, и убила неприятельского бомбардира и 5 человек солдат, от чего принуждены они раковой ход восприть, потом до свету пришли два баталиона Преображенского и Семеновского полков.

В 27-й день, по утру о 7 часах, пришло войско наше под Нотебург, и установило обоз свой... Того же дни на башне, после обеда, когда уже подлинно узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей, и [призыву к] помощи от своих...»¹²

30 сентября русские войска установили у Нотебурга свои батареи. 31 пушка и 12 мортир были готовы уже в тот день открыть огонь по укреплениям Нотебурга, но...

В «Книге Марсовой...» говорится, что «...в первый день октября, о 4 часах по утру, тысяча человек Преображенского и Семеновского полков в суда посажены и на другую сторону Невы посланы, где неприятельский шанц и окоп стояли, дабы оные отнять, и проход на другой стороне занять, и в том щасливое споспешество получено, без потеряния единого человека»¹³.

Всё же комендант Нотебурга полковник Густав Шлиппенбах отклонил требования генерал-фельдмаршала Шереметева сдать крепость.

Тогда в полный голос заговорила русская артиллерия. Десять суток продолжалась бомбардировка укреплений города. Мощные ядра в конце концов разбили крепостные стены. На юго-западном участке оборонительной ограды образовались огромные проломы, особенно между башнями Келлар и Кирх. Почти все деревянные строения города, а их насчитывалось около тридцати, были объяты пламенем...

Вскоре настал и день штурма.

Атака русских войск началась 11 сентября. Шли они из пяти добротных построенных шанцев*. Одно из таких полевых укреплений находилось против юго-восточной стороны крепости и располагалось вдоль береговой полосы Ладожского озера, второе — на правом берегу Невы, на отвоёванном у противника участке за версту от Нотебурга; ещё три — на противоположном берегу у небольших, встречавшихся здесь во множестве рек.

В два часа ночи в городе вспыхнул большой пожар, что отвлекло часть сил гарнизона на его тушение и тем благоприятствовало штурму.

Собственно взятие города происходило так.

После трёх залпов по крепости из пяти мортир суда с добровольцами двинулись к острову. Сосредоточение; а в 3 часа 30 минут утра началась уже непосредственная атака городских укреплений, которая длилась в общей сложности 13 часов.

Первое наступление русских войск шведам удалось отбить. Но недолгой была передышка для гарнизона. Штурмовые отряды, пополненные свежими силами, вскоре возобновили свои атаки и под жестоким огнём противника, потоками расплавленного свинца, смолы и кипятка, лившихся на них с городских стен, настойчиво шли на приступ. Положение гарнизона становилось безвыходным. Наконец шведский комендант решил на то, чтобы поднять белый флаг...

Пётр I вскоре написал А.А. Виниусу, который заведовал артиллерийским приказом страны: «...Правда, что зело жесток сей орех был, однака, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно свое дело исправила...»¹⁴

* Шанец, шанцы — земляной окоп и вообще полевые укрепления.

Потебург переименовали в Шлиссельбург — «Ключ-город». Новое название символизировало открытие беспрепятственного пути для России в устье Невы и далее, на просторы Балтики.

В ту же осень царь Пётр I приказал построить вокруг Шлиссельбурга новые крепкие бастионы.

* * *

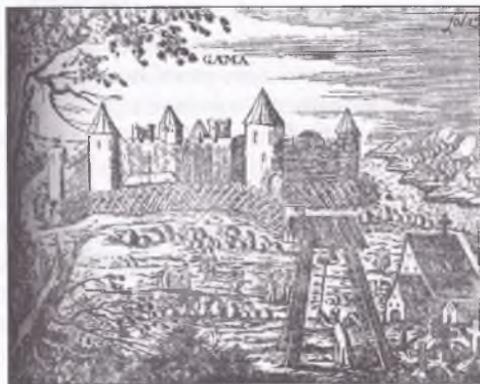
Подобные фортификационные сооружения имели преимущественно пятиугольную форму, один или два земляных вала и предназначались для установки в них артиллерийских орудий, ведения фронтального и флангового обстрела подходов к крепости. Инженерными работами сообща руководили адмирал и канцлер Головин, «постельничий» Головкин, «думный дворянин» Зотов, «кравчий» Нарышкин и назначенный первым губернатором Шлиссельбурга Меншиков.

Помимо самой крепости новые названия получили и укреплённые башни её. Отныне главную проезжую башню Порт стали называть Государевой, Фогт — Княжеской (по титулу Меншикова), Шварц — Королевской, Кирх — Угловой, Прест — Головкиной, Кокко-Селике — Флажной, Корс — Светличной, Крут — Мельничной, Калк — Колокольной.

Прошло совсем немного времени, и 1 мая 1703 года после семидневной осады русскими войсками сложил оружие гарнизон следующей крепости — Ниешанц (стоявшей на правом берегу Невы при впадении в неё притоки Охты). Эту крепость ни восстанавливать, ни тем более укреплять не стали — её просто скрыли.

В победном мае того же года были «взяты на шпагу» и ещё две шведские крепости: Ям (Ямбург) — 14-го числа, а 27-го — Копорье.

В те же дни, а именно 16 мая 1703 года, произошло очередное, крайне важное для будущего страны событие: на острове Луст-Эй-

Крепость Ям (Яма). Со старинной гравюры

ланд («Заячий остров») была заложена русская крепость, названная Петропавловской. Она положила начало строительству новой столицы государства Российского — города Санкт-Петербурга.

Попытки коменданта Нарвской крепости Горна и уже встречавшегося в нашем повествовании Кронхиорта помешать внезапными налётами своих войск этому строительству так ни к чему и не привели. В конце концов Горн был вынужден бежать под прикрытие орудий Нарвской крепости, а Кронхиорт, выбитый от реки Сестра отрядом под командованием самого царя Петра I, отступил к Выборгу.

Поселение в устье Невы в самом начале XVIII века

Впрочем, до полного освобождения Прибалтийского края от шведов было ещё далеко — под их властью по-прежнему оставались Нарва, Иван-город и Дерпт. Не взяв эти важные крепости, нельзя было считать завершёнными намеченные русским командованием планы кампании в Прибалтике.

Поэтому в 1704 году боевые операции по обезвреживанию неприятельских опорных пунктов на этом театре войны были продолжены. Летом на озере Пейпус русские войска разбили шведскую флотилию и взяли в осаду крепость Дерпт — город, основанный еще в 1030 году Ярославом Мудрым и названный по христианскому имени князя Юрьевым.

* * *

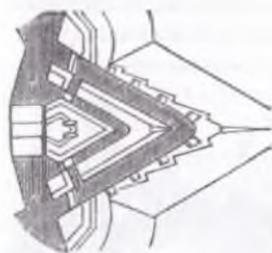
Блокада Дерпта, куда Шереметев привёл свою армию — 23 тысячи солдат и офицеров, началась 10 июня. Увы, генерал-фельдмаршал избрал неудачный фронт атаки, нацелив её острие против наиболее укреплённой части крепости. Поэтому первые попытки взять город успеха не принесли.

Но когда 3 июля в расположение войск прибыл царь Пётр I, план штурма был коренным образом пересмотрен и радикально изменён.

Русская осадная артиллерия насчитывала здесь 46 орудий. Значительную их часть теперь установили против менее сильных крепостных укреплений у реки Эмбах. С этой стороны русские войска и повели к городской стене новые траншеи.

Под утро 13 июля был взят рavelин*, защищавший крепостные ворота со стороны реки. Захваченные в этом укреплении шесть неприятельских пушек были развёрнуты в сторону крепости и подвергли её массированному обстрелу с достаточно близкого расстояния. Сквозь пробитые в стенах бреши русские воины ворвались в город и заставили гарнизон сложить оружие.

Военно-походный журнал Б.П. Шереметева содержит сведения об участии полка А.С. Келина во взятии упомянутых неприятельских крепостей и понесенных при этом потерях, в частности и в боях за Дерпт, где было «...ранено: капитан 1 ч. [человек], урядников и солдат 122 ч., побито: капитанов 2 ч., урядников и солдат 32 ч.; после побитых и раненых обронсно: 28 фузей, 24 шпаги, 6 багинетов кривых, 4 сумы гранодерских, 5 лядунок, 28 сум патронных, да, за тяжёлыми ранами котрым вынести было невозможно, осталось у города ружья: 28 фузей, 15 шпаг, 5 багинетов кривых, 3 сумы гранодерских, 6 лядунок, 14 сум патронных»¹⁵.

Равелин

После Дерпта настал черёд Нарвы. Осаждённой крепости пытался оказать помощь генерал Шлиппенбах, направив сюда из Риги кавалерийский отряд численностью 1200 человек. Но к Нарве он не дошел. Своевременно перехваченный русскими кавалеристами генерала Ренне, неприятельский отряд был полностью разбит ещё на марше.

Поражение войск Шлиппенбаха, увы, ничему не научило коменданта Нарвы Горна, высокомерно отказавшегося сдать крепость

* Равелин – фортификационное сооружение треугольной формы на внешней стороне крепости, прикрывавшее от неприятельского обстрела куртину – отрезок стены между соседними бастионами.

добровольно. Штурмуя Нарву, русские воины в ходе ожесточённого боя преодолели систему сильнейших неприятельских укреплений и ворвались в город сразу с двух сторон. Пытаясь остановить атакующих, шведы взорвали внутри крепости мощную мину. Погибло много русских и шведских воинов. Отдать подобный самоубийственный приказ было со стороны Горна подлинным безрассудством. Ни единой возможности удержать твердыню в своих руках у него не оставалось. В этих условиях ничем, кроме упрямства, не оправданное сопротивление шведского гарнизона только увеличило напрасные потери обеих сторон: когда Горн всё же отдал приказ поднять над крепостью флаг капитуляции, из двухтысячного гарнизона Нарвы в живых оставались совсем немногие...

Гарнизон Иван-города капитулировал вскоре за павшей под натиском русских войск Нарвой — 16 августа.

Подобно Дерпту и Нарве, эта крепость тоже имела свою давнюю историю.

Ещё в 1481 году великий князь Иван III направил в Ливонию свои войска, чтобы положить конец нападениям ливонских рыцарей на русские рубежи. Прошёл год, и на скалистых откосах правого берега реки Нарова поднялись стены крепости Иван-города. Так возник новый оборонительный опорный пункт русских войск на северо-западных окраинах Руси.

Крепость строили на совесть и на славу — её обвели тройной каменной стеной с высокими башнями. Устроили подземные ходы, достигавшие реки. Насадили достаточно сильный гарнизон. Но увы — в последующие годы город, неоднократно оказывавшийся в эпицентре боевых действий, не раз переходил из рук в руки. В 1617 году по условиям Столбовского мирного договора крепость Иван-город «окончательно» перешла к Швеции.

Русская артиллерия, действовавшая в 1704 году против Нарвы и Иван-города, насчитывала до 100 орудий разных типов. На бомбардировку этих крепостей во время осады было истрачено 12 358 ядер

Государь всея Руси и великий князь Иван III

и 5714 бомб, 10 003 пуда пороха, что свидетельствует как о значительной силе огня русской артиллерии, так и о мощности городских укреплений¹⁶.

* * *

В сентябре 1705 года русские войска взяли ещё две неприятельские крепости — Митаву и Бауск.

При этом из Дерптской, Нарвской, Митавской, Баусской крепостей и крепости Иван-города победителям досталось в качестве военных трофеев 1160 стволов артиллерии. Среди них оказались медные пушки, тяжелые мортиры и гаубицы, которых в армии царя Петра I на тот момент ещё не хватало. Пушечных ядер к ним взяли 98 521, бомб — более 6900, картечных зарядов — 4860, ручных гранат — 45 840¹⁷.

Трофейная артиллерия весьма успешно использовалась русской армией в последующих сражениях.

* * *

К 1705 году почти две трети исконных русских земель в Прибалтике были освобождены от неприятеля. Часть русских войск передислоцировали после этого в Польшу, чтобы оказать помощь союзному королю Августу II. Это перемещение коснулось и интересующего нас полка А.С. Келина: в первой половине года он находился в Пскове, во второй — в Полоцке¹⁸.

* * *

В конце 1705 — начале 1706 года происходят события, приведшие к существенным изменениям в ходе войны. Спасаясь от преследовавших его шведских войск, саксонский курфюрст и польский король Август II покидает свою страну и перебирается в Саксонию. Польский престол занимает ставленник шведов Станислав Лещинский.

Покончив, как ему казалось, с этим делом, король Карл XII пытается окружить русскую армию в районе Гродно, блокирует эту крепость, но царь Пётр I умело прорывает блокаду и выводит свои войска из-под удара.

8 мая 1706 года русская армия концентрирует главные свои силы у Киева. В середине того же года там находится и полк А.С. Келина.

Русское командование предвидело, что король Карл XII может бросить шведскую армию в поход на Россию. Планируя мероприя-

тия, связанные с подготовкой отпора неприятелю, военный совет при участии царя Петра I принимает решение укрепить фортификационные сооружения в Москве, Пскове, Смоленске, Можайске, Великих Луках, Серпухове и других городах. Особое же значение придавалось совершенствованию оборонительных сооружений в крепостях Малороссии, ибо не исключалась и, более того, считалась весьма вероятной возможность ведения боевых действий и в этом районе страны.

В марте 1706 года, ещё находясь в Смоленске, царь Пётр I приказывает генералу Головину: «...Извольте осторожность иметь о Киеве, куда (как мы думаем) не без намерения вражеского будет...»¹⁹

Действительно, каких-нибудь два месяца спустя уже считалось небезопасным отправлять почту из Киева в Москву, так как этот путь находился под прямой угрозой нападения противника.

Следует помнить, что задолго до описываемых событий, ещё в 1700 году, общее командование такими сильными крепостями, как Киевская, Черниговская, Переяславская и Нежинская, было поручено киевскому воеводе Д.М. Голицыну. С 1707 года централизация управления крепостями в Малороссии ещё более усилилась и распространилась теперь на все без исключения укрепленные города этого края. Царский указ гласил: «...взять тот город Киев, с прочими замки черкасскими в Разряд и ведать те города... князю Дмитрию князю Михайлову сыну Голицыну...»²⁰

Царь Пётр I при этом решил прежде всего усилить обороноспособность Киева, построив новую сильную крепость в районе Печерска. Такому решению царя предшествовал осмотр А.Д. Меншиковым 12 мая 1706 года старых киевских укреплений, о чём он докладывал государю письменно в Санкт-Петербург. Александр Да-

Смоленск. Со старинной гравюры

нилович первым высказал мысль, что наиболее подходящим местом для постройки новой крепости может быть именно Печерск: «...Сегодня ездил я круг здешнего города и около Печерского монастыря и все места осмотрил... Печерский монастырь зело потребен, и трудов немного надобно к нему приложить, понеже город из-

План Киева с Печерской крепостью генерала Алларта. 1706 г.

рядной каменной, немного не доделан и хотя против старого маниру (по старым методам фортификации. — *Я.И.*) зачат, однакож мочно оной доброю фортецеию учинить, что весьма будет благонадёжен; да и есть для чего его держатца, понеже место изрядное... а в Киеве в

городе... городовое (крепостное. — *Я.И.*) основание великое, и ежели его крепить, то зело не лёгок станет и людей будет требовати весьма доволного числа...»²¹

15 августа того же года не мешкая в присутствии монарха в торжественной обстановке состоялась закладка новой Киево-Печерской крепости. Тогда же князю Ромодановскому было приказано направить сюда 136 пушек и к каждой по 150 ядер. «Журнал, или Подённая записка Петра Великого...» так сообщает об этом событии: «...Государь усмотрел, что Киевская фортеция имеет зело худую ситуацию: того ради за благо рассудил сделать в ином месте, для которой за удобное место избрал монастырь Печерский (к тому же и для того, что вся Малороссия оное место надмеру в почтении имеет)... где Государь фортецию размерял и заложил (причём был сам один инженером)...»²².

В строительстве этой крепости принимали участие русские войска, казацкие полки и местное население. Полк А.С. Келина, находясь в то время в Киеве, естественно, не мог остаться в стороне от такого важного дела.

* * *

За Днепром и Двиною русские войска тоже строили линию полевых укреплений. В Смоленске, Могилёве и других городах создавались большие армейские склады военного снаряжения, боеприпасов, продовольствия. Страна усиленно готовилась к отражению возможного вражеского нашествия.

Наступила осень 1706 года. В сентябре уже вся Саксония была оккупирована войсками шведского короля. Август II заключил в Альтранштадте тайный договор с Карлом XII, отка-

Наградная медаль за битву при Калише (по определению современного русского историка В.А. Артамонова — «дедушка Полтавской победы»). Оригинал работы Гаупта. 42 x 38 мм., золото 47,9 г (14 червонцев)

заялся от польской короны, тем самым предательски разорвав союз с Россией.

Но Пётр I ещё не знал, что он уже лишился последнего своего союзника, и направил в Польшу корпус под командованием А.Д. Меншикова — 17 тысяч солдат и офи-

церов. Удача сопутствовала русским войскам: 18 октября 1706 года в битве под Калишем они разбили численно их превосходящий 28-тысячный неприятельский отряд генерала Мардефельта. Меншиков докладывал царю, что противник потерял в этом бою только убитыми 6 тысяч солдат и офицеров, пленив значительное количество шведов. В русском плену оказался и сам Мардефельт.

Вскоре Петру I стало известно и об измене Августа Северному союзу.

* * *

С декабря 1706-го и до конца апреля следующего года русская армия находилась в районе Жолквиева (Польша).

В январе следующего, 1707 года в старом королевском замке Жолквиева состоялся военный совет русского главнокомандования. По его итогам был составлен новый стратегический план дальнейшего ведения войны с учётом складывавшейся на тот момент политической и военной обстановки.

Этот план нашел свое практическое воплощение в 1707–1709 годах. Им предусматривалось выведение русских войск из Польши и занятие активной обороны в последующих действиях против шведов. Решено было применять тактику изматывания сил противника, уничтожения их боевых сил по частям; предписывалось организовать поистине всенародное сопротивление интервентам и дать генеральное сражение лишь после того, как силы шведской армии вторжения будут значительно подорванными.

В том же 1707 году в письмах Петра I и других восначальников русской армии фамилия А.С. Келина встречается довольно часто. В планах главного командования его полку, как правило, всегда отводилось одно из самых важных мест. Так, 1 января 1707 года подполковник Преображенского полка М.Б. Кирхен в письме к Петру I докладывал, что «...генерал-поруччик Алларт приехал в Полоцк для проведывания Царского Величества от неприятельского дела и сего числа пишет к господину генерал-майору Чемберсу, что неприятельский генерал Левенгоупт поближился до Друи, и получил ведомость... что намерение неприятеля быть в Полоцк; и для того велел иттить немедленно к нему в помощь Келина да Шереметева (сын Б.П. Шереметева. — *Я.И.*), полку трём баталионом до Орши.

И против того указу пойдёт генваря 2 числа Келин, 3-го числа Шереметев до Полоцка, а Преображенского 4 числа 3 баталиона до Орши, а 4-ый баталион останетца в Могилеве до указу»²³.

8 января Кирхен снова докладывал царю из Орши: «...Келина да Шереметева полки пошли до Полоцка з господином генерал-маэором Чемберсом...»²⁴

11 января Пётр I в письме к генералу Алларту распорядился держать полк Келина «до указа» (до особого распоряжения то есть). Но уже в марте ему (Келину) приказано быть в Могилёве, куда направлялись также полки молодого Шереметева, Леслева и Анненкова.

Спустя ровно четыре месяца, 11 мая, Пётр I непосредственно предписывает генералу Р.-Х. Боуру: «...На лошадях... сделать из пеших полков адин (а буде болше... лошадей, то хотя оба или болше), а именна молодова Шереметева и Келина...»²⁵

6 июня царь Пётр снова пишет Боуру: «...Понеже вам уже ведомо через многие указы, чтоб два полка, молодого Шереметева и Келина, сделать конными...»²⁶

Для вновь образовываемых кавалерийских полков использовали отбитых у неприятеля коней.

* * *

В 1707 году властители Англии, Австрии и Голландии активизировали враждебные действия против России. Их целью было предотвратить возможное вмешательство Карла XII в войну за испанское наследство на стороне Франции. Послы заинтересованных стран всячески пытались повлиять на шведского короля, с тем чтобы он поскорее оставил Саксонию и двинулся в поход на Восток. Эти обстоятельства в значительной мере ускорили шведское вторжение в Россию.

Армия Карла XII, насчитывавшая 35 тысяч солдат и офицеров, вышла из Саксонии в конце августа. 28 января следующего, 1708 года шведы были в Гродно, а 8 февраля — в Сморгони. Именно здесь король принимает окончательное решение идти на Москву и овладеть столицей Российского государства.

Дальнейший путь армии Карла XII прошел через Минск, Березину, Головчин, Могилёв, Чериков, Доброе, Стариши. Отходя с боями к своим границам, русские войска наносили противнику чувствительные ответные удары. Свидетельством тому — успешные для русского оружия сражения у Доброго (Черной Наппы), Раёвки, Бельи и Кадины.

В тылу шведской армии начали действовать партизанские отряды из местного населения, озлобленного реквизициями, а порою и крайне жестоким обращением оккупантов с жителями районов, где проходили их войска. Партизаны совершали внезапные налёты на шведов, уничтожали отдельные группы неприятеля, отбивали вражеские обозы.

Достигнув Старишей и убедившись, что ближайший (и удобный) из путей на Москву через Смоленск надёжно перекрыт армией Шереметева, Карл XII решает идти к столице Российского

Шведская армия в походе на Россию

государства через Малороссию, рассчитывая на поддержку изменника — гетмана Мазепы.

Большие надежды возлагал шведский король и на генерала Левенгаупта, который вёл из Риги на помощь Карлу XII корпус, насчитывавший 16 тысяч солдат и офицеров при 17 артиллерийских орудиях. С ним шел огромный обоз — не менее 8 тысяч возов с большими запасами пороха, продовольствия и амуниции.

Надеждам короля не было суждено воплотиться в реальность.

Русское главнокомандование, получив сведения о маршруте движения Левенгаупта, держало неприятельский корпус под своим постоянным наблюдением*. Из состава русской армии был выделен особый корволант — «летучий отряд», в котором состояло 4830 пехотинцев и 6795 кавалеристов. Возглавляемый лично царём Петром I, корволант пошел на сближение с силами Левенгаупта с целью не допустить их соединения с армией короля Карла XII.

22–24 сентября 1708 года войска Левенгаупта переправлялись через Днепр. А 27 сентября отряд под командованием Петра I впервые настиг противника у деревни Долгие Мхи и в ночь на 28 сентября нанёс ему первый удар.

Бой продолжился у деревни Лесная неподалеку от города Пропойск (ныне Славгород, Белоруссия). «Книга Марсова...» так рассказывает об этом событии: «...После первой акции, которая была под Добрым у реки Чёрной Наппы, в скором времени уведомились, что генерал Левенгопт идёт в случение к своему королю, тогда намерился конечно дабы онаго генерала искать и атаковать, к чему определены 3 полка, и один баталион пехоты, да 10 полков конных (понеже о нём всюду подтверждали, что оной болше от 8 до 10 тысящ не имеет), и с самого того дня по вси дни маршировали за оным, и в 26 день онаго дошли, и передовыя партии со онаго ариергадиею бились, и взяли языков, от которых подлинно уведомились, что оных 16 тысящ, и того ради послан указ, дабы генерал поручик Баур (который сзади шел короля шведского) тот час в случае

* «...14 августа полки Боура пришли в Смоленск, и его драгуны начали переправляться через Днепр» (Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. II. С. 515). «С этим маршем приближались к полям сражений на Украине будущие герои главной битвы, включая будущего коменданта Полтавы полковника Келина» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 17. Л. 100 об.) Цит. по: Петрухинцев Н. Полтавское зачатие // Родина. 2008. № 8. С. 63.

ние шел, а бригадира Фастмана в тысяще лошадях драгун и несколько Козаков послал к реке Соже, дабы неприятелю переход чрез оную реку запретить.

Меж тем отправлена воинская дума, атаковать ли так сильнее себя неприятеля, или генерала Боура дожидаться, на которой положено, что ежели в два дни не будет, то одним онаго с помощью Божией атаковать. И тако пошли за неприятелем.

В 27 день дошли до неприятеля в деревне нарицаемой Долгих Мхах, которой за рекою на горе со своим войском стоял, и мосты разорил. И когда наши конные на берегу явились, неприятель тот час пехоты и пушки к берегу подвигнул, и стал по нашей коннице стрелять. Против того и с нашей стороны 5 пушек привезено, и також стали стрелять. Потом неприятель пушки свои отвёз, а пехоте велел лечь. Но наши пушки оных тогда стали подымать, того ради сим манером не возмогли избавиться, и оная пехота ушла в лес.

Потом и все войско неприятельское из виду ушло, и наступила ночь; а наши тою ночью два моста сделали и поутру перебрався пошли за неприятелем, и о полудни онаго дошли до деревни Лесной в параде стоящего, и начали пехоту спешивать (для того что

Битва при Лесной (по слову Петра Великого — «мать Полтавской победы»)

была она на лошадях), и строиться к баталии, дабы неприятеля атаковать...»²⁷

Во второй половине дня 28 сентября бой у деревни Лесная разгорелся с новой силой, с переменным успехом для обеих сторон. Русские войска выбили шведов из леса и продолжали ожесточённое сражение уже на открытой местности. В разгар боя, преодолев завесу плотного огня артиллерийских батарей противника, подошли силы генерала Боура и присоединились к левому флангу корволанта. Это случилось весьма своевременно, ибо незадолго до их подхода Пётр I был вынужден перебросить два полка драгун с левого на весьма ослабевший правый фланг.

Получив свежие подкрепления, русские войска повели новую сильную атаку на шведские позиции и вскоре разбили брошенный Левенгауптом в бой последний шведский резерв — два батальона пехоты. Шведская кавалерия также была отброшена назад.

Неприятельские пушки, не боясь поразить своих, сосредоточили теперь плотный огонь на войсках корволанта. В ответ в сражение мощно вступили русские батареи. Началась длительная артиллерийская дуэль...

Положение изменилось, когда к вечеру русским войскам удалось захватить у неприятеля 16 орудий (из семнадцати «всего» имевшихся у них), стволы которых немедленно были повернуты против шведов. Лишь ночная темень да разыгравшаяся метель помешали сразу же докончить разгром войск Левенгаупта.

Положение шведов было критическим. Продолжать сопротивление с наступлением утра 29 сентября означало поставить уцелевшие остатки корпуса под полное и окончательное уничтожение. Альтернатив для Левенгаупта не существовало — надо было бросать обоз и срочно уходить. Так шведский генерал и поступил: под прикрытием ночной темноты, оставив раненых на произвол судьбы; уничтожив, что оказалось под силу, из военного имущества, шведы снялись со своих позиций и бежали в южном направлении.

Пётр I направил на преследование уцелевших остатков корпуса Левенгаупта две тысячи драгун и тысячу конных гренадер; они настигли арьергард противника и в завязавшемся бою уничтожили большую его часть.

Возле Пропойска отступавших шведов перехватил отряд А.Д. Меншикова, в состав которого входил и Тверской полк

А.С. Келина. Здесь и именно этими силами у шведов были отбиты последние две тысячи телег с военным имуществом и снаряжением.

А за Пропойском ещё раз основательно потрепали остатки корпуса Левенгаупта русские войска под командованием генерала Пфлуга... Довершили же уничтожение шведов белорусские партизаны, отлавливая в лесных дебрях раненых либо просто испугавшихся и убежавших с поля боя шведских солдат и офицеров.

В сражении у Лесной русские войска взяли значительные трофеи, в том числе 42 неприятельских знамени.

Общие потери корпуса Левенгаупта составили тогда от 8 до 9 тысяч убитыми, ранеными и взятыми в плен. В ставку Карла XII 12 октября (спустя две недели) пришло 6700 измученных и деморализованных шведских солдат и офицеров, среди которых оказалось множество раненых и больных, — вот и всё, что осталось от этого корпуса.

Нападение белорусских партизан на шведов.
С картины худ. В. Савина

Памятник битве при Лесной.
Фото 1970-х годов

Русские войска потеряли при этом 1100 человек убитыми, 2856 ранеными.

Блестящие результаты сражения у деревни Лесная имели крайне важное значение для хода всей последующей кампании против шведского нашествия. Вот почему уже после разгрома армии Карла XII под Полтавой 27 июня (10 июля) 1709 года царь Пётр I торжественно назовет эту битву «матерью Полтавской победы».

Возле Славгорода в Беларуси (бывший город Пропойск) высится

монумент, воздвигнутый к 200-летию этого важнейшего события. Пьедесталом памятника служит гранитная глыба в форме усечённой пирамиды (самого устойчивого сооружения на Земле). На ней — бронзовый орёл с распростёртыми крыльями, лавровый венок и знамя. На лицевой стороне монумента надпись: «В память сражения при Лесной Матери Полтавской Победы — 1708 28 сент. 1908 г.» Автор проекта — скульптор А.Л. Обер*.

Этот же известный мастер принял активное участие и в создании памятника доблестному коменданту Полтавы полковнику Келину и славным защитникам города, который был торжественно открыт в Полтаве в следующем, 1909 году императором Николаем II Александровичем — при громком праздновании 200-летия Полтавской битвы.

...Осенью 1708 года шведская армия Карла XII вошла в пределы Малороссии — навстречу своему бесславному концу. Начался новый этап Великой Северной войны, где нам опять предстоит встреча с командиром Тверского полка и комендантом Полтавской крепости Алексеем Степановичем Келиным — на сей раз в звёздный его час.

ЗДЕСЬ СЛАВА РУССКОГО ОРУЖИЯ ВЗОШЛА

Полтавский период Великой Северной войны был насыщен многими важными событиями, которые и привели в конечном счёте к коренному перелому военной и политической ситуации в мире на пользу России.

В зоне военных действий оказалась тогда значительная часть территории Левобережной Украины, где имелось немало крепостей, ставших опорными пунктами русской армии в борьбе против шведского нашествия²⁸. Среди них достойны отдельного упоминания Стародуб, Новгород-Северский, Глухов, Прилуки, Ромны, Ахтырка, Гадяч, Веприк, Зеньков, Опошня, Сорочинцы, Миргород, Лубны, Пирятин, Лохвица, Полтава и многие другие.

* Артемий Лаврентиевич Обер был скульптором-анималистом, т.е. мастерски запечатлевал в скульптурных изображениях животных. Орёл на памятнике у деревни Лесной действительно его работы. Но общий замысел памятника принадлежит другому человеку — Александру Александровичу Бильдерлингу, генералу от кавалерии. Подробнее об этом смотри в конце данного исследования.

Пётр I ещё в 1707 году, тогда ещё не подозревая Мазепу в вынашивании каких бы то ни было предательских планов, приказал ему укрепиться у Днепра, построить в малороссийских городах крепкие фортификационные сооружения. Надо заметить, что Мазепа всячески уклонялся от выполнения этого приказа. О неудовлетворительном состоянии украинских укреплений докладывали многие, в том числе — в 1708 году — В.Л. Кочубей, сообщая сведения,

В.Л. Кочубей.
Худ. Т. Шевченко

убедительно характеризующие гетмана как изменника: «...В прежние времена малороссийские города были хорошо укреплены, а теперь уже не отправляются... люди думают, что города нарочно не отправляются для того, чтобы не в силах были обороняться от тех, которых гетман призовет»²⁹.

Фортификация многих укрепленных городов этого региона страны была усилена уже после того, как со всей очевидностью вскрылся как сам факт измены Мазепы, так и после ввода в них гарнизонов русских войск. Петровские инженеры и сапёры сумели тогда в срочном порядке возвести новые укрепления Стародуба, Нежина, Ахтырки, Прилук, Лебедина и других городов. В этом им деятельно помогало местное население³⁰.

Русское главнокомандование принимало и другие действенные меры по усилению обороноспособности крепостных гарнизонов. Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев в своём письме к генералу Я.В. Брюсу от 12 января 1709 года сообщал: «...Сего числа Царское Величество именным своим указом предложил мне, дабы гарнизоны, которые обретаются от войска Его Величества... к неприятельскому отпору всякими военными припасы удовлетворить. Того ради по получении сего указа изволит Ваше благородие приказать из артиллерийских офицеров послать меора или капитана в гарнизоны, а именно в Ромну, в Сорочинец, в Ахтырку, в Полтаву для переписки военной амуниции, сколько обретается пушек, и каковым калибром, и что пороху и свинцу и ядер... Коликое число военной амуниции в который гарнизон по его осмотру будет потребно к отпору неприятельскому...»³¹

Прошло немного времени, и офицеры Невельской, Стам и другие, которым поручалось обследовать состояние крепостных гарни-

зонов, предоставили в Ставку («главную квартиру») подробные сведения.

Указ Петра I комендантам крепостей этого района страны, датированный 12 января 1709 года, предписывал: «...Надлежит вам как во укреплении города, також и в провианте трудиться... Того же смотреть и в воинской амуниции... Ежели неприятель будет ваш город отаковать, то... боронитца до последнего человека и ни на какой акортъ (договор. — *Я.И.*), с неприятелем никогда не вступать... Також, ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и протчим (сколко побитых не будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить...»³²

Принятыми экстренными мерами обороноспособность укрепленных городов Левобережной и Слободской Украины была значительно улучшена. Их жители с пониманием и сочувствием относились к петровским мерам по усилению крепостей края, и когда действительно пришло время их защищать, то наряду с гарнизонами в боях против неприятеля приняло самое активное участие и местное население, и в этом на деле нашло своё яркое проявление боевое содружество великорусского и малорусского народов-братьев, вместе, плечом к плечу отстаивавших в жестокой борьбе против иноземных захватчиков свободу и независимость отчизны.

Значительную часть потерь шведских войск в живой силе составили тогда убитые и раненные в боях за малороссийские города. Только во время осады в январе 1709 года небольшой крепости Веприк шведы потеряли по крайней мере 1200 солдат и 46 офицеров*. Блокада этого местечка задержала продвижение армии Карла XII — и в этом, помимо нанесенного противнику урона, главное её значение. Даже шведский историк А. Стиле, отнюдь не отличавшийся объективностью при оценке событий Великой Северной войны, был вынужден признать, что осада Веприка по понесенным шведами потерям равнялась крупному сражению.

В результате боя за крепость Переволочная в апреле 1709 года отряд русских войск под командованием полковника Яковлева разбил почти тысячный гарнизон мазепинцев, уничтожил базировавшуюся в этой крепости большую флотилию судов, которые неприятель мог бы использовать в своих целях. Некоторое время спустя

* В отдельных источниках цифры шведских потерь при осаде и штурме Веприка простираются до 1700 человек и более.

данное обстоятельство обусловило сравнительно быструю капитуляцию остатков армии Карла XII, бежавших с поля Полтавской битвы к Днепру в надежде переправиться на безопасный для них правый берег. Но разрушенная Переволочная в те дни уже не могла выполнять предназначение твердыни, за стенами которой можно было бы укрыться и откуда оказать действенное сопротивление наступающим шведам по пятам русским войскам. Здесь к тому времени не осталось ни полноценных укреплений, ни запасов оружия и боеприпасов, ни продовольствия.

Таким образом, операция русских войск весной 1709 года по обезвреживанию захваченной противником Переволочанской крепости выходит за рамки тактического успеха. В итоге, как пишет академик Е.В. Тарле в своей работе «Северная война и шведское нашествие на Россию», «...с точки зрения политических последствий, с точки зрения воинской чести эта капитуляция под Переволочной была для шведов фактом несравненно более страшным, чем Полтавский разгром»³³.

* * *

Ахтырская крепость не имела непосредственного боевого соприкосновения с противником в тот период, однако само наличие её на этом театре войны объективно сказалось на ходе военных действий. Достаточно сильные укрепления города стали одной из весьма важных причин отказа шведского командования от планов двигаться на Москву по ближнему пути — через Слобожанщину.

В Сумской крепости находилась Ставка русского главнокомандования. Нежинская и Лубенская крепости выполняли назначение опорных пунктов на линии размещения казачьего войска, которое в соответствии с общим планом действий перекрывало возможные пути отхода армий Карла XII в западном направлении.

Важное значение в кампании 1708–1709 годов имели также Харьковская, Черниговская, Переяславская, Изюмская, Острогожская* и другие крепости, также прикрывавшие возможные основные стратегические направления и тем самым обеспечивавшие безопасность тылов русских войск.

* Черниговская и Переяславская крепости усиливали позиции русских войск и малороссийских казаков по надёжному отсечению путей отхода Карла XII на Запад; Изюмская и Острогожская перекрывали захватчикам дорогу на Воронеж, где были сконцентрированы главные продовольственные склады русской армии.

...Впервые фамилию А.С. Келина, командира Тверского полка, в связи с обороной малороссийских городов-крепостей от шведских захватчиков мы встречаем в письме А.Д. Меншикова, направленном Петру I из Ахтырки 14 января 1709 года: «...С указа вашего, данного здесь полковнику Келину за полковничью и офицерскими руками, копию при сём посылаю...»³⁴

В письме сообщается, что с указом Петра I комендантам крепостей ознакомлен офицерский состав Тверского полка (в Ахтырку полк Келина прибыл 23 декабря 1708 года. Здесь А.С. Келин и получил назначение в Полтаву комендантом крепостного гарнизона)*.

* Ничем иным, кроме как изумительным чутьем стратега, невозможно объяснить назначение Петром I одного из лучших своих офицеров в Полтаву, которую следовало оборонять на пределе своих сил: крепость действительно была слаба как в смысле состояния оборонительных валов, так и по артиллерийскому парку (поначалу он насчитывал всего лишь десять исправных пушек), крайне малым запасам продовольствия. Лишь спустя неделю после назначения, 22 января, А.Д. Меншиков отписал Петру I, что «...от взятых языков имеем мы ведомость, будто неприятель намерен идти к Полтаве» (Письма и бумаги Императора Петра Великого. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 606). Учитывая то обстоятельство, что почта, пусть и спешная, забирала на доставку сообщений весьма значительное время, можно смело предположить, что вопрос с Келиным в части назначения его в Полтаву комендантом был решён, по крайней мере предварительно, ещё к концу осени 1708 г. (по некоторым данным, см., в частности, приведенные в работе В.Е. Шутого «Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр.», осаду Веприка /городок-крепость близ Гадяча/ шведы начали ещё в ноябре 1708 года. Но явные поползновения идти всей армией на Полтаву проявились у оккупантов всё же несколько позже).

В то же время предположения о «дирекции» армии Карла XII на Полтаву впервые встречаются ещё в донесении генерала Ренне князю Меншикову от 13 ноября 1708 года. Основывались они на разрозненных сообщениях, будто «полковник полтавский казнён и Мазепа выбрал полковника, который ему верен. И полк собрался великой, сказывают тысяч с десять» (Труды Императорского Российского исторического общества. Т. III. № 18). Масла в огонь подлил бригадир Фёдор Шидловский, направив светлейшему 17 ноября письмо, что-де, по полученным сообщениям, «Полтава заперлась, как и Батурин» (Фонд «Бумаги Меншикова». Карт. 10. № 94).

Вот отчего Пётр I, быстро среагировав на эти сообщения, уже 27 ноября отправляет в Полтаву бригадира князя Александра Григорьевича Волконского «с великороссийскими и слобочкими полки». Зря на Полтаву восклёпывали, будто она «...издавна нестатечная, и теперь в ней добра не сподеватись...» (Фонд «Бумаги Меншикова». Карт. 10. № 113) — Волконского перед городом приветли-

Царь не просто формально «завизировал» свой указ о назначении Келина в Полтаву — нет, он высказал при этом своё отношение к подчинённому, основанное на многолетнем знакомстве с нашим героем: «Степаныч один стоит крепости», — сказал Пётр I.

В приложении к письму Меншикова названы пофамильно 60 офицеров, получивших назначение в Полтаву. Среди них два полковника — Келин и Менден, три подполковника — Кунингам, Озеров и Репьёв, четыре майора — Кривков, Волынский, Крафорт и Лудевиль, семь капитанов — Шемановский, Мишатиц, Зубатов, Тяпкиц, Насакин, Кирчевский и Маслов, 16 поручиков, 7 подпоручиков, 20 прапорщиков. Составил и заверил этот список адъютант Келина, которого звали Алексей Петров.

* * *

Ахтырская крепость, куда прибыл А.С. Келин со своим полком, возможно (как вариант) выделенным для включения его в состав местного гарнизона в тот период, когда шведская армия будто бы собиралась двигаться именно в этом направлении, была одним из самых важных оборонительных узлов проходивших здесь дорог на Сумы, Харьков, Белгород и другие крупные населенные пункты. От того, кто будет владеть Ахтыркой, реально зависело тактическое и стратегическое преимущество противоборствующих сторон. Датский посланник в Москве Грунд, к примеру, сообщал своему правительству 20 февраля 1709 года, ссылаясь при этом на сведения, полученные из русской «главной квартиры» — Ставки, что Ахтырку считают именно тем «проходом», через который шведы могут попытаться продвинуться к Белгороду. Важность надлежащей организации обороны Ахтырки усматривается и в том, что здесь с 13 января 1709 года находился по непосредственному поручению царя Петра I А.Д. Меншиков — его самое доверенное лицо. Он лично руководил строительством новых, более мощных укреплений.

во встретили наказной полковник, старшина, казаки и мещане; «ласково», как пишут, принятые полтавчанами, солдаты и офицеры были сколь возможно лучше размещены «на мещанских дворах» (а не в приспособленных казармах).

Но перейдём вновь к событиям начала следующего, 1709 года.

Отписав государю, А.Д. Меншиков самолично посетил Полтаву 27 января «...ради осмотра и лутчаго распоряджения тамошнего гарнизону». Его, несомненно, встречал А.С. Келин, уже три дня как прибывший во вверенный ему город и успевший вполне сориентироваться в нём. Помощь светлейшего немало, надо полагать, способствовала организации лучшей обороны Полтавы.

В первый же день своего пребывания в Ахтырке Меншиков докладывал царю: «...Сего числа рано... сюда прибыли. И здешнюю фортецию я осмотрел и не знаю, что с нею чинить, понеже не весьма оборонительная, но токмо, что велика и например будет вместе... и в предместье 2000 дворов, и ежели оную держать, то целую дивизию (можно) посадить...»³⁵

Ответ Петра I на это донесение гласил: «...О фартеции Ахтырской извольте чинить по своему рассмотрению...»³⁶

Энергичный и предприимчивый Меншиков после этого ведёт быстрыми темпами перестройку укреплений и доносит царю, что «...у здешней фартеции заложили мы 5 болварков (бастионов. — Я.И.), а также старые башни направлять стали и ежели всё свершитца, то немалое защищение будет...»³⁷

2 февраля Пётр I сам прибыл в Ахтырскую крепость и находил-ся здесь шесть дней, лично контролируя ход фортификационных работ.

«Ведомости Киевского губернского управления» 1718 года содержат подробное описание этой крепости. После реконструкции 1709 года периметр ее внешней оборонительной ограды составлял 2650 метров. В систему укреплений входили: земляной вал, ров, палисад, рavelин, 9 бастионов и 9 башен. Имелся пороховой погреб. На вооружении гарнизона было 63 пушки и к ним 6406 ядер³⁸.

* * *

...А.С. Келин привёл из Ахтырки в Полтаву не только Тверской, но и Устюжский полк, также выделенный из армии в состав полтавского гарнизона, всего 4182 солдата и офицера, 91 из которых были артиллеристами (пушкарями). 19 января 1709 года Меншиков в очередном письме докладывал Петру I: «...Вчерашнего дня ввечеру получил я от брегадира Волконского письмо, от 17 дня сего месяца ис Полтавы писанное, в котором он пишет, что Келина с полками в Полтаву ввёл, а Ингерманландской полк вывел...»³⁹

Здесь следует упомянуть, что первый гарнизон Полтавской крепости в этот период Великой Северной войны составляли тоже два полка русских войск, присланные сюда из Белгорода в октябре 1708 года.

Через некоторое время их передислоцировали, а взамен в Полтаву прибыл 3 декабря Ингерманландский полк бригадира Александра Григорьевича Волконского. Его сменил, в свою очередь, А.С. Ке-

лин*. Какой же была Полтавская крепость, в скором времени преградившая путь иноземным захватчикам, кто и когда её строил?

Обратимся прежде всего к одному из весьма интересных документов второй половины XVIII века, хранящемуся в фондах Центрального Государственного архива древних актов. Это доклад полтавского городского головы Павла Кочубея Правительственной комиссии о географическом, политическом и культурном положе-

* Когда именно А.С. Келин сменил А.Г. Волконского на посту коменданта крепости Полтава? Уточнить этот ключевой момент впервые сочли важным при редактировании «Истории Свейской войны», чем занимался лично Пётр I. Он-то и поднял вопрос: когда и как Келин прибыл в Полтаву? По запросу царя или секретаря А.В. Макарова бригадир Иван фон Менгден составил письмо следующего содержания (датированное 11 декабря 1720 года):

«Милостивой мой государь, Алексей Васильевич. Объявляю Вам, моему государю, в коликом числе мы прибыли в Полтаву и отколе хто, и в котором месяце послан господин Келин, генваря в 9-м или в 10-м числе 709 году из Ахтырки. Только подлинно в числах не упомню, а конечно в генваре и вскорости после Крещенья, с командою полковником с Тверским полком.

А я тогда был полковником же с Устюжским, итога 4 баталиона, а в комплектель оные полки были, ныне подлинно не упомню, понеже и от своего бывшего полку ныне при себе репорту и табели не имею. И до прибытия ево, Келинова, ко мне в Ахтырку был прислан с полковниками Гаврилом Репьёвым Белагороцкой баталион, которой не от армейского Белагороцкого полку онаго гарнизону, понеже я у него, генерала князя Репнина, прежде оставлен был комендантом в Сумах, а он з дивизиею маршировал в Лебедин. И после оного вскоре получил указ итти в Ахтырку и быть комендантом там. Для чего ка мне ещё и прислан вышереченный баталион.

А из Ахтырки в Полтаву отправлял нас указом з господином Келиным светлейшей князь (А.Д. Меншиков. — *Прим. ред.*), и поручил ему команду и определил быть в Полтаве комендантом ему, Келину, понеже он был старшей полковник. При нём же, Келине, прибыли в Ахтырку 2 гранадирские роты Тверскаго ж и Устюжского полков, которые были прежде взяты в Гранадёрский полк. А прибыл он ко мне в Ахтырку, госпбдин Келин, из Лебедина в декабре, а в котором числе, не упомню, токмо прежде Рождества в 708 году, а не из Михайловки и не Путивля. <...>

А в Полтаву мы прибыли вышеречённого ж генваря из Ахтырки в 3 день, а в котором числе, окуратно не упомню. А в Полтаве тогда был с Ынгермонланским полком брегадир князь Александр Волконской, а по прибытии нашем выступил в форштат, а крепость поручил Келину. Однако ж, будучи при Полтаве, по коих мест не пошёл с Ынгермоланским полком в путь свой, командировал, но токмо пошёл да атаку. Всепокорный ваш, моего государя, слуга Иван фон Менгден. Санкт-Питербурх, декабря 11, 720 году» (История Свейской войны. М., 2004. Вып. 2. С. 433).

нии Полтавы, датированный августом 1770 года. В нём, в частности, говорится о пограничном положении города «от Турецкой области» и что «...город Полтава осажен в 1608 году казаком полку Миргородского, прозываемом Маслом, и когда умножилось жителей, то в то время и крепость земляную сделано...»⁴⁰.

Такой же год основания Полтавы называет и другой источник XVIII века — «ведомость городам почему которых название имеет», находящийся в фондах Центрального государственного исторического архива СССР* в городе Ленинграде⁴¹.

Князь Игорь Святославович.
Худ. И. Глазунов

В эти сведения необходимо внести поправку. В действительности 1608 год является годом не основания, а возрождения Полтавы, разрушенной в 1239 году татаро-монгольскими ордами.

Впервые же о древнем поселении на территории нынешней Полтавы, форпосте на границах Переяславского княжества с воинственными кочевыми племенами, носившем наименование Лтава, упоминает Ипатьевская летопись. Она свидетельствует, что в 1174 году новгород-северский князь Игорь Святославович, преследуя половецкие орды ханов Кобяка и Кончака, «перееха Върскол оу Лтавы к Пеяславлю (Переяславлю)... и побегаща (половцы) весь полон свой положивше»⁴².

Городище древнего славянского поселения было исследовано археологами в 1940, 1945–1946 годах⁴³.

Летописцы действительно не упоминают о Полтаве вплоть до XVII века, когда Полтава становится известной «под именем полкового города». Однако имеются документы, свидетельствующие, что в 1430 году это населенное место вместе с Глинском (ныне село Котелевского района Полтавской области) было отдано литовским великим князем Витовтом татарскому князю Лексаде, «родона-

* Названия городов и архивных учреждений оставлены в тексте в основном в таком виде, как они проставлены в рукописи Я.Г. Иванюка. Центральный государственный исторический архив СССР в городе Ленинграде ныне (с 1992 года) называется Российским государственным историческим архивом (РГИА) и находится в Санкт-Петербурге на Заневском проспекте, дом 36.

чальнику князей Глинских, родственников князей московских по Елене Глинской, матери Ивана Грозного». Летопись говорит: «...а вотчина у него была Глинск, да Глиница, да Полтава»*.

В 1608 году Полтава была устроена как настоящий город гетманом Жолкевским для его зятя и будущего преемника Станислава Конецпольского.

Некоторые полагают, что Полтава была первоначально поселением миргородского князька Масла, к которому переселились в 1608 году несколько семейств из Голтвы.

Старожилы города до сих пор делятся на Старый, или Городище, и на Новый, или Новоселовку. Городище находилось там, где было первоначальное поселение, т.е. где ныне стоит Успенский собор. Здесь происходят частые провалы, которые подтверждают существование древних жилищ. В 1648 году во время казацких восстаний владелец Полтавы Иеремия Вишневецкий покинул навсегда свою вотчину и бежал на

Мартын Пушкарь.
Худ. Е. Путря

Волынь; Полтава разделилась на четыре полка: Полтавский, Миргородский, Кропивянский и Прилуцкий. При Богдане Хмельницком Полтава была полковым городом, и полк занимал нынешние уезды: Полтавский, Гадячский, Зеньковский и Кобеляцкий по рекам Ворскла и Псёл.

Первым полковником полтавским с 1648 года был Мартын Пушкарь, который пал в неравной борьбе с Выговским. В 1654 году Полтава вместе с Малороссией вошла в подданство России. В 1648 году Полтава,

несмотря на усиленную защиту, была обращена Выговским в груду развалин.

* В «Полном географическом описании нашего Отечества» П.П. Семенова, изданном в Санкт-Петербурге в 1903 году, говорится, что «...в 1569 году произошло присоединение к польской короне земель Киево-Переяславской и Волынской, в 1576 г. был учрежден в Украине, в числе 10 малороссийских, полков и Полтавский полк, но о городе Полтаве, однако, мы не встречаем упоминания даже в книге Большого Чертежа, в которой были обозначены городки, расположенные вблизи Полтавы, как Миргородок и Хомутец» (Т. 7. Малороссия). Можно предположить, что Полтава в то время не считалась городом или что она пришла в запустение от разорений татар на несколько лет.

С этого времени начались тяжелые казачьих междоусобия. Премниками Пушкаря были Федор Жученко, Демьян Гуджель и Григорий Витязенко, имевший одинаковую участь с гетманом Брюховецким в 1678 году в битве при Чигирине, затем Леонтий Черняк, Павел Герцик, соорудивший немало церквей, и Иван Искра, обезглавленный 15 июля 1708 года с Кочубеем за донос на гетмана Мазепу, знаменитый сподвижник Палея и Самуся»*.

Добавим, что те, кто восстанавливал крепость Полтава в начале XVII века, удачно использовали сложный рельеф этой местности. Плато, на котором возвели укрепления, поднимается над уровнем реки Ворскла почти на 70 метров и окружено со всех сторон, кроме северо-западной, обрывистыми склонами, спускавшимися в те времена в сильно заболоченную долину.

Полноводная Ворскла, её притоки Коломак, Полтавка, Быстровка, Рогизна, Чёрная и многочисленные ручьи создавали широкую сеть естественных водных преград, надёжно перекрывавших подходы к крепости с востока и северо-востока.

Значительную ценность для представления о Полтаве допетровского времени представляет план крепости первой половины XVII века работы французского военного инженера Гильома Левассера де Боплана. Это единственный из имеющихся картографических источников того периода.

Несколько слов о его составителе. Боплан родился около 1600 года в Нормандии вблизи Руана. Получив хорошее образование, он по неизвестным причинам оставляет Францию и в 1630 или 1631 году поступает на службу к польскому королю Сигизмунду III. Руководит строительством многих фортификационных сооружений.

Более шестнадцати лет провёл Боплан на Украине, где, состоя в польской армии, строил крепости, занимался топографической съёмкой, близко знакомился с жизнью и бытом малороссиян, даже участвовал в отражении набегов Крымской орды.

В начале освободительной войны малороссиян против Польши Боплан возвращается на родину. Живя в Руане, вспоминает край, где в неустанных трудах и опасностях он провел лучшие, вероятно, свои годы. Пережитое и увиденное им послужило материалом для создания книги «Description de l'Ukraine».

* Семенов П.П. Указ. соч. С. 294.

Вскоре после написания она была издана в 1650 году тиражом всего лишь 100 экземпляров, с приложением карты Украины*, составленной по прежним чертежам и измерениям, и сейчас является изрядной библиографической редкостью.

Второе издание книги последовало в 1660 году, также при жизни автора (умер 6 декабря 1673 года). На русском языке книга Боплана впервые была издана в Санкт-Петербурге в 1832 году известным историком Н.Г. Устряловым. Публиковалась также В.А. Кордтом в «Материалах по истории русской картографии» в 1899–1910 годах.

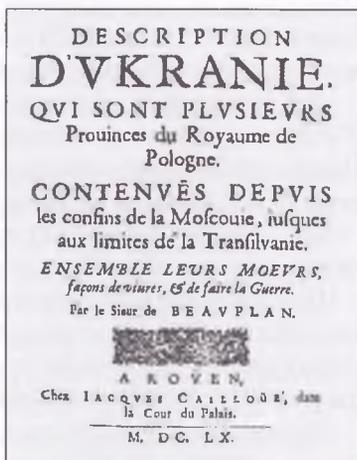
На чертеже Боплана Полтавская крепость имеет форму многоугольника. Главная часть её — цитадель квадратной формы с четырьмя угловыми бастионами — находилась в средней части городской территории. На внешней ограде крепости имелось девять бастионов⁴⁴.

В документах 1641 года Полтава уже называется городом. В первой половине XVII века здесь было налажено производство селитры, использовавшейся для приготовления пороха. Источники того периода называют Полтаву «селитренной державой», что косвенно свидетельствует о значительных масштабах этого производства⁴⁵.

В 1649 году город становится административным и военным центром Полтавского казачьего полка. Первым его полковником, как уже упоминалось, стал Мартын Пушкарь — один из ближайших сподвижников Богдана Хмельницкого. В городе-крепости размещались первая и вторая сотни руководимого им полка.

Полтава являлась одним из важных пунктов борьбы против польско-шляхетских войск, резервной базой восставших, где были сосредоточены запасы оружия, продовольствия, фуража.

* Польской «окраины» то бишь. Побудительной причиной составления данной карты была активная колонизация этих земель Речью Посполитой и «обоснование» непрекращающихся её территориальных претензий к России.

Титульный лист второго прижизненного издания работы Г. Л. де Боплана

Полтавский полк принимал активное участие в разгроме польских войск под Зборовом в 1649 году и в других важных сражениях того периода.

Зимой 1654 года население Полтавы присягнуло на верность союзу с Россией*, а в 1657–1658 годах активно выступило против той части казачьей старшины, которая поддержала изменника — гетмана Выговского. Полковник Мартын Пушкарь сформировал дополнительно к находящимся под его рукой казачьим сотням полк из простого люда и в сражении у Диканьки в январе 1658 года нанёс войскам Выговского сокрушительное поражение.

26 апреля того же года царь Алексей Михайлович назначил в Полтаву воеводой стольника А.П. Чирикова. С ним «для всякого бережения посланы... салдацкие начальные люди и с ними салдаты»⁴⁶.

В конце мая — начале июня (год тот же), «зараз о святом Николаи», как определяет этот момент «Летопись Самовидца», население Полтавы самоотверженно защищало свой город от войск вторично пришедшего сюда Выговского. Но теперь он усилил свое войско за счёт объединения с 40-тысячным отрядом крымского хана Карамбея...

Мартын Пушкарь «...сперва вылазкою из города напав на шанцы Выговского, не только обоз и артиллерию, но и булаву Гетманскую отнял; вскоре однакож по том, при сражении со многочисленною Крымскою ордою, отваживая на себя все опаснейшие места битвы, был убит, бив со всех сторон окружен, о чем в самое время битвы, узнав козаки, бывшие под его начальством, пришли в беспорядок и замешательство, а потому и были все наголову перерублены на месте сражения Татарами, кои тогда же город Полтаву совсем разорили и выжгли», — так описывает эту трагедию «Словарь географический Российского государства» Афанасья (так в тексте «Словаря...») Щекатова, изданный в Москве в Университетской типографии у Любия, Гария и Попова в 1805 году.

* «Посланцы Полтавы в январе 1654 года на Переяславской раде присягали на верность России. В начале февраля для приведения полтавцев к присяге в город прибыл бутурлинский стольник Андрей Иванович Спасителев. На верность России присягали 1335 человек» (видимо, всё без исключения взрослое население города). (Цит. по: Полтава: Кн. для туристов / Г.А. Антипович, В.Е. Волошина, В.П. Жук и др. Харьков: Прапор. 1981. С. 6).

Вскоре Полтава была тем не менее снова заселена, однако ещё не раз Крымская орда совершала набеги на эти пограничные земли. Крымчаки возникали из степных далей как призраки на своих низкорослых конях и, преодолев вплавь Ворсклу, обойдя болотистую долину, бросались с напольной стороны на крепостные укрепления. Преобладая в силе, главным образом численно, они иногда брали город, и тогда пылали деревянный частокол, башни, жилища. Захваченных пленников и полонянок гнали степями в Крым, и, если своим не удавалось отбить их по дороге, попадали они на невольничьи рынки, а оттуда куда — Бог весть... Немало полтавчан сложили свои головы на чужбине, причем порой случалось это из-за предательства «своих» (как и в случае с гетманом Выговским).

Но наступало затишье, и, подобно Фениксу, крепость опять возникла из пепла. Строились новые башни, наращивались валы, углублялись рвы, ставился новый палисад*. Пограничный город продолжал нести свою важную службу.

* * *

Полтава стояла между Моравским и Бакаевым шляхами — главными коммуникациями Крымской орды во время набегов. Это обстоятельство придавало крепости особую значимость как опорному пункту против нападений ордынцев. Об этом, в частности, свидетельствует письмо боярина В. Шереметева царю Алексею Михайловичу, датированное 8 июня 1658 года, в котором говорится, что «...черкасской город Плтава ныне разорён и сожжён без остатка, и только великий государь укажет Плтаву город построить, и Плтава на татарской сакме... и ево государевым многим городом от татарского приходу будет в заступу...»⁴⁷.

Важную и трудную задачу восстановления боеспособности крепости Полтава пришлось взять на себя новому полтавскому полковнику Кириллу Пушкаренко, сыну погибшего Мартына Пушкаря. Он обратился с челобитной к царю Алексею Михайловичу, послал её с посольством от Полтавского полка, которое возглавили брат Кирилла Марко и священник Крестовоздвиженского монас-

* Палисад — частокол из высоких (7–9 аршин*), заостренных вверху бревен, служащий прикрытием от неприятельских стрел и ружейного огня, а также препятствием для штурмующих.

*1 Аршин — русская мера длины; 1 аршин = 16 вершкам = 28 дюймам = 2 1/2 фута = 711, 187 миллиметра.

тыря Самойло. В ней, в частности, говорилось: «...рати для заставы* и корму, осударь, для ратных людей** из пограничных городов до Полтавы вели дать: бо мы бедные подданные вашего Царского Величества завоеваны и от Виговского, и от татар, и от его советников и ляхов, и корму всякого в поле нельзе было сеять за теми изменниками и клятвопреступниками, ...а нынча... полк драгунский застаёт для варованья*** и осторожи городовое, а не маем чим прокормить...»⁴⁸.

Содержание челобитной даёт основание сделать вывод, что к этому времени крепость после разрушения её войсками Выговского была уже в какой-то мере восстановлена и в ней мог разместиться даже драгунский полк.

И в последующие годы в Полтаве стояли гарнизоны русских войск, защищавшие город от набегов ордынцев. Так, в 1666 году гарнизон состоял из 1500 «ратных людей»⁴⁹.

Последние по времени нападения Крымской орды на Полтавскую крепость произошли в 1693 и 1695 годах. Крымчаков привел тогда на Левобережье еще один изменник — гетманский канцелярист Петрик.

* * *

Но вот настала весна 1709 года. У стен Полтавы расположилась армия шведского короля Карла XII. Давайте же познакомимся с фортификацией этой сравнительно небольшой крепости, столь смело преградившей путь иноземным захватчикам.

К картографическим источникам, изображающим крепостные сооружения Полтавы первой четверти XVIII века, не претерпевшие существенных изменений и в несколько последующих десятилетий после шведской осады, относятся планы «Старой и новой Полтавы»⁵⁰, «Полтавской баталии»⁵¹, «Боевых порядков русской и шведской армий в сражении под Полтавой» (так называемый «план генерала Алларта»)⁵², изготовленные в 1709 году; план де Фера 1714 года⁵³; план Ивана Бишева 1722 года⁵⁴; планы Василия Кутузова конца 20-х годов XVIII века⁵⁵; план Полтавы 1748 года⁵⁶ и другие, хранящиеся в фондах архивов России и Украины.

* Застава — заграждение на дорогах и въездах для сбережения войска от внезапного нападения врага, укрытие и его «личный состав».

** Ратные людие — войска.

*** Варованье — охрана.

Письменные источники дают весьма скудные данные о фортификации Полтавы. Первое упоминание о крепостных сооружениях города в этот период Великой Северной войны содержится в донесении командира Ингерманландского полка бригаадера Волконского Меншикову 4 декабря 1708 года: «...Около города всего сам осмотрел... с одной стороне по дороге Гадицкой и Сорочинской валу и палисаду; от реки Варслы (Ворсклы. — Я.Г.) ничего крепости нет. А где сколько можно велел починить...»⁵⁷.

Об отдельных фортификационных сооружениях крепости сообщается в письмах А.С. Келина из осаждённой Полтавы и в «Дневнике военных действий Полтавской битвы»⁵⁸.

Некоторые сведения по интересующему нас вопросу встречаются также в мемуарах шведского генерал-квартирмейстера А. Гилленкрока, который руководил инженерными работами против осаждённого города⁵⁹, и фрагментарно — у других авторов.

Лучшим из указанных источников является план Ивана Бишева, на котором наряду с подробным изображением фортификаци-

План Полтавы Ивана Бишева 1722 г.

онных сооружений внешней и внутренней оборонительных оград показываються и городские постройки.

Крепость, согласно всем этим планам, имела вид сомкнутого многоугольника, слегка удлиненного по осевой линии в направлении с севера на юг, и состояла из двух частей, разделенных глубоким и широким Мазуровским яром (оврагом), проходившим по её территории с юго-востока на северо-запад.

Цитадель располагалась на плато в северо-восточном направлении от Мазуровского яра, она имела более сильные фортификационные сооружения. Здесь находился административный и торговый центр города, располагались казармы гарнизона, артиллерийский цейхгауз*, пороховой погреб и стоял тот знаменитый дом, где жил во время осады комендант крепости и в котором побывал после битвы Пётр I; соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы и две приходские — Спасо-Преображенская и Воскресенская.

В другой части крепости имелись приходские церкви Николая Чудотворца и Георгия Победоносца, а также Покровский женский монастырь.

По Мазуровскому оврагу протекал ручей Полтавка** — основной источник питьевой воды для защитников города.

Внешняя оборонительная ограда длиной около 2300 метров включала в себя земляные валы, а с напольной (обращённой к ровному месту, «полю») стороны — также и рвы. Крепость ограждал дубовый частокол, надолбы; в валы были встроены 5 бастионов и 10 башен, некоторые из которых были проездными.

Внутренняя ограда протяженностью около 400 метров была сооружена защитниками крепости уже во время осады, когда возникла реальная угроза прорыва шведов в менее укрепленную часть города. Она имела 5 небольших бастионов и 2 башни, одну из них проездную.

На восточном угловом выступе внешней ограды находилась Подольская башня с выходом на северо-восточный участок крепостного вала и одноименный бастион. В 56 метрах от выступа на юго-

* Цейхгауз — помещение для хранения артиллерийских, инженерных и вообще военных запасов.

** Не путать с речкой того же имени, известной также под названиями Рудька и Тарапунька, которая начиналась на Дальних Павленках и протекала мимо нынешних улиц Исторической и Луговой.

восточном отрезке внешней ограды стояли городские ворота, названные на плане Бишева «Подолными». Сооружения получили своё название от предместья Подола, прилегавшего к этому участку крепости.

План И. Бишева показывает на внешней северо-восточной линии оборонительной стены глухую безымянную, за ней Крыловскую проезжую и опять две глухие башни.

В 1908 году была издана книга И.Ф. Павловского «Битва под Полтавой 27 июня 1709 года и её памятники»⁶⁰. Автор, год спустя ставший создателем и первым директором первого музея Полтавской битвы, открытого к 200-летию столь знаменитой баталии, ссылаясь в своей работе на план Полтавы 1803 года*, называет Крыловскую башню Куриловской (по имени будто бы проживавшего поблизости от неё казака Курила).

На северо-восточном выступе ограды находился Чернецкий** бастион, получивший своё название от Полтавского Крестовоздвиженского монастыря, основанного в 1650 году первым полтавским полковником Мартыном Пушкарем на месте его победы над поляками, в полутора верстах от города, в прямой видимости этого бастиона. Такое же название мы встречаем и на более позднем плане Полтавы 1748 года. Земляные валы, учитывая рельеф местности, прослеживаются здесь и сейчас.

Крепостные башни северо-восточного участка оборонительной ограды стояли на естественных выступах над обрывами, что давало возможность наиболее эффективно использовать огневые средства, здесь размещённые, — в период обороны Полтавы отсюда вели фланговый и фронтальный обстрел наступающих шведов на подходах к городу.

* То есть на следующий после основания Полтавской губернии год.

Полтавская губерния была учреждена 27 февраля 1802 года в составе сначала 12, а с 1803 г. — 15 уездов; их количество оставалось неизменным свыше ста лет, до середины 1920 г., начала неудачных, а порою и просто глупых административно-территориальных экспериментов. В 1925 г., 3 июня, согласно постановлению ВЦИК и СНК УСРР, Полтавская губерния была вовсе ликвидирована, и Полтава утратила своё значение крупного административного центра.

Полтавская область вновь возникла, в примерно половинном от прежней губернии размере, после разукрупнения прежних территориальных единиц, 22 сентября 1937 года.

** На малороссийском наречии слово «чернец» обозначало «монах».

За Чернецким бастионом на северо-западном участке крепостной ограды стояли Спасская и Киевская проезжие башни, а также Киевский бастион. Первая из них получила название от построенной поблизости приходской церкви Преображения Господня. От второй башни и одноименного бастиона начиналась дорога на Киев.

На плане И. Бишева выразительно показан мост через ров Киевского бастиона.

Далее мы видим Басмановскую башню, показанную как проезжая. Она соединялась с внутренней оборонительной оградой.

Откуда произошло это название — доподлинно не установлено. Возможно, оно как-то связано с именем русского военачальника XVI века А.Д. Басманова, отличившегося в борьбе против Крымской орды, либо же от слова «басма», тюркского происхождения, что в переводе означает «степь».

Действительно, эта башня защищала подходы к Полтаве с напольной стороны. На плане 1748 года на месте Басмановской башни показан «Полтавский полубастион».

От Басмановской башни оборонительная ограда делала поворот в южном направлении к Мазуровской проезжей башне и бастиону, носившему такое же имя — их названия явно заимствованы от Мазуровского оврага.

В работе И.Ф. Павловского эта башня, впрочем, названа Николаевской. В какое-то время она вполне могла называться именно так, поскольку находилась вблизи Никольской (Николаевской) приходской церкви.

На юго-восточном отрезке крепостной стены, не доходя до «Подолных» ворот, располагались ещё два фортификационных сооружения: бастион, названный в плане 1748 года также Чернецким, и глухая башня, собственного имени не имевшая. Наименование бастиона, вероятно, произошло от Покровского монастыря, находившегося в этом районе города⁶¹.

При необходимости совершить вылазку за пределы крепости гарнизон использовал сутеренги — скрытые проходы в земляном валу. На плане В. Кутузова показаны три сутеренга с напольной стороны: возле Чернецкого углового бастиона, на отрезке стены между ним и Спасской башней; следующий — возле Басмановской башни и последний — между этой и Мазуровской башнями.

Действенной обороне крепости помогали также два редута — земляные укрепления четырёхугольной формы, построенные защитниками города уже во время его осады шведами. Редуты соединялись с крепостью при помощи контрапрошей — земляных траншей зигзагообразной формы.

Первоначально эти фортификационные сооружения предназначались для обеспечения надёжной связи гарнизона с главными силами Русской армии, располагавшимися на левом, противоположном от крепости берегу реки Ворскла. Этот план не удалось воплотить ввиду необычно широкого разлива реки, случившегося в ту весну, и, как следствие, сильной заболоченности подходов к городу (болота не просохли и летом, как это обычно бывало).

Названные укрепления оставались какое-то время в системе фортификационных сооружений крепости и после снятия её осады шведами. Вот их размеры: редут, находившийся напротив Чернецкого углового бастиона, был удалён от крепостной стены на расстояние 300 метров, а второй, лежащий напротив восточного эллипсообразного выступа — на 150 метров.

* * *

...Известный писатель, впоследствии автор многих исторических романов Г.П. Данилевский посетил в 1855 году Полтаву, где занимался сбором сведений об упразднённой в конце XVIII века старой крепости.

В своей работе «Полтавская старина в отношении ко времени Петра Великого», опубликованной в № 2 «Журнала Министерства народного просвещения» за 1856 год⁶², Григорий Петрович пишет: «...Спасские ворота. Они были там, где теперь так называемый Панянский овраг и где идёт через него главная Харьковская дорога... Против ворот перспектива Крестовоздвиженского монастыря, стоящего на высокой горе над Ворсклой. Левее утёс, бывший с Сампсониевской башней, называемый доныне в народе «баштою»».

В этих пунктах (у Сампсониевской — «на утёсе»), Спасской и Подольской башен, во время осады помимо прочего были построены и редуты*. Таким образом, здесь были созданы усиленные узлы обороны (редут-башня), поскольку по фронту напротив них находились Крестовоздвиженский монастырь, превращённый в сильно охраняемую ставку шведского короля Карла XII, и прикрывавший её снизу, от подножия Монастырской горы, шведский Гвардейский шанец. На плане Алларта показано продолжение контрапроша** от Подольского редута в сторону Ворсклы. С наблюдательного пункта, устроенного здесь, особенно хорошо просматривались шведские укрепления.

Большинство городских строений в обеих частях крепости имели огороженные, а в некоторых случаях и разделённые внутри заборами дворюща, которые могли служить внутренними пунктами сопротивления во время осады и возможного прорыва неприятеля в город.

Главной улицей цитадели была Мостовая, судя по названию — мощённая камнем. Она проходила от городской площади к Киевским воротам.

В Полтавской крепости, и особенно в цитадели, существовали многочисленные подземные ходы и галереи. Впервые их частичное

* Г.П. Данилевский собирал сведения на основе документов архива Полтавской городской полиции и съёмок, сделанных в начале XIX в. (вероятно, тоже достаточно приблизительных, ибо в это время, как полагают, валы уже были снесены по распоряжению малороссийского генерал-губернатора князя Н.В. Репнина-Волконского (управлял с 1816 по 1831 год). Полтавский крепостной вал, по описанию Данилевского, проходил приблизительно в таком направлении: от Белой Беседки до здания бывшего художественного музея и Панянского бульвара, затем поворачивал влево, шёл вдоль Солнечного и Петровского парков, Первомайского проспекта к памятнику Келину. Потом поворачивал вправо, шёл над улицей Садовой к горе, затем по территории парка «Победа», над горой бывшего Института благородных девиц с его парком, через нынешнюю улицу Пролетарскую и поднимался вновь к Белой Беседке.

В крепостном валу, по Данилевскому, было шесть ворот (въездов): Подольские, Куриловские, Спасские, Киевские, Мазуровские и Семёновские. Помимо них имелось также десять оснащенных пушками бастионов.

**Апроши — подступы осадных работ: рвы зигзагами с насыпью с одной стороны, вырывааемые осаждающими, чтобы приблизиться к укреплению. Здесь: подобные же сооружения, создаваемые, напротив, самими осаждаемыми с целью защиты — как элемент активной обороны, в намерении безопасно приблизиться к укреплениям осаждавших.

изучение произвёл в конце XIX века местный археолог, известный исследователь древних памятников Приворскля И.А. Зарецкий. По его описанию, в некоторых пунктах подземные сооружения Полтавы уходили вглубь на 7–13 метров, внутри имели высоту до 3 метров, в ширину — от 1,5 до 5 метров. Стены и потолок многих таких галерей были обложены кирпичом, в иных — укреплялись дубовыми балками и досками.

Использованный при строительстве этих ходов кирпич, как было тогда же установлено, изготавливался не ранее XVII века. Найденные в подземельях предметы быта также относились к этому времени.

Отдельные подземные сооружения имели вентиляционные отверстия, соединённые с поверхностью.

Населению и гарнизону города-крепости подземелья служили местом укрытия от неприятеля и... контрминными галереями, когда во время шведской осады возникла насущная необходимость обезвреживания неприятельских мин (пороховых закладок)⁶³.

* * *

Для обороноспособности крепости помимо количественного и качественного состава гарнизона существенное значение имела также оснащённость артиллерийского парка. Известно, что в январе 1709 года в Полтавской крепости имелось 10 исправных артиллерийских орудий и к ним 187 ядер да 24 пуда пороха. Для мушкетов было припасено 12 пудов пороха⁶⁴.

Ещё до начала осады Полтавы шведскими войсками командование русской армии направило в крепость дополнительно 18 пушек.

Сохранились сведения о вооружении и боезапасе, имевшемся в распоряжении гарнизона состоянием на 7 мая 1709 года (спустя месяц с небольшим после начала блокады крепости и за полтора месяца до снятия её благодаря разгрому шведской армии в Полтавском сражении). Защитники Полтавы располагали на тот момент 28 пушками, 620 ядрами, 100 зарядами картечи, 24 пудами пороха, «да (ещё) 16 мешков без весу»⁶⁵.

Карл XII, начиная борьбу за обладание Полтавой и не сомневаясь в успешном для себя её завершении, по совету Мазепы планировал превратить крепость в главный опорный пункт шведов в этом районе — разместить здесь Ставку и главные силы армии, пополнить запасы продовольствия, оружия, фуража и уже затем дви-

гаться в глубь России — на Харьков, Белгород и далее на Москву. Значение Полтавы для шведского командования существенно возросло после потери Гадячской и Роменской крепостей, откуда шведы зимой 1709 года под натиском русских войск были вынуждены отступить.

Главное командование русской армии расценивало ситуацию иначе: оно усматривало в Полтавской крепости именно тот стратегический узел, опираясь на который можно было создать выгодную для себя военную обстановку — сначала сковать силы противника, а затем нанести ему решающий сокрушительный удар.

Шведскому королю Карлу XII в конце концов пришлось смириться с тем, что его войска были вынуждены вести осаду Полтавы под постоянной угрозой нападения со стороны русской армии, главные силы которой под командованием А.Д. Меншикова сосредотачивались неподалеку в селе Крутой Берег*.

Попытки шведов оттеснить русские войска дальше от Ворсклы окончились для них неудачей. Более того, в первых числах апреля 1709 года два полка русской кавалерии генерал-поручика Ренне целиком отбросили неприятеля на правый берег и заняли важный в стратегическом отношении район в междуречье Ворсклы и Орели, надёжно закрепившись у небольшой крепости Соколка.

Против них выступил было значительный по численности шведский отряд под командованием генерал-майора Круза, усиленный артиллерией.

12 апреля шведы, рассчитывая исключительно на внезапность и скрытность своей атаки, подошли к Соколке. Но их замысел был сорван с самого начала — русские драгуны заблаговременно подготовились к возможному нападению.

Вначале кавалеристы Ренне дали слаженный залп по противнику, а затем пошли на него лавой и врубались в его строй. Уже первые потери Круза были весьма значительны — свыше 800 убитых; среди них много полегло офицеров. Неприятель начал откатываться назад. Русские драгуны преследовали его, и в новой сечи вырубали почти весь вражеский арьергард**, а те, кто спасся от русских

* Крутой Берег — пригород Полтавы; сейчас в район городской черты входит не только это, но и гораздо дальше от центра отстоящее село Вакулинцы.

**Арьергард (от фр. *arriere* — задний, тыловой и *garde* — стража) — часть (подразделение), высылаемая от общевойскового соединения (части) для прикрытия отхода главных сил.

палашей*, утонули в Ворскле. Общие потери шведов в деле у Соколки составили порядка полутора тысяч только убитыми. Вся шведская артиллерия Круза досталась в качестве трофея кавалеристам Ренне.

В междуречье Ворсклы и Псла, к западу от Полтавы, действовали войска Б.П. Шереметева и казацкие полки гетмана И.И. Скоропадского. Корволанты** русских войск и местные партизанские отряды наносили неприятелю ощутимые потери. В районах расположения шведских сил вели активный поиск военные разведчики русской армии из числа местных жителей. Рискуя жизнью, минуя вражеские заслоны, они пробирались тайными тропами в расположение неприятельских сил, добывая важные сведения о планах противника, его численности и вооружении, маршрутах передвижения. Небольшие казачьи отряды захватывали «языков»...

Немало таких разведывательных операций провели тогда объединенные отряды русской армии и казачьих войск.

Довольно успешно действовали русские военные разведчики и на днепровских переправах, в частности в районе Переволочной и выше от неё по течению Ворсклы, своевременно сообщая командованию о складывающейся в этом стратегически важном районе обстановке, где шведы были вынуждены держать значительные силы, обеспечивающие коммуникации от Днепра до Полтавы, в ожидании подхода к себе на помощь Крымской орды.

Через военных разведчиков русское главное командование осуществляло в ряде случаев связь и с гарнизоном осаждённой Полтавы.

* Палаш (нем. Pallasch, от тур. pala — меч, кинжал) — рубящее и колющее холодное оружие с прямым и длинным клинком. Длина клинка — до 85 см, общая — до 99 см.

Палаш появился в конце XVI — начале XVII века с возникновением регулярных частей тяжелой кавалерии, непременной частью снаряжения которой были металлические нагрудники — кирасы. Разрубить их мог только тяжелый и длинный клинок — палаш, ставший непременным вооружением кирасирских и драгунских полков.

Русский палаш отличался наклонной, наиболее удобной для рубки с коня рукоятью.

** Корволант (от фр. corps volant — летучий корпус) — войсковое соединение из конницы, пехоты, перевозимой на лошадях, и легкой артиллерии, впервые созданное Петром I в 1701 г. (7 тысяч конницы, 5 тысяч пехоты). Успешно действовали во время Великой Северной войны 1700–1721 годов.

* * *

Для блокады Полтавской крепости Карл XII выделил из состава армии девять пехотных полков. Руководил осадой генерал-фельдмаршал Реншёльд, инженерными работами — генерал-квартирмейстер Гилленкрок.

Осадив Полтаву, шведы построили напротив города свой укрепленный лагерь, разместив здесь часть артиллерии, отряды пехоты и кавалерии.

На усадьбе Крестовоздвиженского монастыря, где была размещена главная ставка короля Карла XII, они установили батареи, которые вели постоянный обстрел крепостных бастионов.

Шведским силам, как мы знаем, противостоял гарнизон под командованием полковника А.С. Келина.

Рядом с русскими воинами против иноземных захватчиков самоотверженно сражались на крепостных валах 2600 жителей города — мещан и казаков*.

* * *

Осаду Полтавы шведы начали 1 апреля 1709 года**, в пятницу, о чём свидетельствует «Дневник военных действий Полтавской битвы»: «...Апреля 1-го числа. Неприятельская армия приходила до Полтавы, против которой войск его Царского Величества выслана

* Высокая обороноспособность Полтавы объясняется, в частности, еще и тем, что накануне осады часть жителей, в первую очередь детей и людей пожилого возраста (порядка 1500–1600 человек), была вывезена из города; поэтому столь многие полтавчане и смогли взять в руки оружие (см.: Олійник Л.В. Героїчна оборона Полтави (квітень-червень 1709 р.) // 250 лет Полтавской битвы. К., 1959).

** Речь идёт о дате начала планомерной осады города. Сама же шведская армия подошла к Полтаве гораздо раньше, еще 18–20 февраля. Русская главная квартира (Ставка) узнала об этом сразу из двух донесений, полученных 23 февраля, — от А.Д. Меншикова и А.Г. Волконского. В последнем сообщалось, что «...неприятельские люди приблизились к Полтаве, а другие войска неприятельские, которые стояли около Камышни (ныне населенный пункт в Миргородском районе Полтавской области) и Лохвицы (сейчас самый отдаленный райцентр Полтавской области), понад Полою рекою (вероятно, река Псел), меж Ворсклы маршируют и стягуюцца к Полтаве ж» (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Вып. 2. Т. IX. С. 734).

В тот день (23 февраля) непосредственно к городу было послано около ста шведских солдат, но в своё распоряжение вернулись только трое из них. 25 февраля шведское командование направило к городу ещё 500 солдат и офицеров — «...и тех такожде под Полтавою всех до одного порубили» (Там же. С. 708).

партия. По сильном сражении неприятельская партия сбита и прогнана; на боевом месте мёртвых тел оставил неприятель 32, в плен взято 6, из которых от ран померли 4, в оставшихся допросами показали, что было их в партии послано 300 человек для взятия языков. От войска царского убито 6 да ранено 9 человек...»⁶⁶

На следующий день шведы повторили попытку «взять языков» и от них выяснить силы гарнизона Полтавы. Во время этого боя защитники крепости снова захватили пленных и, в свою очередь, получили сведения о подготовке неприятеля к сильному штурму города, в котором должен был принять участие сам король.

3 апреля Карл XII действительно бросил на крепостные валы Полтавы 1500 своих солдат и офицеров. Штурм был снова отбит с уроном для нападавших. На следующий день последовали новые атаки, столь же безуспешные для шведов...

Убедившись, что крепость «с ходу» не взять, Карл XII, не отказываясь от штурмовых операций, приказал Гилленкроку параллельно начать планомерные инженерные работы и насколько возможно активизировать их проведение.

Главным фронтом этих работ стал Мазуровский вал (между Басмановской и Мазуровской башнями). Шведы надеялись, что именно здесь им удастся сравнительно легко преодолеть довольно невысокую на этом участке ограду. В расчёт принималось и то обстоятельство, что в случае успеха им удалось бы захватить главный источник питьевой воды (протекавший, напомним, по Мазуровскому яру ручей Полтавку). Если бы этот замысел действительно имел успех, то защитникам города и вправду стало бы не хватать воды из тех немногих источников, которые имелись в цитадели. А значит, как полагали шведские стратеги, русские вынуждены были бы капитулировать.

Гилленкрок писал по этому поводу в своих мемуарах: «...Король пришёл ко мне с полковником Зигротом посмотреть изготовленный мною план и признал местность вполне удовлетворительной (т.е. подходящей для осуществления этого плана). Я сказал, что хочу повести атаку прежде всего на пригород, на ту сторону, где стоит высокая деревянная башня над городскими воротами, ибо... в русском городе только один колодец, а в пригороде много и русские берут из них воду. Король спросил меня, каким образом думаю я составить апроши. Я ответил, что хочу составить только три парал-

лели с простою между ними коммуникационной линией, дабы в первую (же) ночь дойти до рва...»⁶⁷

Упорное противодействие полтавского гарнизона внесло поправки в планы шведского командования. Чтобы подвести свои апоши к оборонительной ограде города, шведам понадобился не день, не два, а почти полный месяц*.

А помимо того, противник не прекращал свои массовые, ожесточённые штурмы. Так, 14 апреля в атаках на крепость участвовало уже 3 тысячи шведских солдат и офицеров.

16 апреля неприятель продолжительное время бомбардировал крепость из своих мортир. 28–29 апреля последовала новая штурмовая атака... Но все они были с успехом отражены защитниками Полтавы.

В свою очередь, гарнизон регулярно осуществлял вылазки за пределы валов и дерзко контратаковал неприятельские позиции.

В «Дневнике Полтавской битвы» есть интересная запись, датированная 25 апреля, где рассказывается о попытках неприятеля совершать подкопы крепостного вала и как защитники Полтавы доставали при этом вражеских солдат «машиной с крюком»⁶⁸.

Наша история сберегла свидетельства о том, как во время защиты своих крепостей русские воины применяли специальные инженерные устройства, препятствовавшие неприятелю в его попытках подкопываться под городские стены. Скажем, когда в 1581–1582 годах войска польского короля Стефана Батория осаждали Псков и пытались подкопаться под крепостную стену, псковичи весьма ус-

* Отличились на шведских инженерных работах по устройству минных галерей для взрыва крепостных стен и казаки под руководством Мазепы (см.: Крман Д. Подорожній щоденник (Itinerarium 1708 – 1709). К.: Просвіта; вид-во імені Олени Теліги, 1999).

Ещё более прямо говорит о том же В. Ю. Шутой в своём детальном исследовании «Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр.»: «...под Полтавою шведи використовували запорожцев на осадних работах... На замечание Гилленкрока, что запорожцы не смогут проводить осадные работы и все убегут, Карл сказал ему: "Запорожцы сделают всё по моему желанию, и ни один из них не убежит. Мы прикажем хорошо платить им"» (С. 190–191). Так оно было или нет, но Карл XII психологию «запорожцев» Мазепы понял следующим образом: те пойдут на любую подлость, лишь бы за неё было хорошо заплачено. Таких «заробитчан» набралось, по шведским источникам, включая отбросы общества, увлечённые под Полтаву запорожцами Гордиенка, до 6 тысяч человек (см. по этому поводу, в частности, дневник Р. Петре: Robert Petres dagbok. S. 251–253).

пешно пользовались «крюками», как они их называли, опускаясь с городских стен для уловления и пленения колавших. Об этом рассказывает, в частности, «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Написана она непосредственным участником обороны города иконописцем Василием⁶⁹, более полных сведений о котором, к сожалению, не сохранилось.

Донские и малороссийские казаки, обороняясь в 1641 году в осаждённом Азове от наседавших турецких войск, применяли подобные же устройства, называвшиеся «очепами»⁷⁰.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля говорится, что «очеп», он же «журавец» или «перевес», — это рычаг, «...используемый для поднимания и опускания»⁷¹.

Такая «машина» защитников Полтавской крепости состояла, видимо, всё из тех же трёх главных частей — рычага, цепи и крюка. Она устанавливалась на оборонительной ограде. Обслуживавшие её специально обученные воины опускали при помощи рычага крюк на цепи в крепостной ров и ловко цепляли им неприятельских солдат*. Нажимая на рычаг, «улов» поднимали, «машину» разворачивали и перебрасывали захваченных врасплох вражеских солдат внутрь крепости⁷².

* * *

Командование русской армии, реально оценивая ту сложную обстановку, в которой оказался гарнизон А.С. Келина, принимало практические меры по оказанию действенной помощи осаждённым.

Царь Пётр I, находившийся в это время (весной 1709 года) в Троицкой крепости (Таганрог), внимательно следил по получаемым из Ставки под Полтавой донесениям за ходом неприятельской осады и действиями защитников города.

В своих письмах к А.Д. Меншикову он рекомендовал проводить тактические операции, чтобы отвлекать силы шведов от города и тем самым ослаблять осаду.

Действуя в соответствии с этим указанием, 7 мая русские войска под командованием Меншикова атаковали гарнизон захва-

* Насколько эффективной было действие этой машины, можно судить по такому факту: только за один день 25 апреля ею было «вынуто из сап» (подкопов) 11 шведов, и 24 человека были найдены в подкопах убитыми (см.: Записки Крешина. Год из царствования Петра Великого 1709: Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 97. С. 90).

ченной шведами Опошнянской крепости. В бою противник потерял убитыми 600 солдат и офицеров, около 170 было взято в плен. Из крепости, ставшей, по сути, тюрьмой, освободили несколько сотен малороссов — жителей из окрестных деревень, которых шведы принудительно использовали на своих фортификационных работах*.

Далее, в ночь на 9 мая, когда значительные силы неприятеля — 7 полков во главе с королём Карлом XII — были отвлечены к Опошне на помощь тамошнему гарнизону, бригадир русской полевой армии А.А. Головин провёл в Полтаву три батальона Пермского, Апраксина и Фихтенгейма полков — 900 солдат и офицеров. Они принесли с собой некоторый запас пороха (нёс по мешку каждый), так необходимого защитникам города. Данная операция была бы немыслима без помощи местного населения — именно жители окрестностей показали русским воинам место надёжной и безопасной переправы через Ворсклу.

Переправа через Ворсклу отряда Головина в помощь осажденной Полтаве в мае 1709 г. Худ. В. Савенков

Успеху содействовало и то, что русские воины были переодеты в шведскую форму, а бригадир прекрасно владел немецким языком; он назвал пароль, и поэтому поначалу движение колонны не вызвало подозрений.

Время подхода к крепости отряда Головина удачно совпало со сменой противником постов, поэтому лишь в тот момент, когда русские воины непосредственно приблизились к линии осадных работ, шведы наконец поняли, в чём тут дело. Трубачи сыграли тре-

* Прежний гарнизон крепости Опошня, отказавшийся сдаться шведам и мазепинцам, и помогавших им местных жителей шведы казнили (см.: Шутый В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К.: Державне видавництво політичної літератури УРСР, 1951).

вогу, но было уже поздно. Оставшиеся метры пути русские гренадеры расчистили себе багинетами и тесаками. На брустверах*, на дне шведских окопов остались трупы врагов. Крепость отворила свои ворота для смельчаков и снова закрыла их на крепкие засовы.

Вскоре А.Д. Меншиков отписал киевскому генерал-губернатору Д.М. Голицыну, что «так сей гарнизон удовольствован», что может теперь не бояться вражеской осады, «хотя б неприятель сколько бытности своей ни продолжал»⁷³.

Необходимо заметить, что Меншиков несколько преувеличил значение, которое имел для гарнизона Келина прорыв в город отряда Головина. Опасность шведского нападения от этого нисколько не уменьшилась, хотя поддержка со стороны полевой армии, в том числе моральная, для осажденного гарнизона была действительно ощутимой. Бригадир А.А. Головин стал одним из ближайших помощников коменданта крепости в организации её обороны. Лично принимал участие во многих вылазках против неприятеля. В одной из них он был пленен шведами. Победа 27 июня возвратила ему свободу. Головин продолжил свою службу в армии и в 1712 году сопровождал Петра I в поездке за границу.

* * *

Близкими помощниками А.С. Келина в осаждённой Полтаве были также полковники Тимофей Треден и Иван Шамордин, которые, видимо, прорвались в крепость в составе отряда А.А. Головина или прибыли в город при каких-то иных обстоятельствах, поскольку в списке офицеров гарнизона, отправленных сюда из Ахтырки, они не числились. Значительный вклад в повышение боеспособности крепостных сооружений города внес военный инженер Андрей Юрьевич Телепнёв. Именно под его руководством в городе возвели дополнительные фортификационные сооружения, что сделало его ещё более неприступным для шведов**.

* Бруствер (нем. Brustwehr) — небольшая насыпь, часть окопа или траншеи, предназначенная для удобства при стрельбе, защиты от пуль, осколков снарядов и укрытия от наблюдения противника.

** Беспокойство Петра I о Полтаве простиралось от забот об укреплении города до «проведывания настроений». С этой целью, в частности, в конце февраля сюда приезжал капитан Теплицкий, который помимо обследования укреплений и «тамашнее поведение хорошо высмотрел», о чем Меншиков докладывал царю 25 февраля 1709 года (Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. С. 337).

...После прорыва в город отряда А.А. Головина шведы незамедлительно укрепили свои позиции, построив новую линию апрошей на правом берегу Ворсклы и подведя их почти к самому подножию плато.

15 мая Пётр I писал Меншикову: «...Что о Полтаве, то и ныне подтверждаю, что лучше б вам к оному городу приступить (чрез реку от неприятеля) со всеми и помочь городу чинить (понеже сие место зело нужно) куды надлежит и фельдмаршалу быть сие (сколько я могу разуметь) кажется из лучших не последнее дело; впрочем, яко заочно полагаюсь на ваше рассуждение»⁷⁴.

25 мая шведское командование снова послало свои войска на штурм Полтавы. Ценой больших потерь противнику удалось захватить часть укреплений*, но защитники крепости успели соорудить новую оборонительную ограду, приспособив для неё наполненные землёй бочки, соединенные цепями, и тем преградили захватчикам путь в город.

* * *

27 мая к селу Крутой Берег подошли войска генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Теперь вся русская армия была собрана неподалеку от Полтавы. Она деятельно готовилась к переходу на противоположный, правый берег Ворсклы. Строились укрепления напротив шведских шанцев. Русская артиллерия усиливала огонь по шведским позициям, поддерживая тем самым контратаки гарнизона.

1 июня после интенсивного артиллерийского обстрела города шведами их «синие мундиры» вновь устремились на штурм — и снова потерпели неудачу. На следующий день к полтавчанам прибыл парламентар от Реншёльда. Шведский фельдмаршал высокомерно требовал сдать крепость, угрожая, что в противном случае гарнизон и жители города будут уничтожены. Коменданту была обещана награда, если тот прикажет сложить оружие и открыть ворота.

* Есть данные (источником которых служат шведские дневники), что шведам действительно удалось захватить часть Мазуровского вала. Но дальше они, судя по всему, не продвинулись — перед ними лежало зеркало озера, образовавшегося от разлива перегороженной плотиной речки Полтавки, слева нависал Чернечий (у Покровского монастыря), а справа Подольский бастионы, секторы обстрела которых надежно перекрывали всё пространство нижней части Мазуровского яра.

«Дневник военных действий Полтавской битвы» содержит словный ответ полковника А.С. Келина Реншёльду: «...Комендант ответственвал, (что) мы уповаем на Бога, а что объявляешь, о том мы чрез посланные писма, коих 7 имеем (столько было прежде предложений о сдаче Полтавы. — *Прим. ред.*), и из присланных на приступе более 3000 человек при валах Полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет, и со оным ответом барабанщик (парламентёр. — *Я.И.*) отпущен»⁷⁵.

Но только этим ответ коменданта Полтавы шведскому фельд-маршалу не ограничился. «...По отпуску из крепости барабанщика, — говорится в «Дневнике военных действий...», — не умедлив и часу послана из Полтавской крепости вылазка в 1000 мушкетеров с пристойным числом офицеров на нижние неприятельские шанцы от реки Ворсклы к болоту, в которых было неприятельского войска 700 и 6 пушек. По выходе из крепости с великим поспешением, к неприятельским шанцам вскоре пришед, из оных неприятеля выбили и гнали к реке Ворскле в весьма топкое болото, где всех чуть не побили, если бы не поспешил в немалом числе неприятельский сикурс (подмога. — *Я.И.*). Высланные на вылазку, взяв 4 медные пушки, а у двух железных заклепав запалы, возвратились в крепость благополучно...»⁷⁶.

4 июня в Ставку русского командования в село Крутой Берег прибыл Пётр I. В своём письме, переброшенном в крепость в полом ядре выстрелом из пушки, царь благодарил А.С. Келина и всех защитников города за стойкость и обещал помощь. Получив послание государя, осаждённые дали клятву сражаться до последней возможности и отстоять город.

Таким же способом был отправлен ответ Петру I из Полтавы. Комендант доложил царю о состоянии гарнизона, и единственно, о чем просил, — перебросить в город 50 пудов пороху.

«Дневник военных действий...» свидетельствует, что уже на следующий день «...в 10-м часу в город Полтаву начали бросать порох в бомбах. Неприятель хотя и видел, что многое число в Полтаву бомбы бросают, и дознав, что во оных порох мечется, потому что ни в одной взорвания не учинилось, но препятствия в том метании учинить не мог...»⁷⁷.

И в дальнейшем переписка А.С. Келина с командованием успешно велась при помощи полых ядер. Но наряду с этим комендант использовал для связи со Ставкой и казаков, которые хорошо знали местность и умели скрытно проходить мимо шведских постов.

Насколько надёжной была эта связь, свидетельствует тот факт, что один раз А.С. Келин вместе с донесением послал А.Д. Меншикову в подарок отбитого у шведов породистого коня, а в другом — бутылку с пивом.

5 июня в ночное время 1500 солдат и офицеров полтавского гарнизона совершили новую вылазку, снова выбили шведов из окопов и захватили ещё две медные шведские пушки. Но положение защитников крепости оставалось сложным, о чём Келин докладывал Меншикову 8 июня: «...Впредь будущий месяц провианту не будет и на три дня; не только солдатам, но и всем будет нужда; у мешан взять провианту нечего... за город выезд труден, по письму Вашей Светлости приказал инженеру, чтоб учинил чертёж о неприятельских апрошах, также об обозе, где стоит; ...инженер сказал, что за три дня чертёж будет...»⁷⁸

В этом же письме сообщалось и о недостатке «...в свинцу и в ...ядрах ручных, ежели возможно прислать и серы...»⁷⁹. Видимо, осаждённым пришлось самим заняться в это время изготовлением пороха (состоянием на апрель 1709 года в крепости имелось компонентов пороха: селитры — 90 пудов, а серы — лишь 20 пудов. При этом селитрой защитники крепости могли разжиться дополнительно, поскольку этот промысел был очень развит в крае, а серы взять было действительно неоткуда)*.

Источником получения пороха для защитников крепости достаточно часто были и... сами шведы. Выполняя приказ своего короля, они не раз пытались подвести свои мины под городские валы, что-

* Лишь только приехав в Полтаву, А.С. Келин первым делом собрал «ямчужных» (таково было старинное название селитры) и «зелевых» (то есть занимавшихся изготовлением «огневого зелья» — пороха) мастеров и приказал им не медля заняться заготовкой пороха и его отдельных компонентов здесь, на месте. Так что некоторое количество горячего «угощения» для шведов, несомненно, приготавливалось из местного сырья.

Помимо этого был отдан приказ отремонтировать кирпичные печи с вмурованными в них громадными котлами со смолой; к ним заготавливались в достаточном количестве дрова и тут же запасались камни, которые можно было бы сбрасывать на штурмующих валы шведов.

бы пробить в них бреши и так ворваться в город. Сапёры Келина своевременно обнаруживали и обезвреживали закладки: достаточно сказать, что ни одна из семи (!) заложенных противником мин так и не взорвалась под валами Полтавы. Об этом говорят как русские, так и шведские источники*.

Вот что пишет по такому поводу «Дневник военных действий Полтавской битвы» (запись от 23 апреля): «...При Полтаве усмотрено подведенный подкоп; из камор подкопных порох вынули и ожидали приступу. Желательный пролития крови король Карл того ж числа, приуготовя 3000 человек к приступу, велел подкопа рукав зажечь, и по зажжению рукава неприятель спешно из апрошей бросился, хотя вскоре по взорвании вбежать в крепость. Но как подкопу не взорвало, а приступные были вблизи и не имея лестниц, вспять возвратились; тогда несколькими залпами были провожены и 60 человек побитых оставили, от войска Царского Величества не убит не один...»⁸⁰

Запись в «Дневнике...» от 22 мая: «Войска Царского Величества бывшие в осаде Полтавской, усмотрев веденные неприятелями мины под вал Полтавской крепости, перерыли и до исполнения действия не допустили...»⁸¹

21 июня: «...Подведенные под Полтаву два подкопа усмотрены, и из камор оных бочки с порохом выбраны, осажденные были в готовности и ожидали всечасно приступ. В третьем часу пополудни зажгли неприятели подкопные рукава и по зажжению с 3000 пехоты бежали к Полтавской крепости в том намерении, чтоб по взорвании чрез полые места вбежать в Полтаву. Когда приближались к стенам Полтавским, а подкопов ни одного не взорвало, то, не имея при себе лестниц, ничего для своего спасения не изобрели другого,

* Шведские источники определённо говорят лишь об одной до конца снаряженной мине, из которой — да, шведы признают и это, — оборонцами было извлечено к своей пользе несколько пудов пороха (см.: Артамонов В.А. Осада Полтавы по шведским источникам // Вопросы истории. 2004. № 11). Абсолютно логично предположить, что данная закладка была единственной — «лишнего» пороха у шведов под Полтавой не было, ибо взять его им было попросту негде. Но, с другой стороны, принимая во внимание исключительно взбалмошный нрав короля Карла XII и его нежелание поступиться Полтавой, даже «хотя бы Господь с небес прислал ему ангела с таким приказанием». Вполне можно допустить, что попытки подкопать валы с целью заложить мины под крепость были и в других местах.

кроме того, что бегством спасти живот, коих на побеге из мелкого ружья и из пушек картечами, а потом и ядрами трактовали (то есть «одаривали». — *Прим. ред.*)»⁸².

Гилленкрок в своём «Современном сказании о походе Карла XII в Россию» тоже пишет об одном таком случае: «...Когда мину подвели до вала, капитан Кронтедт заметил, что и неприятель, с своей стороны, вёл работы. Тотчас уведомил об этом фельдмаршала (Реншёльда. — *Я.И.*) и спросил, позволено ли будет уничтожить неприятельскую мину, ибо иначе нельзя продолжать свою мину. Фельдмаршал позволил. Окончив мину, капитан зарядил её. Но неприятель вытащил из нашей мины порох, и таким образом предприятие не осуществилось»⁸³.

* * *

11–12 июня Пётр I в письме к А.С. Келину писал о необходимости координировать действия гарнизона Полтавы и полевой армии для деблокады крепости, сообщая о своём плане мероприятий: «...Господин комендант! Понеже мы намерены реку перейти для вашей выручки и выше или ниже шанцоф (неприятельских окопов. — *Я.Г.*) и того ради объявляем вам, чтобы вы на тот час гораздо смотрели, и когда у нас зачнётся бой с неприятелем, и тогда дайте знак в наши опроши из трёх пушек и зажгите по сю сторону города немалые в трёх местах огни, по которому знаку указ есть в наших опрошах обретающемуся командиру тотчас атаковать на оныя шанцы, где удобнее, в которую пору и вам надлежит с другой стороны на неприятельские опроши, сколько возможно, сильно выттить и атаковать. И ежели, с помощью Божией, выбьете их из опрош, то тотчас две линии куманикации надлежит из города по обеим сторонам зделать как галареи, чтоб потом меж двух линий свободный проход из-за реки к вам был...»⁸⁴.

Этот план осуществить не удалось, «...потому что опроши до города вести для топких и болотистых мест невозможно, и неприятель своею поперешнею линиею не допустит...»⁸⁵.

В первой половине июня главные силы русской армии ещё оставались на левом берегу Ворсклы, а против шведских войск направлялись отдельные отряды, проводившие операции тактического значения.

16 июня на военном совете русского главного командования в селе Крутой Берг было принято историческое решение: дать ар-

мии Карла XII генеральное сражение. Вот как об этом сообщает «Дневник военных действий...»: «...16-го. Царское Величество изволил иметь военный совет, на котором предложено перейти р. Ворсклу со всею армиею и иметь Генеральную баталию... По тому совету... повелед Ген.[ералу] Алларту с 12-ю пехотными, а Генерал-Лейтенанту Рене с конными 12 и 3-мя пехотными полками 17-го июня переправиться чрез р. Ворсклу и первому стать левее от Полтавы у мысу против неприятельских редут, а другому стать направо и учинить транжаменты...»⁸⁶

Передовые полки русской армии успешно переправились на правый берег, подавили сопротивление шведских сил под командованием генералов Лагеркроны и Гамильтона и закрепились у села Петровка в построенном укрепленном полевом лагере, обеспечив безопасные условия для переправы в этот район и остальных частей.

19 июня Пётр I направляет А.С. Келину новую подробную инструкцию, как действовать в складывающейся обстановке: «Господин комендант! Понеже, как сами видите, что мы всею силою добивались коммуникацию сделать с городом, “но за великими болоты и что неприятель место захватил”, того ради за такую трудностью того учинить невозможно. И для того мы, покинув все шанцы, пойдем со всем войском к Петровскому мосту... и тамо, перешед и осмотрясь пойдем с помощью Божиею, на неприятеля искать с оным баталии и чтоб побитца всем войском к городу. Буде же неприятель (паче чаяния) станет меж города и нашего войска окоп делать такой, что трудно оного брать будет и ежели не можем побитца в две недели от сего дня к вам, тогда в первых числах июля, а ежели возможно и далее, усмотря време (день или ночью) вытте вон за реку, куды удобнее, и тамошних жителей вывести мужеска полу... и когда реку перейдете, тогда удобнее с ними можете дойти до нас... а мы к тому дню пришлем несколько конницы к сему месту, где был наш обоз. Також надлежит вам наши пушки, которые вы привезли с собою, или тайно разорвать или в колодезь бросить, чтоб отнюдь не нашли, а знамена жечь, також пороху в нескольких хоромах помалу поставить и при выходе, фетиль положи, замкнуть, чтоб после вас загорелся город, как суды перейдете. И сие все объявить немногим из главных офицеров, а перво на том присягаю обезатца... Сие вам пишем в запас для всякого случая... Когда сии писма полу-

чите то дайте в наши шанцы сегодня знак, не мешкав, одним великим огнем и пятью пушечными выстрелами рядом, чтоб подлиннее нам знать, что вы те письма получили.

Тажко, ежели мы когда с неприятелем в бой вступим близ города, тогда и вы, с своей стороны, учините выласку, как сильно можете...»⁸⁷

Пётр I вполне осознавал, что силы сопротивления гарнизона не беспредельны. Хотя эта инструкция и давалась А.С. Келину «в запас для всякого случая», в письме звучит немалая озабоченность царя судьбой гарнизона и жителей города. Она была своего рода оправдательным документом, позволением отступить, почувствовав, что возможности к противостоянию с врагом исчерпаны. Знать, не исключалась возможность оставления города с боем, уничтожения строений и пушек, сожжения боевых знамен, чтобы не достались неприятелю... И это при всём при том, что обстановка складывалась для русских войск более чем благоприятно, что отражено, в частности, в письме соратника Петра I Г.И. Головкина (месяц спустя после этих событий возведенного, с нисходящим потомством, в графское достоинство и пожалованного канцлером) к русскому чрезвычайному послу в Дании В.Л. Долгорукому: русские отряды, писал Гавриил Иванович, «со всех сторон, окружив подъездами и партиями, беспрестанно утомляют» врага, «днем и ночью трудятся линию для сообщения с городом и гарнизоном учинить». А войска из гарнизона «Полтавы непрестанно вылазками неприятелей побивают».

Здесь же и вывод: **«И мочно сказать, что неприятель есть на-че нас в осаде, нежели она помянутая крепость от него. И вскорее чаем знатных действий над ним»*** (выделено нами. — Авт.).

Разрешение, по сути, уйти из города, было дано коменданту Келину, несмотря на то что русская армия оставила уже устроенный лагерь в непосредственной близости от переправы и переместилась на несколько километров ближе к Полтаве — хотя укрепления здесь надо было возводить заново**.

* Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 2. С. 928.

** Перенос лагеря, как согласно говорят многие источники, был осуществлён с целью в первую очередь оказать поддержку, как силовую (второй укрепленный лагерь оказался прямо за спиной королевской ставки, расположенной, как мы помним, в Крестовоздвиженском монастыре), так и моральную, необходимую осажденному гарнизону.

* * *

...20 июня вся Русская армия полностью переправилась на правый берег реки Ворскла и приготовилась к генеральной битве. На следующий день, 21 июня, А.С. Келин направил А.Д. Меншикову зашифрованное письмо, в котором сообщил, что гарнизон наблюдает тревогу в шведском осадном лагере, перегруппировку войск противника: «...Неприятель, совокупясь с своим войском и построился во фронт против города на поле против Киевских ворот и обоз весь поставил за Сенжаровской башней* вкупе. И была тревога у них великая с первого часу дня и после полуден два часа. Которая конница и пехота была в монастыре и в яру за Мазуровой, и те были в совокуплении, а в

Переправа Русской армии через Ворсклу по трем бродам.
Худ. Г. Мегмедов

апрошах оставлено не можно признать сколка. И после того пехота приступила к монастырю и на суцруновском тракту. А обоз стоит за Сенжаровской башней и до сего часа вкупе...»⁶⁸

Но это ещё не означало снятия осады. Готовясь к генеральной баталии, шведское командование не желало оставлять в своём тылу эту крепость непобеждённой и продолжало бросать на штурм Полтавы всё новые и новые силы, не считаясь с быстро растущими потерями.

Карлу XII кровь из носу была необходима победа над гарнизоном Келина! Король и его генералы отнюдь не сбрасывали с весов не только её военный (с течением времени всё уменьшавшийся), но и моральный (день ото дня возрастающий) фактор для своей армии, ещё считавшейся «победоносной».

* В других источниках по теме Великой Северной войны и Полтавского сражения Сенжаровская башня не упоминается вообще. Это могла быть Басмановская башня, ближе иных к дороге на Сенжары (теперь Новые и Старые Санжары) стоявшая.

Хотя это были уже далеко не те войска, которые осенью 1708 года перешли границу государства Российского в надежде на лёгкую победу. Немало солдат и офицеров в период затянувшейся осады Полтавы напрочь потеряли веру в сколько-нибудь счастливый для них исход войны...

* * *

...Атака шведов на крепость, начавшаяся 21 июня, продолжалась всю ночь. Бой не утихал и в продолжении следующего дня, 22 июня. Шведское командование опять бросило на крепостные валы несколько тысяч солдат и офицеров. Это было последнее сражение героических защитников города против войск Карла XII. Но пусть об этом лучше расскажет свидетель тех событий — «Дневник военных действий...»:

«...Июня 22-го. С самого вечера к городу Полтава учинен приступ со всех сторон, и чрез всю ночь был штурм, во многих местах неприятель на вал всходил, но комендант показал несказанную храбрость, ибо он сам во всех нужных местах присутствовал и си-

курсоровал. И сей жестокий приступ продолжался до второго часу полуночи; неприятель получил многочисленный сикурс, и потом начался паки штурм преужасной. Жители полтавские все были на валу; жены, хотя в огне на валу не были, токмо приносили камня

Штурм Полтавы. Худ. Л. Репринцев

и прочее. Весь вал кровью был облит и мёртвых тел наполнен, в таком жестоком огне были до четвёртого часу по полуночи. В исходе четвёртого часа неприятель от штурма отбит и из шанец выбит, причём сочтено тел мертвых неприятельских 1676. От войска Царского Величества убито 272, а ранено 603 человека.

Видел неприятель, что войско Царского Величества в близости находится и намерено иметь баталию близкого ради расстояния,

имел не малой страх, чтоб нечаянного нападения не учинено было, а потом ведал неприятель, что послан Царского Величества указ Хану — Аюке о бытии с сорокью тысячами калмыков в немедленном времени, но хотя и повсечасно опасался приходу и нападения, токмо от Полтавы отступить не хотел. Того ради повелел Фельдмаршалу своему Рейншильду писать к Фельдмаршалу войск Царского Величества Шереметеву, дабы назначен был день генеральной баталии...»⁸⁹

Атаки шведских войск были отражены, но защитники крепости ожидали нового штурма и готовились к битве. Тогда же был предан смерти один из жителей, который пытался склонять сограждан сдать город неприятелю*.

В крепости оставалось между тем всего полторы бочки пороха и восемь ящиков патронов.

Однако дальнейших штурмов не последовало**. Накануне генерального сражения шведское командование вынуждено было снять с осады крепости значительную часть войска, оставив в траншеях крайне незначительные силы.

Гарнизон и жители славного города под руководством доблестного полковника Алексея Степановича Келина одержали победу

* «Отбив штурм, жители собрались в соборе для принесения благодарственной молитвы. Сохранилось такое предание: торговец Илько Поберий предложил, что если повторится ещё один приступ, сдать город шведам, чтобы не проливать напрасно крови. Жители Полтавы были настолько возмущены малодушием Поберия, что, дав ему приобщиться святых таин из рук протопопа, вывели из храма и здесь же, как предателя, забили камнями. Келин одобрил этот приговор» (Олейник Л.В. Героическая оборона Полтавы // 250 лет Полтавской битвы. К.: Изд-во АН УССР, 1959. С. 36).

** Описание штурмов, последовавших 21 и 22 июня, действительно имеется в «Дневнике военных действий...». Об этих, как о не подлежащих сомнению фактах, писали в своих исторических сочинениях Юнаков, Байов, Бескровный и многие другие авторы. Вместе с тем шведские источники этого не подтверждают. Кровавое пролитие, причём значительное, вполне вероятно, действительно имело место, но стороны противостояния, вполне возможно, уже не воспринимали его чем-то выходящим за рамки обычного течения событий.

Что до непосредственно предшествующих событий, то А.С. Келин писал А.Д. Меншикову 21 июня 1709 г. о том, что шведы выстроились во фронт в поле за Киевскими воротами, а обоз поставили за «Санжарской башней». Сильная тревога в шведском лагере возникла из-за наступления Русской армии от Семёновского ретраншемента (т.н. первого укрепленного лагеря) к новому, ближе к Полтаве расположенному лагерю (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. С. 967).

над Карлом XII, его генералами и многочисленным войском. Это именно так, ибо в своей войне со шведами защитники города отразили тридцать сильнейших атак противника. На подступах к Полтаве шведы потеряли только убитыми 6176 своих солдат и офицеров, а это составляло почти пятую часть армии Карла XII. Множество их, в том числе и сам король, были ранены в период осады.

Напомним, что в генеральной баталии потери неприятеля убитыми составили 8619 человек*.

Такое сравнение позволяет полностью оценить значение (или конечный результат) оборонительных боёв защитников Полтавской крепости.

Потери самого гарнизона и населения города во время осады составили 1186 человек убитыми и 1728 ранеными.

Готовясь к генеральному сражению, Пётр I направил А.С. Келину очередное письмо (датировано 26 июня — кануном битвы). В нём вносились некоторые коррективы в данные ранее указания: «...Господин комендант! Понеже, когда мы с прежнему места сюды за реку пошли, тогда для всякого случая вам дали указ, что ежели на сих днях вас за какою причиною не можем выручить, чтоб вам из города вытить. Но ныне инако вам повелеваем, чтоб вы ещё держались, хотя и великою нуждою до половины июля и далее, понеже мы лутчаю надежду отселяя с помощью Божиею, имеем вас выручить, о чём паки подтверждаем: держитесь, как возможно, и нам дайте знать о себе...»⁹⁰

Письмо свидетельствует, что Пётр I не исключал возможных новых нападений шведских войск на крепость и непосредственно перед генеральным сражением. Но окончательная угроза для Полтавы со стороны шведов была ликвидирована буквально на следующий день — в результате победоносной Полтавской баталии.

Академик Е.В. Тарле в своей работе «Северная война и шведское нашествие на Россию» пишет, что «...позднейший блеск русской победы в открытом бою 27 июня несколько затмил заслугу защитников города. Их храбрость и стойкость отмечали с хвалой. Пётр... торжественно их благодарил за подвиг, и всё-таки эта, по своему поразительная защита как-то отодвинута была и в глазах современников, и в оценке потомства на второй план...»⁹¹.

* Это минимальное число; есть данные, указывающие на число потерь свыше 9 тысяч.

С этим нельзя не согласиться. Три величайших события непосредственно связаны между собой целенаправленностью действий Русской армии, которые в конечном счёте и привели к победе: оборона Полтавы, Полтавская баталия и пленение остатков шведских войск у Переволочной на Днестре 30 июня 1709 года.

Каждое из этих событий по своей значимости на определённом этапе не уступало остальным.

Те, кто руководил осадой Полтавы в апреле — июне 1709 года, в своих мемуарах пытались объяснить своё поражение в здешней крепостной войне прежде всего отсутствием у шведов достаточного количества артиллерийских орудий. Но не этот фактор был главным, когда шёл военный спор за обладание Полтавской крепостью. Артиллерия у шведов имела. От неприятельских ядер не раз пылали городские строения Полтавы. Пороху в известном смысле хватало, ибо им до отказа заполнялись каморы минных галерей, прорытых под полтавские валы мазепинцами и шведскими сапёрами с целью взрывами образовать проходы в непокорную крепость. Иное дело, что противник, осаждая город, постепенно терял свои пушки в сражениях с воинами полтавского гарнизона, совершавшими героические вылазки в расположение вражеских сил. Другой вопрос, что порох из минных галерей каждый раз был успешно выбираем и обращаем на бомбардировки шведских укреплений.

Свой боезапас противник израсходовал к концу осады в такой степени, что на поле Полтавского сражения шведская артиллерия за неимением пороха и ядер в большей степени молчала, чем могла оказать существенную помощь своим войскам.

Следует упомянуть и о том, что в некоторых случаях осаждающим удавалось достигать крепостных валов и даже в значительной мере повреждать оборонительную ограду. Далее они могли бы развивать успех безо всякой артиллерии, которая им только бы мешала. Но защитники крепости ни разу не позволили им сделать это.

По сравнению с осаждёнными, полностью отрезанными от полевой армии, шведы пользовались значительными преимуществами. Гарнизон почти отрезанной от внешнего мира Полтавы мог рассчиты-

Для ведения инженерных работ вокруг осаждённой крепости им в принудительном порядке массово привлекалось местное население, чем освобождались от изнурительного физического труда свои собственные войска. Защитники же крепости были вынуждены только своими силами возводить дополнительные укрепления и устранять повреждения вала, причинённые штурмующими и их артиллерией.

Главными факторами, обусловившими победу гарнизона и жителей Полтавы над осаждавшими их шведами, явились прежде всего исключительный патриотизм защитников города-крепости, их высокие (как ни казенно это звучит) боевые и моральные качества, проявившиеся в глубоком понимании ими целей и задач Полтавской обороны.

Взаимодействие гарнизона с полевой армией в чрезвычайно сложных условиях осады осуществлялось А.С. Келиным и командованием русских войск с большим умением; на высоте поставленных задач решались вопросы и тактического, и стратегического маневрирования.

Большое значение имело и то, что в боевых действиях гарнизона под командованием А.С. Келина преобладала тактика не пассивной, а именно активной обороны, полностью оправдавшая себя в данных конкретных условиях.

Стоит отдельно отметить ещё один фактор успеха: это были партизанские действия населения в местах размещения основных сил шведской армии. Они значительно сковывали возможность свободного передвижения неприятельских сил, заставляли отвлекать часть вражеских войск от решения задач, непосредственно связанных с осадой Полтавы.

Нет необходимости в данном случае подробно останавливаться на теме Полтавской битвы. Эти вопросы достаточно разработаны и подробно освещены в работах многих именитых исследователей как дооктябрьского (до 1917 года), так и советского, а затем и новейшего периода истории. Разночтений в них нет в одном: в битве под Полтавой 27 июня 1709 года русские воины действительно проявили невиданный героизм и стойкость. Шведская ар-

28 июня 1709 года, после совершения обряда захоронения 1345 русских воинов, погибших в Полтавском сражении, царь

Император Петр Великий погребает воинов, павших в Полтавском сражении. С картины Чаринова

Пётр I в сопровождении своего генералитета и роты гвардейцев-гренадер торжественно проследовал к крепости. Возле временной триумфальной арки, украшенной зеленью и цветами, «перед градскими воротами» его встречали комендант полковник А. С. Келин и депутация горожан.

Вот те слова приветствия, которые здесь провозгласил Алексей Степанович в адрес Петра I: «Внииди храбрейшия Александра, милостивейшия Веспасиана, премудрейший Соломона, благочестивый Великий Государь, Царь и Великий Князь Пётр Алексеевич! Мафусаиловых лет сжития и Августава обладательства от Бога тебе желаем»⁹².

Сравнивая Петра I с историческими личностями древнего мира и библейскими персонажами, А.С. Келин удачно применил популярныe по тому времени аллегории. Напомним, что Александр Великий (356–323 до н.э.), царь Македонии (336–323), — выдающийся полководец, смело применявший новую стратегию и тактику военных действий, добивавшийся перевеса своих сил над силами противника на главном направлении. Успеха в битве он обычно достигал удачным маневром, соединением фронтального наступления пехоты с фланговым ударом конницы (что имело место быть и в Полтавском сражении).

Тит Флавий Сабин Веспасиан (9–79 н.э.), римский император (69–79), известен прежде всего своим стремлением укрепить боеспособность армии Римской империи. Он много усилий приложил

к восстановлению разрушенного гражданской войной Рима. Включил в состав сената и в списки привилегированного сословия всадников многих представителей провинциальной знати, широко распространял права римского гражданства на провинциалов.

Император Веспасиан, в чём прослеживается ещё одна выпуклая параллель с царём Петром I, много внимания уделял искусствам и зодчеству — именно при нём началось строительство Коллизея, ставшего величайшим памятником древнеримской архитектуры.

Соломон был царём Израильско-Иудейского царства в 965–928 до н. э., в период наивысшего его расцвета. Прежнее племенное деление страны он заменил территориальным, создал разветвлённый административный аппарат. Ввёл твёрдую систему налогов, трудовой и воинской повинности, укрепил армию, осуществлял широкое градостроительство, начал усиленную разработку медных рудников.

Заключением дипломатических союзов и личных уний укрепил международное положение государства и способствовал развитию внешней торговли. Отличался особой мудростью.

Август (Октавиан Август, с рождения Гай Октавий), 63 год до н. э. — 14 год н. э., — римский император, внучатый

Встреча Петра Первого делегацией полтавчан после битвы и снятия осады с Полтавы. Худ. Е. Путря

племянник Гая Юлия Цезаря, усыновлённый им по завещанию. Убедительной победой в 31 г. до н. э. в битве при Акции над римским полководцем Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны (43–31 до н. э.), начавшиеся после смерти Цезаря; сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Позднее термин «Август» (латинское «Возвеличенный богами») приобрёл значение одного из титулов императора.

Персонаж из Ветхого Завета Мафусаил прожил 969 лет; выражение «мафусаиловы века» обозначает, таким образом, долгую, очень долгую жизнь.

...Царь Пётр I выслушал А.С. Келина с обнажённой головой, затем сошёл с коня, обнял коменданта, поцеловал в чело и промолвил: «Почтенная глава, совершившая преславный подвиг! Надежда моя на тебя не обманула меня!»⁹³

Памятник Славы в Полтаве

Спустя сто лет на том же месте, где произошла эта встреча, был воздвигнут по проекту известного имперского архитектора Тома де Томона величественный монумент Славы в ознаменование великой победы русского оружия в битве под Полтавой.

* * *

Сопровождаемый комендантом, Пётр I въехал в город под музыку военного оркестра. После торжественной литургии в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы царь осматривал крепостные укрепления и приказал «полкам стоять по стене Градской и учинить три залпа, которые и учинены»⁹⁴.

Это был торжественный салют защитникам Полтавской крепости, их беспримерному мужеству и невиданному героизму.

В тот же день Пётр I посетил военный лазарет, в котором находились раненые и больные воины гарнизона и жители города.

* * *

За героическую оборону Полтавы А.С. Келин был удостоен одной из высших на тот момент наград — ему вручили «богато осыпанный государев портрет»⁹⁵. Эмалированный, на золотой пластине овальной формы, в ажурной оправе, портрет был щедро изукрашен бриллиантами («осыпанный», как пишут в документах), а на обороте его имелась надпись: «Храбрость», которая подчёркивала военный характер заслуг награждённого.

Такие портреты Петра I в большинстве случаев изготовлялись в Оружейной палате

Наградной портрет Петра I, выданный за военные заслуги

Московского Кремля, где в те годы работали выдающиеся русские живописцы Андрей Овсов, Иван Рефусицкий, Григорий Мусикийский и другие.

После Полтавской битвы произошли первые действительно массовые награждения её участников медалями разного достоинства. Урядничьи и солдатские серебряные медали чеканились на Монетном дворе в Москве. Диаметр первых — 49 мм, вторых — 42 мм. Авторами-медальерами обеих были Соломон Гуэн и Готфрид Гаупт⁹⁶. В первом случае на лицевой стороне был изображён портрет Петра I в лавровом венке, доспехе и плаще. Круговая надпись гласит: ЦРЬ ПЕТРЪ ВСЕРОСИИСКІИ САМОДЕРЖЕЦЪ. Под обрезом руки подпись Гуэна. На обороте — вид битвы: на первом плане кавалерийская схватка, вдали справа вид Полтавы. Надпись сверху: ЗА ПОЛТАВСКУЮ БАТАЛИЮ, в обрезе: 1709 г. ИЮНЯ 27 д. И подпись Гаупта.

Вторая (солдатская) наградная медаль несколько отличается: на лицевой её стороне портрет Петра I в лавровом венке, доспехе и мантии, с лентой ордена Андрея Первозванного через плечо. Круговая надпись: ЦРЬ ПЕТРЪ ВСЕРОСИИСКІИ САМОДЕРЖЕЦЪ. На обороте сцена перестрелки пехотинцев, вдали справа тоже помещён вид Полтавы. Надписи аналогичны тем, что проставлены на урядничьей медали. Как и подписи медальеров.

Образцы наград за Полтавскую баталию имеются в коллекциях

Наградная солдатская медаль за Полтавскую баталию

ведущих музеев России, в частности Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге и Государственного Исторического музея в Москве. Есть они и в музее государственного историко-культурного заповедника «Поле Полтавской битвы» в Полтаве.

За героическую оборону Полтавской крепости А.С. Келину был присвоен также чин бригадира — промежуточный между полковником и генерал-майором. В «Указе Военного приказа» об этом сказано следующее: «...Лета 1709 в день (не обозначен. — Я.И.) — по

указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича... за Генеральную Баталию с королём Швецим под Полтавой пожалованы чинами... Из полковников в бригадиры: от Тверского полку, который был в Полтаве комендантом Алексей Степанов сын Келин. Подлинный указ за приписью дьяка Фёдора Ефимьева. За справкою подьячего Ивана Ларионова»⁹⁷.

Обратим внимание на формулировку этого приказа: в нем говорится о присвоении Келину чина бригадира именно «...за Генеральную Баталию с королём Швецим под Полтавой». Хотя, как известно, комендант А.С. Келин формально не принимал участия в генеральной битве 27 июня 1709 года. Тем не менее он был отмечен указом как непосредственный её участник*.

Это как нельзя лучше свидетельствует о том, что возглавляемая им оборона города-крепости Полтава явилась составной частью общих боевых действий русской армии по разгрому армии шведского короля Карла XII. Кстати говоря, к участникам генерального сра-

* Это не совсем верное утверждение. Гарнизон Полтавы принял значительное и очень активное участие в знаменитой битве, хотя и не на основном поле её. Он вступил в сражение 27 июня аккурат между первым и вторым его этапами. Вот как это было: «Полковник Келин вывел свои силы из города, когда увидел разбитые батальоны Роса численностью от 300 до 400 человек. На некоторое время им удалось укрыться в так называемом Гвардейском шанце у южного подножия Монастырской горы. Это было примерно в 7 часов утра.

Русские воины и малороссийские казаки, выйдя из города, сразу же принудили к капитуляции небольшой отряд секунд-капитана Е.Хорда, защищавшего штершанец у дороги на Харьков (Ставку шведского короля в Крестовоздвиженском монастыре с восточного направления). 40 шведских солдат, защищавших его, сложили оружие.

Части гарнизона потеснили также отряд Крунубергского полка (140 человек) под командованием секунд-капитана фон Ранго, стоявшего в карауле к северо-востоку от города. Шведы отступили в осадные траншеи. Примерно в это время, около 7.30 утра гарнизон установил связь с частями Головина, высланными из укрепленного лагеря к Крестовоздвиженскому монастырю.

Шведы стянули все свои силы в окопы ниже города и приготовились отразить комбинированную атаку русских. В то время как части гарнизона пошли на штурм с фронта и левого фланга, группа из 4 батальонов напала на шведов с правого фланга. Бой шел с переменным успехом...» (Беспалов А. Сподвижники Карла XII. М.: Рейтаръ, 2003. С. 44).

Отряд, выступивший из города, ударил по шведам и в западном направлении. «Шведским постам из Седерманландского и Крунубергского полков пришлось отступить к своим тылам в Пушкарёвке» (Григорьев Б. Карл XII. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 330).

жения фактически были приравнены и солдаты и офицеры гарнизона Келина, награждённые медалями «За Полтавскую баталию».

Очевидно, Пётр I не счёл вопрос о награждении героического коменданта до конца исчерпанным*. Источники 1710 года называют уже более высокий воинский чин А.С. Келина — генерал-майор⁹⁸.

* * *

Во время посещения Полтавы 28 июня 1709 года Пётр I был одет в ту же самую военную форму, которую имел на себе и в день сражения: этот мундир темно-зелёного цвета из крепкого голландского сукна с красными обшлагами, большими медными с позолотой пуговицами так и стал потом называться — *полтавским*. На щёке был офицерский нагрудный знак в виде полукруглого щитка, он защищал горло от вражеских пуль и ударов холодного оружия.

Голову покрывала сложенная треугольником чёрная шляпа из фетра без каких-либо украшений. На полях её имелось круглое отверстие — след от попадания в полтавском бою вражеской пули.

Шведы были пленены (последние, в Гвардейском шанце, сдались между 10 и 11 часами, когда бой на поле между Яковцами и Малыми Будыщами ещё кипел) и обратным путём через «теснины» (по слову Пушкина), по дороге через яр, идущий от Полтавы к Яковцам, отконвоированы к месту общего сбора пленных. Самыми знаменитыми среди пленённых полтавским комендантом и его воинами были первый министр короля, снискавший прозвище Великого Визиря, и самый богатый человек Швеции, составивший своё состояние, в частности, на взятках, граф Пипер и секретари канцелярии Хармелин и Седерхельм. Они сдались полковнику Келину вместе с 93 солдатами — надо полагать, в Крестовоздвиженском монастыре, где Карл XII, цинично попирая веру славян (и своих якобы «союзников» тоже), разместил свою Ставку, или в ближайших его окрестностях. По крайней мере к началу второго часа они уже стояли перед палаткой Петра I (Там же. С. 351).

* В «Истории Свейской войны», в письме бригадира Ивана фон Менгдена секретарю Петра I А.В. Макарову, фрагментарно уже цитированном нами, вносится ясность, как именно это произошло. «...А в брегадиры он (А.С. Келин) пожалован по виктории Полтавской, как генералитет переменяли чинами, а в генералы-маеоры под Решетиловкою, а времени меж оного было неделя или больши — не упомяну» (История Свейской войны. М., 2004. Вып. 2. С. 433). Рассуждение по данному поводу вот какое: видимо, Пётр I за ворохом дел и суматохой событий не смог в самые первые дни по свершению генеральной баталии в полной мере оценить вклад А.С. Келина в победу под Полтавой, имея в виду не только организацию обороны, но и взятие штершанца, прикрывавшего Ставку короля Карла XII со стороны Харькова, и пленение графа Пипера, и диверсию в сторону лагеря шведов у Пушкаревки. Но получив такие данные, счёл необходимым «доградить» Алексея Степановича, присвоив ему генеральское звание.

Мундир дополнял офицерский шарф с тремя продольными полосами белого, синего и красного цвета, прошитый золотыми и серебряными нитями. Его носили через правое плечо.

Шпага имела позолоченный эфес, рукоять её была обвита железной плетёной проволокой. Клинок хорошей работы, простой, без насечек, длиной полтора аршина (около 108 см). Португеза выполнена из толстой кожи чёрного цвета, с серебряной пряжкой и крючком⁹⁹.

В бытность комендантом Полтавской крепости А.С. Келин жил у местного казака Магденко. Его дом был расположен у Спасской

Деревянная Спасская церковь — свидетель славных событий 1709 г. За нею виднеются дом казака Магденко (не сохранился) и первый памятник Полтавской победы («Пирамид каменный»), установленный полтавским полковником Руденко. С рисунка XVIII ст.

церкви и состоял из трёх комнат, кухни и бани. Здесь остановился на краткий отдых 28 июня 1709 года и Пётр I, а под вечер царь возвратился в полевой укрепленный лагерь русской армии под Полтавой, где пребывал до 30 июня.

В тот день, ещё до рассвета, Пётр I в сопровождении лейб-эскадрона и двух пехотных, посаженных на коней полков, выехал в Переволочную.

Там капитулировали остатки войск Карла XII, уцелевшие в Полтавской битве.

Возвратившись обратно, царь 10 июля снова посетил А.С. Келина в Полтаве и пожелал, чтобы на обеде у коменданта присутствовали Реншёльд и другие пленные шведские генералы. Вместе они вновь осматривали крепость, взяли с собой и Реншёльда. Пётр I сказал тогда бывшему главнокомандующему армии шведов: «Странно, что в столь долгую осаду вы не смогли овладеть этой слабой крепостью».

Тот, кто еще недавно дерзко пытался заставить коменданта и гарнизон Полтавы капитулировать, был вынужден признать исключительное мужество осаждённых, отстоявших свой город¹⁰⁰.

* * *

О пребывании царя Петра I в Полтаве и сегодня напоминает монумент, воздвигнутый в 1849 году к 140-летию славной победы. Создан он по проекту профессора архитектуры А.П. Брюллова (брата известного художника) и расположен на том самом месте, где когда-то стоял дом казака Магденко.

Памятник имеет пирамидальную форму, высоту около 8 метров; установлен он на пьедестале из гранитных ступеней и увенчан куполом, украшенным бронзовыми гирляндами сплетённых ветвей лавра. На куполе — меч в ножнах, щит и шлем русского полководца.

С лицевой стороны имеется надпись: «Пётр I покоился здесь после подвигов своих 27 июня 1709 года».

Под надписью — рельефное изображение герба государства Российского, а ниже, на базисе, также в барельефе, — отдыхающий лев, символ смелости, свободы и покоя.

Вокруг монумента сооружена балюстрада из восьми чугунных тумб в виде пушек стволами к земле, соединённых между собой металлическими фигурными кронштейнами*.

Бронзовые барельефы памятника были отлиты в Санкт-Петербурге с применением метода гальванопластики. Их изготовлением руководил художник Гамбургер¹⁰¹.

* * *

В поколениях жителей Полтавы сохранилось давнее предание о посещении города Петром I после победы над Карлом XII. Сейчас уже невозможно доподлинно установить, была это или легенда.

* Так выглядит памятник и сейчас. Но по замыслу архитектора несколько выше льва, ниже герба Российской империи прежде находилась металлическая пластина с надписью: «Воздвигнут 27 июня 1849 года в царствование Императора Николая I». Она была сорвана вскоре после известных событий октября 1917 года; подлинный вид не возвращён памятнику до сих пор; находится он, на позор ныне живущим потомкам великой победы, в аварийном состоянии.

Памятник на месте отдыха Петра Первого. Фото конца XIX ст.

Рассказывают, что Пётр I в сопровождении коменданта А.С. Келина ехал вдоль крепостных валов и вдруг заметил, что Лизетта (лошадь, бывшая под его вальтрапом в день знаменитой битвы) потеряла подкову. Царственный наездник и его свита тотчас направились к одной из кузниц (коих было в Полтаве немало — ещё в начале XX века одна из центральных улиц, начинавшаяся близ четвертого, по некоторым данным называвшегося также седьмым, бастiona, где стоит ныне памятник А.С. Келину и славным защитникам города, так и называлась — Кузнечной; позже она была переименована в улицу Пушкина).

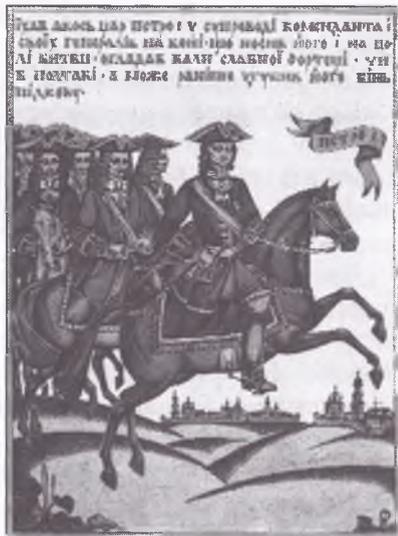
Кузнец — косая сажень в плечах — быстро раздул горн, выковал подкову, остудил в ключевой воде и подал царю с поклоном. Взял заказчик её в руки и... разогнул. Нахмурился. А кузнец — хоть бы хны, стучит молотком. И вот уже новая подкова огнём играет. Снова пробует на ней свою силу Пётр I, но на сей раз не поддаётся она ему. Можно ею лошадь подковать!

Берёт тогда кузнец подкову из царских в свои могучие руки и... ломает надвое.

Изумился царь — не кузнецом бы молодцу быть, а гренадером в гвардейском полку!

Выковал тогда кузнец третью подкову — да такую, что ни царь, ни он сам сломать не могли. Вот ею-то и подковали Лизетту, и не было износу той подкове много-много лет...

В 1909 году, когда в Полтаве торжественно праздновалось 200-летие славной баталии, улица Кузнечная исчезла с карты города. Но как бы в воспоминание давней легенды на Ивановой горе над крутым обрывом в сторону Ворсклы была поставлена Белая беседка в форме подковы. Во время немецко-фашистской оккупации 1941–1943 годов она была разрушена. После войны на этом же месте соорудили ротонду Дружбы народов, в общих чертах сохранившую былой облик. Полтавчане по-прежнему называют её «Белой

беседкой». И место, где она стоит и откуда открывается великолепный вид на заворсклянские дали, Крестовоздвиженский монастырь и Институтскую гору, является одним из любимых мест отдыха горожан и гостей города¹⁰².

* * *

Полтавская битва коренным образом изменила расстановку политических и военных сил в Европе того времени. Фридрих Энгельс, говоря о поражении шведской армии в сражении под Полтавой, подчёркивал: «...Карл XII сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России»¹⁰³.

Высокую оценку давали Полтавской битве Вольтер, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, а В.Г. Короленко (имя которого тесно связано с Полтавой, где он долго жил и где похоронен) писал, что после победоносного сражения «...звёзды Петра и России ярко засияли на политическом небосклоне Европы. Удельный вес России внезапно поднялся, и, что, может, важнее, в глазах самих русских Полтавская победа явилась оправданием нового курса»¹⁰⁴.

ПОСЛЕ ПОЛТАВЫ

После поражения Карла XII под Полтавой и капитуляции остатков шведских войск у Переволочной на Днестре (свыше 16 тысяч человек*) Швеция уже никогда не смогла собрать и выставить против России достаточно сильной, полноценной сухопутной армии.

...13 июля 1709 года русские войска перебазируются из-под Полтавы в местечко Решетилровку, где вскоре состоялся военный совет главного командования. На нём было принято решение о возобновлении военных действий в Прибалтике.

На польский престол возвратился король Август II. Был восстановлен Северный союз между Россией, Данией и Польшей, направленный на продолжение войны со Швецией, упрямо не желавшей мира.

Активизации боевых действий Русской армии в Прибалтике потребовали наступательные операции шведских войск под командованием генерала Магнуса Стенбока против датчан, необходи-

* По новейшим данным, с учётом «союзников» шведов — свыше 20 тысяч; подробнее об этом см. в разделе «Крепости Полтавского края».

мость обеспечения безопасности Санкт-Петербурга. И в конце 1709 — первой половине 1710 года русские войска окончательно овладели Ливонией, взяв неприятельские крепости Динабург, Пернов, Аренсбург, Ригу и Ревель.

Во взятии Риги принимал участие и Тверской полк под командованием А.С. Келина, входивший, как и прежде, в армию генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, действовавшую на этом театре войны¹⁰⁵.

* * *

Как сложилась дальнейшая судьба Алексея Степановича Келина после Полтавы?

Из переписки Б.П. Шереметева с азовским генерал-губернатором генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным явствует, что А.С. Келин в 1710-м и в начале следующего, 1711 года всё ещё находился в Прибалтике в составе армии генерал-фельдмаршала, а затем был откомандирован в Азов¹⁰⁶.

С этого момента А.С. Келин поступает в непосредственное подчинение генерал-адмирала Ф.М. Апраксина.

В фондах Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР* сохранилось 39 документов о воинской службе генерал-майора А.С. Келина (Келена, Келлина — иногда писалось и так) в 1711–1715 годах. Из них 38 — в подлинниках. Эти документы дают возможность проследить более подробно последующие годы жизни Алексея Степановича (после Полтавы и Прибалтики)¹⁰⁷.

В августе 1711 года последовал указ Петра I о назначении А.С. Келина главным комендантом Азовской крепости: «...Генерал-маеору Келину быть в Азове обер-комендантом на место комендан-

* Как уже отмечалось в одном из комментариев, названия архивных учреждений в основном приводятся так, как они указаны в работах Я.Г. Иванюка. Относительно же данного архива следует особо подчеркнуть, что у истоков его стоял сам Пётр Великий (архив основан в 1724 г.). В 1724–1827 гг., т.е. свыше ста лет, он назывался Архивом Государственной Адмиралтейств-коллегии, в 1827–1917 гг. (т.е. 90 лет кряду) — Архивом Морского министерства. После ряда переименований в первые годы советской власти с 1941 до июня 1992 года именовался именно так, как указано здесь, — Центральным государственным архивом Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ СССР). Затем (и в настоящее время) носит название Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Находится в Санкт-Петербурге по адресу: улица Миллионная, дом № 36.

та Киреева. И оную крепость поручить ему, и о том в полках... объявить...»¹⁰⁸

Какими соображениями руководствовался Пётр I, назначая А.С. Келина обер-комендантом* Азова? Обратимся к событиям того времени, которые помогут объяснить решение царя.

Бежавший в Турцию Карл XII путем интриг, при содействии Англии и Франции, имевших влияние на двор султана, всё-таки добился объявления Турцией 20 ноября 1710 года войны России.

Пётр I принял вызов и выступил в так называемый Прутский поход.

25 июня 1711 года русские войска достигли города Яссы.

30 июня царь с главными силами русской армии — 38 тысячами солдат и офицеров — двинулся дальше к Дунаю.

8 июля турецкая армия численностью около 190 тысяч человек, вышедшая ему навстречу, переправилась на западный (правый) берег реки Прут, куда уже подходил авангард русских войск.

8–9 июля у Станилешти произошло сражение. Несмотря на значительное численное превосходство в силах, туркам так и не удалось добиться успеха. Артиллерийским и ружейным огнём русских войск неприятельские атаки были отбиты с большими для турок потерями. Особенно большой урон был нанесен янычарам — элитным подразделениям в войсках султана. Они стали требовать заключения мира с русскими.

Положение русской армии тоже оставалось весьма критичным, поскольку пятикратный (а по некоторым сведениям — и семикратный. — *Прим. ред.*) перевес в живой силе противника, действующего к тому же близко от своих баз снабжения, создавал реальную угрозу весьма неблагоприятного исхода событий.

По обоюдному согласию сторон 12 июля был подписан мирный договор. Русская армия получила право свободного выхода из турецких владений — с артиллерией и обозом, но Турции за это возвращался Азов. Построенные на северном побережье Азовского мо-

* Слово «комендант» и так чётко и недвусмысленно означает «главный начальник крепости» (см.: Павлинов Ф. Энциклопедический словарь. СПб., 1913. С. 1023). Зачем же было добавлять к нему приставку «обер-»: «частицу, приставляемую к словам для обозначения превосходства, старшинства» (там же, с. 1611)? Это говорит об исключительной по важности миссии, возложенной на А.С. Келина, на практике доказавшего во время полтавской осады свои уникальные способности организатора и воинского начальника.

ря русские крепости Таганрог, Каменный Затон и некоторые другие укрепления подлежали разрушению.

В отечественной истории военные события, связанные с Азовом, занимают особое место*.

* Следует помнить, что борьба за Азов была не следствием некой «захватнической политики», а цепью попыток вернуть древнее наследие отцов и разрушить позорные последствия экспансии кочевников на славянские земли. Ведь город, впоследствии получивший названия Азова, в X–XI столетиях входил в состав Тмутараканского княжества Киевской Руси и был захвачен (ок. 1067 г.) половцами, давшими поселению имя своего хана Азува (Азака).

Золотая Орда, утвердившаяся в XIII в. в Приазовье, сделала это поселение своей стоянкой. С конца того же XIII в. и два последующих столетия кряду данной территорией владели италийцы (венецианцы и генуэзцы), устроившие здесь свою богатую колонию Тана. Они уступили военной силе и в 1471 г. отдали Азов захватившим его туркам; те превратили город в сильную военную крепость – форпост для нападений на Русь и Малороссию.

Донские казаки первыми взяли Азов обратно и владели им в 1637–1642 гг. (этот период в отечественной истории известен как «Азовское сидение»). В 1696 г. Азов вновь был взят, на сей раз войсками Петра I (знаменитые Азовские походы 1695–1696 гг.; в них принимали участие и казаки, в основном донские, но и малороссийские тоже).

Предполагая, что турки попытаются взять Азов обратно, Пётр I уже на следующий день после перехода крепости в его руки (19 июля 1696 г.) приказал инженеру де Лавалю составить план восстановления и создания новых укреплений по всем правилам фортификационного искусства. Им предусматривалось возведение пяти каменных бастионов с рavelинами и строительство на противоположном берегу Дона отдельного форта. План немедленно начал воплощаться в жизнь, и переоборудование крепости было завершено уже к середине августа того же года. Армия, уходя, оставила в Азове сильный гарнизон, состоящий из 5997 солдат (из полков дивизий Лефорта, Головина, Гордона и Ригельмана) и 2709 стрельцов. Воеводой в Азове оставили стольника князя Петра Львова.

У Азова начало разворачиваться строительство целого комплекса оборонительных сооружений – морской гавани Таганрога, место для которой Пётр I выбрал лично, крепости Троицы и форта Павловского на Петрушинской косе. Одним из «наказов» Петра I было прорытие канала между Волгой и Доном. Выполнить его тогда не удалось, но известно, что в 1697 г. было собрано 20 тысяч землекопов и назначен инженер – «немец» Бреккель.

В 1711 г. Азов, столь дорогою ценою отвоёванный у османов и превращённый, как уже говорилось, в первоклассную крепость, был возвращён Турции; потом опять отвоёван в 1736 г. и вновь перешёл во владение России по Белградскому мирному договору 1739 года.

Но окончательно Азов был присоединён к России лишь 35 лет спустя, по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., после ряда блистательных побед Русской армии и её Военно-морского флота, в царствование императрицы Екатерины Великой, продолжательницы дела Великого Петра.

В XVI–XVII веках казачьи отряды неоднократно подходили вплотную к этой крепости и штурмовали её укрепления, считавшиеся неприступными. Город действительно имел крепкие цитадели, окруженные каменными стенами с одиннадцатью башнями; помимо этого он был обнесен высокими земляными валами и окопан глубокими рвами. На вооружении гарнизона было 200 артиллерийских орудий — весьма значительная по тому времени огневая мощь.

Тем не менее в 1576 году казаки захватили эту крепость и некоторое время владели городом.

В 1634 году отряды донских и запорожских казаков снова осадили Азов, разрушили часть крепостной стены, а спустя три года взяли город приступом и на сей раз закрепились в нём достаточно надолго.

7 июня 1641 года начался новый этап упорной борьбы за эту крепость, к которой подошла на подмогу 140-тысячная турецкая армия. Девяносто три дня и ночи неприятель блокировал Азов с суши и моря. Казаки успешно отразили 24 страшных по масштабам кровопролития штурма. Турки оставили тогда у стен твердыни десятки тысяч своих воинов и вынуждены были бесславно отступить.

Правительство русского царя Михаила Фёдоровича не смогло в эти годы оказать казакам действенной помощи. Это означало бы начало войны с Турцией, что с учётом политической, военной и прочей обстановки того времени было, мягко говоря, нежелательным.

Казаки разрушили укрепления Азова, вывезли из крепости артиллерию и боеприпасы, военное снаряжение и оставили город. Трое суток стояли после этого турецкие войска у покинутых городских стен, не решаясь войти в крепость, — они не могли поверить, что казаки ушли отсюда по своей доброй воле, а не подготовили им какую-нибудь страшную ловушку.

Возвратившись в Азов, турки произвели реконструкцию крепостных укреплений. Вокруг города они построили новые каменные стены. С напольной стороны, в полуверсте от них, насыпали ещё два земляных вала. В трёх верстах от крепости на обоих берегах Дона поставили две каменные башни и протянули между ними прочные металлические цепи, перекрыв выход из реки в море.

Однако в дальнейшей борьбе против турецко-татарской агрессии на юге страны казачество оказалось уже неодиноким. На исто-

рическую арену выходило Российское государство — «Россия молодая».

В конце XVII века состоялись известные Азовские походы Петра I. Первый из них, в 1695 году, закончился для русской армии неудачно. Поддержка сильного турецкого флота с моря помогла гарнизону выдержать осаду русских войск: таким образом, одной из главных причин неудавшегося похода юного Петра явилось отсутствие у России военно-морских сил.

Прошёл год. Российские корабельщики вместе с приглашёнными из европейских стран мастерами построили на воронежских верфях первую флотилию. И летом того же, 1696 года русские войска, насчитывающие 75 тысяч человек, вместе с отрядами донских, малороссийских и яицких казаков снова осадили Азов.

Подходы к крепости с моря теперь перекрывала русская флотилия.

Турецкий гарнизон не выдержал осады и капитулировал.

* * *

Вернёмся к событиям 1711 года. Может возникнуть вопрос: почему после Прутского похода, завершившегося для России неудачно, и договорённости о возвращении Азова туркам, Пётр I назначает в эту крепость коменданта, причём в ранге «главного», и останавливается на кандидатуре именно А.С. Келина — человека мужественного, деятельного, показавшего себя хорошим организатором?

Такое решение было вызвано целым рядом важных обстоятельств.

По условиям Прутского договора русская сторона обязывалась беспрепятственно пропустить Карла XII через Польшу. Но король всё ещё медлил с отъездом, надеясь получить у султана под своё командование сильную турецкую армию, с которой он мог бы повторить поход на Россию. Эти проволочки, в свою очередь, давали Петру I право задержать передачу Азовской крепости туркам.

Находясь осенью 1711 года на лечении в Карлсбаде, Пётр I вёл интенсивную переписку по поводу Азова и Таганрога с генерал-фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, киевским губернатором князем Д.М. Голицыным, канцлером бароном П.П. Шафировым и генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным. Из этой переписки видно, чего стоило Петру I возвращение туркам этих взятых ценою большой крови твердынь, как он пытался любой ценой отсрочить выполне-

ние этого пункта условий договора, не исключая поворота ситуации к лучшему для России...

В письме Ф.М. Апраксину, датированном 19 сентября 1711 года, Пётр I писал, что вынужден удовлетворить требования турецкого правительства, но подождёт удаления Карла XII за пределы Порты. При этом он советовал генерал-адмиралу снести укрепления Таганрога, но сохранить при этом их фундаменты, надеясь, что при благоприятных для страны обстоятельствах крепость будет возвращена России и тогда удастся быстрее её восстановить. Предвидения Петра I действительно осуществились, хотя и несколько позднее.

В другом письме к Ф.М. Апраксину, от 28 сентября, царь поручает ему до передачи туркам Азова составить подробный план этой крепости «...с размерами»¹⁰⁹.

Азов был особенно дорог Петру I, ибо взятие (при личном его участии) этой крепости русскими войсками явилось действительно большим успехом в борьбе против Турции за выход на моря — Азовское, а затем и Чёрное. Городские укрепления в соответствии с планами царя тогда впервые перестроили с учётом новейших, передовых по тому времени методов военно-инженерной науки.

На левом берегу в устье Дона фактически возвели новую крепость с четырьмя бастионами и горнверком* с напольной стороны.

На остальных участках оборонительной ограды имелись небольшие рavelины. Тыльная (от Дона) сторона прикрывалась небольшим валом.

Петр Первый в мундире Преображенского полка под Азовом

* Горнверк — фортификационное сооружение, состоящее из двух полубастионов, соединённых куртиной^{*1}. В плане имело форму двух рогов, откуда и произошло название: «горн» (по-немецки «рог») и «верк» (укрепление).

^{*1} Куртина — в фортификации так терминологически обозначается часть главного вала укрепления, соединяющая два бастиона.

На правом же берегу реки возвели Петровскую (sic!) крепость с четырьмя бастионами. Её окружал водяной ров, соединявшийся с рекой специально проведённым сюда каналом¹¹⁰.

* * *

...Со дня подписания Прутского мирного договора (12 июля 1711 года) и до фактической передачи крепости Азов турецким представителям (состоялась 2 января 1712 года) прошло без малого шесть месяцев.

За это время здесь пришлось решить множество самых различных задач — начиная от перемещения в полном порядке гарнизона Азова в другие русские крепости до вывоза различного воинского имущества и даже части артиллерии, которую удалось в конечном итоге отстоять. При этом с турками, принимавшими Азов, необходимо было соблюдать такт и поддерживать вежливые дипломатические отношения.

С подобной нелёгкой задачей действительно мог справиться лишь человек, обладавший большим опытом, энергией и выдержкой.

Именно таким оказался генерал-майор и обер-комендант А.С. Келин, который блестяще выполнил возложенные на него поручения.

Обратимся теперь к документам этого периода, повествующим о событиях в Азове.

Турецкие представители Айваза-паша, Мехмет-ага и другие 4 января 1712 года сообщали в Стамбул о ходе приёма Азова «с пушками, ядрами и порохом и другими припасами» и о получении ключей от города у обер-коменданта генерал-майора Келина¹¹¹.

5 января, на следующий день, А.С. Келин подписал протокол о передаче Азова «стороне мусульманской» и тогда же направил письмо турецкому сераскиру (военному министру) Мехмет-паше о присылке в крепость его уполномоченных¹¹² (не полагаясь, видимо, на «басурманскую» почту).

* * *

После передачи крепости Азова туркам А.С. Келин командовал войсками в Азовской губернии, в Малороссии, Казанскими солдатскими и драгунскими полками. До конца своей жизни Алексей Степанович оставался в армейском строю.

Все эти годы он вёл достаточно интенсивную переписку с генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным, которая наряду с другими со-

хранившимися материалами тех лет в известной мере характеризует его жизнь и служебную деятельность.

Так, 10 января 1712 года А.С. Келин в донесении Фёдору Михайловичу подтверждает получение от него приказа выехать в Новый Транжемент для «осмотра по ведомости пороховых погребов» в связи с ожидавшимся сильным весенним паводком, и заданием, в частности, выбрать порох «наверх здешними солдатами»¹¹³.

В январе А.С. Келин находился в этой крепости на протяжении нескольких дней, выполняя поручение по приёму доставленных сюда воинскими командами пленных шведов боеприпасов и различного имущества¹¹⁴.

* * *

Ново-Транжементскую крепость построили в 1711 году в девяти верстах от казачьей столицы города Черкаска, ниже по течению Дона. Сюда свезли пушки и боеприпасы, которые удалось сохранить, из Азова.

Гарнизон Нового Транжемента состоял из 7 офицеров и 359 солдат. На его вооружении было 137 артиллерийских орудий.

Резидент Станислава Лещинского при Карле XII Станислав Чолик Понятовский, шведский посланник в Стамбуле Томас Функ и крымский хан Давлет-Гирей II доносили султану, что Ново-Транжементская крепость имеет более сильные укрепления, чем Азов. Турки умудрились даже добыть для себя чертеж Нового Транжемента. Порта настаивала на том, чтобы внести в текст мирного договора пункт о запрещении строительства русских укреплений между Азовом и Черкасском, и в конце концов добилась своего: Ново-Транжементскую крепость 11 июля 1712 года снесли, но взамен поставили новую, под таким же названием, в двух верстах от Черкаска, выше по течению Дона, у реки Ваклеевки, напротив Крестовых гор.

* * *

Напряжённость на русских границах с Турцией между тем не уменьшалась.

Первого сентября 1712 года король Франции Людовик XIV Бурбон (1638–1715), потерпевший поражение сначала в войне за так называемое Пфальцское наследство (1688–1697) и уже почти проигравший борьбу за «наследство Испанское» (война 1701–1714 годов), что привело к дальнейшему ослаблению Франции и повергло её в глубокий экономический спад, заключил дого-

вор с Карлом XII, явно направленный против интересов России. В нём, в частности, говорилось: «...всё своё старание приложить при Порте оттоманской, дабы оную склонить, чтоб паки вновь разорвала мир с царём московским...», и далее: «...его Величество король французский обязуется помянутыми кондициями (т.е. условиями) все способы и силу свою употребить и сверх того короля датского отвлечи чрез некоторые пристойные кондиции, которыхы господин Дезайлер указ имеет приобщить его королевскому Величеству Швецкому...»¹¹⁵.

Упомянутый в тексте договора французский посол в Стамбуле генерал-поручик Пьер-Дюшо Дезальер, настроенный крайне враждебно к России, составил тогда для своего правительства докладную записку («мемориал»), в которой изложил соображения относительно Прутского договора.

Будучи вынужденным признать успехи русской дипломатии, Дезальер вместе с тем докладывал: «...Подлинно есть, что Порта обманута, соизволит заключить мир с царём московским под такими кондициями, яко слышно, и для таких раций, яко ниже изъяснено. Понеже царь московский имеет во владении фортецию, называемую Новую крепость (Ново-Транжементскую. — Я.И.), в которой может строить магазейн, яко уже ныне и имеет, и понеже будет иметь во владении реку Дон, и что оной отдал Азов, то... руския знают, от которой стороны та фартеция не крепка, то одним утром могут притти на бударах* и высадить на берег 30 000 войск и, приступя к Азову, оной взять, яко не сумнительно, что то будет следовать...»¹¹⁶.

* * *

Содержание дальнейшей переписки А.С. Келина с Ф.М. Апраксиным в 1712 году свидетельствует о расширившихся масштабах деятельности генерал-майора. Сообщается о комплектовании им личным и конным составом войск Азовской губернии, о рангах полков и батальонов, находящихся под его командованием, о знамёнах, форме одежды, о подготовке к маршу из Воронежа, выступлении отряда на Белгород и другом¹¹⁷.

23 октября 1712 года Ф.М. Апраксин докладывал Петру I: «...Лантрихтер Азовской губернии господин Кикин скончался, а на его место ково ль взять, не знаю. Повели, Ваше Величество быть из

* Будара — большая лодка.

нового транжамента на его место вице-губернатором господину Толскому, а на его место в транжаменте комендантом быть генерал-майору Келену...»¹¹⁸.

Осталось, увы, неизвестным, как Пётр I отнёсся к предложению Ф.М. Апраксина.

* * *

В октябре — ноябре того же года А.С. Келин пишет Ф.М. Апраксину о передислокации своих полков и состоянии боеготовности частей, постройке телег для войскового обоза, изготовлении патронных ящиков, подготовке к зиме. В письме А.С. Келин упоминает город Оскол, Киевскую и Казанскую губернии, Воронежскую провинцию, с которыми имеет сообщение по тем или иным вопросам; сообщает, что ожидает поступление важного указа от брата Ф.М. Апраксина — ближнего боярина и губернатора казанского и астраханского П.М. Апраксина¹¹⁹.

Декабрём 1712 года датированы «Ведомости артиллерии, амуниции» и другого военного имущества, «хоромного строения и всяких лесных и других припасов», оставаемых в Азове на временное хранение в соответствии с приказами Ф.М. Апраксина и с согласия турецкой стороны¹²⁰.

Среди архивных документов, датированных 1713 годом, — рапорты и донесения А.С. Келина генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину о состоянии вверенных генерал-майору воинских частей, о появлении под Черкасском на Дону турецкого флота, получении из Казани от П.М. Апраксина ожидаемого приказа: «...с полками, со всяким воинским приготовлением, с полевой артиллерией стоять в Острогоске во всякой готовности, от приходов неприятельских иметь опасение и осторожность, а паче по невозможности чинит поиск; а о походе своего высокородия по предложенному Его Царского Величества указу из Казани марш свой апреля 21 дня...», и другие¹²¹.

В декабре 1714 года А.С. Келин обращается к Ф.М. Апраксину с просьбой о содействии и поддержке перед государем своего ходатайства о покупке «в Малороссии у помещиков по вольной цене

Генерал-адмирал
Ф.М. Апраксин

поместной земли» («за многие мои службы, за кровь и раны и осадное сидение...») ¹²². Ходатайство было уважено так, как Алексей Степанович, видимо, и не чаял: Келин был пожалован (награжден) земельным наделом на столь милой его сердцу Украине ¹²³.

Это, впрочем, отнюдь не означало отставки: приказ генерал-адмирала Ф.М. Апраксина 3 января 1715 года предписывал генерал-майору А.С. Келину следовать с полками в Азовскую губернию «по-прежнему»; о передислокации солдатских полков «с квартир при Харькове в Осеред»; о финансировании «марша» и снабжении подводами, провиантом, фуражом «кому о чем надлежащие указы от нас посланы» ¹²⁴.

8 января того же года А.С. Келину был направлен приказ «ближнего боярина и во охранении Малороссии воеводы и наместника Нижегородского» П.М. Апраксина: в связи с поездкой его из Малороссии в Москву и Санкт-Петербург принять под своё командование войска — драгунский и солдатский полки «Азовской губернии и артиллерии со всеми служители и казанские драгунские и солдатские полки» — до прибытия бригадира Дмитриева-Мамонова ¹²⁵.

23 января 1715 года в рапорте А.С. Келина П.М. Апраксину сообщается о получении его приказа об оставлении квартир «при Харькове» и марше на Осеред ¹²⁶.

Это последнее из имеющихся архивных упоминаний об Алексее Степановиче Келине.

* * *

Генерал-майор русской армии А. С. Келин скончался в 1715 году, не дожив шести лет до победоносного для России завершения Великой Северной войны, в сражениях которой он, как мы помним, принимал самое активное участие ¹²⁷.

30 августа 1721 года в городе Ништадте без международных посредников, усердно в это дело набивавшихся, был подписан мирный договор между Россией и Швецией. По нему Россия возврати-

РАТИФИКАЦІЯ

КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ШВЕДСКАГО,
НА ТРАКТАТЪ УБОИЧО ПИРА, УЧИНЕННЫИ
СЪЕГО ЦАРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ
МЫ НИШТАДТЪ, СОВЫСНУЛИМЪ ВСЕГО
ОНОГО ТРАКТАТА.

и ерархію поіеію милостію
король шведскыи, гоцскыи, и
владітскыи, и прочыи, и прочыи,
и прочыи объявилемъ, что мы
наше между нами и короною
шведскою съ оуби и бодню
милоство съ преевдательнымъ
и державишымъ царемъ, и государемъ
государемъ петромъ первымъ, ве-
рховнымъ канцлеромъ, и прочыи, и прочыи,
и прочыи, и съ государствомъ русскимъ,
съ другою стороною, соглашешю и поста-
новлено по долатошшии и врдѣтании войбъ,
чтобъ съ оубиіи стороіи означенныи ми-
нестру събѣланы съ нѣстатъ до шваведскоу
и въ коммундации нѣстатъ, трактовать, и
нѣсправноу прѣлованюи заключити вѣчнни
миръ между нами, и обоими государствами,
землями, и подданными, и для того съ нашей
стороны, нашъ и государствами соубиіи
кнѣзи и канцлерыи советникъ благород-
ныи графъ голландъ еванъ алвенстрѣтъ, и
ландскыи евождъ мѣловъ и вѣдлѣтъ, и
дѣлѣтъ, благородныи баронъ otto реиль,
губѣ,
губѣ

Текст ратификации
Ништадского договора

ла себе по исконному праву ей принадлежащие Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии; города Выборг, Ревель, Пернов, Нарву, Дерпт, Кексгольм; острова Эзель, Даго и Мен.

В результате победоносного завершения Великой Северной войны Россия надёжно укрепилась на побережье Балтийского моря и заняла одно из первых мест среди стран Европы, также принадлежащее ей по полному праву.

Победа в Великой Северной войне 1700–1721 годов положительно решила вопрос о независимом существовании русского, малороссийского и белорусского народов в едином сильном отныне государстве.

Сражения Великой Северной войны, победоносные для Русской армии и флота, положили начало успешному развитию отечественной военной науки и военного искусства, на лучших традициях которых выросло затем не одно поколение русских военачальников — таких, как А.В. Суворов, М.И. Кутузов, И.Ф. Паскевич, М.Б. Барклай-де-Толли, И.И. Дибич-Забалканский, П.И. Багратион, Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов и многие, многие другие...

* * *

Памятник доблестному коменданту
Полтавы полковнику Келину
и славным защитникам города
в 1709 г.

О мужественном воине Русской армии А.С. Келине напоминает потомкам величественный монумент, воздвигнутый в Полтаве в 1909 году к 200-летию знаменитой баталии. Его установили именно там, где некогда находились Мазуровский бастион и одноименная башня, подвергавшиеся особо ожесточённым атакам неприятеля. Чуть поодаль, справа от памятника, если стоять к нему лицом, прежде была Георгиевская церковь*, а около неё виднелись холмы братских могил погибших в боях защитников крепости**.

Памятник полковнику А.С. Келину и доблестным защитникам города

* Ныне разрушенная и, увы, невосстановленная.

** Эти братские могилы тоже не сохранились.

представляет собой композицию из куба на трёхступенчатом основании и прямоугольной призмы, сложенные из отдельных блоков розового гранита.

В изначальном варианте на верхней части памятника, стилизованной под скалу горной вершины, восседал бронзовый двуглавый имперский орёл, держащий в лапах перевитый лентами венок. В годы революции 1917 года и гражданской войны эта часть памятника была разрушена; позже на «отредактированном» монументе было укреплено в верхней части бронзовое барельефное изображение исторического герба Полтавы¹²⁸.

На лицевой стороне у подножия призмы находится крупная объёмная бронзовая фигура разъяренного льва. Это символ мужества защитников Полтавской крепости и её героического коменданта.

С остальных сторон памятник обрамляют естественные глыбы гранита.

На кубе под фигурой льва укреплена пластина из бронзы, на ней надпись: «Доблестному коменданту Полтавы полковнику Келину и славным защитникам города в 1709 году». Она тоже была уничтожена в годы Гражданской войны, но в 1950-х годах была отлита заново и возвращена на своё прежнее место.

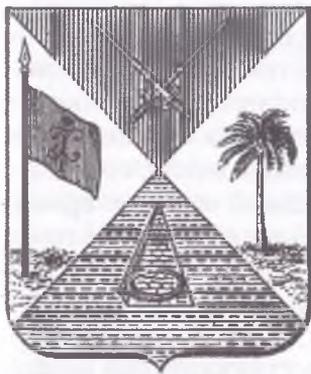

Момент торжеств празднования 200-летия Полтавской битвы — открытие памятника коменданту Келину и доблестным защитникам города с участием государя императора Николая Александровича 27 июня 1909 г. Фото И. Хмелевского

На противоположной грани куба такая же пластина из бронзы с надписью: «1 апреля 1709 года Карл XII осадил Полтаву. Три месяца гарнизон и жители города геройски отбивали все атаки шведов. Последние ожесточённые штурмы отбиты доблестными полтавцами 21–22 июня 1709 года»¹²⁹.

Герб города Полтавы был создан в 1729 году, когда известный русский художник Андрей Баранов составил на основании материалов Военной коллегии гербовник («Знаменник»), в который вошли изображения 88 гербов, из них 85 — для полковых знамён по наименованиям городов, где эти полки размещались, в том числе и Полтавского полка. На следующий год эти гербы были окончательно утверждены¹³⁰.

Городской герб Полтавы имел классический вид щита, разделённого диагоналями на четыре части (поля), каждая — в форме треугольника. В «Знаменнике» А. Баранова указывается, что «внизу поле лазоревое (голубое. — Я.И.), вверху красное, а по обе стороны белые...»¹³¹. В верхней части щита были изображены две скрещённые шпаги; на белом поле с правой стороны щита — знамя с вензелем Петра I, с левой — пальма; на голубом — пирамида золотого цвета, на лицевой стороне которой — свёрнутая в кольцо змея с затиснутым в пасти хвостом.

Исторический герб
города Полтавы

Символика городского герба Полтавы, где были органически соединены реальные и аллегорические изображения, возникла на местной фактической основе

в тесной связи с выдающимся событием отечественной истории — обороной Полтавы от шведских войск Карла XII.

В давней традиции изображение шпаги, а тем более скрещённых шпаг означало выполнение воинского долга. Верные своему слову не сдавать город неприятелю, солдаты и офицеры гарнизона, а также ставшие к ним плечом к плечу вооружённые местные жители совместно отстояли в битве с лютым врагом Полтаву.

Знамя — символ доблести и славы, единства воинов. Великорусский, малорусский и белорусский народы-братья (вспомним хотя

бы Лесную — мать Полтавской победы!) общими усилиями одолели иноземных захватчиков в бескомпромиссной ожесточённой борьбе.

Изображение вензеля Петра I на знамени напоминает о его пребывании в Полтавской крепости после победоносной баталии.

Пальма символизирует победу, мир, радость.

Пирамида и на ней свёрнутая в кольцо змея — символ вечности, она означает, что в веках не померкнет память об этом знаменательном событии, — и в то же время говорит о вечной славе победителей.

Цветовая символика также имела своё крайне важное значение. Красный — цвет жизни, солнца и огня — подчеркивал мужество, храбрость, бесстрашие, братство по крови; золотой означал справедливость, великодушие; голубой («лазоревый») — верность, постоянство, величие и красоту; белый — незапятнанную воинскую честь.

Этими цветами-символами очень справедливо был украшен старинный герб города Полтавы в память доблестных её защитников¹³².

Вокруг памятника коменданту города полковнику Келину и доблестным защитникам города была установлена ограда: четыре низкие гранитные тумбы с гранитными ядрами наверху, соединёнными чугунной цепью. Это тоже более поздний вариант: прежде постаменты для ядер были гораздо выше, и ядра на них лежали настоящие, чугунные, мортирные.

Автор проекта памятника — А.А. Бильдерлинг, скульптор — А.Л. Обер¹³³.

Скульптор Артемий Лаврештиевич Обер (1843–1917) в особых представлениях, возможно, и не нуждается. Отметим всё же, что он имел достаточно редкое дарование с особой точностью и выразительностью воссоздавать фигуры животных. Его работы «Бык-победитель», «Борзая хватает лисицу», «Белый медведь» и «Волк» снискали известность в конце XIX века и были близки, по оценкам специалистов-критиков, к искусству передвижников.

Лучшими же произведениями скульптора-анималиста Обера и поныне считаются фигура коня для памятника Богдану Хмельницкому в Киеве (монумент работы Михаила Осиповича Микешина, 1888 год), декоративная скульптура для Бородинского моста в Москве (1912 год), Орла для памятника сражения при Лесной (1908 год), а также имперского (двуглавого) орла и льва для памятника

Голова льва — деталь памятника коменданту Келину и защитникам города в 1709 г.

коменданту города полковнику Келину и доблестным защитникам Полтавы, торжественно открытого в 1909 году.

Именно А. Л. Оберу долгое время приписывалось и авторство этого памятника в целом, что легко можно проследить по тиражировавшимся из года в год открыткам с видом памятника советского периода. Но это не так.

На самом деле проект «памятника Келину», как его запросто называют в Полтаве, создал другой человек — А.А. Бильдерлинг (1846–1912) — генерал от кавалерии¹³⁴. Он происходил из баронского рода, вышедшего из Курляндии и восходящего к первой половине XVII века.

Александр Александрович имел блестящее образование (с отличием и занесением его имени на мраморную доску окончил Пажеский корпус), затем служил в кавалергардском полку и несколько позже по первому разряду окончил Николаевскую Академию Генерального штаба.

Участник, в качестве командира 12-го драгунского Стародубовского полка, русско-турецкой войны 1887–1888 годов, а также русско-японской войны 1904–1905 годов (в качестве сначала начальника Восточного отряда в составе трёх армейских корпусов, затем командующего 3-й Маньчжурской армией), А.А. Бильдерлинг был удостоен многих высших российских орденов и награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

Но не это в данном случае главное.

Помимо чисто военной деятельности А.А. Бильдерлинг прославился еще и как автор ряда военно-исторических работ: «Германия. Вооруженные силы» (СПб., 1875), «Стародубовские драгуны в Рошукском отряде» (издана там же и в том же году), «Просветители России» (СПб., 1894) и многих других.

И опять-таки не это определяющее для нашего рассказа.

Главное в данном случае то, что помимо прочих дарований генерал А.А. Бильдерлинг был способным рисовальщиком и акваре-

листом; он снискал немалую известность и другими созданными им произведениями искусства: так, Александр Александрович спроектировал памятники Пржевальскому (построены в г. Пржевальске и Санкт-Петербурге), адмиралу Корнилову, адмиралу Нахимову и генералу Тотлебену (все три — в Севастополе), и других.

Вот он-то и есть настоящий автор монумента доблестному коменданту полковнику Келину и доблестным защитникам города Полтавы — единственного в своем роде памятника Великой Северной войны 1700–1721 годов.

Другой видный военный деятель, генерал-лейтенант В.Ф. Джупковский писал об А.А. Бильдерлинге, что «...его полная благородства фигура была хорошо памятна москвичам. Это был человек весьма образованный. С кристальной, чистой душой. Строгий к себе, он был очень снисходителен к ошибкам других. Кроме того, как художник-акварелист, он пользовался большим успехом на выставках, все его произведения отличались жизненностью и были тщательно всегда отделаны».

* * *

В годы временной немецко-фашистской оккупации 1941–1943 годов Полтавы памятник коменданту города полковнику Келину и доблестным защитникам города фактически был разрушен: гитлеровцы похитили бронзовую скульптуру льва, некоторые другие детали из металла.

В послевоенное время (в начале 1950-х годов) монумент был восстановлен (хотя и далеко не в первоизданном виде); отливки фигуры льва и пластин с надписями изготовили заново.

* * *

...В сентябре 1943 года Советская армия освободила Полтаву. Накануне (21 сентября) в войсках весьма кстати прозвучало обра-

Памятник адмиралу Павлу Степановичу Нахимову, сооруженный по проекту А.А. Бильдерлинга в Севастополе

шение Военного совета и политотдела 53-й армии: «...Доблестные воины... герои Белгорода и Харькова! Перед вами Полтава. Город, овеянный славой исторической победы русского оружия. Здесь, на полях Полтавы, в 1709 году русские войска, предводительствуемые Петром Первым, наголову разбили шведских завоевателей.

Полтавская битва вошла в мировую историю как символ могущества русского народа, его сплочённости и умения побеждать опасного и сильного врага.

Храбрые сыны Отечества! В этот час решительной битвы за освобождение города Полтавы от проклятых фашистских захватчиков помните, что вы сражаетесь за Москву, столицу нашей Родины, за свободу и независимость нашего народа...

Дерзко и решительно на штурм врага!

Да здравствует советская Полтава!»¹³⁵

Войска Степного фронта, успешно развивая наступление, форсировали реку Ворскла неподалеку от того самого места, где её перешли русские солдаты в 1709 году, накануне Полтавской баталии.

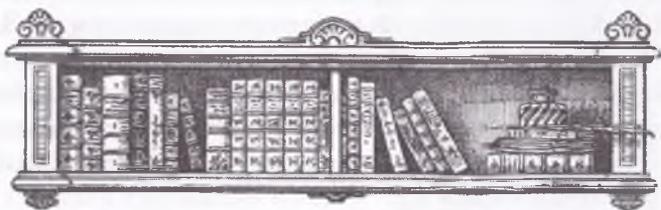
Двенадцать частей и соединений, особо отличившихся в боях за город русской славы, были удостоены почетного наименования Полтавских... 23 сентября 1943 года Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Полтаву, двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Ныне этот день празднуется как День города...

* * *

...Осталось неизвестным место, где малороссийская (теперь украинская) земля приняла тело славного воина Русской армии генерал-майора Алексея Степановича Келина. Но в памяти потомков всегда будут жить его подвиг, его преданность Отчизне, его смелость и бесстрашие, его беззаветное служение своему делу — до последнего дыхания и конечного удара сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артиллерийский журнал. СПб., 1838. С.82.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1958. Т.10. С. 589.
3. Иконников В.С. Пребывание Петра Великого в Киеве // Военно-исторический вестник. СПб., 1910. № 5–6. С. 26; Иванюк Я. Г. Доля коменданта // Зоря Полтавщини. № 206 (16 406). 7 сентября 1986 г.
4. Иконников В.С. Указ. соч. С. 26.
5. Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта // Чтения ОИДР. М., 1883. Т. IV. С. 118–124; Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. Пермь, 1927. С. 272; Иванюк Я.Г. Доля коменданта...
6. Полтавские губернские ведомости. Полтава, 1839. № 4. С. 23; Иванюк Я. Г. Судьба коменданта...
7. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. С. 374.
8. Материалы военно-учетного архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 94–95.
9. Там же. С. 96.
10. Энгельс Ф. Избранные военные сочинения. М., 1956. С. 279–280.
11. Глаголев А.Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1838. Ч. I. Тетрадь I. О русских крепостях. С. 35.
12. Книга Марсова... СПб., 1766. С. 1–2.
13. Там же. С. 2.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 97–98.
15. Материалы военно-учетного архива Главного штаба... Т. 1. С. 165–169.
16. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. СПб., 1889. С. 165–171.
17. Журнал, или поденная записка императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1770. С. 98–100, 124–126; Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 447–448.
18. Иконников В.С. Указ. соч. С. 26.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб., 1900. С. 276, 289, 295.
20. Книги Малороссийского приказа. № 101. Л. 23–61, 105 об.; № 103. Л. 261 об.; Дядиченко В.А. Украинское казачье войско в конце XVII — начале XVIII в. Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 255.

21. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. Вып.2. С. 236–238, 980, 985.
22. Журнал, или подневная записка... Ч. I. С. 126.
23. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. С. 387–388.
24. Там же. С. 391.
25. Там же. С. 247.
26. Там же. С. 294.
27. Книга Марсова... С. 61–62.
28. Иванюк Я.Г. Города-крепости Левобережной Украины и их роль в ходе Северной войны // Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 275-летию Полтавской битвы (26–27 июня 1984 г.). Полтава, 1984. С. 27.
29. Чтения в Московском ОИДР. Кн. I. М., 1882. С. 86.
30. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 417; Иванюк Я.Г. Міста-фортеці Охтирка і Суми у XVII–XVIII ст. // Український історичний журнал. 1980. № 9 (234). С. 102; Шутый В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К., 1951. С. 137–138, 230.
31. Труды Императорского Российского военно-исторического общества (ИРВИО). Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 г. — июль 1709 г.). СПб., 1909. С. 70.
32. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. I. М.; Л., 1950. С. 20–21.
33. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 747; Иванюк Я.Г. Міста-фортеці Лівобережної України та їх роль у ході Північної війни // Республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства (тези доповідей). К., 1980. С. 227.
34. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. С. 584.
35. Там же. С. 583–584.
36. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 74.
37. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. С. 584.
38. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 51–53.
39. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. С. 603.
40. ЦГАДА СССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–5 об.; Полтаві 800 років: Збірник документів і матеріалів. К., 1974. С. 41.
41. ЦГИА СССР (Ленинград). Ф. 1343. Оп. 15. Д. 337. Л. 221 об.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 568–569.
43. Тяпушкін І.І. Старослов'янське поселення VIII–XIII ст.ст. на території Полтави. К., 1949.
44. Корд В.А. Материалы по истории русской картографии. Вып. 2 (Карты Боплана). К., 1910; Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины XVII–XVIII веков. М., 1967. С. 22.
45. Полтавские епархиальные ведомости. Полтава, 1897. № 18. С. 682.
46. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 15. СПб., 1892. С. 159–160.
47. Там же. С. 181.
48. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 7. СПб., 1872. С. 288.

49. Літопис Самовидця. К., 1971. С. 99.
50. Гольденберг Л.А. Картографические источники XVIII в. О военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. С. 380.
51. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1902. С. 152.
52. Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. План 2. Полтава, 1909.
53. Там же. План 3.
54. Гольденберг Л.А. План города Полтавы 1722 г. Ивана Бишева // Города феодальной России. Сб. статей. М., 1966. С. 425–427.
55. ОР БАН СССР. № 781, 782; Гольденберг Л.А. Картографические источники XVIII в. О военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. С. 381–382.
56. Гольденберг Л.А. План города Полтавы 1722 г. Ивана Бишева. С. 427.
57. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 43.
58. Там же. С. 186, 261–290.
59. Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию. // Военный журнал. 1845. № 6. С. 86, 93–94.
60. Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. Полтава, 1909. С. 22.
61. Иванюк Я.Г. Місто-фортеця Полтава (XI–XVIII ст.) // Український історичний журнал. 1976. № 4. С. 127.
62. Данилевский Г.П. Полтавская старина в отношении ко времени Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 2. С. 135–140.
63. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1902. С. 79–285; Иванюк Я.Г. Місто-фортеця Полтава... С. 128.
64. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 78.
65. Там же. С. 163.
66. Там же. С. 261.
67. Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию... С. 86.
68. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 265.
69. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952. С. 52.
70. Орлов А.С. Сказочные повести об Азове. История 7135 года. Исследование и текст. Варшава, 1906. С. 251.
71. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1914. Т. 2. С. 2014, 2016.
72. Иванюк Я.Г. Кмітливі захисники // Зоря Полтавщини. № 159 (15 459). 1983. 10 июля.
73. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 11. СПб., 1873. С. 113.
74. ЦГАДА. Ф. 198 А.Д. Меншикова. Д. 291. Л. 96 об.
75. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 267.
76. Там же. С. 267–268.
77. Там же. С. 269.
78. Там же. С. 192.
79. Там же.
80. Там же. С. 265.

81. Там же. С. 266.
82. Там же. С. 271.
83. Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию... С. 93–94.
84. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. I. С. 207–208.
85. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 269.
86. Там же.
87. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. I. С. 216.
88. Там же. С. 269.
89. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 272.
90. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. I. С. 225.
91. Тарле Е.В. Указанное сочинение. С. 694.
92. Труды ИРВИО. Т. 3. С. 290.
93. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве... С. 93.
94. Там же. С. 290.
95. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. М., 1838. Т. 4. С. 82.
96. Луппол А.Н. Нумизматические памятники Полтавского сражения в собрании Государственного исторического музея // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. С. 408–410.
97. Труды ИРВИО. т. 3. С. 239–240.
98. Сборник РИО. СПб., 1879. С. 323.
99. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве... С. 395–396.
100. Там же. С. 166–169.
101. Иванюк Я.Г., Ростовский А.Н. Заповедник «Поле Полтавской битвы»: Путеводитель. Харьков, 1986. С. 93–94.
102. Иванюк Т.І. Легенди Полтави // Комсомолец Полтавщини. 1977. 23 июля. № 89 (2999); Иванюк Я.Г. Підкова для царського коня // Зоря Полтавщини. 1983. 4 декабря. № 279 (15 579).
103. Маркс К., Энгельс Ф. Твори. Т. 22. К., 1965. С. 17.
104. Короленко В.Г. Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 17.
105. Журнал, или поденная записка... Ч. I. С. 288.
106. Сборник РИО. Т. 25. С. 323.
107. ЦГА ВМФ СССР. Ф. 233. Оп. I. Д. 28. Л. 457–458; Д. 31. Л. 93 и об., 94, 295 и об., 311–317, 321–355; Д. 33. Л. 68–72, 73–74 об, 75–78, 79 и об., 80–83, 93, 94 и об., 95–96, 98 и об., 99–100, 103 и об., 104–105 и об., 106–107, 108 и об., 109–111; Д. 60. Л. 276–277 и об., 278–279; Д. 79. Л. 107–108; Д. 95. Л. 46–48, 51, 53–54 об., 55 и об., 61 об; Д. 250, Л. 21, 27.
108. Там же. Ф. 233. Оп. I. Д. 28. Л. 457. Подлинник.
109. Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. Т. 2. С. 157; Голиков И.И. Деяния Петра Великого... т. 15. 1843. С. 272–274.
110. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. С. 506–512.
111. ЦГА ВМФ СССР. Ф. 233. Оп. I. Д. 31. Л. 295 и об. Пер. с турецк. Подлинник.
112. Там же. Ф. 233. Оп. I. Д. 31. Л. 93–94. Подлинник.
113. Там же. Д. 33. Л. 95–96. Подлинник.

114. Там же. Д. 250. Л. 21. Подлинник.
115. ЦГАДА. Сношения с Турцией. Оп. I. 1712. № 7а. Л. 134, 151, 172; № 4. Л. 47; Елагин С.И. История русского флота. СПб., 1864. Приложения. Ч.2. С. 161-162; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. I. М., 1975. С. 271-272.
116. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2. М., 1977. С. 515; Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории... Ч. 2. С. 489.
117. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2. С. 462.
118. ЦГА ВМФ СССР. Ф. 233. Оп. I. Д. 33. Л. 103 и об., 106-111. Подлинник.
119. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2. С. 413.
120. ЦГА ВМФ СССР. Ф. 233. Оп. I. Д. 33. Л. 73-74. Подлинник.
121. Там же. Ф. 233. Оп. I. Д. 31. Л. 311-317. Подлинник.
122. Там же. Д. 60. Л. 276-277 и об. Подлинник.
123. Там же. Д. 79. Л. 107-108. Подлинник.
124. Иконников В.С. Указ. соч. С. 28.
125. ЦГА ВМФ СССР. Ф. 233. Оп. I. Д. 95. Л. 61 об. Подлинник.
126. Там же. Л. 46-48. Подлинник.
127. Там же. Д. 79. Л. 55 и об. Подлинник.
128. Иконников В.С. Указ. соч. С. 28.
129. Андрианов П.М. Петр и Полтава (По поводу 200-летнего юбилея). СПб., 1909. С. 56; Якименко Н.А. Памятники Полтавской битвы // Вопросы истории. 1984. № 7. С. 188.
130. Иванюк Я.Г., Ростовский А.Н. Заповедник «Поле Полтавской битвы». С. 94-95.
131. Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 57-58, 215.
132. Там же. С. 215.
133. Иванюк Я.Г. Кольори слави // Зоря Полтавщини. 1985. 7 апреля. № 80 (15 980).
134. Иванюк Я.Г., Ростовский А.Н. Заповедник «Поле Полтавской битвы». С. 95.
135. Полтавский государственный краеведческий музей. Фотофонд № 6296.

КРЕПОСТИ ПОЛТАВСКОГО КРАЯ

В истории Великой Северной войны период с сентября 1708 года до июля 1709-го занимает особое место. Эти девять месяцев из двадцати одного года всей войны — начиная с момента вторжения армии шведского короля Карла XII в пределы державы Российской и заканчивая её полным разгромом под Полтавой и капитуляцией остатков шведских войск у Переволочны (или Переволочной, иногда пишется и так) — были насыщены значительными политическими и военными событиями, приведшими в конечном итоге к коренному перелому во всём ходе данного, далеко не ординарного вооруженного конфликта. Военная слава «последнего викинга», как любят порою поэтически называть этого коронованного авантюриста, ослепительным болидом прошла по небу Скандинавии, Польши, Саксонии, Белой Руси — и необратимо разбилась о валы неприступной (не столько искусством фортификаторов, как мужеством её защитников), заурядной, дотоле никому не известной крепостицы у Ворсклы-реки. «...А звезды Петра и России ярко засияли на политическом небосклоне Европы. Реляции об исходе борьбы, глухо кипевшей в дальних степях, разнесли известия о новой планете повсюду, где интересовались политической астрономией. К счастливому победителю устремились поздравления, восторги, надежды, расчеты, предложения новых комбинаций, что в совокупности называется международным влиянием. Удельный вес России внезапно поднялся, и, что может быть важнее, в глазах самих русских Полтавская победа явилась оправданием нового курса»¹.

Победе под Полтавой предшествовал напряженный и утомительный воинский труд. В зоне боевых действий осени 1708-го — зимы, весны и части лета 1709 года оказалась значительная территория Малороссии — так называемых Левобережной и Слободской Украины с городами-крепостями Батурин, Лебедин, Сумы, Ахтырка, Ромны, Гадяч, Веприк, Зеньков, Опошня, Полтава, Старые и Новые Санжары, Лубны, Пирятин, Чернуха, Келеберда, Соколка, Переволочная и многими другими помельче.

Видное место в военных операциях Русской армии составляли тогда именно оборона крепостей, ставших пунктами сопротивления против шведской интервенции, и обезвреживание других — взятых врагом, пытавшимся использовать твердыни в своих захватнических целях.

Крепости помогали русским воинам остановить, обессилить противника, выиграть время. Опираясь на крепости, полевая армия усиливала свои возможности активно противодействовать врагу.

Уже в начале Великой Северной войны командование такими мощными крепостями в Малороссии, как Киевская, Черниговская, Переяславская и Нежинская, было собрано воедино, а с 1707 года, с назначения киевским воеводой Д.М. Голицына*, централизованное подчинение распространилось на все без исключения укрепленные города края. Указ царя Петра I недвусмысленно гласил: «...Взять тот город Киев, с прочими замки черкасскими в разряд и ведать те города... князю Дмитрию княж Михайлову сыну Голицыну...»²

Князь Д.М. Голицын

* Голицын Дмитрий Михайлович (1665 — 14.04.1737) — князь, из древнего боярского рода, разные ветви которого дали России многих военных и государственных деятелей. В 1701 г., в начале Великой Северной войны, был направлен чрезвычайным послом в Константинополь с целью развить успех предыдущего посольства и добиться согласия Турции на свободное плавание русских кораблей по Чёрному морю. В 1707–1711 гг. — киевский воевода, в 1711–1718 гг. — киевский губернатор. С 1722 г. — сенатор Российской империи. В 1726–1730 гг. — член Верховного тайного совета. При Петре II — президент Коммерц-коллегии. После смерти Петра II (1730) выступил за ограничение самодержавной власти и стал во главе верховников. По его предложению на престол была приглашена Анна Ива-

Для совершенствования отечественной фортификации в том же 1707 году была основана военно-инженерная школа в Москве, где готовили для армии инженеров, сапёров, минёров. Сначала в ней одновременно обучалось 26, позже 150 человек.

О значении, придававшемся делу фортификации, может свидетельствовать появление в России специальной литературы по этому предмету. В 1706 году Пётр I поручает знакомому голландскому негодянту Любсу приобрести для него за границей «всех авторов книги по фортификации». Купец выполнил поручение царя. Но присланная им литература не удовлетворила Петра I — в первую очередь по той причине, что она не содержала конкретных сведений, благодаря которым эти знания было бы возможным применить в отечественной военно-инженерной науке и в первую очередь на практике. Царь вскоре по получении трудов зарубежных авторов ответил своему порученцу: «...Я писал о таких книгах фортификации, которые с размерами (или масштабами) с которых возможно всякие перенимать куншты*... а не о тех, которые вы прислали...»³

Часть полученных из-за границы книг всё же была переведена на русский язык и издана в 1706–1709 годах. Из них известны «Арифметика, геометрия, космография и архитектура милитарис или архитектура военного учения», «Фундамент или максима фортификации», «Писемная книга о фортификации»⁴. И.А. Мусин-Пушкин, ведавший печатным делом в России, прислал зимой в конце 1708-го или в самом начале 1709 года Петру I в Сумы, где была тогда Ставка («главная квартира») русского главного командования, две книги: Г. Римплера «Римплерова манира о строении крепостей» и Е. Боргсдорфа «Побеждающая крепость»⁵. Вскоре в России появились и другие книги по фортификации.

новна, дочь царя Иоанна Алексеевича, брата Петра I. После разрыва ею «кондиций» был назначен членом Сената, но жил преимущественно в своём подмосковном владении Архангельском, почти не участвуя в делах. Здесь собрал знаменитую библиотеку из русских летописей, хронографов, синопсисов, переводной и оригинальной, на иностранных языках, зарубежной литературы, включавшей около 6 тысяч наименований. Будучи не прощён за своё участие в деятельности верховников, в 1736 г. был привлечён к суду по обвинению в служебных злоупотреблениях и приговорён к смертной казни, заменённой заточением в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре умер.

* Куншты — здесь, примеры, удобные способы.

В 1707 году Пётр I, ещё не зная о предательстве гетмана Мазепы*, приказывает ему как можно надёжнее укрепиться у Днепра, создать в городах крепкие фортификационные сооружения, обеспечить заготовкой необходимых военных припасов.

Но, приближаясь к кульминационному моменту своей измены, Мазепа не предпринял ровным счётом никаких мер по выполнению этого приказа. А о неудовлетворительном состоянии укреплений писали Петру I многие, сообщал о том же в 1708 году и

* Предательство Мазепы по отношению к Петру I, как полагает ряд историков, совершилось ещё в 1704 году. Другие относят его к концу XVII столетия. «Измена Мазепы имела очень давнюю историю, — пишут, к примеру, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев в своей книге «Русская история». — Ещё в 1690 году он обещал польскому королю Яну III Собескому вернуть Украину под власть Польши» (Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история / Науч. ред. д. ист. н., проф. А.А. Преображенский. М.: Мысль, 1992).

Некий же «усреднённый» и очень доказательный вывод по поводу измены Мазепы содержится в работе «Северная война и шведское нашествие на Россию» известнейшего русского советского историка, академика Е.В. Тарле (27.10.1875. Киев-5.01.1955, Москва) — выпускника, к слову говоря, Киевского университета святого Владимира (1896), ученика профессора И.В. Лучицкого — члена-корреспондента ещё той, «царской» Академии наук.

Он и сам успел преподавать в то «доброе старое время» — сначала в качестве приват-доцента в Петербургском университете, затем (в 1913–1918 гг.) — профессора старейшего в России Юрьевского (Дерптского) университета.

Евгений Викторович был допущен в «святая святых» всевозможных «спец-» и прочих малодоступных обычному историку «-хранов», как никто другой много работал с первоисточниками, и поэтому уж кто-кто, а он имел полное право говорить: «У нас есть свидетельства о том, что Мазепа начал готовиться в глубокой тайне к измене ещё в 1701 г. и уже более определенно — в 1705-м. И если мы говорим о его “колебаниях”, то должны категорически оговориться: “колебания” Мазепы вызывались вовсе не “существом” вопроса — тут колебаний никаких не было. Мазепу явно одолевали лишь сомнения, во-первых, в выгоды для него лично подобного предприятия и, во-вторых, когда именно должен быть признан благоприятным момент для того, чтобы по возможности уменьшить риск этого опаснейшего шага. Излишне прибавлять, что было бы до курьеза ошибочно придавать этим “колебаниям” изменника значение каких-либо сомнений морального характера...<...>. Домыслы Грушевского и других о патристических целях и т.д. фантастичны и извращают всю картину в угоду тенденциям авторов.

Мазепа жестоко ошибся в этом своем решении: поставив всё на карту шведской “непобедимости”, он всё и проиграл...» (Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1958. С. 232–233). Здесь и далее примечания редактора.

В. Л. Кочубей*: «...В прежние времена малороссийские города были хорошо укреплены, а теперь уже не отправляются... люди думают, что города нарочно не отправляются для того, чтобы не в силах были обороняться от тех, которых гетман призовет»⁶.

Фортификация многих малороссийских городов была усилена только после введения в них гарнизонов русских войск**. Петровские инженеры и сапёры сумели тогда спешно (но весьма успешно) создать укрепления у Новгорода-Северского, Стародуба, Ахтырки, Лебедина, Прилук, Пирятина, Глухова, Нежина и других городов⁷.

* В.Л. Кочубей был поистине великим патриотом и провидцем в своём предупреждении, к великому сожалению своевременно не услышанном, а позже цинично оболганном — названном «доносом». Спустя совсем немного времени после вторжения шведов в Малороссию камергер короля Карла XII и его летописец Густав Адлерфельд запишет в своём дневнике, что «во всей этой стране были такие же плохие укрепления, как в Батурине» и что «самая сильная здешняя крепость в других странах могла бы сойти самое большее за малый домик (une bicogue)» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 257, со ссылкой на первоисточник: Adlerfeld G. *Histori militaire Charles XII*. Т. III. P. 374).

Так сколь же велика была доблесть защитников этих «малых домиков» и в первую очередь Веприка и Полтавы: ведь их пытались взять «те самые шведы, которые победителями входили в Варшаву, Краков, Лейпциг, Дрезден, перед которыми трепетал Копенгаген, перед которыми унижалась Вена...» (Там же).

** Сколь в плачевном состоянии находились укрепления большинства малороссийских городов, можно судить на ярком примере Полтавы, где на должность полковника был проведён мазепинский ставленник Иван Прокофьевич Левенец. Кто он такой?

Левенцы — казацко-старшинский род на Полтавщине. Прокоп Левенец как полковник полтавский участвовал в Чигиринских походах 1677 и 1678 гг. в составе малороссийской армии гетмана Ивана Самойловича. В 1687-м, будучи полтавским полковым обозным, рассматривался старшиной как возможный кандидат на гетманство (впервые был «избран» полковником в 1701 г., смещен в 1702-м; но уже в 1703-м снова возникает в том же качестве и командует Полтавским полком вплоть до памятного 1709-го года, когда его сменил Иван Леонтьевич Черняк, полтавский полковник вплоть до 1722 г.). Весьма примечательно, что никаких репрессий по отношению к мазепинцу Левенцу не последовало: после И.Л. Черняка он вновь занял этот пост на почти четырехлетний срок (1725–1729).

По другой версии (Справочник по истории Украины / Сост. И. Подкова, Р. Шуст. К.: Генеза, 1995. Т. 2. С. 142) Левенец были лишен звания и интендирован(?) в Харьков. С 1724 г. вместе с И. Мануйловичем и Ф. Гречаным он возглавлял Генеральную войсковую канцелярию.

Весьма действенную помощь в этом им оказало местное население⁸. Русское главное командование по очень многим направлениям заботилось о спешном усилении обороноспособности гарнизонов

Громадное влияние на дела в Полтаве оказывал и клан ярых мазепинцев из семейства Герциков, пребывавших в родстве с другим «выдающимся» предателем — ближайшим сотрудником Мазепы Пилипом Орликом. Родоначальник этой семейки Павел Семенович (в крещении) Герцик, происходивший из старшинского рода еврейского происхождения, в конце XVII в. пять раз избирался полтавским полковником, его дочь Анна вышла замуж за упомянутого Орлика. Сыновья П.С.Герцика Атанас, Григорий и Иван ушли в числе немногих представителей казацкой старшины вслед за потерпевшим поражение Карлом XII в Турцию, где занимали разные опереточные должности в «правительстве» Орлика «в экзиле» (то есть в изгнании). По версии того же «Справочника по истории Украины» (Т. 1. С. 138), Григорий Герцик стал полтавским полковником в 1705 г., был писарем в «правительстве» Орлика. В 1720 г. он был захвачен в Польше секретными агентами русского посла в Варшаве С. Долгорукого, вывезен в Россию и после содержания в Петропавловской крепости «сослан» в Москву, где жил после 1728 года.

Судьба Атанаса и Ивана неизвестна, а Григорий в марте 1721 г. во время блужданий в Польше «...был выявлен российской резидентурой, схвачен и тайно вывезен из Польши в Петербург», пишет об этом другой современный «националистически свидомый» источник. Он подтверждает данные о дальнейшей «жуткой расправе» над подручным Орлика: «После допроса (Герцик) провел несколько лет в Петропавловской крепости, а потом был выслан в Москву». (Нова історія Полтавщини. Пробний учебник для 8-го класу. Полтава: Оріяна, 2003).

Полтавская крепость усилиями этих «деятелей» была доведена, что называется, до ручки: исправных пушек к исходу 1708 г. (и непосредственно перед лицом шведской опасности) здесь оставалось всего 8, запасы пороха и продовольствия были минимальными и никак не соответствующими задачам выдержать сколько-нибудь серьезную осаду; валы и башни полуразрушены...

В этом, кстати, содержится и ответ на вопрос, насколько Мазепа был искренним союзником по отношению к шведскому королю, ведя его сюда и уверяя, что именно в Полтаве пообтрепанное войско Карла XII найдёт и сукно для мундиров на всю армию, и отъестся, и пополнит запасы пороха, ядер и пуль. Ничего этого в Полтаве не было и в помине, о чём Мазепа знал доподлинно (завезенное русским командованием снаряжение, имущество и боеприпасы в конце 1708 — начале 1709 гг. явно не в счет — информации о таких поступлениях Мазепа в своём положении «почетного пленника» просто не имел, а третируемые герциками-левенцами полтавчане, счастливые, что избавились наконец-то от своих упырей (см., в частности: Шутой В.Ю. Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708–1709 гг.), естественно, не стали бы доносить анафемствованному гетману о перевооружении и укреплении своего города).

малороссийских городов-крепостей. 12 января 1709 года* генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев** писал из Сум генерал-поручику Я.В. Брюсу***: «...Сего числа Царское Величество именным своим указом предложил мне, дабы гварнизоны, которые обретаются от войска Его Величества... к неприятельскому отпору всякими военными припасы удовольствовать. Того ради по получении сего указа изволит Ваше благородие приказать из артиллерийских офицеров

* Здесь и далее датировка идёт по старому стилю.

** Шереметев Борис Петрович (25.04.1652, Москва — 17.02.1719, там же, похоронен в Санкт-Петербурге) — боярин в 1682 г., граф (это достоинство было даровано ему в 1706 г.), русский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал (с 1701 г.).

При дворе служил с 1671 года. Десятью годами позже был назначен тамбовским воеводой. Успешно командовал войсками, действовавшими против крымских татар. Как дипломат, в 1685–1687 гг. участвовал в переговорах и подписании «Вечного мира» 1686 г. с Речью Посполитой и заключении союзного договора с Австрией.

С конца 1687 г. возглавлял в Белгороде войска, прикрывавшие южную границу, участвовал в Крымских походах. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. командовал войсками на Днестре и принимал участие в действиях против крымских татар. В 1697–1699 гг. выполнял ряд дипломатических поручений правительства в Польше, Австрии, Италии и на острове Мальта.

О действиях вверенных ему войск в ходе Великой Северной войны 1700–1721 гг. — см. в тексте основного произведения.

*** Брюс Яков Вилимович (1670, Москва — 19.04.1735, д. Глинки Богородского уезда Московской губернии, ныне Щёлковский р-н Московской области) — граф Российской империи. Среди его предков были короли (Роберт I Брюс и Давид II Брюс). Ещё прадед его состоял на русской службе; отец же, полковник Вильям (Вилем) Брюс, верно служил царю Алексею Михайловичу и погиб в 1695 г. под Азовом.

Сын и внук «русских Брюсов» Яков Вилимович Брюс стал одним из ближайших сподвижников Петра I, сенатором, президентом Берг- и Мануфактур-коллегий (в 1717–1722 гг.). Дослужился до чина генерал-фельдмаршала, коим был пожалован в 1726 г., уже после смерти царя Петра I.

Являлся участником Крымских и Азовских походов 1680–1690-х годов. Сопровождал Петра I в Прутском походе 1711 года. Именно ему с А.И. Остерманом было доверено подписание Ништадтского мира 1721 г., который блестяще завершил Великую Северную войну 1700–1721 годов.

Граф Я.В. Брюс

послать меора или капитана в гарнизоны, а именно в Ромну, в Сорочинец, в Ахтырку, в Полтаву для переписки военной амуниции, сколько обретается пушек, и каковым калибром, и что пороху и свинцу и ядер... Коликое число военной амуниции в который гарнизон по его осмотру будет потребно к отпору неприятельскому...»⁹

Прошло немного времени, и офицеры Невельской, Стам и другие, которым было поручено обследовать состояние фортификационных сооружений, вооружения и наличие боеприпасов в малороссийских крепостях, предоставили в Ставку подробные, хотя и весьма неутешительные сведения.

Догадывавшийся уже о таком положении дел и исходивший в принятии решений и из других донесений, Пётр I своим указом комендантам малороссийских крепостей выдвигал жесткое требование: «...Надлежит вам как во укреплении города, також и в провианте трудиться... Того же смотреть и в воинской амуниции... Ежели неприятель будет ваш город отаковать, то... боронитца до последнего человека и ни на какой акортъ (договор. — Я.И.), с неприятелем никогда не вступать... Також, ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и прочим (сколко побитых не будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить...»¹⁰.

Яков Вилимович Брюс был не только крупным государственным и военным деятелем, но и видным учёным, а также неутомимым просветителем. Именно он составил в 1696 г. карту земель от Москвы до Малой Азии, которая была напечатана в Амстердаме. В 1702 г. оборудовал обсерваторию при навигацкой школе в Москве. Перевёл на русский язык многие иностранные книги (в частности, книгу Х. Гюйгенса «Космотеорос», изданную в 1717 г. и переизданную в 1724 г., знакомившую русских читателей с основами учения Коперника, и написал предисловие к ней). Ведал Московской гражданской типографией. Его имя получил первый русский гражданский календарь 1709 г., коему в декабре 2008 г. исполнилось 300 лет (так что шведов под Полтавой мы били уже «календарным порядком»).

Считался владельцем лучшей в России того времени библиотеки, включавшей множество произведений на русском и многих иностранных языках (всего свыше полутора тысяч томов), по завещанию перешедшей в собственность Академии наук.

Особенно большое значение в контексте нашего разговора имели труды Я.В. Брюса по созданию и совершенствованию огневой мощи русской армии. Он автор ряда работ по теории и практике применения артиллерии. За особо умелое руководство артиллерией в ходе Великой Северной войны и Полтавского сражения в частности снискал прозвище «колдуна пушечного боя».

Принятые российским командованием срочные и во многом экстраординарные меры дали возможность в короткий срок исправить положение и в значительной мере усилить обороноспособность многих малороссийских городов. И когда настало время защищать их, рядом с русскими гарнизонами плечом к плечу стало местное население — именно вместе они и отстояли у врага свободу и независимость своей страны.

Значительную часть потерь шведов в живой силе составляли убитые и раненные в боях за малороссийские города. Только во время штурмов небольшой крепости Веприк в январе 1709 года шведы потеряли 1200 солдат и 46 офицеров¹¹. Обо-

рона этого городка задержала продвижение шведской армии, и в этом наряду с нанесенным противнику уроном её главное значение. Даже шведский историк А. Стиле был вынужден признать, что осада и штурм Веприка по потерям были равны крупной битве¹².

Одной из выдающихся операций русских войск по обезвреживанию захваченных врагом крепостей было приобретение Батурина отрядом А.Д. Меншикова* в ноябре 1708 года, где было взято значительное количество пушек¹³.

Светлейший князь
А.Д. Меншиков

* Меншиков Александр Данилович (6.11. 1673, Москва — 12.11. 1729, Берёзов, ныне Берёзово Тюменской области) — русский государственный и военный деятель, граф (1702), светлейший князь (1707) и генералиссимус (1727). Сын придворного конюха (по одним данным), представитель обедневшего дворянского рода — по другим. С 1686 г. — денщик Петра I. Великое усердие, личная преданность, весьма незаурядные военные и административные способности выдвинули его в число самых близких сподвижников Петра I. Он сопровождал молодого царя в поездках по России и за границей: участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг. и в беспрецедентном дипломатическом предприятии — Великом посольстве 1697–1698 годов. В 1703 г. был назначен губернатором Ингерманландии (позднее — Санкт-Петербургской губернии), руководил строительством будущей столицы Российской империи, крепости Кронштадт, восстановлением других взятых от шведов прежних русских крепостей, созданием корабельных верфей на реках Нева и Свирь.

Во время Великой Северной войны 1700–1721 гг. командовал крупными войсковыми соединениями (пехоты и конницы); проявляя бесстрашие и хладнокро-

Следствием боя за Переволочну в апреле 1709 года, который дал отряд полковника П. Яковлева более чем тысячному гарнизону крепости¹⁴, поддержавшему изменников — гетмана Мазепу и кошевого атамана Гордиенко, стало уничтожение целой флотилии разных суденышек, базировавшихся в этой крепости, что вскоре и обусловило сравнительно быструю капитуляцию остатков шведской армии, разбитой 27 июня 1709 года под Полтавой и тремя днями позднее, 30 июня, сдавшейся без боя численно уступавшему ей отряду А.Д. Меншикова. Когда вблизи Переволочны оказались эти деморализованные небывалым поражением шведы, Переволочанская крепость отнюдь не могла выполнять своё предназначение твердыни, за стенами которой они могли бы отсидеться, — здесь не оставалось полноценных укреплений, запасов оружия, боеприпасов и продовольствия¹⁵. Это позволяет сделать вывод, что операция отряда полковника Яковлева имела исключительно важное значение, далеко выходящее за рамки тактического успеха. Ведь после капитуляции вблизи Переволочны, которая была для шведов даже страшнее, чем разгром под Полтавой¹⁶, сухопутная армия Карла XII перестала существовать, и Швеция в будущем уже не смогла восстановить свой военный потенциал, хотя бы примерно равный имевшемуся ранее¹⁷.

вие, отличался в осаде и при штурмах крепостей. Одержал ряд блестящих побед над шведами: 18 октября 1706 г. при Калише, 2 ноября 1708 г. под Батурином, 7 мая 1709 г. под Опошней и многих других.

В Полтавском сражении командовал левым флангом; разбил корпус генерала Росса (Роса, Рооса), что предreshило победу русских войск. 30 июня 1709 г., располагая численно меньшими силами, принудил шведов, отступивших к Переволочне, к капитуляции.

В 1709—1713 гг. командовал русскими войсками в Польше, Курляндии, Померании и Гольштейне. С 1714 г. управлял отвоёванными у шведов землями, вошедшими в состав Русского государства (Прибалтика, Ижорская земля). На время отъездов Петра I за границу именно ему доверялось управление страной. В 1718—1724 гг. и 1726—1727 гг. — президент Военной коллегии.

Потеряв со смертью Петра Великого своё высокое покровительство, не смог устоять перед враждебными ему представителями старой аристократии — князьями Голицыными и Долгорукими, которые сумели повлиять на малолетнего императора Петра II так, что 8 сентября 1727 г. светлейший князь Меншиков был обвинён в государственной измене и хищении казны и вместе с семьёй сослан в Берёзов. Было конфисковано всё его имущество: 90 тысяч крепостных, 6 городов, имения в России, Польше, Пруссии и Австрии, 5 миллионов рублей золотом наличными деньгами и ещё 9 миллионов рублей золотом же — во вкладах в английских и голландских банках.

В начале мая 1709 года во время операции русских войск против захваченной шведами Опошнянской крепости враг потерял только убитыми свыше 600 солдат и офицеров. Тогда же было взято в плен 150 шведских вояк. При этом свободу получили несколько сотен местных жителей, которых оккупанты согнали в Опошню из окружающих сел, имея намерение использовать их на фортификационных работах. Эта операция дала также возможность отвлечь часть шведских сил от осаждённой Полтавы¹⁸.

Вследствие боя за Старосанжаровскую крепость, превращенную шведами в лагерь для военнопленных, русские войска под командованием генерал-поручика Генскина уничтожили 800 и взяли в плен 300 солдат и офицеров противника. Было спасено свыше 1200 русских военнопленных, в числе которых находился и гарнизон Веприкской крепости¹⁹.

Борьба за важные города этого региона Малороссии завершилась почти трёхмесячной крепостной войной стратегического значения за Полтаву, преграждавшую шведам путь на Харьков, Белгород и далее на Москву. На подступах к Полтаве от начала и до конца её осады (апрель — июнь 1709 года) шведы потеряли 6176 человек только убитыми²⁰. Это составило почти пятую часть армии Карла XII, вышедшей на поле генеральной баталии в напрасной надежде завоевать себе победу. А накануне её под осаждённой Полтавой был ранен и сам шведский король*.

Не будем забывать, что во время Полтавской битвы потери шведов только убитыми составили по крайней мере** 8619 человек²¹. Сопоставив эти две цифры — потерь в результате осады Полтавы и на самом поле Полтавской битвы, можно понять истинное значение оборонных боёв, успешно ведшихся против врага защитниками Полтавской крепости.

Ахтырская крепость хотя и не имела непосредственного боевого соприкосновения с противником во время Великой Северной вой-

* Ранение короля во время осады шведскими войсками Полтавы и послужило, по мнению шведских историков, их «неудаче» во время генеральной баталии. Чрезвычайно и даже гипертрофически явно преувеличивая «роль этой личности в истории», шведы как бы сбрасывают со счетов ту колоссальную по объёму работу, которая была проделана русскими и малороссиянами по подготовке сражения, решившего в конечном итоге судьбу обеих стран и народов.

** По шведским источникам, цифра убитых составила 6900 человек, 2761 пленный; по русским и иным зарубежным данным, шведов полегло только убитыми от 8000 до 13 281 человека.

ны, но само её присутствие на данном театре военных действий объективно повлияло на ход боевых действий. Достаточно мощные укрепления этой крепости* были одним из важных факторов, которые в совокупности своей и сорвали намерения шведского главного командования продвигаться на Москву по ближайшему из стратегических направлений²².

Нежинская и Лубенская крепости выполняли своё предназначение опорных пунктов на линии размещения казачьего войска, которое по плану российского командования должно было предотвратить подход подкреплений для армии Карла XII из Польши и отрезать ей путь отступления в западном направлении²³. В мощной Сумской крепости в конце 1708 — начале 1709 года размещалась, как уже было сказано, ставка («главная квартира») русского главнокомандования.

Громадное значение в кампании осени 1708-го — зимы, весны и части лета 1709 года имели и такие крепости, как Киевская и Черниговская, защищавшие Малороссию с севера, а также Харьковская, Изюмская, Острогожская, Переяславская и другие, обеспечивавшие тыл русских войск и перекрывавшие движение противника в глубь России. Рассмотрим лишь некоторые из них, наиболее реально участвовавшие в так называемом полтавском периоде Великой Северной войны 1700–1721 годов.

СУМЫ

Сооружение Сумской крепости на правом берегу реки Псёл при впадении в неё реки Сумка началось, вероятно, в 1656 году, когда из России был направлен сюда воевода К. Арсеньев с отрядом из 52 «служилых людей». Строительные работы продолжались ещё и два года спустя, в 1658 году, о чем свидетельствуют древние акты²⁴.

* Строительство и реконструкция Ахтырской крепости — целиком и полностью заслуга А.Д. Меншикова. Из чего явствует, что города Малороссии он не только жег (как Батурин, взятие которого было хотя и заметной, но в принципе заурядной войсковой операцией, продиктованной отнюдь не каким-то ненавистничеством к малороссам, а лишь крайней военной необходимостью — иначе крепость предоставила бы армии захватчиков немалые средства для ведения войны), но и весьма удачно строил. Помимо Ахтырки ещё и киевские укрепления были при его немалом личном участии отстроены (Печерская крепость прежде всего), а также Сумы, Веприк, Полтава и многие другие.

Название Сум, надо полагать, произошло от наименования речки Сумки, в основе которого, возможно, лежит обиходное тюркское слово «су» — «вода»²⁵.

Так же, как и Ахтырка, Сумы были центром слободского полка.

Сохранилось несколько описаний Сумской крепости в разные периоды её существования. Одно из самых ранних, датированное 1678 годом, сообщает, что «...город Сумы построен в дубовом лесу, по мере около всего города и с посадом* 3426 сажени (7310 метров. — *Я.И.*), по городу 4 башни с проезжими вороты, 23 башни глухих, по острогу** 8 проезжих ворот, из города тайник к реке Пслу, вода в нем добра»²⁶.

Кроме деревянных стен крепость была обнесена земляным валом и окопана рвами.

Ещё в 1658 году Псёл и Сумку соединили глубоким прокопом и защитили таким образом подступы к городу с южной, наиболее уязвимой в случае вражеских атак стороны. С других сторон крепостные укрепления достаточно удачно дополнялись природными преградами, которые составляли реки Псёл, Сумка и Сума²⁷.

Фрагмент диорамы «Строительство Сумской крепости»
Сумского краеведческого музея.
Худ. Ю. Александрочкин

* Посад — в Древней Руси название окруженного стеной, валом или рвом торгово-промышленного поселения, возникавшего около города, т.е. кремля, который служил ему защитой. Так образовались посады у Москвы, впоследствии вошедшие в состав города — Китай, Земляной, Белый и другие. Иногда посады возникали вокруг монастырей (достаточно часто выполнявших роль крепостей) — Сергиевский или Троицкий, Тихвин, Макарьев, Клязин и т.д. В более позднем значении слово «посад» означало большое поселение или городскую слободу.

** Острогом в старину называли небольшое укрепление, обнесенное частоколом; впоследствии так стали называть тюрьму.

Описание 1686 года свидетельствует, что в крепости за минувшие десять лет произошли существенные изменения²⁸. Защитные стены, построенные тарасами*, высотой 3,24 метра с брустверами** и уступами для стрельбы подверглись разрушениям и требовали ремонта. Однако на расстоянии 76,6 метра от Псла была сооружена новая деревянная стена — «острог» — высотой в те же 3,24 метра и длиной около 415 метров, укрепленная со стороны города тарасами высотой 1,08 метра. На защитной линии было расположено 6 башен, из них 2 воротные и 4 глухие. Около «острога» проходил ров глубиной 6,48 метра, местами 5,4 метра. На территории крепости было в это время два пороховых погреба.

В год составления описания крепость была дополнена ещё двумя «острогами» из «дубового леса» общей длиной свыше 3810 метров. Они имели 9 ворот, 19 глухих башен и 8 форточек. Вокруг обоих «острогов» был выкопан ров глубиной 5,4 метра. В верхней части он имел ширину 10,8 метра, в нижней — 2,16 метра. Ров был обведен палисадом.

Значительные по размерам укрепления защищали и городской посад. Длина его защитной ограды равнялась 7620,5 метра. Она включала в себя невысокий земляной вал и ров глубиной 3,24 метра; такой же была и его ширина.

Согласно данным 1686 года, кроме войсковых припасов, предназначенных непосредственно для нужд Сумской крепости, там хранились оружие, боекомплект и другое военное снаряжение московских полков, «полковые казны и всяких припасов» Белгородского, Владимирского, Рязанского и Тамбовского разрядов²⁹. Это дает основание считать Сумскую крепость базовой в этом регионе.

Среди названных в документе разных видов оружия, имевшихся в Сумах, говорится также о литейных приспособлениях — «чем пушки льют», в частности «котле медном с ушми в 2 пуда», литейном же ковше («уполовнике железном»), что свидетельствует об изготовлении (литье) пушек на месте, непосредственно в Сумской крепости.

*Тарасы — деталь и способ возведения крепостной стены. При их строительстве две параллельные деревянные стены соединялись рядом поперечных стен (перемычек), в результате чего образовывался ряд клеток, засыпавшихся землей, которую затем тщательно утрамбовывали.

** Бруствер — вал для защиты гарнизона от прицельных вражеских выстрелов.

По ведомостям Киевского губернского управления за 1718 год, укрепления Сумской крепости выглядят ещё более совершенными по сравнению с прошлым описанием³⁰. Город был обведён новой стеной из деревянных кольев и рвом и состоял на тот момент из «большого города» и «городка». Восточный участок защитной ограды подходил к Пслу, западный — к Сумке. Периметр внутренних крепостных стен составлял 2069,28 метра*.

Материалы Киевского губернского управления 1718 года дают определенное представление как о самих оборонных сооружениях, так и о порядке их размещения. Так, «большие Московские ворота» — вероятно, главные — находились на западном участке ограды «большого города». Далее упоминаются несколько ворот без названий, третьи из которых выходили к водяным мельницам на Псле.

Детально описываются конструкционные особенности пятых «градских» ворот «деревянного строения с клетками». Такие

Сумы, переулок Терезова, 2 — одно из трех каменных строений начала XVIII в. — дом, в котором жил Петр Первый во время пребывания в этом городе зимой 1708–1709 гг. (задний, не искажённый перестройкой фасад)

«клетки», или клетки, сооружались из деревянных бревен, уложенных в сруб.

В Сумской крепости существовали цитадель («земляная замковая стена») и три бастиона**, один из которых — «новый» — имел периметр сторон чуть больше 58 метров.

О той части крепости, которая имела название «городка», источник сообщает: «...в том же боль-

* Подобной скрупулёзности в размерах древние строители крепостей, конечно же, не придерживались. Столь точные цифры возникли при переводе автором, Я.Г. Ивановом, старинных мер в современные метрические.

** Бастион — выступающая часть крепостной ограды, расположенная по четырем сторонам пятиугольника: две передние (фасы) образуют угол (шпиг); две боковые (фланки) образуют с фасадами так называемые плечные углы; задняя открытая сторона называется горжей; два бастиона соединяются куртиной; расстояние между двумя шпигами именуется бастионным фронтом.

шом городе приделан другой земляной городок для казны (боеприпасов. — Я.И.), в нём одни ворота. Погребов казенных 2, сделанные в земле деревьям»³¹.

Во время Великой Северной войны Пётр I не случайно перевел Ставку русского главного командования, которая должна была быть расположенной как можно ближе к театру боевых действий, в хорошо укрепленную Сумскую крепость*. 6 января 1709 года здесь состоялось военное совещание, на котором решались многие важные вопросы борьбы против войск Карла XII³².

По данным за 1718 год, артиллерии и даже гарнизона в крепости уже не было.

Согласно плану 1768 года, город имел трапециевидную форму. Планирование разраставшихся городских кварталов тем не менее ещё повторяло в общем виде начертание старых укреплений.

Впрочем, Сумская, равно как и Ахтырская, крепость полностью утратила своё оборонное значение и перестала существовать как военный объект только в конце XVIII столетия³³.

* Город Сумы тем ещё значит, что именно здесь встретил Пётр I свой победный и в полной мере счастливый для себя 1709 год. Сохранилась до наших дней церковь — свидетельница тех событий, освящённая в 1702 г. во имя Воскресения Господня. Во времена объявления украинской «незалежности» она была захвачена так называемым Киевским патриархатом (раскольниками анафемствованного Филарета), но, по промыслу, не пользуется абсолютно никаким вниманием сумчан, в чём мы могли убедиться лично во время поездки в Сумы, выпавшей на праздник Преображения Господня. Спасо-Преображенский собор, неподалеку расположенный, напротив, был в этот день полон прихожан, от него прошёл по городу многолюдный крестный ход, именно здесь царил атмосфера высокого духовного торжества. Площади у Воскресенского храма большевики дали новое наименование — «имени Г.И. Петровского», но в народе её по удачному созвучию всегда называли (и сейчас называют) Петровскою.

Домик, которому досужая молва приписывала честь принять в свои стены Петра Первого в 1708 г., в начале 1990-х был дешёво продан частной организации, перестроен до неузнаваемости и сейчас используется в торговых целях. Вблизи него есть ещё одно неказистое строение, тоже претендующее на право называться таковым. Однако подлинный «дом Петра I» (дом войта, самое лучшее из трёх каменных строений начала XVIII в.), находится совсем в другом месте — во дворе нынешнего переулка Терезова, № 2. Его тоже, впрочем, продали в частные руки и ныне уродуют неумелой реконструкцией. Принадлежит он нескольким «хозяевам», дотраивающим и перестраивающим его в меру собственного разумения. В прежнем виде сохранились лишь тыльная сторона этого дома и отдельные элементы конструкции.

АХТЫРКА

Ахтырка была основана в 1641 году на правом берегу Ворсклы как польская пограничная крепость³⁴.

Относительно названия её существует несколько версий. По одной из них, оно было заимствовано от имени горы и речки Актыр, что в переводе с тюркского означает «Белая скала» или «Белая крепость»³⁵.

Но полякам послужила она недолго: в 1647 году Ахтырская крепость была передана России в соответствии с межевым актом — правда, в полуразрушенном состоянии. С этого времени твердыня стала одним из опорных пунктов Белгородской линии на юге Российской державы и вместе с другими крепостями этого региона верно служила делу защиты страны от грабительских нападений крымских и ногайских татар.

Укрепления её состояли из дубового частокола длиной 764,64 метра. Вдоль линии обороны размещалось 11 башен. Отряд русских «служилых людей», укрывавшихся за нею, выполнял обязанности пограничного поста.

В 1659 году вооружение из Ахтырки почему-то вывезли, и в ней осталось лишь 10 человек стражи, для которых была сооружена «изба с башней»³⁶.

Вскоре после воссоединения Украины с Россией (1654 год) была возведена новая Ахтырская крепость, несколько южнее от старой, у дельты реки Ахтырки — притока Ворсклы. Строили её выходцы из Малороссии, перешедшие в эти места, спасаясь от поляков и ордынцев. Руководил возведением укреплений воевода города Вольный Л. Камнин³⁷.

Приведенные в труде Д.И. Багалей* «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI—XVII столетии»³⁸ данные (состоянием на 1668 год) говорят о том, что ограждение новой Ахтырской крепости имело общую длину 2189 метров** и состояло из палисада и рва. Защитные стены с

* Багалей Дмитрий Иванович (1857–1932) — историк, академик АН Украины (1919). Профессор и ректор (1906–1910) Харьковского университета. Автор трудов по истории России, Малороссии XIV–XVII веков, а также Литвы и Белоруссии.

** В труде Д.И. Багалей размеры укреплений даны в саженьях. Здесь они переведены автором, Я.Г. Ивановом, в современную метрическую систему.

бруствером имели высоту 4,32 метра³⁹. Для удобства стрельбы с внутренней стороны стен в их верхнем ярусе были сооружены банкеты* — выступы, на которые поднимались по лестницам. На линии защитной ограды размещались бастион шестиугольной формы и 14 башен: 5 из них были воротными и 9 — глухими.

Городские посады также обведены были защитными ограждениями из дубового и частью соснового палисада.

В исследовании А.З. Мышлаевского** «Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году», изданном в Санкт-Петербурге в 1897 году, приведены сведения об Ахтырской крепости периода Великой Северной войны⁴⁰.

В самом начале 1709 года в Ахтырской крепости по приказу Петра I и под личным наблюдением А.Д. Меншикова были проведены значительные работы по реконструкции оборонительных сооружений — в частности, возведены три новых бастиона.

Крепость этого периода имела форму многоугольника и состояла из двух частей: главной — «старого города» и вспомогательной — «пригородка». Периметр её внешней оборонительной линии после реконструкции составил порядка 2650 метров. Она была обведена рвом, имевшим глубину 4,32 метра. Ширина его около

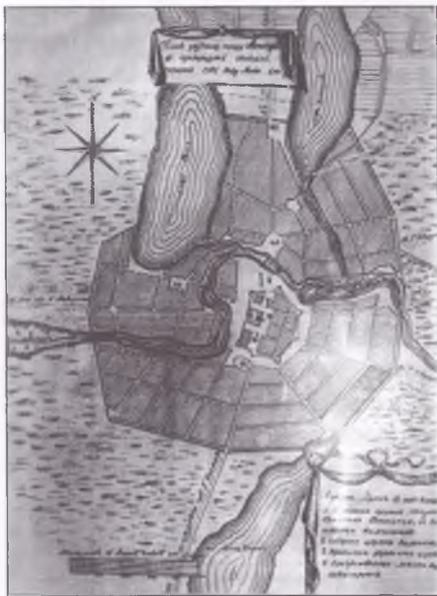
* Банкет — площадка на насыпи для стрелков, примыкающая изнутри к валу.

** Мышлаевский Александр Захарьевич (12.03.1856–1920) — русский военный деятель и историк, генерал от инфантерии (1912). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1877) и Академию Генштаба (1884). С 1898 г. — профессор Академии Генштаба и одновременно с преподавательской деятельностью занимал также должность начальника Военно-учётного архива Главного штаба (1899–1904). В 1908–1909 гг. — начальник Главного штаба, в марте — сентябре 1909 г. — начальник Генерального штаба. С 1913 г. помощник заместителя на Кавказе по военной части. В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. — помощник главнокомандующего Кавказской армией, с марта 1915 г. в отставке. С декабря 1915 г. председатель Metallургического комитета и уполномоченный по делам металлургической промышленности Особого совещания по обороне государства. С августа 1916 г. главный уполномоченный по снабжению металлами. В марте — июне 1917 г. — командующий войсками Казанского военного округа. В октябре 1917 г. был прикомандирован к штабу Кавказского фронта, с декабря 1917 г. председатель Кавказской военно-исторической комиссии.

С особенным интересом занимался изучением русской военной истории XVIII века. Отстаивал идею самобытности русского военного искусства. А.З. Мышлаевскому принадлежит большая заслуга в публикации значительного числа важных архивных материалов.

«старого города» составляла около 6,5 метра, а около «пригородка» — 4,32 метра.

На линии защитной ограды давнишней части крепости, как свидетельствуют источники, и, в частности, «План расположения населённых пунктов и городов, где были расквартированы главные силы царской армии» Л.А. Гольденберга, размещалось 6 бастионов, обведенных дополнительными рвами глубиной 2,16 метра и шириной (на поверхности) 4,32 метра; 6 крепостных башен и равелин* (длиной 43,2 метра и шириной 5,4 метра). «Пригородок» имел длину ограды около 1070 метров, имел три воротные башни и столько же бастионов. Из ведомостей Киевского губернского управления

«План уездному городу Ахтырке с пригородной слободой» и абрисом древней крепости, снятый в мае 1784 г.

явствует, что все бастионы, кроме одного (шестиугольного), имели вид обычных, пятиугольных, хотя и отличались друг от друга величиной. Около первого и второго бастионов были устроены тайники — скрытые подземные проходы, выходящие за границы крепости, опускавшиеся до реки или уровня грунтовых вод. В нижней концевой части тайника находились колодцы.

Крепостные башни располагались в таком порядке: «Колонтаевская» воротная «о шести углах», дальше глухая, тоже шестиугольная, имени не имевшая, потом шла опять безымянная, но уже о восьми углах, дальше «Куземинская» воротная, восьмиугольная в плане. За ней стояла «Трунская» воротная четырехугольная и глухая (без имени) восьмиугольная. Была ещё «Мостовая» башня, стоявшая за линией ограды и, очевидно, предназначавшаяся для охраны моста через речку Ахтырку.

* Равелин (иначе демилюн) — в фортификации укрепление перед серединой фронта за рвом главного вала.

Крепостные башни отличались одна от другой не только по форме, но и по высоте и толщине стен. Последняя варьировалась от 2,16 до 6,48 метра. В описании также детально рассказывается о конструктивных особенностях устройства крепостной стены, в частности между третьим и пятым бастионами. Стена здесь была «рублена из разного леса в две стены...», с «переградами»⁴¹, а между дурядья шириной 4,32 метра заполнялись землей. Эти «переграды» (по более поздней инженерной терминологии — контрфорсы) представляли собой деревянные перегородки, лежащие поперек двойных стен, и весьма существенно усиливали конструкцию обронтительных стен.

В «старом городе» находился «казённый погреб» для хранения боеприпасов. Длина каждой из его сторон составляла около 13 метров.

По данным на май 1709 года, собранным русским офицером Николаем Стамом, артиллерийский парк крепости включал тогда в себя 63 пушки и к ним 6406 ядер различного веса, а также 322 картечных ядра. Были тут и 8 бомбометов*, к ним имелось снарядов 1280. Значительными были и запасы пороха — 100 пудов, 8 бочек и 200 картузов**.

Для стрелкового оружия отдельно было заготовлено 60 пудов и еще 8 бочек пороха. Свинца имелось 200 пудов⁴².

Смотря на конфигурацию защитной линии крепости, показанной на плане Ахтырки второй половины XVIII века, нельзя не увидеть заметного положительного влияния при её строительстве передовых методов фортификационного искусства. В первую очередь это усматривается в геометрически правильных начертаниях ук-

* Пушечная бомба (она же граната) — продолговатый или круглый чугунный или стальной пустотелый артиллерийский снаряд, начинённый порохом и снабженный запальной либо ударной трубкой, воспламеняющейся при соприкосновении с поражаемым предметом. Огонь, таким образом, передается разрывному снаряду, и заряд взрывается.

Различаются они так: если вес снаряда составляет менее пуда (пуд = 40 фунтам⁴¹, примерно 16 кг), он называется гранатой; если более — бомбой.

Из бомбометов стреляли также гранатной картечью, составленной из нескольких ручных гранат, весом каждая около 3 фунтов (примерно 1 кг 230 граммов).

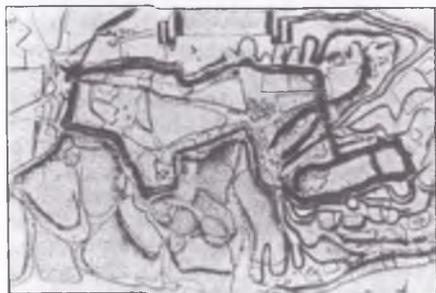
⁴¹ Русский фунт = 1/40 пуда = 96 золотникам = 409,512 граммам.

** Зарядный картуз — шерстяной или из шелковых оческов мешок, в котором находится готовый к стрельбе пороховой заряд.

реплений. Угловые защитные сооружения выдаются вперёд за линию ограды, что давало возможность эффективно использовать огневые средства, вести не только фронтальный, но и фланкирующий (фланговый, по продольной линии) огонь, удачно прикрывая тем самым подступы к городу⁴³.

ЛУБНЫ

Лубенская крепость была основана в 1589 году⁴⁴ на правом берегу реки Сула в месте впадения в неё притоков Лубянка и Ольшанка — там, где еще в XI столетии стоял древнерусский город Лубно. Отсюда, с возвышения над рекой, на значительное расстояние прослеживалась вся близлежащая местность, что давало возможность заранее увидеть приближающихся с юга и востока врагов и подготовиться к обороне. Но в 1239 году Лубно, как и большинство населенных пунктов края, было уничтожено монголо-татарами и надолго пришло в упадок.

«План уездному городу Лубнам
Полтавской губернии» с абрисом древней
крепости, 1746 г.

Следующим собственником этих земель был Александр Вишневецкий, получивший их во владение от польского короля Сигизмунда III в 1589 году, но относительно ненадолго: последний польский магнат из рода Вишневецких, Иеремия, был вынужден бежать отсюда в 1648 году, в самом начале освободительной войны украинского народа против польского владычества. В том же году Лубны становятся центром одноименного полка.

Несколько раньше, в 1596 году, под Лубнами состоялся бой повстанцев под предводительством Северина Наливайко с польскими королевскими войсками. Вооруженное противостояние длилось 13 суток... Восстание было подавлено, и вслед за этим произошла зверская расправа поляков над его участниками. Вожака восставших после пыток казнили в Варшаве.

В годы освободительной войны против Польши повстанцы разгромили замок «лютого Яремы» (Иеремии) Вишневецкого; лубен-

ский казачий полк принимал участие во многих других боевых действиях против польской шляхты, а в более поздний период истории — в обороне края от прочих иноземных поработителей.

Сохранился интересный архивный документ, так называемое «Показание о службе лубенского полкового есаула Андрея Петровского (1678–1712 гг.)», впервые опубликованный в журнале «Киевская старина» в 1899 году. Этот мужественный воин, как свидетельствует материал, был непосредственным участником важных боевых действий Лубенского казацкого полка — таких, как оборона Чигирина в 1678 году от турецко-татарских войск, известных походов русских и казацких войск под Перекоп, на Очаков, Казикермен, Азов.

В 1696 году во время осады Азовской крепости Андрей Петровский получил приказ лубенского полковника Леонтия Свички сделать подкоп под крепостной бастион и захватить турецкие пушки. Автор «Показания о службах...» достаточно подробно рассказывает об этом событии. Казаки сотни Петровского вместе с чернухинской и сенчанской сотнями Лубенского полка сделали тайный подкоп и перетянули через него канатами турецкие пушки на свою сторону, а потом завязали большой бой с турками, выбили их с бастиона и захватили крепостной вал.

Многочисленно ходил есаул Андрей Петровский с боевыми побратимами в глубокие тылы врага, добывал ценные сведения о его войсках, брал «языков»...

* * *

По карте Боплана⁴⁵ можно видеть, что в начале XVII столетия Лубенская крепость состояла из двух частей. Внешняя защитная ограда в форме многоугольника имела 7 бастионов, а цитадель — 4. Задачам надежной охраны крепости служили также земляные валы, рвы и частокол.

Интересные сведения о Лубенской крепости середины XVII столетия, особо отмечая надежность её укреплений, оставил турецкий путешественник Эвлия Челеби*, посетивший эти места⁴⁶. Он писал, что крепость имеет мощные бастионы и башни.

* Эвлия Челеби (1611–1682 или 1683) — турецкий путешественник, географ и писатель. Его перу принадлежит 10-томная «Книга путешествий» (иначе — «История путешественника») — ценный источник сведений по истории многих стран Европы, Азии и Африки.

* * *

В 1708–1709 годах казаки Лубенского полка и население города активно сражались против шведских порабитителей*. Лубенская крепость стала одним из важных опорных пунктов казацких войск гетмана И.И. Скоропадского, размещенных по линии Лубны — Нежин с задачей отрезать возможность получения армией Карла XII подкреплений из Польши, а затем не допустить её отступления в юго-западном направлении на этом участке. Задача казаками была выполнена блестяще.

План Лубен 1802 г.

20 июля, чуть больше чем через три недели после полтавской битвы, царь Пётр I останавливался в Лубенской крепости по дороге в Киев. Краткое пребывание монарха в Лубнах тем не менее ознаменовалось несколькими весьма важными событиями: в частности, здесь была открыта первая в Малороссии военная аптека и заложен ботанический сад лекарственных растений**.

В годы Великой Северной войны казаки Лубенского полка воевали против шведских войск в Прибалтике; в Польше они помогали русской армии прорвать осаду Гродненской крепости. Были лубенчане и в Полтавской битве, а затем за Днепром вместе с

* Лубенчане исключительно единодушно отвергли «мазепинскую интригу» и написали Петру I «письмо», в котором просили «прикрыть их от нашествия враждующих неприятелей» и высказывали желание избавиться «от тех мятежей», имея в виду предательство части казацкой старшины (ЦГАДА. Ф. Малороссийские дела. 1708. Д. 130. Л. 1 и об. Письмо к Государю Петру I от казаков и всего посполитства Лубенское просительное о защищении их от неприятельского нашествия).

** Первоначально плантации лекарственных растений были заложены в Лубнах монахами-бенедиктинцами, приведенными сюда католиками Вишневецкими; после изгнания поляков дело их разведения продолжили монахи Мгарского Спасо-Преображенского монастыря; с получением Указа Петра I это занятие получило государственное значение.

русскими драгунами князя Волконского преследовали остатки шведских войск, убегавших в направлении Бендер в Турцию. Там, как сообщал летописцу казачий есаул Андрей Петровский, они «не малое число узяли шведов».

* * *

В 1746 году инженер-прапорщик русской армии А.И. Ригельман в связи с намечавшейся в это время реконструкцией крепости изготавил её план. Полное название этого документа: «План малороссийскому полковому городу, в каком состоянии ныне находится, с показанием проектным образом таковой укрепить надлежит». Копию этого документа содержит труд К.П. Бочкарева «Очерки Лубенской старины»⁴⁷, изданный в 1900 году в Москве. Этот план, как и заявлено в его названии, отображал наряду с действительным состоянием укреплений также и перспективу усиления мощности крепости за счет сооружения новых защитных объектов.

Согласно данным этого картографического источника, Лубенская крепость, как и раньше, состояла из двух частей — «города» и «замка», отождествлявшегося с цитаделью. Эта наиболее укрепленная часть твердыни располагалась на юго-восточном выступе так называемой Замковой горы, именовавшейся также Валом и имевшей внутреннюю площадь около 51 120 квадратных метров.

Цитадель была слегка вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад. Периметр её сторон, ещё и сейчас прослеживающихся по склонам Замковой горы, составлял порядка 950 метров*.

Ещё один земляной вал опоясывал цитадель ближе к подножию горы и назывался в отличие от верхнего Нижним валом.

Высота Замковой горы над уровнем реки составляет около 75 метров.

Кроме земляных укреплений вокруг цитадели стоял также крепкий частокол⁴⁸.

Со стороны яра, выходящего к реке Лубянка, цитадель защищали звездоподобные земляные укрепления — штерн-шанцы.

Внутренняя территория цитадели была разделена на две части земляным валом высотой около 8,5 метра; для защиты её существовала система окопов и траншей.

Речка Лубянка имела два притока — Буценовку и Богиничев. В урочище Быстрянка её перегораживала плотина, располагавшая-

* Обмер был произведен при участии Я.Г. Иванюка в 1976 году.

ся поблизости от впадения Лубянки в Сулу. Образовавшаяся значительная по размеру водная преграда защищала часть цитадели и «города» от неожиданного вторжения.

Собственно «город» имел форму многоугольника, вытянутого, как и цитадель, с северо-востока на юго-запад, и отделялся от цитадели Богиничевым, или Олийничким, яром. Со стороны рек Сула и Лубянка эта часть крепости заканчивалась обрывами, а ближе к береговой линии — и болотами. На территории «города» находились канцелярия Лубенского полка и «полковничий двор».

По плану А.И. Ригельмана, Лубенская крепость имела 7 бастионов и 9 ворот: Пирятинские, Водяные, Подольские, или Пречистенские, Миргородские, Никольские, Замковые, Полковничьи, Лубенские и Броварские. Главными среди них считались Пирятинские, от которых начинался путь на Пирятин, Зотоношу, и Подольские (Пречистенские), откуда дорога вела сначала по одной из городских улиц через предместье Подол к мосту через Сулу, мимо так называемой Лысой горы и далее на Миргород.

Миргородские, Никольские и Водяные ворота давали выход к Суле, а Лубенские и Броварские — к реке Лубянка. Замковые соединяли «город» с цитаделью, а Полковничьи — двор полковника с собственно «городом».

В Лубнах в это время было пять церквей, четыре из них располагались на территории крепости: Рождество-Богородицкая, Троицкая, Трехсвятительская, Варваровская. В предместье находилась Николаевская церковь.

С напольной (обращенной к ровной местности) стороны форштадт* простирался до Плютеньского, Репяховского и Рыбковского яров и был обведен земляными валами. Здесь протекали небольшие речушки, имевшие названия соответственно Плютенька, Репяховка и Рыбки.

г. Лубны. Троицкая церковь

* Форштадт — предместье, местность за городской чертой.

В крепости некогда были устроены многочисленные подземные ходы и галереи. Выявленные и в какой-то мере обследованные в XIX столетии, они находились на глубине 2,5–5 метров от поверхности земли. В них имелись вентиляционные отверстия. Потолки крепились дубовыми досками. Один из таких ходов шёл к Суле.

Укрепления Лубенской крепости, прежде всего её земляные валы, в XVII–XVIII столетиях неоднократно ремонтировались (в 1619, 1740, 1769 и других годах)⁴⁹.

По проекту А.И. Ригельмана, крепостные укрепления Лубен намечалось в значительной мере реконструировать. На внешней защитной ограде предполагалось соорудить реданы*; на склонах Замковой горы, нисходящих к Суле, — устроить систему шанцев. Площадь ряда бастионов предполагалось увеличить. Был ли реализован этот план и в какой мере, доподлинно неизвестно. Но в то же время на плане города Лубны 1769 года, сохранившемся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины, показано пять (а не семь, как у Ригельмана) бастионов, но они имеют гораздо более совершенный вид.

В конце XVIII — начале XIX столетия опасность нападений со стороны крымцев, а тем более Польши окончательно сходит на нет, и Лубенская крепость утрачивает свое оборонное значение; её укрепления постепенно приходят в полный упадок⁵⁰...

НЕЖИН

Нежин отождествляют с летописным Нежатином или Унежежем⁵¹. Первое упоминание о нём относится к 1078 году. А.М. Лазаревский** в своём труде «Описание старой Малороссии. Полк Нежинский» свидетельствует, что «...Нежин 1625 г. был ещё новоосе-

* Редан — открытое укрепление из двух фасов, образующих исходящий угол.

** Лазаревский Александр Матвеевич (8.06.1834, с. Гиривцы, ныне Шевченко-Конотопского района Сумской области — 31.03.1902, Киев) — малороссийский историк. В 1858 г. окончил Санкт-Петербургский университет. Служил в судебных учреждениях Малороссии. Был знаком с Т. Шевченко и, как считается, под его влиянием увлёкся просветительством. Однако в дальнейшем разочаровался в этом своём знакомом и принял совершенно иные жизненные ориентиры. Известные работы: «Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783)», была написана в 1866 г., «Очерки из быта Малороссии XVIII века» (1871–1873), «Очерки малороссийских фамилий» (1875–1876), «Люди старой Малороссии» (1882–1888), «Описание старой Малороссии» (т. 1–3, 1888–1902 гг.). Опубликовано

лым городом, возникшим на старом своём Уненежском городище, которое дало ему возможность сразу стать «месцем оборонным»⁵².

Крепость стояла на левом равнинном берегу реки Остра, вблизи острова Нежин. Окружающие болота затрудняли подходы к ней, что способствовало особой способности города к обороне.

В 1648 году, в начале освободительной войны украинского народа против Польши, её войска были выбиты из Нежинской крепости, и город стал центром малороссийского полка, ставшего так и называться — Нежинским.

Исторические акты второй половины XVII столетия называют такие составные части этой крепости, как «Верхний земляной город», где находилась цитадель («замок») и располагался отряд русских «ратных людей», и «Покровский земляной пригородок». В систему укреплений входили земляные валы, рвы, частокол, а «Верхний город» имел и крепостные башни.

В работе А.Ф. Шафоронского* «Черниговского наместничества топографическое описание» сообщается, что «...цитадель за польванный А.М. Лазаревским архивный материал представляет особую ценность в связи с тем, что многие подлинники не сохранились».

А.М. Лазаревский убедительно доказал, что введение крепостного права на Украине было не только результатом царского законотворчества, но и следствием собственного, внутреннего социально-экономического развития страны. В современной Украине А.М. Лазаревский не почитаем в силу хотя бы того обстоятельства, что он выступал с прямой критикой националистических концепций истории Украины, которая особенно проявилась в работах «Павел Полуботок» (1880) и «Заметки о Мазепе» (1898).

* Шафоронский Афанасий Филимонович (2.12.1740, м. Сосница, ныне Черниговской области — 15.03.1811, с. Якличи, теперь Сосницкого района Черниговской области) — малороссийский историк, этнограф, врач. Происходил из казацкой старшины. В 1756–1763 гг. учился за границей (окончил университеты в Галле, Лейдене и Страсбурге, получив дипломы доктора права, философии и медицины). С 1768 г. работал генерал-штаб-доктором 2-й армии, с 1770 г. руководил госпиталем в Москве. Отличился во время ликвидации эпидемии чумы в Москве 1774 г.; этот опыт был описан им в книге, переизданной впоследствии на многих европейских языках. С 1776 г. — штатд-физик (главный врач) Москвы и руководитель Московской медицинской конторы (филиала Медицинской коллегии). С 1782 г. служил в уголовной палате Черниговского наместничества генеральным судьей. Систематизировал, упорядочил и издал (на основе материалов, собранных историком Д.Р. Пашенко) «Черниговского наместничества топографическое описание...» (издано в Киеве в 1851 году), содержащее ценные сведения по истории и культуре Левобережной Малороссии второй половины XVIII столетия.

ского владения строена и имеет регулярные бастионы и вал»⁵³. Там же говорится и о крепостных воротах, которых было четверо: Московские, Черниговские, Киевские и Крупичпольские⁵⁴.

По данным историка Н.А. Маркевича*, длина земляного вала Нежинской крепости составляла 3300 сажений (7041 метр. — *Я.И.*)⁵⁵.

В 1704–1705 годах в Нежинской крепости был реконструирован земляной вал, увеличены пороховые погреба, построены башни⁵⁶.

В полтавский период Великой Северной войны обороноспособность Нежинской крепости была значительно усилена за счёт увеличения численности гарнизона и количества стволов артиллерии**. Сколько их было? В письме киевского губернатора князя Д. М. Голицына к графу Г.И. Головкину*** (будущему канцлеру, возглавлявшему на тот момент Посольскую канцелярию и Посольский приказ), датированном 25 января 1709 года, говорилось, что «...в Нежинском гарнизоне ратных людей жилых 284 человека, да два полка — Вестов да Нечаев (фамилии командиров полков. — *Я.И.*), 40 пушек да мартир, 628 пуд пороху...»⁵⁷.

В труде Ф.Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России» говорится, что Нежинская крепость до 1714 года имела 4 бастиона, расположенных с напольной стороны. В том же году начались работы по совершенствованию укреплений под руководством инженер-полковника Бреклинга. Планировалось увеличить площадь бастионов, придать крепостным рвам про-

* Маркевич Николай Андреевич (26.01.1804, с. Дунайцы, ныне Глуховского района Сумской области — 9.06.1860, с. Туровка, ныне Яготинского района Киевской области) — украинский историк, этнограф и поэт. По молодости лет выпустил несколько сборников стихов, в т. ч. «Украинские мелодии» (1831), в основе которых лежали малороссийские народные предания и поверья. Главный труд Н.А. Маркевича — «История Малороссии» (издан в Москве в 1842–1843 гг.) хотя и носит в некоторой степени компилятивный характер, но исполнен мастерски и весьма талантливо. При всей его точности и скрупулёзности он представляет собой увлекательное и захватывающее чтение. Особый интерес для исследователей представляют 3, 4 и 5-й тома (в них собран документальный материал). Собрал значительную коллекцию исторических документов по истории Малороссии XVIII в., переданную затем в Румянцевскую библиотеку (впоследствии Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Из этнографических работ Н.А. Маркевича особо известна «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта», опубликованная в 1860 году.

** «В Нежине шведов не было», — совершенно определённо пишет историк, академик Е.В. Тарле (Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 259). На

филь, который обеспечивал бы им фланговую оборону. Артиллерийский парк Нежинской крепости включал тогда 37 пушек и одну мортиру⁵⁸.

Ведомости Киевского губернского управления за 1718 год позволяют в некоторой мере дополнить предыдущий источник. В них говорится, что «Нежинского гарнизона фортеция земляная. В ней каменный погреб, да палатка каменная ж, в которой положена пороховая казна, 2 амбара деревянных, в которых положены полковые припасы и провиант». Из этого же документа следует, что гарнизон крепости насчитывал тогда 188 солдат и три офицера. Артиллерийский парк включал в себя 82 пушки разного типа⁵⁹. Об артиллерийском и ружейном боезапасе, увы, не сообщается.

А.М. Лазаревский в своем труде «Обозрение Румянцевской описи Малороссии» сообщал о применении в Нежинской крепости передовых на то время методов фортификации: «Замок (цитадель. — Я.И.) в Нежине сделанный по Вобанову маниру»⁶⁰. Это проявилось в геометрически правильных очертаниях крепости, в вынесенных вперед углах укреплений, что обеспечивало ведение не только прямого фронтального, но и эффективного флангового огня⁶¹.

На плане 1803 года, который передает особенности застройки Нежина и линии крепости ещё прошлого столетия, город изображен в виде многоугольника с радиально-концентрическим ядром и замкнутой оградой⁶².

стр. 281 этого же исследования Евгений Викторович даёт несколько более развёрнутую характеристику роли города в Великой Северной войне: «Нежин в течение всей войны оставался одним из сторожевых пунктов Левобережной Украины, и он был в последний («полтавский») период шведского нашествия одной из надёжных баз армии Скоропадского, назначением которой было отрезать путь Карлу XII на запад, к Днепру и Киеву, в случае если бы шведской армии пришлось уходить от Полтавы в этом направлении».

*** Головкин Гавриил Иванович (1660–1734), — граф, один из наиболее приближённых к Петру I людей (его постельничий). Родственник матери Петра I царицы Натальи Кирилловны. Постоянно сопровождал Петра I в разъездах. С 1706 г. — начальник Посольской канцелярии, а затем и Посольского приказа. С 1709 г. — государственный канцлер. С 1718 г. — президент Коллегии иностранных дел. Одновременно с руководством внешней политикой в качестве сенатора принимал участие в разработке многих внутренних мероприятий. В 1726–1730 гг. член Верховного тайного совета. После смерти Петра II (1730) поддержал императрицу Анну Ивановну против верховников и был членом её кабинета министров.

ЧЕРНИГОВ*

Как о городе, обведенном земляным валом и рвами, окруженном деревянными стенами, состоящими из отдельных срубов — так называемых городень, имевшем воротные башни, говорит древнейшая летопись о Чернигове⁶³. Первое письменное упоминание о нём относится к 1078 году⁶⁴.

В своей работе «Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж» Б.А. Рыбаков** называет пять частей летописного Чернигова: детинец, или «дънешний город», посад, «Гретьяк» (третья часть), Елецкий Успенский монастырь и «предгородье с острогом»⁶⁵.

В 1239 году Чернигов, как и многие другие русские города, был разрушен монголо-татарами. Но отстроили его много раньше других — ещё в XIV столетии.

Некоторое время Черниговом владела Польша. Однако в самый первый год освободительной войны украинского народа против польского владычества эти временные хозяева были выбиты отсюда. Город становится центром полка — Черниговского, естественно.

Уже с началом Великой Северной войны встал вопрос об усилении этой крепости. В 1706–1798 годах укрепления Чернигова были

* Строго говоря, град Чернигов никоим образом не относится к «Полтавскому краю», но, учитывая связь его крепости (даже самим наличием её) с событиями полтавского периода Великой Северной войны, мы включили короткую справку о нём из работы Я.Г. Иванюка «Города-крепости Левобережной Украины...». В планах Карла XII этот город был. «Значит, оставалось идти на Чернигов и Полтаву», — пишет, в частности, Е.В. Тарле в своей книге «Северная война и шведское нашествие на Россию» (С. 172), рассказывая о намерениях шведского короля после преодоления им белорусских щабоб. Однако в реальности Чернигов остался много западнее от маршрута прохождения шведской армии.

Полковником здесь состоял и всячески укреплял свой город перед угрозой нашествия шведов небезызвестный Павел Леонтьевич Полуботок (ок. 1660–1723 гг.), наказной гетман Левобережной Украины в 1722–1723 гг. Впоследствии его позиционировали как сторонника независимой от российского царя гетманской власти. Но по итогам полтавского периода Великой Северной войны П.Л. Полуботок воздвиг в своём имении, в селе Васильевке (прежде говорили — Василёвке), ранее Черниговского наместничества, а ныне Лебединского района Сумской области, пирамидальной формы «благодарственный» памятник с четырьмя буквами «П» по сторонам (Павел Полуботок — Петру Первому), что само по себе говорит о многом.

заново переделаны и расширены⁶⁶. А в 1712 году старинная двойная ограда твердыни была ещё более усилена новой стеной, имевшей бастионное начертание⁶⁷.

Из двух частей — «города» и «замка» (цитадели) состояла Черниговская крепость согласно сведениям из «Ведомостей Киевского губернского управления за 1718 год». «Замок» при этом назывался также «Старым городом».

Защитная ограда «города» включала деревянную стену («рубленная дубовыми брёвнами») длиной 1663,2 метра и ров шириной 21,6 метра с глубиной 4,32 метра. Эта часть крепости имела одни проездные ворота.

Цитадель с защитной оградой протяженностью 272,16 метра окружал земляной вал высотой 25,92 метра и ров глубиной 8,28 метра. На её территории находился погреб для боеприпасов. Источник сообщает о двух бастионах Черниговской крепости: «раскат (бастион. — Я.И.) деревянный» и «раскат... от речки Стрежа»⁶⁸.

Крепость Вщиж. XI–XII вв. Реконструкция
Б. Рыбакова

Памятник, как рассказывали нам местные краеведы, имел высоту около 2 метров, сторона граней составляла примерно 70 сантиметров, цвета они были белого, буквы на них — патинированная бронза. Монумент увенчивало чёрное ядро 30 сантиметров в диаметре. Этот памятник был уничтожен уже во времена украинской «незалежности», в середине 1990-х годов.

** Рыбаков Борис Александрович (21.05.1908–27.12.2001) — археолог, историк и общественный деятель, академик АН СССР (с 1958 г.). Окончил МГУ (в 1930 г.), профессор МГУ (с 1943 г.), директор Института археологии АН СССР (с 1956 г.). Полевые археологические исследования с 1932 г. (раскопки древнерусских городов Тмутаракани, Чернигова, Любеча и других). Наиболее известные работы: «Ремесло древней Руси» (М., 1948); «Древности Чернигова» (М., 1949), «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (М., 1963); «Русские датированные надписи XI–XIV вв.» (М., 1964); «Первые века русской истории» (М., 1964); «Слово о полку Игореве» и его современники» (М., 1971); «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (М., 1972); «Русские карты Московии XV — начала XVI вв.» (М., 1974) и многие другие.

Ещё в первый год Великой Северной войны в крепость были привезены значительные запасы пороха — 653 пуда⁶⁹.

Артиллерия крепости насчитывала 31 пушечный ствол состоянием на 1718 год. Гарнизон на тот момент состоял из 113 «строевых нижних чинов», 4 офицеров и 6 рейтар⁷⁰.

В труде А.Ф. Шафоронского «Черниговского наместничества топографическое описание» го-

г. Чернигов. Древний вал.
Почтовая открытка конца XIX — начала XX вв.

ворится, что на территории крепости находились «комендантская канцелярия и главная караульня» (гауптвахта), «...дом... для Инженерной команды», «магазин, где гарнизонные амуничные вещи хранятся...», «в цитадели амбар для военных снарядов и земляной пороховой погреб...», «два магазейна провиантские...», «две деревянные караульни у двух крепостных ворот...»⁷¹.

ПРИЛУКИ

Прилукская крепость была построена в 1617 году на возвышении правого берега реки Удай⁷². Сведения о ней содержатся в исследовании А.М. Лазаревского «Описание старой Малороссии. Полк Прилукский»⁷³, Н.И. Арандаренко «Записки о Полтавской губернии»⁷⁴, А.Ф. Шафоронского «Черниговского наместничества топографическое описание»⁷⁵, В.А. Маценко «Прилукщина. Историческое и статистическое описание Прилукского уезда Полтавской губернии»⁷⁶.

Историк Александр Матвеевич Лазаревский, ссылаясь на исторический акт 1716 года*, говорит, что на время составления этого документа существовали некие «Старые» и «Новые» Прилуки, и делает вывод, что под «старыми» следует понимать цитадель, а под «новыми» — окружающее её поселение, которое возникло позднее.

В 1648 году Прилуки становятся полковым городом.

* Название акта в работе А.М. Лазаревского не указывается.

В.А. Маденко сообщает в своем исследовании, что защитная ограда Прилукской крепости состояла из защитного вала и рва, проходивших дугой с запада на восток, замыкаясь флангами на линии стремительных (резко обрывистых) склонов над Удаем.

В 1697 году в Прилуках построили деревянную церковь Рождества Пресвятой Богородицы с высокой колокольней, служившей для гарнизона крепости сторожевым наблюдательным пунктом. От неё радиально расходились вымощенные деревянными брёвнами улицы. Главные из них вели к четырем крепостным воротам, укрепленным высокими башнями — Киевской, Глуховской, Пирятинской и Роменской⁷⁷.

А.М. Лазаревский и Н.И. Арандаренко* приводят в своих трудах рассказ арабского путешественника Павла Алеппского**, который в середине XVII столетия посетил Прилуки и писал, что крепость была достаточно мощной, имела высокие стены, башни, заполненный проточной водой ров. Цитадель сообщалась с другой частью крепости кроме ворот ещё и подземными ходами⁷⁸.

Абрис крепости Прилуки.
Прорисовка Я. Иванюка

Согласно указу Петра I про укрепление Прилук в период ожидаемого наступления шведских войск, генерал Гинтер обследовал

*Арандаренко Николай Иванович (1795–1867) — историк, статистик и этнограф. Был управляющим Полтавской палаты казенных сборов в 40-х гг. XIX столетия, впоследствии архангельским губернатором. Написал ценные «Записки о Полтавской губернии» — первый описательный научный труд о Полтавщине. Изданы в Полтаве в 1848–1852 годах.

** Павел Алеппский — архидиакон, сын антиохийского патриарха Макария, родом араба из Алеппо; во время своего путешествия, сопровождая отца, по дороге из Антиохии в Москву в 1654–1656 гг., во времена Богдана Хмельницкого, посетил Малороссию. Воспоминания в оригинале были написаны на арабском языке, впоследствии переведены на русский.

здесь оборонительные сооружения и письменно доложил царю 19 января 1709 года: «Город кругом валом добрым, гораздо лутчей раменского (роменского. — Я.И.) объят... вал у города и у замка (цитадели. — Я.И.) пол шестый сажени (11,7 метра. — Я.И.) до рва. Для лучшего укрепления, когда два баталиона сюда придут, то ров у замка укреплю палисадами»⁷⁹.

В январе того же года генерал Я.В. Брюс приказал направить в Прилуки* из имущества киевской полевой артиллерии довольно много разных боеприпасов, и среди них пороха мушкетного 60 пудов, свинца 100 пудов, гранат ручных 600 штук⁸⁰.

* * *

Упомянутый план Прилук даёт изображение крепости в форме четырехугольника, слегка вытянутого в направлении с запада на восток. Как и раньше, крепость на нём состоит из внешней защитной ограды и цитадели. В систему фортификационных сооружений входят общий земляной вал, ров и четыре редана. На каждом из реданов расположена воротная башня. Название одной из них — Пирятинская, она стоит южнее всех прочих.

* Чернигов и Нежин не пострадали от шведского нашествия. Маршрут зимнего рейда конницы Меншикова прошел много севернее и восточнее Чернигова — через Березну, Сосницу и Макошино и далее на Нежин и Прилуки, ниже к югу от которых, в районе Линовиц, произошел бой русского отряда со шведским, слишком уж уклонившимся к западу от главных сил (на заготовку продовольствия и фуража, видимо). Бой был дан в полном соответствии с русским планом оперативного обеспечения армии и «частительного» уничтожения противника. Шведы обретались в прилегающем к этому району всего лишь недели три — с 1 по 20 декабря 1708 года примерно. Здесь они, вероятно, и отъелись слегка за счёт грабежей и реквизиций; местность была богатая, а распоряжения Петра I по «оголаживанию» территории, видимо, исполнялись не всегда исправно.

Шведы пришли сюда не сами — их привёл бывший прилуцкий полковник Дмитрий Горленко. «Привёл в свой полк шведского генерала Крейца и его отряды», — пишет «Русский архив» (1875. Кн. II. С. 253). Шведы приказали собрать для них с Прилуцкого полка 30 тысяч осьмишук овса и ржаной муки, 40 тысяч овец, 12 тысяч волов, 17 тысяч свиней, 60 тысяч четвертей пшеничной муки, 7 тысяч бочек соли и многое другое — на отсутствие аппетита захватчики, как видим, не жаловались. Сын полковника Горленко Андрей убеждал при этом шведского генерала Крейца, «чтобы всех людей в Прилуках вырезать», потому что «кроме ихнего, горленковского дома, нет в городе других приятелей шведам». Прилуки были освобождены вскоре после взятия Батурина и сюда наказным полковником был поставлен Иван Яремович Нос, способствовавший разорению этой базы для шведов отрядом Меншикова.

Название остальных автору установить не удалось из-за повреждения той части плана, где были проставлены названия.

Внутренняя территория крепости имела с западной стороны возвышение, отмеченное на плане как Холодная гора.

Длина внешней ограды крепости составляла 2148 метров. Вал проходил по всей внешней линии, а ров — только с напольной стороны: наличие стремительных обрывов, падающих к Удаю, исключало потребность иметь здесь вал; обрывистый участок крепости составлял в длину 550 метров. Участок рва с южной стороны крепости, наиболее уязвимый на случай вражеских атак, заполнялся водой на протяжении почти 280 метров. Другая его часть была сухой.

Цитадель имела почти круглую форму. Длина её ограды составляла 603 метра. Земляной вал проходил здесь по всей линии. С северной стороны на протяжении 138 метров он был общим с внешней оградой; на этом участке рва тоже не было.

На территории цитадели находились административные строения, пороховые погреба и «погреба для денежной казны», а также сарай для артиллерийского снаряжения; здесь стояла воротная восьмиугольная башня, имевшая название Замковой.

А.Ф. Шафоронский в своем исследовании тоже говорит, что Прилукская крепость имела две составные части и четверо ворот⁸¹.

В 1738 году, во время войны России с Турцией, Прилукскую крепость обследовал по приказу русского командования один из видных представителей местной (малороссийской) казачьей старшины С. Томара. Он доложил о неудовлетворительном состоянии укреплений. Вполне вероятно, вслед за этим были проведены необходимые ремонтные работы, как того требовали обстоятельства войны.

В 1781 году в Прилуках произошел большой пожар. Огнём были повреждены многие административные строения и часть фортификационных сооружений. За четыре последующих года Прилуки вновь отстроились.

Но значение Прилукской, как и многих других крепостей Полтавского края, резко снизилось в это время — колонизация Дикой степи и присоединение Крыма к Российской империи напрочь сняли потребность содержать твердыни, оказавшиеся теперь далеко внутри государства.

ПЕРЕЯСЛАВ

Древнейший из городов Полтавского края. История основания его, как и здешней крепости, одного из самых ранних древнерусских укрепленных градов — мощных форпостов на южных границах Руси, защищавших её от набегов кочевников, теряется в глубине веков⁸².

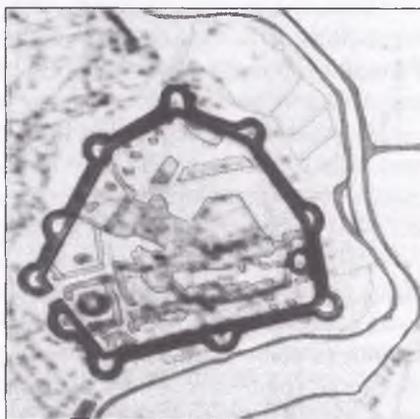
В летописях же Переяслав упоминается в связи с выдающимися историческими событиями начала X столетия, когда русичи под водительством киевского князя Олега совершили успешные походы на столицу Византии Царьград (Константинополь, ныне Стамбул).

В «Повести временных лет» под 992 годом говорится о разгроме киевским князем Владимиром Святославовичем «на Трубеже у брода, где ныне Переяславль» половецких орд⁸³. Об этом выдающемся сражении упоминают и другие летописи.

Укрепленный здешний град стоял на возвышении в междуречье Трубежа и его притока Альты (Ильтицы), которые протекали по заболоченной низине и представляли собой значительные природные преграды для врага.

В процессе археологических исследований было установлено, что укрепления Переяслава тех времен состояли из земляных валов, рвов и палисада. Длина насыпи около главной части крепости — детинца, где находилась резиденция, скажем так, князя и войсковой дружины, составляла почти 1200 метров, а высота его — 10–12 метров. Вал вокруг внешнего города, возникшего позже детинца, имел в длину свыше 2500 метров.

Между Трубежем и Альтой на расстоянии 1000 метров был прокопан ров, заполненный речной водой.

Абрис древнейшей крепости Переяслав
(фрагмент плана первой половины XIX ст.)

В древнерусский Переяславль вело трое ворот: Княжие, Епископские и Кузнечные⁸⁴.

Предназначение одного из оборонных пунктов крепости имела и Андреевская церковь, построенная возле одного из выездов из города⁸⁵.

Татаро-монгольское нашествие погубило и этот город: в 1239 году он разделил печальную участь очень многих населенных пунктов края.

Возрожденная в XIV веке крепость состояла из двух частей. Весь город опоясывал земляной вал, который сохранился ещё со времён древнерусского Переяславля. Его использовали для строительства более поздних укреплений. В районе бывшего детинца создали цитадель, её также обвели земляным валом, в плане близком к правильному кругу⁸⁶. Но здесь поставили ещё и деревянную стену, а по линии ограды — высокие башни. Проезжие ворота устроили с северной стороны. Здесь проходил глубокий ров, через него лежал подъёмный мост, соединявший «Верхний город» (где была цитадель) с «Нижним». В цитадели находился арсенал с запасами оружия и военного снаряжения.

В мае 1648 года восставшее население Переяслава при помощи войскового отряда, присланного сюда Богданом Хмельницким, разгромило польский гарнизон крепости. Летом того же года город становится центром полка, получившего его имя.

В ходе освободительной войны Переяславская крепость была одной из главных резиденций Богдана Хмельницкого, где решались вопросы исключительно важного политического и военного значения. В январе 1654 года именно здесь состоялась историческая Переяславская рада, единодушно провозгласившая воссоединение Украины с Россией.

* * *

Когда возникла угроза вторжения в Малороссию армии Карла XII, в Переяслав прибыл сам Пётр I. Придавая важное значение этой крепости как одному из возможных пунктов сопротивления неприятелю, он приказал усилить её обороноспособность*. По это-

* Переяславским полковником был в то время известный представитель казако-старшинского рода Стефан Томара.

Пётр I наградил его в числе особо отличившихся по обороне малороссийских городов с примечательной формулировкой: «За верные и усердно радетельные службы».

му приказу здесь было сооружено три новых бастиона, получивших общее название Петровских⁸⁷.

На усиление гарнизона Переяславской крепости сюда из Киева в начале 1709 года прибыл солдатский полк Сухарева. В Переяслав было направлено также значительное количество пушек, пороха и других боеприпасов⁸⁸.

По счастью, эти приготовления на деле не понадобились. Но в 1709 году, уже после разгрома шведов под Полтавой, в Переяславской крепости провели значительные реставрационные работы. Усилили цитадель, она приобрела теперь форму замкнутого семиугольника. На его углах соорудили небольшие бастионы и люнеты*. В системе защитных сооружений остались и башни⁸⁹. Земляной вал общей защитной ограды составлял теперь в длину 3105 метров⁹⁰.

Согласно ведомостям Киевского губернского управления, Переяславская крепость состоянием на 1718 год состояла по-прежнему из двух частей — «Верхнего города» с цитаделью и «Нижнего». Длина защитной ограды первого из них, в которую входили земляные валы, рвы и палисад, равнялась 1529 метрам. Высота валов на разных участках — от 6,48 до 8,54 метра, глубина рвов — от 8,64 до 9,72 метра⁹¹.

Элементы укреплений крепости времён владычества гладковольной артиллерии (по Брокгаузу и Эфрону)

*Люнет — открытое с горжи*¹ полевое или иное долговременное укрепление; имело обычно три фаса.

*¹ Горжа — тыльная (задняя) сторона укрепления.

Между речками Трубеж и Альта проходил ров длиной 704 метра и глубиной 8,64 метра.

Источник называет восемь оборудованных брустверами бастионов в такой последовательности: Спасский, Брянский, Дубовской, Голодубовский, Михайловский, Селивановский и Расспросный. Бастионы были сравнительно небольших размеров, а куртины между ними достигали значительной длины⁹².

Спасский бастион стоял в «Нижнем городе», Михайловский — обращён «к речке Трубежу» в «Верхнем городе», Дубовской выходил к речке Альте. Местонахождение прочих бастионов источник не уточняет. Общая длина крепостной ограды вокруг бастионов составляла 410 метров.

«Верхний город» отделялся от «Нижнего» рвом, имел двое проездных ворот: Печерские — между этими двумя частями крепости и Михайловские — «к речке Трубежу», стоявшие рядом с одноименным бастионом.

Против ворот Печерских через ров был переброшен подъёмный мост «на цепях железных», выходящий на рavelин. В другой части крепости были одни ворота — Пречистенские.

Гарнизон крепости на время подачи сведений состоял из 122 человек, направленных сюда из Киева, в том числе 105 солдат, 14 рейтар и 3 офицера.

Артиллерийский парк включал в себя 40 пушек и к ним 9864 ядра; картечных зарядов имелось 378, бомб мортирных — 147, зарядных картузов — 413, пороха — 387 пудов 15 фунтов.

Для ручного огнестрельного оружия имелось, кроме того, весьма значительное количество — 442 пуда 15 фунтов — пороха, а помимо этого 15 пудов 30 фунтов отдельно пороха мушкетного. Имелся и достаточно солидный запас компонента «огневого зелья» — селитры: 115 пудов 8 фунтов.

Запалов пребывало на хранении 594 пуда 20 фунтов, свинца — 300 пудов 10 фунтов. Крепость хранила также 3436 ручных гранат и пуль свинцовых — 1300 пудов⁹³.

На плане Переяслава первой половины XIX столетия⁹⁴ можно видеть изображения, вероятно, последних по времени укреплений. На защитной линии цитадели, сохранившей форму семиугольника, стояли тогда 10 бастионов, из них 7 — угловых. С северо-западной, напольной стороны, находилось пять бастионов. Крайние из них

(на этой линии) выходили к рекам Трубеж и Альта. Въезд в цитадель показан с северо-западной стороны.

На внешней ограде с юго-запада находились крепостные ворота, выходившие к мосту через Альту и соединявшие заречную часть города с крепостью.

СТАРОДУБ

Стародуб* в XI столетии был одним из форпостов древнерусского государства на Северщине.

В июне 1648 года город становится центром одноименного полка.

Крепость стояла на возвышении и состояла из двух частей — «Старого» и «Нового» города, обведенных земляными валами**. С южной стороны к защитной ограде подходили небольшие речки Бабинец и Бычок.

* Стародуб лежит много севернее даже от Чернигова, лишь весьма условно внесенного нами в список «Городов Полтавского края». Тем не менее справка о нём содержится в рукописи Я.Г. Иванюка «Города-крепости Левобережной Украины и их роль в ходе Великой Северной войны», ставшей одним из источников в составлении данной работы.

Основанием для помещения сведений о Стародубе здесь является то, в частности, обстоятельство, что он располагался в пределах так называемой Переяславской земли — территории, включавшей в XI–XII вв. собственно Переяславское княжество, а также Ростовско-Суздальскую и Смоленскую земли, район Белоозера и Поволжья, Посемья, сиверские окраины верховьев Сулы, Псла, Ворсклы и Северского Донца. Это огромное по тем временам протогосударственное образование распалось в 30-х гг. XII столетия на отдельные княжества.

Ещё одной причиной включения его в перечень стала заметная роль города в событиях периода начала вторжения шведских войск в Малороссию в конце 1708 года.

** «...Памятником тревожной и бурной жизни города остались и до наших дней следы насыпной земляной крепости и двух земляных валов, из которых один имеет ров; как насыпь, так и валы высотой достигают 6–8 сажен; остальные — же валы, имевшие значительное протяжение, в настоящее время частью были разрыты для селитренного производства, частью же пошли под здания и городские площадки», — пишет о Стародубе В.П. Семенов в своей книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (Т. 7. Малороссия. СПб., 1903, С. 458).

Стародуб был вторым по счёту населённым пунктом Малороссии, вставшим на пути шведского нашествия. Первым было местечко Мглин. Его попробовал атаковать кавалерийский отряд майора Коскуля. Попытка получить продовольствие и фураж добром оказалась безрезультатной — жители наотрез отказались выполнять распоряжение посланца Карла XII.

Работа А.М. Лазаревского «Описание старой Малороссии. Полк Стародубский» содержит краткие сведения об этой крепости периода XVIII столетия. В состав её защитных сооружений, пишет Александр Матвеевич, входили земляные валы, дубовый палисад, 6 башен и рядом с ними «для солдат караульные избы»⁹⁵. Войсковая амуниция хранилась в двух складах*.

В труде А. Глаголева «Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников» говорится, что «...в г. Стародубе остались следы насыпной земляной крепости... и двух земляных валов, одного без рва, а другого со рвом. Как насыпь, так и валы имеют перпендикулярной высоты от 6 до 8, в скалах, сверху донизу, от 10 до 12 сажен...»⁹⁶.

Осмотрев укрепления местечка и найдя их «слабыми», шведский вояка всеми наличными силами «немедленно атаковал город, но был отбит» (Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1708–1709 гг. СПб., 1912. С. 53).

Артур Густав Хендрик Стиле, шведский историк (1863–1922), объясняет причины мглинского поражения тем, что там-де находилось «значительное количество вооруженных сиверских крестьян», да ещё 300 русских солдат. На самом деле городишко защищали «сотник Мглинский и с ним казаки сто человек того города и мужики из деревень» (Свидетельство очевидца, адъютанта Петра I, лейтенанта гвардии Фёдора Бартенева, посланного царём во Мглин, — нами оно взято из его письма А.Д. Меншикову 26.09. 1908 г. — Фонд «Бумаги Меншикова». Карт. 9. № 234).

Разъярённые тем, что им посмели чинить отпор, «...в полку Стародубовском много деревень волохи огнем и мечем разорили», а под Мглином «несколько корнет шведских» «привели в смятение народ своими зверствами», а сам Мглин «шведы огнем пожгли и совсем разорили, которое место от Стародуба за двенадцать миль обретается» (Андрей Ушаков — Петру I. Из Стародуба, сентября 29, 1708 г. — ТИРВИО. Т. I. С. 101. № 123).

Фёдор Бартенов доносил Меншикову двумя днями раньше: «...а черкасы (т.е. малороссы) собираютца по городкам и в леса, вывозят жены и дети, и хлеб по ямам хоронят, а я им сказал: что идут наши полки и они оному зело рады и ожидают» (Фонд «Бумаги Меншикова». Карт. 9. № 219-а).

И это ещё, заметим, происходило до измены Мазепы, о коей стало ведомо лишь через месяц, в конце октября...

* Шведская армия двигалась в Малороссию по двум направлениям: главные силы шли через Костеничи, мимо Мглина, жители которого «осмелились» на противостояние отряду майора Коскуля, причем буквально на виду у всей армии Карла XII, находившейся всего лишь в нескольких километрах отсюда. Далее, 9 октября обогнув Стародуб с запада, она пошла к Новгород-Северскому и Мезину (в эту «точку» шведы прибыли 27 октября); оттуда через Лушники, Лукнов, Краснополье и Атюшу они вышли 11 ноября к пресловутому Батурину, уже, к их-

нему большому разочарованию, разрушенному. (Бегство Мазепы из Батурина навстречу шведам произошло 24 октября, а его открытый переход на сторону оккупантов — 27-го.)

Дорога корпуса Левенгаупта (вернее, того, что от его корпуса осталось после разгрома под Лесной) лишь до этого момента, до Стародуба, различается от направления движения войск, находившихся с королём Карлом XII, — он двигался от Глинок тоже на Стародуб, форсировав реки Беседь и Ипуть.

Движение русских главных сил шло по такому маршруту: Рославль — Почеп — Погар — Погребки (и здесь состоялся рейд в глубь района временного расположения шведских сил), далее на Маков, куда войска прибыли 4 ноября, а оттуда на Глухов (и стояли здесь с 6 по 15 ноября).

В первый же день пребывания здесь, в Глухове, русских войск во главе с царём Петром I состоялось историческое событие, о котором сам царь писал своим 7 ноября так: «Объявляем вам, что после переметчика вора Мазепы вчерашнего дня учинили здешний народ елекцию нового гетмана, где все, как одними устами, выбрали Скоропадского, полковника стародубского; и тако проклятый Мазепа, кроме себе, худа никому не причинил, ибо народом и имени его слышать не хотят, и сим изрядным делом вас поздравляю» (Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Ч. XI. С. 442).

А накануне, т.е. 5 ноября, у царя Петра были на руках во множестве пришедшие из «Прилук, Лубен, Лохвиц» и других городов челобитные к нему с изъявлением верности и стойкости. «А особливо еретиков шведов и поляков за веру православную за святые церкви и монастыри противоборствовать повиниссимо, — писали в своём обращении жители Новгород-Северского. — А вору и изменнику бывшему гетману Мазепе отнюдь не пристанем и ни в чем его слушать не будем и на том всем святой крест целуем» (Красный архив. Т. V (95). М., 1939. С. 162). «Жители Прилук и всей сотни прилукской наше нижайше отдавши поклонение, чрез сию нашу недостойную челобитную верность и неотменную зичливость осведчаем, иже яко мы прежде в сердцу нашем жадной и наименшой никогда не помышляли против пресветлого престола монаршого змены и противниками бытии, так и теперь и в потомнии часы маем верне и ни в чом не противне со всяким усердием служить и в повеление в. в-ства должнисмо творити. Тилько зась найпокорней ваше царское пресветлое в-во просим: не отрини нас убогих от всеой царской благодати и не предай нас в вечную работу и пленение на нас и на веру нашу православную наступающим и паки о том смиренно просим» (Костомаров Н.И. Собр. соч. Кн. VI. Т. XVI. СПб., 1905. С. 641).

Отовсюду (и отнюдь не только из тех мест, где стояли русские гарнизоны) поступали сообщения о принесении новой присяги русскому царю — часто вопреки уговорам и угрозам со стороны эмиссаров Мазепы и Карла XII. Такую присягу принесли, в частности, жители Котельвы, за что получили впоследствии жалованную грамоту, а жители Лубён так доносили о том: «Мы граждане Лубенце, яко духовного тако и мирского чину не токмо нас наказной старшины и всех жителей наших обретающихся за премошную милость челом бьем, обовязуячися в единомыслии яко и преже, верными к вашему царскому присветлому в-ству поддаными бути» (Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 641).

То есть, иными словами говоря, устраивая в Глухове избрание нового гетмана, Пётр I в полной мере обладал «мандатом всенародного доверия» и действовал по воле населения Малороссии, а не вопреки или по своему произволению — неоспоримый факт.

В Глухов на избрание нового гетмана приехал митрополит киевский с двумя другими архиереями — черниговским и переяславским. «Словарь географический Российского государства...» Афанасия Щекатова, изданный в Москве в 1805 году «в Университетской Типографии у Любия, Гария и Попова», пишет по этому поводу следующее: «...1708 года, Ноября 9 дня Мазепа, с сообщниками его, предан в Глухове церковным собором вечному проклятию...» (Указ. соч. С. 123). Учитывая скудость данной информации, дополним это же сообщение сведениями из другого источника — «Журнала Петра Великого»: «Того ж дня и персону оного изменника Мазепы вынесли, и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палаческие руки, которую палач взял и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до вилелицы, и потом повесил» (Указ. соч. Ч. 1. С. 180).

«Словарь географический Российского государства...» Афанасия Щекатова не останавливается подробно на «глуховских делах», в нём сразу же повествуется о дальнейшем ходе событий: «...Когда же король Шведский, Карл XII, был от Мазепы впущен с войсками Шведскими в Малую Россию и расположился с оными и Мазепою в Ромне на зимние квартиры, что было перед праздником Рождества Христова, а по празднике, 1709 года, перешел оттуда и расположился в Гадяцком полку: то Малороссияне, соблюдая присяжную верность Государю своему и охраняя общее благоденствие, неоднократно тайно и явно чинили нападение на Шведов, умерщвляя многия тысящи, а чиновных схватывая, отправляли к Государю живых...» (Указ. соч. С. 123–124).

...Мы несколько отвлеклись от основной темы, описывая эти важные, с далекоидущими последствиями события: избрание И.И. Скоропадского гетманом и предание Мазепы анафеме, т.е. церковному проклятию. Вернемся всё же к основной мысли. Малороссийские казаки на этот момент (6–15 ноября) из-за измены Мазепы, увы, ещё были разделенными на два лагеря: такие известные своей преданностью ранее данной клятве верности России предводители их, как, скажем, миргородский полковник Данила Апостол, кампанейский — Игнатий Галаган и другие, вооруженной вражеской силой были удержаны в шведском войске (при первом удобном случае почти все они, чьи руки не были запятыны в «мазепинской интриге», возвратятся в русский стан). Ещё томился в томской ссылке фастовский полковник Семён Палий и другие, сосланные в Сибирь по наветам лукавого и мятежного гетмана. Но многие из казацкой старшины волею судьбы с самого начала оказались воедино с армией царя Петра I. И первыми здесь следует упомянуть имена нежинского полковника Силуяна Жораковского и переяславского полковника Стефана Томару. Ещё в начале октября 1708 года (т.е. более чем за месяц до описанных глуховских событий), когда стало понятным, что шведская армия направляется к Стародубу, Б.П. Шереметев направил на защиту этого города отряды русской пехоты и кавалерии, а также казацкие полки Жораковского и Томары, одновременно предложив стародубскому полковнику

Ивану Скоропадскому «чинить отпор неприятелю до последней меры» (ТИРВИО. Т. I. № 32). Эти отряды и полки блестяще выполнили свою задачу: они «угодно и удобно граду и гражданам правоверным по зможности нашей уделались (расположились), так около фортецы квартиру нам указанную укрепили, яко и особливим шатием монаршим неприятеля отгрозили и прогнали и от тех де неприятелей многих языков... живиом добули, а многие на шляхах у смерть позбивали» (из донесения С. Томары и С. Жораковского Г.И. Головкину. См. об этом: ЦГАДА. Ф. «Малороссийские дела». 1708. Д. № 48. Л. 17–17 об.). Переяславский полковник Стефан Томара, наказной полковник Иван Яремович Нос, черниговский полковник Павел Полуботко и другие знатные представители казацкой старшины, как «верхней», так и «низовой», были награждены царём Петром I с формулировкой «за верные и усердные радетельные службы»; возвратом старых и пожалованиями новых «маетностей» отмечены семьи невинно казнённых Мазепой В.Л. Кочубея и полковника И.И. Искры.

Ещё одними, возможно и неожиданными, союзниками русских войск и малороссийских казаков, которые дружно встали на защиту родного края от иноземных завоевателей и их приспешника — предателя Мазепы, оказались русские староверы, коих проживало на тот момент в стародубских лесах около трёх тысяч. «Слобожане сии сами собой собравшись, первый опыт верности ко отечеству показали, — писал об этом феномене известный историк протоиерей Журавлёв. — Безоружные мужики в некоторых местах неприятеля атаковали, несколько сотен побили, и живых захвата в Стародуб к самому Государю, тогда бывшему тамо, пленниками привели. Не было ничего для Государя приятнее, как видеть, что неприятель в малом числе российских крестьян победителей себе нашел» (в кн.: Лилеев М.И. Из истории раскола на Вятке и в Стародубе XVII–XVIII вв. Киев, 1895. С. 468–469).

Кроме того, жители этих мест начали активно отлавливать вражескую «агентуру»: так, в конце октября 1708 года сотник села Воронеж, лежащего близ Глухова, Роман Лазаревич арестовал прибывшего туда мазепинского сердюка по фамилии Тимофеев; подобная же участь постигла невядалеке от тех мест и мазепинского канцеляриста Дубягу. Жители Погара повязали мазепинского посланца к ним, запорожского атамана Полугера. Войт села Обманичей с односельчанами схватил батурина коменданта Чечеля и передал его с рук на руки казакам Яценкам из Конотопской сотни Нежинского полка, которые и доставили мазепинского прихвостня русскому командованию (и с каждым днем подобных примеров становилось известно всё больше и больше).

Всё это и дало Петру I полное право сказать в своём манифесте к малороссийскому народу, данном 6 ноября, в день избрания нового гетмана И.И. Скоропадского: «...Також, усмотря он, король Шведской, непрестанно здесь свой ущерб в войсках своих, и когда Стародуб, Почеп, и Погарь, и Новгород-Северской, по введению во оные гарнизонов, не дерзал добывать, принужден в целости и не зацепляя оставить, потеряв при Стародубе и в прочих местех в Украине несколько тысяч человек, которых как Великороссийские наши войска, так и верные наши подданные, Малороссийского народу жители, побили и в полон побрали» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. I. № 2816).

РОМНЫ

Ромны уже в конце XVI — начале XVII веков были важным оборонным пунктом на юге России* и имели мощные укрепления⁹⁷.

«План месторасположения населённых пунктов и городов, где были расквартированы главные силы царской армии» 1709 года показывает 5 бастионов внешней оборонной линии крепости.

* Данное положение необходимо дополнить следующим свидетельством: «Время основания города Ромны (или правильнее Ромен) остается неизвестным, но во всяком случае он возник не позднее XI века и притом возник, по всей вероятности, как оборонительный пункт от печенегов и половцев, так как его территория в то время была почти пограничной со степью. Первое упоминание о Ромне встречается в Духовной Владимира Мономаха, где говорится: “и к Выреву бяху пришли Аспа и Боняк: хотеша взяти и; ко Ромну идох со Олгом и з детьми на ня и они очистивше и бежаша”. В “Книге Большому Чертежу” сказано: “а выше Глинска 20 верст пала в Сулу речка Ромон, а на устье — город Ромон”.

Далее история города остается в полной неизвестности до XV века, когда он принадлежал Польше; в 1604 г. Ромнами владел князь Корибут-Вишневецкий. В 1632 г. Ромны были присоединены к России. В 1659 г. город сдался Выговскому, когда последний поклялся выпустить бывший здесь московский гарнизон; свое обещание, однако, Выговский не сдержал и отправил гарнизон к польскому королю.

При Богдане Хмельницком Ромен составлял часть Миргородского полка, но позднее был причислен к Лубенскому полку и принадлежал последнему до упразднения гетманства.

В 1708 году Ромнами завладел шведский король Карл XII, но, благодаря искусному передвижению русских войск, король был отвлечен отсюда к Гадячу, и город Ромен безо всякого труда был занят русскими войсками под начальством генерала Алларта» (цит. по: Семенов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 7. С. 430).

...В те же дни (6–15 ноября), когда Пётр I пребывал в Глухове, Карл XII со своими войсками был: 6-го — в Лукнове, 11-го — в Атюше. И в тот же день он достиг Городища, расположенного несколько южнее Батурина, ему уже бесполезного. На виду, так сказать, этого пепелища незадачливый завоеватель провёл 4 дня.

16 ноября шведский король и его союзник (или пленник? — имеется в виду Мазепа) выступили по направлению к деревне Дмитриевка, куда они дошли в тот же день, и далее устремились к Ромнам, кои были захвачены шведами и мазепинцами 18 ноября. В это самое время произошло несколько приметных событий, по крайней мере о двух из которых непременно следует упомянуть.

Хронологически первым из них является гибель адъютанта короля Карла XII генерала Линрота — первого из генералов, сложивших головы в «малороссий-

ской авантюре». Он был послан королём с распоряжениями к руководителям двух колонн, Крузу и Крейцу, двигавшимся на деревню Талалаевку и далее к Ромнам. Одну из них порученец благополучно достиг, но по дороге к другой (а расстояние между ними составляло всего лишь одну милю — около 10 километров) напоролся на партизанский отряд и был убит. Три его спутника погибли сразу, а четвертого нашли на следующий день совершенно случайно, застав при последнем издыхании. От него-то шведы и узнали о дерзком нападении казаков. «У Карла XII было шесть генерал-адъютантов, когда он начинал поход на Россию, — пишет Е.В. Тарле. — Из них один — Канифер — был взят в плен казаками тоже при внезапном налете, а пятеро остальных были убиты: Линрот погиб последним из этой группы довереннейших лиц военной свиты короля» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 278).

Вторым примечательным событием был подход шведского отряда, состоявшего из трёх конных и одного пехотного полков под командованием полковников Дукера и Таубе к городку Смелое, лежавшему в 30 километрах от Ромен на пути следования шведской армии. А.Д. Меншиков, узнав о движении шведов к Смелому, пошёл им наперерез и схватился с ними вблизи этого городка. Бой Меншиковым был выигран: с помощью мещан и казаков врага разбили, заставили отступить, гнав его «с голмили». При этом пленили 400 шведов и «обоз весь в предместье взяли» (Фонд «Бумаги Меншикова». Карт. 10. № 89; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 1. № 2865).

Полагая, что шведы не так быстро придут в себя после поражения, Меншиков отбыл в Хоружевку (место постоянной дислокации его полков) и уже оттуда направил в Смелое отряд Рене. Шведы оказались изворотливей. Тотчас по отъезду русских войск они снова подступили к Смелому. Жители их опять не впустили, вступив в переговоры: дескать, им необходимо подготовиться к приему столь важных гостей, да при этом надо бы получить указания от Мазепы, как именно это сделать... Переговорщики принесли с собой мёда и вина, что настроило шведов на миролюбивый лад. А ночью с противоположной стороны в город беспрепятственно вошёл двухтысячный отряд русских войск под командованием генерала Рене, соединившись с которым местные жители и казаки дали шведам на рассвете знатный бой. Противник понёс большие утраты в людях и войсковом снаряжении.

Однако к Смелому приближалась уже основная армия Карла XII. Отнюдь не обольщаясь по поводу своей дальнейшей судьбы, жители Смелого ушли из города вместе с русскими войсками. Шведы же, заняв город и простояв в нём один день, сожгли его дотла. Причём сделано это было именно по настоянию Мазепы. «...А местечко Смелое, — писал Андрей Воронов, командир отряда, также посланного сюда А.Д. Меншиковым, — выпалено все, дворы и гумна, а я став в замке (видимо, каменной, укрепленной на пример цитадели части городка), а в замке халуп с пятью осталось, а в слободах никакой халупы и гумен нет, а фуражу никакого нет» (Фонд «Бумаги Меншикова». Карт. 10. № 111).

Вроде бы «глаз за глаз» (мечь за Батурин), но на самом деле разница огромна. Если взятие и уничтожение первого было продиктовано крайней военной необходимостью, то сожжение второго ничем, кроме как варварством и бессильной злобой не объяснишь.

Ромны были под шведской оккупацией с 18 ноября по 18 декабря 1708 года; ровно месяц. Здесь расположился сам король Карл XII, с ним стал в этом городе и Мазепа. Дабы очистить от них Ромны, была предпринята обманная операция: русские войска начали демонстративно сосредотачиваться у Гадяча — будто бы с целью захватить его. Карл XII клюнул на эту уловку и 16 декабря, в лютейшую стужу, бросился за 60 километров на выручку этой потенциально ценной базы, основательно поморозив при этом свою армию: у драгун штаны примерзали к седлам, раненые на телегах замерзали насмерть и коченеющие лошади везли к этому самому таинственному Гадячу, само название которого вызывало у шведов подсознательный ужас, бесчувственные трупы. «Это было печальное зрелище», — тоскливо признавался в своих записях ещё один историк шведского короля, Нордберг, автор «Histori de Charles XII» («Истории Карла XII»). «В эту ночь скончалось от холода от 3 до 4 тысяч человек», — свидетельствует другой источник (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 290).

По Нордбергу и по другому шведскому бытописателю — Фрикселю, город Гадяч представлял собой ужасающее зрелище. Во всех домах, по их словам, были больные с отмиренными частями тел. Почти каждый из них превратился в лазарет, где хирурги были заняты отпиливанием замерзших частей тела или по крайней мере их оперированием. Отовсюду был слышен вой несчастных, там и сям лежали отрезанные части тел, везде слонялись люди без рук, пальцев, ушей, которым не нашлось места под кровом, а некоторые из них только ползали в немом отчаянии или припадке сумасшествия. Они мерзли, поскольку одежда из наворованного в Саксонии дорогого, но уже порядком истрепанного сукна плохо грела. «Блестяще» завоёванный Гадяч представлял собой действительно печальное зрелище!

А 18 декабря в Ромны спокойно вошли русские войска (одетые в тёплые полушубки), перед самым приходом которых из города чудом ускользнул бывший гетман Мазепа, чуть не угодивший им в плен. И комендантом Ромен был назначен не кто иной, как лишь намерен за взятие Быхова пожалованный полковником знаменитый Пётр Петрович Ласси, у которого, впрочем, в основном всё ещё будет впереди — и возможность отличиться в Полтавской битве, и взять обратно в 1736 г. Азов, который Пётр I будет принуждён отдать туркам в 1711 году после неудачного Прутского похода, и здорово побить шведов во время уже следующей русско-шведской войны, 1741–1743 гг. (под Вильманстрандом), овладеть Фридрихсгамом и Борго, а в августе 1742 г. окружить и принудить к капитуляции 17-тысячный шведский корпус... Всё это, как и фельдмаршальское звание (получил в памятьном для него и России 1736 г.), графский титул (возведён в это достоинство в 1740-м), — всё это ещё «будет». А ближайшей наградой стало за то, что «оние Ромны укрепил боями и палисадами и в прочем во всем управил по инструкции, данной от Его Императорского Величества, за которую службу пожалован в Гренадерский полк».

С назначением полковника Ласси «комендантом с полками и казаками в оные Ромны» горлышко «бутылки», в которую втянулась шведская армия, было отныне плотно закупорено.

По описанию Н.И. Арандаренко, Роменская крепость была размещена на трёх холмах. С востока и юга их обтекала река Сула, с севера — река Ромен⁹⁸.

А.Ф. Шафоронский в своей работе сообщает, что «городское земляное укрепление с сухим рвом... неровной четверугольной формы и при нём к реке Суле маленькая четверугольная цитадель или замок земляной; да внизу к самой той реке, где оканчивается городской ров, против города и замка, привязан ещё особый земляной вал, который пригородок называется... В самом городском валу ворот... трое. В замке одни ворота к реке Суле»⁹⁹.

О размерах города-крепости А.Ф. Шафоронский сообщает: «В длину от реки Сулы до приезда Черниговского — 2 (вероятнее всего, речь идет о верстах; в таком случае расстояние составляет 2133 метра. — Я.И.), в ширину с широкого бока 2 с половиною (2667 метров. — Я.И.), с узкого, от реки Сулы — 600 сажень (1280 метров. — Я.И.)»¹⁰⁰.

В.Г. Ляскоронский* свидетельствует, что цитадель имела «в длину около 130 сажений (277 метров. — Я.И.), в ширину от 20 (42,7 метра. — Я.И.) до 50 (106,7 метра. — Я.И.)»¹⁰¹.

ПИРЯТИН

Пирятинская крепость была поставлена на правом берегу реки Удай — притока Сулы — в 1591 году, на том самом месте, где в минувшие века стоял летописный град Пирятин**, разрушенный в

* Ляскоронский Василий Григорьевич (1860–1928) — археолог, нумизмат. Окончил Киевский университет св. Владимира в 1885 году. Профессор Нежинского историко-филологического института. Автор работ по древнейшей истории Полтавщины. Издатель описания «Украины» Боплана (на русском языке).

** Пирятин впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 1155 годом. Разрушен монголо-татарами в 1239 г. Но уже в 1261 г. о нём вновь упоминается как о крупном населённом пункте в составе объединённой Сарайской и Переяславской епархий. Около 1362 г. город захватила Литва («Великое княжество Литовское»). В 1578 г. Пирятином, как и Полтавой, владел шляхтич Грибунович-Байбуза. В 1592 г. он перешел в собственность черкасского старосты Александра Вишневецкого, отстроившего город и переименовавшего его в честь своего отца Михайловым. Название не прижилось; как не прижилось и название Александра — так переименовал сын Александра Вишневецкого Иеремия древнее Лубно (Лубны). Старинное городище находится в урочище Замок, в самом центре современного Пирятина.

XIII столетии монголо-татарами. Город обозначен на карте де Боплана (1650 год), а в «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 году «по Государевому Указу», где было собрано детальное описание громадной территории Московской державы, Днепровского Левобережья и других земель до северного побережья Черного моря, этот населенный пункт (Пирятин) назван «городом».

Здесь крепость состояла из двух частей — цитадели («замака») и внешней ограды. В систему охранных сооружений входили земляные валы, рвы и палисад. Наиболее укрепленной была цитадель, расположенная на небольшом возвышении. С северной и северо-восточной сторон её обтекал Удай, а с западной находилось обширной площади болото, окаймлявшее русло реки Перевода — притока Удая. Другая часть крепости стояла на равнинной местности. К городу вели четверо ворот.

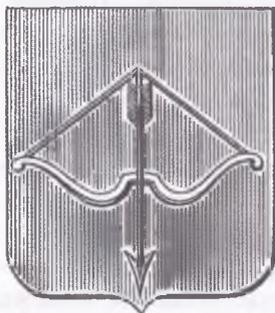
Е. П. Гребинка

О крепостных укреплениях Пирятина рассказывается в историческом романе «Чайковский», принадлежащем перу выдающегося полтавчанина, большого знатока местной старины Евгения Павловича Гребинки*. Автор сообщает, что город стоял под горой, а «...на горе тянулись длинной цепочкой ветряные мельницы и виднелись два небольших земляных укрепления, там днём и ночью стояла казачья стража; в

центре города, возле самого берега речки был замок-крепость, обведенный высоким валом, на валу стояли пушки... в крепости хранилось военное снаряжение и была церковь, где лежали войсковой скарб и казна...» (Гребинка Е. П. Вибране. К., 1964).

* Гребенка (Гребинка) Евгений Павлович (21.01.1812, с. Марьяновка, ныне Пирятинского района Полтавской области — 3.12.1848, Санкт-Петербург) — малороссийский и русский писатель. Родился в дворянской семье. Окончил в 1831 г. Нежинскую гимназию высших наук. В том же году начал печататься. С 1834 г. жил в Петербурге. Тогда же вышел первый сборник его басен — «Малороссийские приказы», переизданный в 1834 г. Некоторые стихи Евгения Павловича на русском языке и малороссийском наречии («Молода ещё я девица была», «Очи чёрные» и другие) стали популярными песнями. Прозу Е. П. Гребинка писал исключительно по-русски; известность получили «Рассказы пирятинца», «Братья», «Нежинский полковник Золотаренко», «Чайковский», «Дальний родственник», «Полтавские вечера», «Кулик», «Приключения синей ассигнации» и некоторые другие.

В произведении лишь в общих чертах упоминается о пушках, которые состояли на вооружении казачьего гарнизона. Этот рассказ можно дополнить фактическими данными — списком артиллерии Пирятина состоянием на сентябрь 1690 года из так называемой «Пирятинской протокольной книги», фрагмент из которой был приведен в журнале «Киевская старина» (Киев, 1899 год).

Исторический герб города Пирятина (1782)

Источник свидетельствует, что в то время в Пирятине было 25 разных пушек. Из всех «армат меских (городских. — Я.И.) — одинадцать». Любопытно, что часть этих пушек, принимая во внимание их тип и мощность, имела собственные, так сказать, имена, вытравированные на стволах. Названы пушки: «под змеёй...», «под волком...», «под стрелою...», «две арматы под орлами...». Были еще три маленьких «арматки» лубенского полковника Леонтия Свички и одиннадцать «гаковниц» — тяжелых ружей, по силе огня приравненных к артиллерии.

Со времен существования крепости в Пирятине сохранился до наших дней собор Рождества — ценный памятник архитектуры, построенный в 1781 году, вероятно, в том же районе, где стояла и упомянутая в произведении Е.П. Гребинки церковь. Собор имеет в плане прямоугольную форму, его здание слегка вытянуто в направлении с востока на запад, имеет один вход и узкие окна в верхней части стен; он увенчан восьмигранным барабаном с маковкой.

В минувшие столетия пирятинцам приходилось не раз от-

План Пирятина 1802 г.

ражать набеги крымчаков, а во время вторжения в границы края армии Карла XII успешно противодействовать многочисленным отрядам врага и отстоять в боях свой город, так и не допустив в него захватчиков*.

ЛОХВИЦА

Крепостные сооружения Лохвицы и недалеко от неё расположенной Сенчи были сооружены в одном и том же 1617 году. Но сам город имеет гораздо более древнюю историю: он входил в состав Переяславского княжества и играл заметную роль как укрепление на Посульской оборонной линии.

Земли вблизи Лохвицы принадлежали в XV столетии князьям Глинским, а в конце XVI века перешли в собственность князей Вишневецких. С 1648 года — сотенное местечко сначала Миргородского (до 1658 года), а затем (1658–1781 годы) — Лубенского полков.

Лохвицкая крепость стояла на небольшом возвышении своеобразного полуострова, образованного впадающими в Сулу её притоками — речками Лохвица и Сулица.

* Шведы не дошли до Пирятина всего трёх миль. В самом конце ноября отряды захватчиков под предводительством полковников Гильема и Гилленштиерна явились было в эти края в расчёте получить провиант и фураж. К городу их близко не подпустили, однако дали всё требуемое и посулили впредь точно выполнять распоряжения «оккупационных властей».

Отягощённые обозом, шведы двинулись в обратный путь. Он был недолгим: несколько тысяч местных жителей и казаков напали на шведский отряд, отбили своё имущество, а несколько сотен скандинавов взяли в плен. Разгром шведов под Пирятином произошел 1 декабря 1708 г.

Карательная экспедиция против строптивых пирятинцев также окончилась вполне бесславно. Пирятинские казаки под командованием своих старшин — Свичок боями заставили шведов навсегда забыть дорогу в эти места. Старшинами Свичками было направлено по этому поводу донесение Петру I, в котором говорилось, что «когда шведы пришли к Пирятину, и они с громадою мужественно против оных стояли и в город не пустили, и многих шведов побили, а иных в полон взяли». Через киевского губернатора князя Д.М. Голицына царь безусловно одобрил действия старшин (Бантыш-Каменский восхищённо называет их, Свичок, «бесстрашными») и призвал и впредь «на прелести неприятельские не склоняться и против неприятеля мужественно стоять» (Источники малороссийской истории. Ч. II. С. 215). За проявленные стойкость и храбрость пирятинцы получили жалованную грамоту царя Петра I (Полтавщина. Энциклопедичний довідник. Київ: Українська енциклопедія, 1992. С. 659).

Карта де Боплана показывает цитадель и размещенный вокруг неё «город», обведенные земляными валами и рвами. Бастионов имелось пять, два из них находились в цитадели.

В труде А.Ф. Шафоронского «Черниговского наместничества топографическое описание» сообщается, что в Лохвице было четверо проездных ворот. С северной стороны города между речками Лохвица* и Сулица был прокопан ров, заполнявшийся водой. Это место так и называлось — Перекопом. В работе Афанасия Филимоновича названы и городские предместья: Спасское, Шеянское, Пе-

* Лохвица была крайним (с юга) населенным пунктом сложного многоугольника, ограниченного с севера Ромнами, с запада Прилуками, а с востока Гадячем, Зеньковом и Лютенькой, в котором квартировала в зиму 1708–1709 гг. шведская армия, пришедшая в полтавский край. Периферия размещения этих «квартир» была крайне опасна для шведских войск, постоянно подвергавшихся нападениям русских войск, казаков И.И. Скоропадского и местных партизанских отрядов. И тем не менее в Лохвице был размещён некоторое время шведский отряд под командованием генерала Юхана Августа Мейерфельда (в недалеком будущем участника Полтавской битвы), и именно тут сохранялась казна И. Мазепы — стало быть, здешняя крепость считалась достаточно надёжной.

Кроме того, в Лохвице содержались заложники, вернее, заложницы — жены той казацкой старшины, что не смогла своевременно, пока ещё была такая возможность, уйти из шведского лагеря (от Мазепы активно уходили не только рядовые казаки, но и представители старшины: уже осенью 1708 г. из стана шведов потянулись первые «возвращенцы»). В ноябре ушли от Мазепы полковник Данила Апостол, генеральный хоружий Иван Сулима, которые каялись в том, что «были завлечены по собственному незнанию...». Царь лично встретил их в Лебедине, принял «чрезвычайно ласково», оставил чины и имущество. Обещал милости. Костомаров пишет, что Апостол передал царю устное сообщение о желании Мазепы вернуться и каяться перед своим бывшим благодетелем и даже в обмен на некие гарантии обещал привести с собой плененного шведского короля. Эти же сведения принёс и перебежавший от Мазепы к Петру I полковник Игнат Галаган.

Жён казацкой старшины содержали под караулом как некую гарантию того, что их мужья не перейдут на сторону русских войск.

Уход Апостола заставил шведов настороженно относиться к окружению гетмана, пристально следя за представителями старшины, вследствие чего, как потом свидетельствовали, в частности, лубенский полковник Зеленский и генеральный есаул Максимович, они не смогли сразу же, по открывшемуся «воровству Мазе-

Исторический герб города Лохвица (1782 г.)

рекоп, Засульское и Никольское (Мыкильське). Как бы дополняя это описание, в исследовании Н.Е. Макаренко «Городища и курганы Полтавской губернии»¹⁰² говорится, что в пяти верстах от Лохвицы вблизи села Скоробогатьки находилось земляное укрепление с подземными ходами. По народным преданиям оно было сооружено местными жителями во время войны со шведами.

Войска Карла XII на короткое время овладели Лохвицей, но удержать город за собой им не удалось. Русские войска и партизанские отряды достаточно быстро вытеснили врага из этих мест.

пы», вернуться к Петру. Тем не менее очень многие менее знатные казаки воспользовались первым же удобным случаем, чтобы уйти из шведского стана.

Царь Пётр, стимулируя такие настроения у перебежчиков, обещает всем прощение и устанавливает новые сроки возвращения. Они возымели действие: как пишет Костомаров, в апреле 1709 г. «к миргородскому полковнику пришли два ротмистра с двумя волоскими хоругвями и Мазепин конюший, а потом от Мазепы ушел какой-то полковник с 80 казаками — человек, в котором Мазепа был так уверен, что сказал: теперь не знаю, кому верить».

На самих лохвичанах не лежит печать измены — она отчетливо проставлена разве что на некоторых представителях местной казацкой старшины, отклонившихся от пути истинного и предавших в первую очередь своих людей, родину и веру. Данный посыл подтверждается, в частности, текстом челобитной к Петру I от самих жителей Лохвицы, проливающей свет на происходившие там события. В ней рассказывается, что во время пребывания шведов в их городе приехал генеральный есаул Мазепы Гамалия вместе с лохвицким сотником Павлом Мартосенком (Гамалеи — казацкий род; Михаил Гамалия был полковником черкасским (1662), при гетмане Якове Сомко; Григорий Михайлович, его сын — полковник лубенский, Андрей Михайлович — лохвицкий сотник (1689–1694). Мазепу поддержал сын его, Михаил Андреевич, генеральный есаул (1707–1709). После Полтавской битвы был арестован вместе с братом Антоном Андреевичем и сослан в Сибирь). Они (Мартосенко и Гамалия) были одними из немногих действительно авторитетных представителей казацкой старшины, оставшихся в окружении предателя.

Гамалия и Мартосенко всячески склоняли лохвицких мещан и казаков послать на поклон к Мазепе в Ромны известных, знатных («значных») людей. Народ отказался. За это жителей было велено «бить смертным боем и повесить». Несколько дней, объятые ужасом, лохвичане прятались в церкви, а затем, оставя все пожитки, бежали вместе со своими женами и детьми «через степи и поля пахотные до войска Его Царского Величества». Гамалия и Мартосенко за такое неповиновение «приказали разорить весь наш скот, пажитков наших; и разорено все до конца», — писали челобитчики (Костомаров Н.И. Мазепа и мазепинцы. 2-е изд. СПб., 1885. С. 609).

Шведы удерживали за собой Лохвицу почти до конца февраля 1709 года. Генерала Мейерфельда сменил здесь в качестве военного начальника, комендан-

та и тюремщика генерал-поручик Карл Густав Крейц — в скором времени тоже участник и Полтавской битвы, и панического отступления к Днепру, и пленения под Переволочной.

...Ещё 20 января 1709 г. Пётр I обратил внимание на оторванность лохвицкого гарнизона от основной армии шведов. И предложил Меншикову направить против него «добрую партию», которая, действуя заодно с местными жителями, разгромит бы осиное гнездо оккупантов и мазепинцев. Узнав о движении на него отрядов Русской армии и малороссийских казаков, Крейц боя принимать не решился. Он организовал быструю «ретираду» в направлении расположения основных сил шведской армии. К тому времени шведы уже оставили Гадяч, Лютедьку и переместились ниже по течению Ворсклы, в район Зенькова и Опошни. Следовательно, Крейцу, отягощённому обозом и пленниками, требовалось для выполнения своей задачи пройти значительное расстояние по враждебной территории (порядка 120 километров), форсировал при этом реки Сулу, Хорол и Псёл. По крайней мере 26 февраля 1709 г. Лохвица наверняка была уже освобождена от шведов, поскольку именно этим числом датировано донесение Б.П. Шереметева Петру I, в котором говорится о боях уже на переправах. «Многие здешние мужики, — писал Борис Петрович, — чинили поиски, от чего оный (т.е. Крейц) принужден был несколько везы и скот потопить, и токмо с малым убрался, и мазепины пожитки взяли на вьюках, а остальной свой обоз пожёт весь» (Письма фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева Петру Великому. Ч. II. М., 1778. С. 15–16).

Добавим к этому, что гнали шведов корсунские и сорочинские казаки со своими атаманами; в числе их отрядов было немало русских солдат и офицеров — в частности, капитан Нарвского полка Калетин и адъютант Шереметева Каптяжин.

Судьба отрядов Крейца в чём-то напоминает историю с корпусом Левенгаупта, только в миниатюре: гонимый взашей отрядами малороссийских казаков и русских воинов, щипаемый со всех сторон партизанами из числа местных жителей, он растерял своих людей и обоз, скот и лошадей, а также часть пленников. Часть мазепинской казны, награбленного в Лохвицкой и Сенчанской сотнях имущества, и «союзников» в лице генерального есаула Гамалии, ещё вчера люто распоряжавше-

Мгарский Спасо-Преображенский монастырь.
Литография 1892 г.

гося под прикрытием шведских штыков, а также зятя Данилы Апостола Горленко, представителя того самого «горленковского дома», помимо которого «шведам в Прилуках приятелей нет», а потому жителей здешних, дескать, следует обобрать и перевешать... — всё это попало в руки преследовавших.

Уточним, что Горленки — это известный казацкий род с Черниговщины. Лазарь Горленко, полковник Прилукского полка, погиб во время казацких бунтов 1687 года (sic!). Внук Лазаря и гетмана Д. Апостола Аким (Яким) Горленко (в пострижении Иоасаф, 1705–1754 гг.) дал качественно иную поросль — он стал выдающимся церковным деятелем и просветителем; окончил Киево-Могилянскую

Святитель
Иоасаф (Горленко)

академию, с 1737 г. состоял игуменом Лубенского Мгарского Преображенского монастыря, затем епископом Белгородским. Автор драмы «Брань честных семи добродетелей с семью грехами земными».

Мазепу поддержал, опять возвратившись в пучину сепаратистских настроений, Дмитрий Горленко, также прилукский полковник — активный сторонник войны с Москвой. Вместе с П. Орликом и А. Войнаровским он был кандидатом на гетмана в изгнании, в 1711–1713 гг. принимал участие в подлых набегах Орлика и татар на Правобережье Малороссии. Резкий конфликт с Орликом вынудил его вернуться в Малороссию. С 1715 по 1730 г. жил в Москве, в 1731 г. получил разрешение вернуться в Малороссию (ещё один хороший пример «мщения» русских мазепинцам).

...Иван Иванович Голиков писал об этом славном деле (связанном с разгромом отрядов Крейца при отступлении из Лохвицы) буквально так: «Приятно также было монарху видеть на полученных перед тем от графа Шереметева донесений, что не только малороссийские казаки, но и самые мужики с ревностью собираются к поиску над неприятелем, и что они же, при помощи легких партий, на шведского генерал-майора Крейца (автор, кажись, несколько понизил шведского военачальника в звании. — *Прим. ред.*) во время походу его, а особливо при переправе его через реку Псёл, нападая, принудили его несколько возов и весь скот свой потопить, остальной обоз сжечь и с малым только оною числом и мазепиным именем уйдти, и что в погоне за ним казаки же многих переранили и, напав на особую шведскую армию, взяли в плен корнета, унтер-офицеров и рядовых 22, а остальных до единого перекололи» (Голиков И.И. Деяния Петра Великого... 2-е изд. М., 1838. Т. IV. С. 59).

Крейц с уцелевшим от разгрома остатком своего отряда вплоть до Полтавской битвы отсиживался в местечке Решетилровке, в 35 километрах к западу от Полтавы. Вполне возможно, что это была своего рода опала — Карлу XII, весьма вероятно, просто надоели эти неудачники.

СЕНЧА

Сенчанская крепость стояла на возвышении правого берега Сулы*. Её цитадель — «особый земляной замок» — и внешняя ограда вокруг города включала земляные валы и рвы. Место нахождения цитадели уточняется в уже упоминавшемся нами труде Н. Е. Макаренко «Городища и курганы Полтавской губернии»: «...Замок... в центре Сенчи в 40 саженях (85,3 метра. — Я.И.) от Сулы; площадь его примерно 10 десятин (10,9 гектара. — Я.И.)... кругообразный... на высоком месте; вход с востока...»

Внешняя защитная ограда крепости имела четверо ворот.

В том же труде Н.Е. Макаренко говорится, что за полторы версты от Сенчи, на небольшом возвышении острова, именованного Самсоновым, окруженном течением полноводной Сулы, её притоками и болотами, стояло ещё одно земляное укрепление круглой формы — так называемый городок, вокруг которого был насыпан земляной вал длиной 53 метра, имевший высоту и ширину 2,13 метра. Вход в «городок» имелся лишь с одной, северной стороны. Укрепление имело значение дополнительного пункта сопротивления жителей города на случай вражеской осады**.

На левом, луговом берегу Сулы находилось предместье Засулье, соединявшееся с крепостью мостом.

* Сенча (под названием Синец) упоминается в XII столетии как одно из поселений Переяславского княжества. Древнейших же городищ в самом современном селе Сенча два.

Сенча отмечена на картах де Боплана. В канун освободительной войны 1648–1654 гг. она пребывала в собственности магната, князя И. Вишневецкого. В конце XVII — начале XVIII вв. в этом местечке проживало свыше 5 тысяч человек (для сравнения: в Полтаве того же времени — на 1 тысячу человек меньше).

** Сенча находится в 14 километрах южнее Лохвицы, ныне являющейся районным центром Полтавской области. Во время шведского нашествия она, Сенча, тоже попала в «зону ответственности» генерала Мейерфельда, стоявшего в Лохвице. От Мазепы в Лохвицу был назначен (похоже, против его воли — людей-то у опального бывшего гетмана объективно не хватало) сотником Яков Еременко. Задача ему была поставлена, в сущности, одна — собрать громадную по объёмам контрибуцию в пользу шведских войск на территории Лубенского полка, состоявшего из двух сотен в Лубнах, по столько же в Пирятине, Сенче и Чернухах; в самой Лохвице стояло порой две сотни, порою три. Атаман Сенчи Кирилл Сергеев (Сергиенко), когда к нему прибыл сотник Яков Еременко с двумя казаками, мигом арестовал их и, не теряя времени, 8 декабря доставил в Лебедин, в

ЧЕРНУХИ

Чернухи основаны в начале XVII столетия* на возвышении левого берега реки Многа в пункте впадения в неё притока Сурмачки. О крепостных укреплениях этого городка сообщают в своих работах Н.Е. Макаренко, А.Ф. Шафоронский, Л.В. Падалка**.

Крепость, по их описаниям, имела с напольной стороны вал длиной 435 метров, ширина его достигала 13 метров. Со стороны реки

походную Посольскую канцелярию к Г.И. Головкину. Кирилл Сергеев пояснил при этом, что «...а провианту им ничего того местечка жители не дали, но все, покинув город и прятав пушки, ушли в леса с женами и детьми и ныне тамо живут. А с деревень их местечка провиант с иных выбрав, а иные разбежались» (Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 62).

Из этого сообщения можно сделать такие важные выводы: во-первых, о долеющем, в массе своей крайне негативном отношении местного населения и не поддавшейся на посулы гетмана-предателя местной казацкой старшины в части лояльного отношения к оккупантам; во-вторых, о расположенности жителей Сенчи и её окрестностей к русским войскам; в-третьих, о недостаточно надёжном контроле шведами даже той крайне ничтожной территории, где они расположились на зимние 1708–1709 гг. квартиры — коль скоро преодоление достаточно большого по меркам того времени расстояния из Сенчи в Лебедин не составило атаману Сергееву и его спутникам особых трудностей.

* Чернухи (укр. Чорнухи), по мнению некоторых исследователей, возникли ещё в конце X — начале XI веков, во времена киевского князя Владимира Святославовича как укреплённое поселение т.н. Посульской линии укреплений — для защиты юго-восточных рубежей Киевской Руси от печенегов и половцев. Известно, что в 1261 г. Чернухи были довольно крупным населённым пунктом, но в конце XIII века их полностью разрушили монголо-татары. В 1647 г. Чернухи упоминаются как владения И. Вишневецкого. Отмечены на карте Г.-Л. де Боплана. В 1665 г. местечко полностью уничтожили татары, однако вскоре вновь было отстроено и заселено.

** Падалка Л.В. Прошлое Полтавской территории и её заселение. Полтава, 1914.

Лев Васильевич Падалка (1859, с.Чернухи, теперь пгт Чернухи Полтавской области — 1922) — историк, статистик. Из семьи священника. После окончания в 1884 г. историко-филологического факультета Киевского университета Св. Владимира работал в Полтавском и Херсонском земствах, Харьковской городской и Полтавской губернских управах. Сотрудничал в Полтавской учёной архивной комиссии. Труды: «Прошлое Полтавской территории и её заселение», «Карта казацких полков на Полтавской территории» (1914), «К вопросу о существовании Запорожской Сечи в первые времена Запорожского казачества» (Киевская старина. 1894. № 5–6) и другие.

вала не было. На этом участке крепость надежно защищали обрывистые склоны высотой до 30 метров. В крепость вели четверо ворот. Церковный двор на территории города был обведен земляным валом. В нём и укрылись жители Чернух во время штурма города шведскими войсками в декабре 1708 года; здесь они и приняли свой последний неравный бой с врагом*.

* О трагедии Чернух поведал в своём дневнике участник похода Карла XII в Малороссию полковник Поссе. Эту историю, по его словам, он слышал от непосредственного участника тех событий подполковника Томаса Функе. Данное свидетельство приводит в своей работе известный исследователь Великой Северной войны, и полтавского её периода в частности, В.Е. Шутой (в кн.: Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К., 1951. С. 134).

Первой на совести этого карателя (иного определения не найти) – Функе – была кровавая расправа, учинённая ним 9 декабря 1708 г. над жителями местечка Терны (ныне Сумской области). Кстати говоря, это отнюдь не авторская вольность: как бы вдогонку этому живописцу Карл XII послал 16 декабря свой универсал, в котором говорилось, что за непослушание шведам и Мазеле приказано не только жителей, но «и их детей (sic!) и пожитки огнем и мечом, как наисторожей карати...» (Adlerfeld G. Histori militaire Charles XII. – Адлерфельд Г. Военная история Карла XII. Т. IV. С. 395).

Адлерфельд, к слову говоря, живописует этот эпизод много прагматичнее, деловитее и, что самое примечательное, с полным одобрением: «10 декабря (шведский календарь отличался от русского «забеганием» на день вперёд. – Прим. ред.) полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в разных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов (Недригайлов). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим» (Адлерфельд Г. Указ. соч. С. 395–396).

Терны, этот по обыкновению укреплённый населённый пункт, пытался взять шведский отряд численностью 500 человек. Жители оказали сопротивление, а затем, отступив, засели в замке и более двух часов отстреливались. В перестрелке и последовавшем за нею штурмом погибло 20 шведов. В отместку Функе и его вошки устроили резню, во время которой погибло свыше тысячи жителей местечка Терны и прилегающей к нему местности; город был сожжён дотла (см.: Адлерфельд Г. Указ. соч. С. 10–15).

К Чернухам Функе со своим отрядом добрался всего лишь двумя днями позже, 11 декабря. Крепость, вероятно, представляла собой достаточно надёжную по виду твердыню, поскольку в ней укрылось очень много народа из окрестностей. Основным рубежом обороны стал именно этот церковный двор, упомянутый в работе Я.Г. Иванюка – «обведенный земляным валом». Дважды благодаря геро-

ическому отпору жителей Чернух натиск шведов был отбит. Даже женщины стояли на валах и сражались с нападавшими. Но третьего штурма защитники крепости не выдержали. Ворвавшись внутрь кольца обороны, шведы устроили жесточайшую резню: «...стали рубить всех, кто им попадался под руку» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 2. М., 1951. С. 1016–1017). 1600 человек, преимущественно обывателей, было изрублено насмерть. «Относительно тех, кто закрылись в церкви (а в ней было полно людей, которые категорически отказались открыть двери), — Функе приказал поджечь церковь, и все, кто там был, сгорели», — пишет Поссе.

В 13 километрах к юго-западу от Чернух находится село Пески-Удайские — крайняя по идее точка, куда шведы могли хотя бы теоретически дотянуться в ходе своего продвижения в этом направлении. Здесь сохранились следы земляных валов, насыпанных во время «войны со шведами в 1708–1709 годах» (Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 936), но послужили ли они делу обороны — неизвестно.

* * *

Жечь города и сёла, уничтожать их жителей, хоть в какой-то мере пытавшихся оказать им сопротивление (обычная, впрочем, практика завоевателей), шведы пытались всегда и везде, но не каждый раз им это удавалось. Календарно несколько ранее трагедии Чернух, но позднее сожжения Смелого стоит оборона Недригайлова (ныне районный центр Сумской области).

30 ноября 1708 г., ближе к вечеру, к его стенам подошел конный отряд полковника Дукера численностью 1500 человек. Получив отказ впустить их в город, шведы предприняли атаку, увы, не принесящую им успеха. Вторичное предложение сдаться жители вновь отвергли. Новый штурм, поддержанный артиллерийским огнем и попыткой прорубить ворота, опять-таки был отбит. Тогда шведы пожгли пригороды, в итоге «церкви, и дворы все пожгли» (ТИРВИО. Т. III. № 43). И отступили, пообещав вернуться.

Жители города дали знать об этих событиях в русский лагерь. Пётр I отреагировал незамедлительно, послав к Недригайлову отряд донских казаков под командованием А. Ушакова. И вовремя: они как раз успели к подходу нового шведского отряда, устремившегося для «наказания» непокорного города, и разбили его, захватив при этом в плен «ротмистра и восемь человек волох, иных погубили и гнали под самый Ромен».

Не менее завзятым, нежели полковник Функе, карателем показал себя и генерал-майор Гамильтон, отправленный в январе 1709 г. во главе четырёх кавалерийских полков в пограничные, между Слободской Украиной и Гетманщиной, области с задачей грабить, мстить за сопротивление и уничтожать не признававших шведского владычества жителей (это явствует в первую очередь из самих дел его, Гамильтона).

Взять Ахтырку — об этом шведам и думать не приходилось, она была сильно укреплена и вооружена. Захватчики кружили вокруг неё, выжигая сёла и местечки, и «доблестно» расправлялись с их жителями. Порой нападавшие встречали достаточно сильное сопротивление (как это было, в частности, под местечком Олешня, лежащим несколько севернее Ахтырки). Её жители, как водится, отка-

зались впустить шведов и оказали сопротивление, когда те попытались взять местечко штурмом. Последние защитники Олешни взосли на деревянную башню, показывая готовность сражаться до последнего. Не в силах одолеть их, шведы по приказу Гамильтона башню подожгли; героические защитники все до единого мученически погибли в пламени.

После этого шведы учинили расправу над оставшимися в живых горожанами: здесь, в Олешне, были казнены 400 мирных жителей, 70 русских драгун и воевода. «...Олешня сопротивлялась до последней возможности, и все жители с женщинами и детьми были перебиты, в плен шведы тут не брали, убили решительно всех, кто попал им в руки» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 297).

Попытка прорыва Карла XII в глубь Слобожанщины была сорвана: городки и сёла сопротивлялись вторжению шведских отрядов (и это не принимая во внимание действий регулярной русской армии и малороссийских казаков, плотно удерживавших основные силы шведской армии в междуречьи Ворсклы и Псла и промышлявших за его отрядами на Слобожанщине*); захватчики не находили здесь достаточного количества продовольствия и фуража, что явилось бы достаточной мотивацией для продолжения операций в районе Ахтырки — Богодухова — Коломака. В итоге противник «уступил назад из Колонтаева (примерно 27 километров к востоку от Опошни), а Коломак (около 50 километров от неё же — это почти что крайняя восточная точка, куда удалось дойти шведам), как и прочие места, а именно Хухра, Лутище, Каплуновку, Красный Кут, Городню, Мурафу по выступлению из оных выжег, а из Коломака и на Мурахву и жителей как мужеска, так и женска полу многих побрал» (ЦГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 9. 1709. Лист. 532—533).

Причём всё это отнюдь не придумка каких-либо недоброжелателей, недобросовестно информировавших царя Петра, и при этом сгущавших краски: всё сказанное точь-в-точь подтверждают шведские источники. Скажем об ожесточённом сопротивлении жителей Краснокутска, где шведы понесли особенно тяжёлые утраты. В отместку Карл XII приказал забрать женщин и детей, оставшихся в городе (уцелевшие воины и казаки, видимо, сумели уйти), и гнать их вслед за армией, после чего город был сожжён дотла. «Самое ужасное, — писал в своём дневнике шведский хорунжий Петре, чьи воспоминания скрупулёзно перенёс в свои хроники камергер и официальный историограф короля Густав Адлерфельд, — самое ужасное было видеть маленьких детей, которые должны были идти со своими матерями по глубокому мокрому снегу, достигавшему коням до живота. И так принуждён был идти бедный народ

Нападение малороссийских партизан на шведов.
Худ. Добронравов

пешком, видя, как горят его хаты и селения. Это привело к такому плачу и крику, что и камень мог бы от этого опечалиться» (Адлерфельд Г. Указ. соч. С. 419–420).

Это тот редкий случай, когда шведские и русские источники ни в чём совершенно не противоречат друг другу: «Неприятель после учинившегося ему под Городней безсчастия, и не превозмогши против того воинским образом учинити нам отплаты, починяя здешним жителям многия разорения, а имянно, места: Красный Кут, Коломах и иные пополя, пошел назад к Олошне, и выше помянутых мест жителей мужеска и женска пола в неволю побрал, невинных младенцев

Партизанский отряд с. Жуки (ближайший пригород Полтавы). Худ. Т. Вышенская

живых в снег и воду побросал и инья многия злы чинил» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. С. 691). «Иныя многия злы» — это, в частности, то, что женщин и детей действительно бросили умирать на морозе в голой степи.

Кстати, шведы не очень-то и скрывали свои намерения: «г.м. Гамильтону (было) поручено отправиться с полком через Ахтырку и Лебедин, сжечь там все и потом воротиться на

прежнюю квартиру в Будыщи» (Гилленкрюк А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. VI. 1844. С. 75). Что это, как не отправка экспедиции с заранее заданными карательными целями? Ведь Гамильтону было поручено не «действовать по обстоятельствам», а применить тактику, впоследствии получившую название «выжженной земли», — «сжечь там всё» и не допускать никаких иных толкований приказа.

Но самое примечательное, что возводимый ныне в ранг национального героя гетман-предатель был здесь же, рядом: «Мазепа ни на шаг не отходил от короля и присутствовал при всем этом особенно зверском, исключительно неистовом опустошении страны», — с полной определенностью заявляет Е.В. Тарле (Указ. соч. С. 297). Его слова подтверждает и Густав Адлерфельд: «...и старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить (*voulut faire ia cour*) королю, рядом с которым он ехал на лошади, произнося ему поздравление с его военными успехами...» (Адлерфельд. Г. Указ. соч. С. 420).

*1 За один только день 29 января отряды русских войск, преследовавшие врагов по пятам, уничтожили 161 шведа. 30 января Меншиков писал Петру I из Красного Кута: «Здесь за помощью Вышнего ко всем благополучно и над неприятелем, сколько возможности нашего есть, партиями надлежащего поиску чинить не оставляем, под которым и ныне всю ночь наши партии были» (ЦГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. 1709. Кн. 9. Л. 527).

МИРГОРОД

Миргород существовал уже в XV–XVI веках¹⁰³. По описанию де Боплана, крепость находилась на левом берегу реки Хорол и состояла, как это обычно бывает, из двух частей: «общей» и цитадели*.

* Решение Стефана Батория сделать Миргород центром реестрового казацкого полка (не ранее 1576 г., года избрания его королём Речи Посполитой), сообщает Миргороду (Мир-городку) известность.

Согласно королевской грамоте 1620 г., город входит в состав Переяславского староства и принадлежит Яну Чернышевскому. Годом позже его захватывает брат черкасского старосты Александра Вишневецкого Константин (дядя и опекун Иеремии Вишневецкого, склонивший племянника вопреки воле уже покойной на тот момент матери Раины Вишневецкой-Могилянки — умерла в 1619 г. — к переходу в католичество). Но в том же 1621 г., 21 августа, король отдаёт Миргород во владение управителю его селитрянными варницами Варфоломею (Бартоломею) Обалковскому.

Богдан Хмельницкий
козак свіденного Царського величества
Земляковий Гетьмань.

За поддержку Миргородским полком восстания нереестровых казаков во главе с Павлюком (1637), а затем крестьянско-казацкого восстания Острянина (1638) полк был ликвидирован. Его восстановила освободительная война под руководством Б. Хмельницкого; казаки Миргородского полка принимали участие во всех главных её битвах. Миргородчане приняли участие и в выступлении Мар- тына Пушкаря и Якова Барабаша против гетмана Ивана Выговского (1657–1658), продемонстрировав тем самым верность русскому царю и своей присяге. Так было и впредь: в 1695 г. миргородские казаки в составе войск Петра I принимали участие в штурме крепости Азова, отличились при взятии крепостей Казикермен и Тамань, где «...полковник Миргородский Данила Апостол... паче прочих показал храбрость» (Летопись Самовидца. Т. I. К., 1848. С. 186). Миргородский полк стал участником Великой Северной войны с самого почти её начала: он был в битве под Эрестфером 30 декабря 1700 г., когда бой, начавшийся удачно для шведов, опрокинувших авангард русских войск, после пяти часов кровопролитной

Гетман
Данила Апостол

Исторический герб
города Миргород (1782 г.)

Первая имела защитное ограждение в форме многоугольника, вытянутого в направлении с северо-востока на юго-запад. В состав её укреплений входили земляные валы с частоколом и рвы. На изломах ограждения располагались 11 бастионов.

Цитадель в форме многоугольника была размещена вблизи береговой полосы, выходя вперёд за линию внешней ограды, прилегавшей к её боковым отрезкам. Цитадель также была обведена земляным валом и рвом; она имела четыре угловых бастиона.

Длина общей защитной ограды составляла почти 3000 метров, цитадели — около 800 метров*.

В годы освободительной войны против Польши город становится центром Миргородского полка. Здесь находилась одна из резиденций Богдана Хмельницкого, где в июле 1650 года состоялись переговоры гетмана с послами государя Алексея Михайловича о воссоединении Украины с Россией¹⁰⁴.

В полтавский период Великой Северной войны в Миргородской крепости находилась штаб-квартира** генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева¹⁰⁵. В мае 1709 года гарнизоном крепости был разбит отряд, спешивший из Польши на усиление армии Карла XII.

схватки окончился бегством генерал-майора Шлиппенбаха (в будущем участника Полтавской битвы, сдавшегося на поле сражения) под защиту стен Дерпта, с потерей всей артиллерии и 16 знамён). Миргородчане ходили и под этот Дерпт — «под город Юрьев Ливонский, который был отнят у шведов (13 июля 1704 года. — *Прим. ред.*), и казаки с победой вернулись домой» (Летопись Самовидца. С. 186).

Миргород избежал каких-либо диверсий со стороны армии Карла XII, поскольку именно здесь находились штаб-квартира крупного соединения русской армии генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева и штаб генерал-майора князя Волконского. Чуть выше Миргорода по течению Псёла, в селе Хомутце «...народное ополчение... атаковало шведский обоз, шедший через Хомутец к Полтаве» (Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 713).

В 1722 г. казаки Миргородского полка во главе со своим полковником Данилой Апостолом приняли участие в походе Петра I на Дербент.

* Обмер остатков укрепленной линии был произведен в 1977 г. при участии автора — Я.Г. Иванюка.

** Помимо Миргорода, войска Б.П. Шереметева стояли в Хороле. Это поселение впервые упоминается в духовной Владимира Мономаха, где записано, что полов-

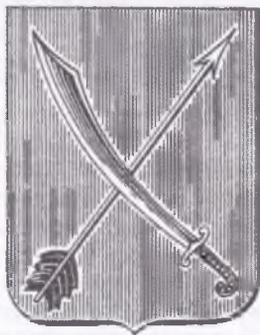
цев гнали за Хорол, имея в виду именно поселение, стоявшее на возвышенностях правого берега одноименной реки, в то время весьма полноводной. Посему здешний город имел оборонное значение, был свидетелем стычек славян с кочевниками, почему и упоминается в летописях под 1107, 1111, 1185 и 1215 годами.

Хорол сильно пострадал от набега монголо-татар. Дальнейшая судьба его типична для городов этого края: в 1362 г. он подпал под власть Великого княжества Литовского, после Люблинской унии 1569 г. перешел в подчинение Речи Посполитой. С памятного 1648 г. стал сотенным местечком Миргородского полка.

Хорольская крепость возникла сравнительно с древней историей города поздно — в начале XVII столетия и состояла из земляного вала, рва, палисадной ограды и деревянных башен, число которых, как предполагают, было 7 или 8. Общая длина ограждения составляла около 800 сажен (1707 метров). Внутри крепости были построены две деревянные церкви, административные здания, школа, госпиталь и частные дома. Располагалась крепость на мысообразном выступе правого, как уже говорилось, берега реки Хорол (что в буквальном переводе обозначает «быстрый»), при впадении в неё ручья Лагодина.

План Миргорода 1748 г.

Исторический герб села Голтва (1782 г.)

Хорол отстоит от Полтавы на 100 километров к западу; далее в 36 километрах по направлению на Киев находятся Лубны, вполне надёжные по отношению к русским войскам и казакам Скоропадского. От Хорола до Миргорода и того ближе — 30 километров. Ещё часть войск Шереметева и казаков Скоропадского располагались юго-восточнее Хорола, в местечке Голтва (Говтва). В заслон по линии Миргород — Хорол — Голтва нередко попадали убежавшие из расположения шведских войск под Полтавой. Так, «4 мая к Шереметеву (стоявшему в Хороле) явился дезертир из королевского лагеря («выехал ротмистр, родом француз»), а на другой день явились ещё четыре дезертира. Они рассказали о двух неудавшихся штурмах, которые были отбиты от Полтавы русской пушечной и ружейной стрельбой...» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 361).

Таким образом, Хорол служил надёжной преградой для беглецов, пытавшихся удраить из армии Карла XII на запад. Соответственно, и с запада подмога шведам пробиться через заслон даже теоретически не могла.

СОРОЧИНЦЫ

Сорочинцы* известны с 20-х годов XII столетия как укреплённое поселение на реке Псёл. Оно также отмечено на карте де Боплана, хотя и под другим именем — в древности Сорочинцы имели название Краснополя¹⁰⁶. В начале XVIII столетия именно здесь пребывало правление Миргородского полка¹⁰⁷.

Н.Е. Макаренко в своем исследовании говорит о том, что Сорочинская крепость стояла на возвышении, имела форму треугольника. Её окружали земляные валы, проходившие по восточной, южной и западной сторонам. Периметр их составлял 1492 метра¹⁰⁸.

Н.И. Арандаренко пишет, что в систему оборонительных сооружений Сорочинской крепости входили бастионы и башни. К сожалению, о количественном составе их не говорится¹⁰⁹.

На территории крепости была «камяница» — дом с крепкими стенами и надёжной дверью; с узкими, похожими на бойницы окнами. Он давал возможность защитникам крепости продолжительное время держать осаду в случае прорыва врага через внешнюю ограду.

В 1709 году комендантом Сорочинской крепости был Григорий Карташов**. В состав гарнизона входили тогда части Киевского, Нарвского, Сибирского и Казанского полков¹¹⁰.

* Сорочинцами поселение называлось до середины XIX столетия; ныне — Великие Сорочинцы. Сначала (с 1648 г.) здесь стояла Сорочинская сотня Миргородского полка; от событий 1708 г. и далее тут располагалось правление Миргородского полка во главе с полковником Данилой Апостолом. С 1781 г. — центр волости Миргородского уезда Полтавской губернии.

** Известен единственный случай попытки шведов овладеть Сорочинцами. 20 января 1709 г. Карл XII направил сюда отряд полковника Галле с задачей неожиданным ударом овладеть крепостью. Шведам удалось захватить внешние ворота, но затем мощным ударом они были отброшены и более подобных самоубийственных экспериментов не предпринимали.

Есть вот ещё какое упоминание о Сорочинцах в контексте Полтавского периода Великой Северной войны (см., в частности: *Історію міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 655*): «В 1709 году, по приказу Петра I, князь Долгорукий с четырьмя полками, которые шли от Сорочинцев по Пселю аж до Савинцев и Обуховки, преградил путь захватчикам, отступавшим на запад после разгрома под Полтавой. В районе Обуховки (находящейся почти на равном расстоянии между Миргородом и Гадячем. — *Прим. ред.*) были стычки между русскими и шведскими войсками». А вот Камышню — крупное село, некогда бывшее даже районным центром, тоже находящееся примерно посередине между Гадячем и Миргородом, но

ГАДЯЧ

На правом гористом берегу реки Псёл при впадении в неё притоки Грунь стояла Гадячская крепость. Начальные документальные свидетельства о ней относятся к первой половине XVII столетия¹¹¹.

О фортификационных сооружениях Гадяча* сообщают такие картографические источники, как карта де Боплана, «План месторасположения населённых пунктов и городов, где были расквартированы главные силы царской армии», план Гадяча XVIII столетия¹¹² и многие другие.

западнее Великой Обуховки, шведам удалось на некоторое время захватить и ограбить, наложив на её жителей большую контрибуцию скотом, хлебом и сеном, однако в марте 1709 г. она была освобождена от поработителей русскими войсками и малороссийскими казаками (Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. С. 151–158; Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 698).

Точно так «некоторое время», как пишет «Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область» (с. 969), были оккупированы шведами и Ярьески (в некоторых источниках — «Ерески») — достаточно крупный населённый пункт, лежащий к югу от Сорочинец и на таком же примерно расстоянии, как и Камышня.

* Некой загадкой является то обстоятельство, что Гадяч — очень и очень древнее укрепленное поселение (о заселенности его свидетельствуют найденные артефакты, датируемые ещё V–III столетиями до н.э., и позднейшие — IX–X вв. н.э.); единственное на Полтавщине место, имеющее право называться «гетманской столицей» (с 1663 г. и на протяжении пяти последующих лет Гадяч был резиденцией малороссийского гетмана и русского боярина Ивана Мартыновича Брюховецкого) и, как следствие, единственным достойно укрепленным городом в этих местах, был взят шведами практически безо всякого сопротивления. А ведь он успешно выдержал трехнедельную осаду в 1658 г. мощнейшей, не менее чем 50-тысячной армии сторонников И. Выговского и пришедших с ними татар. Превентивная мера — смещение с должности и арест в начале ноября мазепинского ставленника и родственника полковника Степана Трощинского — плодов не дала. Должной обороны города организовать так и не получилось.

Шведам удалось захватить Гадяч 19 ноября 1708 г., практически одновременно с Ромнами, и удерживать его вплоть до 13 марта 1709 г. — почти четыре месяца. Здесь они разместили войско, госпитали и склады с военным снаряжением. Причём шведы и мазепинцы отнюдь не были изнурены штурмом и осадой Гадяча, так как в тот же день, 19 ноября, бывший гетман с отрядом шведов и своих компанийцев сунулся было к Веприку (а для этого требовалось как-никак переправиться через речку Псёл и преодолеть 12, если по прямой, а то и все 16 километров дороги), но получил должный отпор и на тот раз бесславно отступил.

Все они свидетельствуют, что крепость имела форму многоугольника и состояла из двух частей: основной и цитадели («замка»), находившейся на юго-восточном ромбовидном выступе горы. Линия общей ограды простиралась почти на 2700 метров, а цитадели — на 850 метров* и включала в себя земляные валы и рвы. «По Боплану», на защитной линии располагалось 12 бастионов, из них в цитадели — 4. Два других плана показывают на общей ограде только 6 бастионов. Это свидетельствует об изменениях, происшедших в фортификации Гадяча на протяжении XVII–XVIII столетий.

Шведам и их «союзникам» не очень-то, видимо, сладко пришлось во время пребывания в Гадяче: столоваться им довелось, грабя местных жителей, что называется, подчистую, ибо, как отмечалось в одном донесении, «...кормят их всех жители гадяцкие хлебом и другим харчем своим, который у них есть. А ис посторонних сел и деревень мужики ничего к ним не подвозят» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 2. С. 1051). Прокормить такую прорву народа «местным» было невозможно, поэтому недостаток восполнялся реквизициями в окрестностях. Вот что, к примеру, предписывал 4 декабря полковник расквартированного в Липовой Долине (село в 28 километрах от Гадяча, ныне Сумской области) отряда местному атаману и войту: «Понеже есть воля наяснейшего короля шведскаго и ясновельможного пана гетмана Мазепы, корм иметь войску из тех мест, где они прибывают того для повелевает селу Липову, чтоб каждый двор дал муки, или жита осьмачку (т.е. 110 килограммов), солоду осьмачку (столько же) или вместо того пива четыре бочонка (пивная бочка вмещала 10 ведер по 12,3 литра) и к каждой осьмачке по 4 фунта (1 килограмм 638 граммов) хмелю: по осьмачке гороху, или круп, какая есть; одного вола, или вместо его десять овец, четыре камня (то есть четыре пуда — 65,5 килограмма) масла (сливочного), полкаменя соли, четыре папуши (связки) табаку, два гарнца (6,54 литра — чуть больше чем полведра) горелки, три воза сена, две осьмачки овса, три воза соломы, четыре воза дров...». И в случае «что если всего сего выполнено не будет, то поступлено будет со всем населением, как с неприятелями, огнем и мечем» (Голиков И.И. Деяния Петра Великого. 2-е изд. Т. IX. С. 130–131).

* Обмер был произведен при участии автора исследования — Я.Г. Иванюка с использованием плана Гадяча XVIII столетия, на котором прослеживается линия крепостных укреплений, что даёт возможность осуществить их привязку к современным районам города.

План Гадяча XVIII ст.

О цитадели напоминает улица, и сейчас носящая историческое наименование Замковой. В XVII столетии здесь стоял гетманский дворец. Цитадель сообщалась с городом посредством моста, переброшенного через глубокий ров.

Исторический герб города Гадяч (1782 г.)

Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев 18 марта 1709 года докладывал в письме Петру I: «Марта 14-го получил я известие от адъютанта своего Мещерского, который держал Гадич во атаке с казаками, что неприятельские люди из Гадяча все вышли 13 числа поутру, и зажгли того города 3 башни, и в то их выступление наша партия поспешила и болши того жечь не допустили... И ныне в Гадиче обретаются казаки, да к тому из гварнизона Раменского (Роменского. — Я.И.) велел быть с афицером салдатом 200 с двумя пушки и того го-

рода осмотреть и слабые места, что возможно тамошними людьми починить...»¹¹³ Интересное описание Гадячской крепости XVIII столетия оставил А.Ф. Шафоронский в своем труде «Черниговского наместничества топографическое описание»: «...Касательно же городского укрепления, то около города изрядный с бастиянами и сухим рвом вал и при нем на самом крутом берегу реки Псла особенный земляной замок, или цитадель. Главная крепость с северной стороны проходит до самой реки Псла, а с южной только до замка. В ней двое главных ворот из которых Киевские от площади дубовые... с острою башнею... Другие ворота вниз к реке... Псёлская брама называются. Сверх того две вылазки перед главною крепостью...»¹¹⁴

Сквозь весь город в северном направлении протекал ручеек, который уже за пределами крепости впадал в Псёл¹¹⁵.

На территории крепости имелись и подземные ходы. Один из входов (выходов) был расположен возле цитадели¹¹⁶.

Таким, по мысли художника местной газеты, был Гадяч в древности

ВЕПРИК

Веприк впервые упоминается в летописях в первой четверти XVII столетия¹¹⁷. В середине того же века местечко становится центром сотни Гадяцкого полка. Месторасположение его — на незначительном природном возвышении в междуречье Псла и речки Веприк.

Характеризуя фортификационные сооружения Веприка периода Великой Северной войны, Н.Л. Юнаков в своем труде «Северная война. Кампания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра» пишет, что «Казацкий город Веприк был сделан образом редута четырёхугольной формы немалой величины, что... с трудностью было обнять... вал был без бастионов, не имея жадной (ни одной) дефенсии (обороны. — Я.Г.)*, так же ров мелкий»¹¹⁸.

Тем не менее, готовясь к обороне**, защитники крепости усилили её защитные сооружения. Была построена двойная ограда, а междурядья заполнены землёй. Периметр защитной ограды равнялся примерно 3000 метров. Земляные валы были подняты в высоту на 6–8 метров, а частокол — на 1,5 метра. Крепость имела одни проезжие ворота на южном отрезке ограждения; в противоположной от них стороне крепости существовал подземный выход***.

* То есть Веприк не имел абсолютно никаких предпосылок к эффективной обороне.

** Первая безуспешная попытка взять Веприк, что называется, с налёта была предпринята, как уже говорилось, Мазепой с его кампанейцами и малым отрядом шведов 19 ноября 1708 г., в день захвата Гадяча. Подобную, и столь же безрезультатную, экспедицию проделал через месяц и три дня после этого, 22 декабря, и сам король Карл XII. Крепость, в которой закрылись 1100 русских солдат и несколько сотен харьковских и местных казаков (сколько их было всего, сказать трудно; но по переписи — полувековой, правда, давности — 1654 г. — в Веприке насчитывалось 1508 жителей, из них 700 были казаками), упрямо не желала сдаваться.

Надо полагать, что одной из причин того, почему вепричане так упорствовали в своём нежелании открыть ворота Мазепе и Карлу XII, была генетическая, бывшая в крови, ненависть к предателям и приводимым ими «союзникам»: в 1658 г. это местечко безжалостно разрушили и сожгли приведенные И. Выговским татары. И объективно жители Веприка были правы: как показало время, солдаты «просвещённого» европейского завоевателя в принципе ни в чём не отличались от диких и необузданных ордынцев крымского хана: Веприк после сдачи (не захвата!) его шведами был снова сожжён дотла, а люди его уведены в гибельный полон.

Впрочем, до 19 декабря, момента окончательной потери шведами Ромнов, Карла XII не особо волновало наличие этого очага сопротивления. Пётр I, напротив, вполне сознавал значение этой крепости и в один из дней (между 30 ноября и 3 декабря) побывал здесь, осмотрел крепостные сооружения и сделал смотр войскам.

Важность этого объекта «задним числом» осознали, правда, и сами шведы: уже упоминавшийся нами Артур Стиле (шведский историк, напомним, конца XIX — начала XX вв.) в своей работе «Карл XII как стратег и тактик в 1708–1709 гг.», изданной в Санкт-Петербурге в 1912 г., особую настойчивость, проявленную королём при взятии Веприка в канун нового, 1709 г., объясняет именно тем, что Карл XII на тот момент ещё не распрощался со своими планами вторжения в Центральную Россию и путь туда, по его мнению, пролегал через Курск (Стиле А. Указ. соч. С. 63–64) и далее на Москву. Эту дорогу «запирали» хорошо укреплённые Лебедин и Белгород, но наипервейшим препятствием на этом пути был именно строптивый Веприк.

...С трудом придя в себя после марша, совершённого в ледяную стужу из Ромен в Гадяч, король Карл XII 22 декабря предпринял движение к Веприку. Круживший вокруг него русский кавалерийский отряд генерала Ренне, базировавшийся в этой крепости, отошёл в направлении местечка Каменное (ныне Сумской области) на реке Псёл и занял здесь оборону с целью не допустить дальнейшего передвижения противника к Лебедину. Шведы попытались обойти русские позиции слева, но меткий артиллерийский огонь принудил их отказаться от своего намерения. Затем в дело вступил «генерал Зима», который, как видно, уже тогда состоял в штатах русской армии: вновь ударили жестокие морозы, заставившие шведов обратиться с открытой местности восвояси.

Жуткие морозы стояли шесть дней кряду — с 22 по 28 декабря. Чуть они улеглись, как Карл XII с основными силами ушёл к Зенькову (под стенами которого он появился уже на следующий день, 29 декабря); крепость же Веприк, оставшаяся в его тылу, он приказал блокировать ещё до этих холодов, 22 декабря, выставив против неё один пехотный, три кавалерийских полка и особый заслон со стороны Лебедина; вверив все эти силы распорядительности графа К.О. Шперлинга.

Проходя мимо твердыни, 28 декабря шведский король придал Шперлингу ещё один полк и три полковые пушки. Причиной королевской щедрости стало то, что накануне, в ночь с 27 на 28 декабря, русский казацкий отряд, подойдя к Веприку, безнаказанно проехал между шведскими патрулями и взял в плен четырёх караульных шведов. А «стычки в районе городка продолжались ежедневно, вплоть до 4/5 января» (Беспалов А. Сподвижники Карла XII. М.: Рейтарь, 2003. С. 95).

Гарнизон Веприка на момент осады состоял, как мы уже говорили, из 1100 русских солдат: двух батальонов Переяславского пехотного полка под командованием полковника Фермора, одного батальона Ивангородского пехотного полка подполковника Юрлова, сотни драгун и четырехсот казаков Харьковского полка; гарнизон поддерживали местные жители — казаки, мещане и крестьяне из окрестных сёл. Начальником гарнизона был назначен старший командующий офицер — Вилли Юрьевич Фермор, по национальности шотландец.

Подчинённый графа Шперлинга генерал-майор Штакельберг направил коменданту письмо, в котором потребовал сдать город, но получил твёрдый отказ.

* * *

Крепость Веприк была, по совести говоря, «никакая», в этом Н.Л. Юнаков был прав. Но «генерал Зима», похоже, служил в ту пору в русской армии не только сильным полевым командиром, но и отменным фортификатором: жители и гарнизон местечка нарастили валы хворостом, засыпали эту «арматуру» землёй, полили водой, а уж стужа довершила сделанное: толстая корка льда столь надёжно защитила валы, что шведские ядра отскакивали от них, как мячики, поражая рикошетом своих же солдат.

А под Зеньковым у Карла XII опять-таки не заладилось. Он сам рванул туда, получив известие, что жители этого города тоже отказались впустить полки, назначенные им для занятия здесь зимних квартир. Но прибытие «самого короля» ничего не изменило: по свидетельству барона фон Зильтмана, прусского военного атташе, жители Зенькова по-прежнему стояли на валах и палисадах с заряженными ружьями и развёрнутыми флагами и отвергли все требования сдать. По приказу короля предместья Зенькова были преданы огню, однако крепость по-прежнему стояла непобеждённой, и Карлу XII, бедняжке, пришлось провести морозную ночь с 29 на 30 декабря на бивуаке (Фонд «Бумаги Меншикова». Кар. 10. № 296).

Оборона Зенькова от шведов. Зима 1708 г.
Зеньковский районный народный
исторический музей

Утром 30 декабря к осаждённым отправился племянник главного предателя малороссийского народа Андрей Войнаровский. Уж чем он только ни страшал жителей Зенькова, уговаривая сдать, однако все усилия ренегата оказались напрасными, он тоже получил твёрдый отказ. Сила преобладала у шведов: бросившись на город с двух сторон, а именно от ворот (вероятно, Гадяцких или Лебединских) и со стороны вала (надо полагать, с напольной стороны), они одолели в конце концов защитников крепости. Заплатив за это немалой кровью, поскольку вооружённое сопротивление захватчикам продолжалось вплоть до трёх часов пополудни. «Вследствие кровопролитных боев врагу удалось захватить г. Зеньков. Он был сожжен, а над его жителями интервенты и мазепинцы учинили жестокую расправу» (Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К., 1951. С. 137–138; Історія Української РСР. Т. I. С. 326; Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 318).

Впрочем, как ни привлекательна эта версия героической обороны Зенькова, есть и другая, несколько отличная трактовка тех событий. До определенного мо-

мента описания «стояния шведов под Зеньковым» не имеют разночтений. «Большое количество крестьян объявили, что не впустят шведов, — пишет Адлерфельд. — Пришлось направить туда несколько полков (!), начали сжигать первые дома, тем самым уничтожая желанный свой приют, на который рассчитывали (шведы ушли к Зенькову из Гадяча в силу того, что в Гадяче им всем места просто не хватало. — *Прим. ред.*). Вечером 30 декабря (т.е. 29-го по русскому календарю) прибыл король. Он нашёл ворота запертыми, а жителей местечка и большое количество крестьян на укреплении». Они казались «очень взволнованными». Поскольку местные жители продолжали упорствовать в открытии ворот перед захватчиками, 31(30) декабря Карл XII «начал вести с крестьянами и обывателями, стоявшими за рвом, дипломатические переговоры, и шведская армия заняла Зеньков» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 283–284).

Так печально закончился для жителей Зенькова этот трудный (високосный!) 1708 год — один из самых худших в его истории.

* * *

Пересидев морозы и встретив новый, губительный для его армии 1709 год в полусожжённом Зенькове, Карл XII опять вернулся к Веприку. К его приезду здесь уже были устроены четыре артиллерийские батареи по пять орудий в каждой (а король привёз с собой и ещё пушек, захваченных им в Зенькове); заготовлены штурмовые лестницы, топоры, крюки, верёвки и прочее, необходимое для штурма.

Последовало новое, на сей раз «королевское» предложение сдаться, и получен новый отказ сложить оружие перед захватчиком и его прихвостнем. Делать нечего — Веприк оставалось только брать силой. То есть штурмовать.

И первый такой штурм был предпринят в 7 часов утра 6 января 1709 г., в четверг. По сигналу ракеты город был стремительно атакован сразу с трёх сторон, так как штурмующие были построены в три колонны по 600 человек в каждой. Начали «дело» драгуны полковника Альбедила совместно с пехотинцами Скарборгского и Кальмарского полков, направив острие своей атаки на городские ворота. Они подались было, но с валов крепости уже открыли интенсивный ружейный огонь; учитывая то обстоятельство, что ворота находились чуть ли не в середине крепости, а к ним шёл достаточно узкий проход, можно легко представить себе весь тот ужас, который испытали шведы, когда на них обрушились пули, навоз и камни и полилась лавина самодельного «напалма» — крутого варева из каши, достаточно долго не застывавшего на морозе и причинявшего серьёзные ожоги, а также кипящей смолы. Полковник Альбедил отступил, оставив под стенами Веприка, в этом своеобразном «гузыре»-ловушке, значительное количество своих солдат и, пожалуй, первую именитую жертву — капитана графа Эдуарда Гилленшторма.

Наступление со стороны вала вела колонна полковника Фритцки, состоящая из частей Уппландского, Далекарлийского и Эстгётландского пехотных полков, вооружённая лестницами для штурма. Они не понадобились, ибо огонь защитников здесь был столь интенсивным, что лишь два солдата добежали до вала. Полковник Фритцки, подполковник Адольф Мернер, а затем, при попытке возобновить атаку, и сам первый главнокомандующий силами осады крепости и веду-

ций фланговой колонны полковник граф Шперлинг, принявший на себя командование подразделением Фритцки после гибели его непосредственного командира, — все они полегли под меткими пулями, выпущенными осаждёнными. Всего лишь спустя минуты после гибели полковника К.О. Шперлинга от меткой пули рухнул за смертью его брат, граф Я. Шперлинг. А завершила первый штурм ещё одна именитая жертва — погиб подполковник Лилиенгрин, возглавлявший вторую роту Скараборгского полка.

Однако штурмовые лестницы всё же были, невзирая на потери, шведами подтянуты и приставлены к стенам. Какому-то количеству шведских солдат и офицеров даже удалось по ним подняться и более того — достичь вершины вала. Но и на них обрушился шквал камней, кипятка и разваренной обжигающей каши, деревянных колод (поленьев); не погибшие от этих простейших орудий «счастливчики» были изрублены саблями и тоже сброшены вниз. Довершила дело... шведская артиллерия: ядра, как уже говорилось, отскакивая от вала, обрушивались вниз и калечили своих же. По свидетельству А. Ушакова, предводительствовавшего отрядом донских казаков и полонившего шведа (откуда и сведения), 6 января 1709 г. «под Веприком пропало шведов тысячи две с лишком», как он доносил Петру I 17 января (ТИРВИО. Т. III. № 78). А.Д. Меншиков ещё раньше, 8 января, докладывал царю: «...сказывают, что король шведской Веприк третьего дня штурмовал и трижды отбит... и много верховых и нижних офицеров побиты... однако ж в то число взять город не могли, но шведы получа оккурс паки штурмовать вчерашнего дня хотели» (Письмо Г.И. Головкина гетману И.И. Скоропадскому // Материалы Военно-учётного архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. С. 635).

Но на самом деле Карл XII воевать уже не хотел. Шутка сказать, под Веприком уже распрощались с жизнью 4 полковника, 2 подполковника, 3 майора, 7 капитанов, 9 поручиков и прапорщиков, 1385 солдат; раненых, помимо этого, насчитывалось ещё 20–30 офицеров и генерал-майор Штакельберг, около 1000 сол-

Героическая оборона Веприка 6 января 1709 г. Худ. Г. Лисснер

дат; контузии получили фельдмаршал Реншэльд и принц Вюртембергский (по данным английского посла в Москве Витворта, приведённых в его донесении правительству от 2 февраля). При этом защитники Веприка потеряли убитыми 3 капитанов, 2 поручиков, 2 прапорщиков и 167 солдат; ещё 150 солдат были ранены. (Шведы называют несколько иные цифры русских потерь — 175 убитыми, в том числе 8 офицеров, и 150 ранеными, что в общем-то несущественно; свои же потери (по Адлерфельду) они приводят в количестве 400 человек убитыми и 700 ранеными. Столь «круглые» цифры невольно наводят на мысль об их приблизительности или «согласованности» для донесения в Швецию; но контузию Реншэльда (повлекшую за собой сильнейшие головные боли, от которых фельдмаршал страдал до конца своих дней — Веприк, достойной наследницей и преемницей которого стала непобедимая Полтава, действительно сделался его головной болью, и в прямом, и в переносном смысле этого слова, отныне и навсегда), а также ранение генерала Стакельберга и то ли лёгкое ранение, то ли просто простреленную одежду принца М. Вюртембергского они признают.

Вот почему Артур Стилле, шведский историк, справедливо итожит: «Потери во время штурма Веприка можно сравнить с потерями в большой битве. Особенно печальным для шведов было то, что они потеряли при этом цвет своего офицерства» (Стилле А. Указ. соч. С. 65).

Поэтому королём были предприняты меры дипломатического, так сказать, характера: сначала он отправил к Фермору офицера, который от имени фельдмаршала Реншэльда предложил временно прекратить военные действия, дать позволение убрать трупы убитых и подобрать раненых; а затем высказал и предложение сдаться на «акорд».

Здесь начинаются разночтения. В «Журнале, или Подённой записке Петра Великого» (с. 65) недвусмысленно сказано, что защитники Веприка «сдались на дискрецию, когда у них пороха не стало», и это мнение является самым основательным. Тем не менее ряд историков, основываясь на шведских источниках (весьма часто, впрочем, лживых), обвиняют Фермора в предательстве. А Гилленкрот в своих мемуарах «Современное сказание о походе Карла XII в Россию» (1711) пишет, что, когда 6 января вечером Фермору предложили сдаться, он будто бы ответил так: «Если бы его величество сделал это предложение с самого начала, он сейчас же и со всем желанием согласился бы быть его пленником» (с. 71). Нордберг,* которого ещё меньше можно заподозрить в объективности, в своей «Истории Карла XII» (т. 2, с. 262) утверждает, что через два часа после получения предложения сдаться (после глубоких раздумий, так сказать) Фермор отправил будто бы к Карлу XII своего офицера с сообщением, что комендант готов «сдаться на милость победителя» с условием, что будут сохранены обоз гарнизона и его, Фермора, личное имущество. Это предложение король принял, и Фермор сразу же открыл шведам ворота. Ему якобы был устроен Карлом XII хороший приём и возвращена шпага.

Истину установить до конца трудно. С одной стороны — мало ли кем, кому и по какому сиюминутному капризу возвращались шпаги (возможно, написанное Нордбергом было сознательной провокацией); обоз же гарнизона, как доподлинно известно, шведами был вопреки якобы данному слову разграблен, а сама

крепость сожжена (по этому поводу последовал особый королевский приказ майору Вильдемайеру — «обратить его (Веприк) в пепел» (Нордберг. Указ. соч. С. 262). С другой стороны, тот же Нордберг учитывает Фермора в числе пленных, достаточно подробно перечисляя их: «...комендант, 2 полковника, 2 майора, 30 других офицеров, 1900 солдат, 100 драгун и 400 крестьян; 4 пушки и всё вооружение гарнизона». Нордберг здорово «загибает»: перепроверяя эти данные через данные английского посла Витворта, пользовавшегося русскими сведениями, но имевшего и свои источники для их получения, мы видим, что количество пленных солдат увеличено Нордбергом более чем вдвое (у Витворта их — 896), а двум полковникам (помимо коменданта, названного особо) просто неоткуда было взяться: был один лишь подполковник — Юрлов, но такого чина у Нордберга среди пленных не упомянуто вовсе.

В Веприке до сих пор существует предание, что часть гарнизона (в основном казаков) во главе с неким Масюком (позже ставшим писаться «Масюковым») ушла из крепости накануне сдачи её шведам — возможно, через подземный ход. Этот отряд действовал отчаянно и решительно в тылу шведской армии, за что предводитель его пожалован был от царя Петра офицерским чином и дворянством. Получил он также, говорят, и земельное пожалование — село Бобрин. Но «в годы освобождения крестьян», как пишет о том В.П. Семенов, Бобрин с его 3500 жителей принадлежал не Масюкову, а «братьям, князьям Серг. и Ник. Ал. Щербатовым» (Семенов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. С. 458).

А вот Веприн, по данным из того же источника, действительно в ту же «эпоху освобождения крестьян принадлежал Павлу Сем. Масюкову, владевшему здесь 15 тыс. дес. земли» (Семенов В.П. Указ. соч. С. 425).

В короткой исторической справке о Веприке, помещённой здесь, говорится буквально следующее: «К востоку от Гадяча, в 12 верстах по торговому тракту, при речке Веприн лежит людное вол. (остное) местечко Веприн, основанное в 1658 году и до 1782 года принадлежавшее Гадяцкому полку. В 1709 году, во время шведской войны, 1500 человек русского гарнизона были здесь осаждены королем Карлом, желавшим этим отомстить Петру за прогулку под Гадяч, во время которой погибло столько людей от мороза, а также за потерю Ромен. Русские отбили три приступа и сдались только после того, как не стало у них пороха; при этом шведы потеряли убитыми под Веприком 46 офицеров и более тысячи рядовых...»

В Бобринке и сейчас сохраняется дворец Масюковых, в котором теперь располагается местная школа. Следует не забывать, что кроме всех вышеупомянутых

Дворец Масюковых (ныне школа) в селе Бобрин.

ЗЕНЬКОВ

Впервые он упоминается в документах 1576 и 1604 годов. Город был основан на возвышении правого берега речки Груня Ташанская, или просто Ташань — притока Псёла.

Цитадель здешней крепости вплотную прилегала к береговой полосе, а с napольных трёх сторон была обезопасена земляным валом и рвом. Длина защитной ограды равнялась примерно 1200 метров. Карта де Боплана показывает в этой крепости четыре угловых бастиона.

Другая, менее укрепленная часть крепости была значительно больше цитадели. Её окружал частокол.

В работе А.Ф. Шафоронского сообщается, что в Зенькове было трое ворот: Гадячские, или Черниговские, с северо-за-

Исторический герб
города Зеньков (1782 г.)

шведских полков в боях за Веприк принимали участие и сердючие полки Мазепы. Быть проводником шведам в окрестностях крепости добровольно вызвался некий мазепинец — казак Гадячского полка, который после занятия шведами Веприка «многих малороссийского народу людей, которые служили Царскому Величеству верно, мучил и их пожитки отдавал шведам» (Материалы Военно-учётного архива Главного штаба. СПб., Т. I. 1871. С. 740).

К расправе над пленными Мазепа тоже приложил свою грязную руку: 400 человек крестьян и мещан Веприка (если верить Нортбергу) были отданы бывшему гетману как его подданные. Он приказал бросить их в Зеньковские подземелья, где большинство из них погибли от холода и голода.

*** Приведенные данные о размерах защитных сооружений Веприка нам сообщил заведующий Веприкским народным историко-краеведческим музеем А.И. Кривко. В этом музее экспонируется макет крепости Веприка, изготовленный учителем местной школы Г.С. Гурским, который произвел обследования и обмеры остатков укреплений. Их осмотр и обмер выполнен также и нами в 1978 г. (примечание Я.Г. Иванюка).

Осмотр остатков крепостных валов и памятника героическим защитникам Веприка в 1708–1709 гг. был произведён и редактором настоящей книги. Следы валов в основном сохранились; памятник же «стараниями» местной помаранчевой власти пребывает в удручающе-запущенном состоянии. Он буквально рассыпается на глазах, ель возле него варварски срублена на половине высоты, дорожка к мемориалу разрушена...

падной стороны, Лебединские, или Сумские, — с северной, и Полтавские, называвшиеся в то же время и Харьковскими, и Опошнянскими, — вероятно, с южной: именно отсюда начинался путь на Опошню, Полтаву и Харьков.

Предместья, лежавшие на левом берегу Груни Ташанской, имели названия Лысовка, Цыбулилка и Довгалёвка; правобережное предместье именовалось Подолом.

Главная улица носила наименование Гадячской, она проходила по цитадели и оканчивалась на Подоле.

ОПОШНЯ

Опошня — весьма давнее поселение здешнего края; основана она была на речке Тарапунька — притоке Ворсклы и будто бы ещё в XII столетии.

В XV столетии она упоминается среди владений татарского мурзы Лексады Манксурксановича (Глинского), кому принадлежала и Полтава. В «Книге Большому Чертежу» о ней говорится как о весьма старом укреплении.

Возрожденная через некоторое время после монголо-татарского нашествия, Опошня («местечко Опушнинское») уже в XVII столетии стала значительным населённым пунктом. Здесь на постоянной основе располагался казачий отряд, защищавший город от набегов Крымской орды.

Н.И. Арандаренко в своих «Записках о Полтавской губернии» говорит, что Опошня была укреплена земляными валами в виде редута. План «Месторасположения населенных пунктов и городов, где были расквартированы главные силы царской армии» показывает четыре угловых бастиона Опошнянской крепости.

Современное обследование района нынешней Опошни, где находились бывшие укрепления, дало нам возможность найти то место, где располагалась цитадель. Периметр её сторон составлял примерно 1600 метров.

Защитная линия другой части крепости в настоящее время уже совершенно не прослеживается. Но, принимая во внимание значительную по размеру территорию древнего города, в несколько раз превосходившую цитадель, можно представить и длину ограждения — она составляла никак не меньше 3,5–4 тысяч метров.

Один из первых историков Петровской эпохи И.И. Голиков* в своем труде «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (мы использовали в своей работе издание, осуществлённое в Москве в 1838 году) сообщает, что весной 1709 года вблизи Опошни на берегу Ворсклы стоял шведский ретраншемент (укрепление. — *Я.И.*) с артиллерией. Здесь же некоторое время располагалась и ставка Карла XII**.

* Голиков Иван Иванович (1735 — 12.03.1801) — русский историк. Курский купец, он являлся депутатом елизаветинской Уложенной комиссии. Был привлекаем к ответственности за злоупотребления по винному откупу, но затем помилован по случаю открытия памятника Петру I в Петербурге в 1782 году. Взял на себя обет создать исторический труд об эпохе Петра I; и действительно, собрав ценные исторические материалы, написал обширное сочинение «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам», вышедшее в 1788–1789 гг., с «Дополнениями» (1790–1797). Главную ценность в нём, как считают историки, составляют многочисленные документы, в т.ч. более 2 тысяч писем Петра I.

** Ставка Карла XII располагалась в Опошне с 18 января (со времени возвращения из первого неудачного марш-броска на Слобожанщину) и вплоть до 3 марта 1709 г., когда военные обстоятельства заставили его перевести свой штаб ещё южнее, в Великие Будыща.

Это время (полтора месяца) было потрачено на бесплодное ожидание королём «...помощи из Польши, то есть армии Крассова и Станислава (Лещинского), чтобы потом, завязав отношения с запорожцами, а сколько возможно и с крымскими татарами и даже турками... продолжать прерванное наступление на Россию» (УАН. Записки историко-филологического отдела. Кн. XXVI. К., 1931. С. 220).

Надежды завоевателя были напрасными, ибо армии Крассова путь в Малороссию был надёжно преграждён; кроме того, шведского марионетку Станислава Лещинского, по выражению современника, «половина Польши не признавала, а половина отказывалась выполнять любые его приказы», следовательно, никакой боеспособной армии он собрать попросту не мог.

Турецкое правительство блюло, естественно, в первую очередь свои собственные интересы. Оно поначалу было сильно встревожено непонятной вознёй русских зимой и в начале весны 1709 г. в верховьях Дона; когда же по первой воде царь Пётр спустился вниз, к Азову, во главе большой флотилии (241 судно, в том числе 29 крупных военных кораблей) и при дворе султана узнали об этом, его (султана) намерения начать войну с Россией «растаяли, словно дымка морская» (Булгаков В.И., Булгаков А.В. Полководцы. XVIII в. М.: Патриот, 1992. С. 79). А крымские татары без «отмашки» из Стамбула сами предпринимать что-либо просто не решились бы («отмашка» всё же была, о чём речь пойдёт дальше, но она оказалась своего рода «фальшстартом»).

Король Карл, пребывая в ожидании, отнюдь не сидел сложа руки. Он организовал и осуществил по крайней мере три разбойничьих набега на Слобожанщи-

ну, два последних из которых начинались из Опошни. «В ночь на 27 января 1709 года, — сообщает источник, — шведская армия начала поход на Слободскую Украину. Захватив Опошню и ограбив её, Карл XII 29 января двинулся в Котельву. Казаки и крестьяне героически защищали местечко от шведских захватчиков. Но силы были неравны. Ворвавшись в Котельву, шведы почти полностью её разрушили» (Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 448).

Тем временем русские войска и местные жители, ушедшие в леса и соединившиеся с отрядами казаков, продолжали всё чувствительнее щемить шведов. В местечке Куземине (ныне село в Сумской области), в каких-нибудь 25 километрах от Опошни, в начале февраля расположился отряд генерал-майора Круза. Его драгуны внезапно стали пропадать «партиями»: «Враг (имеются в виду партизаны. — *Прим. ред.*) стал настолько навязчив, что, когда шведские кавалеристы отправлялись целыми группами на водопой, их уничтожали» (Фриксель А. Жизнеописание Карла XII. Ч. II. С. 148).

В качестве превентивной меры защиты Круз приказал на водопой ездить, соединив вместе 2–3 отряда, непременно под началом офицеров. А уходя из Куземина, приказал сжечь его дотла вместе со всеми близлежащими сёлами.

В начале февраля Карл XII осуществил еще один бросок на Слобжанщину, к Краснокутску, на сей раз лично возглавив войска. Целью его было разгромить отряды русских войск под общим командованием генерала Ренне, концентрировавшиеся восточнее Ахтырки. Сражение произошло 9 февраля. Шведы были разбиты, поле битвы осталось за русскими, а самому королю пришлось прятаться до наступления ночи на какой-то заброшенной старой мельнице. Спасли наступившая темнота и подход свежих сил. С королём был и Мазепа, вторично после Ромнов лишь по случайности избежавший плена. По свидетельству одного из участников этой битвы, шведского лейтенанта Вейе, опубликованному в известных «Записках Крекшина» именно после этого поражения Мазепа сказал свою сакраментальную фразу: «Не думал я, чтобы шведы убежали от русских...» (см.: Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 92. С. 65).

Карл XII, получив подмогу, отступил в сторону от Краснокутска, но Ренне не желал так просто отпустить своего соперника и грамотно организовал преследование. Одна из русских «партий» численностью до тысячи человек настигла шведский драгунский полк, следовавший «с великим числом награвленного скота и провианта и прочего». 260 убитых шведов навсегда остались лежать в замерзшей степи. Награвленное, понятно, отбили.

Помимо этого, 11 февраля сам король принуждён был бросить отягощавший его теперь обоз, «чем уповал не малое время питать свои войска», а именно: «...до 500 фур имел провианта, до 2000 скота рогатого и до 1000 лошадей и пожитков число многое» (Материалы Военно-учётного архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. С. 570).

13 февраля король окончательно отказался от продолжения своего «рейда» и стремительно повернул к Опошне. Ночь с 17 на 18 февраля, как достоверно известно, он переночевал в Рублёвке (ныне Великая Рублёвка, в 15 километрах от Опошни), которую затем приказал сжечь (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 301, 314).

К его возвращению были получены новые пренеприятнейшие известия: ещё 15 февраля русскими войсками была захвачена Рашевка — местечко (ныне село в Гадячском районе, в 22 километрах от районного центра). Дело было так. Сюда направлялся шведский отряд, лишь накануне, 13 февраля, окончательно оставивший Гадяч. Столь медленное его передвижение объясняется довольно просто: отряд вёз значительное количество разного награбленного имущества, до времени оставленного в бывшей Ставке. Помимо этого, он вёл большое число скота и кавалерийских лошадей. Прикрытие интендантского, скажем так, отряда осуществлял кавалерийский отряд капитана Дидрона.

Комендант Рашевки полковник Генрих Альбедил, чудом уцелевший при штурме Веприка, предупреждённый о приближении отряда Дидрона, выступил ему навстречу — и напоролся на русский отряд генерал-майора Бема. Завязался жаркий бой. Шведы стали отступать. На их плечах русские воины ворвались в Рашевку. А здесь, помимо везомого и ведомого Дидроном имущества, находились, как оказалось, личные конюшни фельдмаршала Реншёльда, вещи его и всего прочего шведского генералитета: громадное количество амуниции и «багаж едва ли не всей (шведской) армии», как пишет в своих «Записках» Крекшин (с. 67). В плен угодило 162 шведа, в том числе упомянутый полковник Альбедил (что абсолютно точно и подтверждено другими источниками), и около 1000 их, по словам автора цитируемых «Записок», погибло.

...В бессильной злобе (а как это назвать иначе?) Карл XII приказал Рашевку сечь дотла, что 9 марта 1709 г. и было в точности исполнено.

Подобной участи удостоилась, кстати говоря, и сама Опошня. Оставляя эту свою «штаб-квартиру», шведы выжгли её дотла, предварительно устроив показательную экзекуцию. «Экзекуция состояла в том, что сын должен был расправиться с отцом, потом другой крестьянин с сыном и т. д. Последний из крестьян был «милостиво пощажен». Пощада эта состояла в том, что над последним некому было измываться и его сразу повесили» (Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К., 1951. С. 160).

Но наивно думать, что шведы оставили после этого сожжённую и экзекутированную Опошню в покое. Напротив: после перемещения Ставки короля Карла XII в Великие Будыща ей была предуготована роль крепости, прикрывающей новую королевскую Ставку с севера. Для начала она была превращена в концентрационный трудовой лагерь — сюда согнали население со всех окрестных деревень; эти люди должны были поднимать валы и строить другие задуманные шведами «объекты». Охраняли невольников значительные армейские силы.

Поэтому Опошня была превращена в своего рода «разменную монету», призванную облегчить участь осажденного гарнизона Полтавы, героически сражавшегося с оккупантами. С целью отвлечь армию шведов от осады на Опошню осуществлялись «диверсии». Самой показательной явилась та, что была проделана в начале мая. «7 мая Меншиков после боя, продолжавшегося с перерывом несколько часов, перешел через Ворсклу у Опошни. Напал на шведов, отряд которых был тут равен от 600 до 700 человек, часть шведов перебил, часть взял в плен (около 170 рядовых и 8 офицеров). Но ушедшие с поля боя шведы укрепились в “замке”, бывшем у Опошни, и к ним подошла помощь — около 7 тыс. кавалерийских солдат» (С. 161).

ВЕЛИКИЕ БУДЫЩА*

Ниже от Опошни по течению Ворсклы расположено село Великие Будыща, возникшее во второй половине XIV столетия как одно из укреплений на границах тогдашнего Великого княжества Литовского. Первоначально оно представляло собой совокупность хуторов и «кутков» («углов»), названия которых не исчезли до настоящего времени: Выгин, Вовчий Яр, Зубенщина, Каутов Яр, Хоменков Яр, Николаевский Яр, Покривщина, Говтва (Свято-Борисово).

Название села происходит от слова «буда» — крытое сооружение, в котором добывали селитру, поташ, уголь, дёготь, серу. Чаще всего — всё-таки поташ, важнейший компонент для производства стекла. Поэтому вблизи «буд» вскоре появлялись «гуты» (стекловарные производства); вокруг них и образовывались поселения занятых в этом полукустарном промысле людей¹¹⁹.

Село расположено на правом берегу Ворсклы в 36 километрах от Полтавы.

На карте де Боплана это поселение не отмечено. Тем не менее древность его подтверждают археологические раскопки, проведенные в 1888 году известным археологом И. Зарицким возле Великих

лери с Карлом XII во главе. Они явились из села Будыщей, где была (напомним) главная шведская квартира. Шведы перебили русских, которые не успели переправиться обратно, но русская артиллерия с другого берега начала бомбардировать шведскую кавалерию. Шведы отступили, а русские “добрым порядком” все-таки закончили переправу и вполне удачно перевезли свой обоз» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 362).

А теперь внимание: из Опошни, периметр охраны которой был нарушен, в лагерь Меншикова пришло тогда несколько сот (sic!) опошлян с женами и детьми, которых вплоть до этого дня шведы держали «за крепким караулом» и принуждали к «непрестанной жестокой работе» (Реляция. 1709 г., мая 7, О бывшей под городом Опошнею с шведами акции. ТИРВИО. Т. III. С. 162–163. № 156).

Ставя «в вину» Меншикову Батурин, хорошо бы для равновесия упоминать и о добрых его делах: спасённой от уничтожения шведами, ввиду расквартирования там одного из его драгунских полков, Хоружевке; о многих сотнях освобождённых от шведского рабства жителей Опошни, да ещё и с «женами и детьми», и о многом (хорошем) другом...

...Окончательно шведы оставили Опошню на следующий день, 8 мая. Предварительно опять выпалив её дотла (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 362).

* Глава составлена редактором настоящего издания.

Будыщ в урочище Лаповщина, где были найдены многочисленные предметы железного века, а также подземные ходы, следы которых чудесно сохранились вплоть до начала XX века. Эти подземелья имеют одинаковое происхождение с полтавскими, и специалисты датируют их возникновение XVI веком (де Боплан жил столетием позже), а предназначение объясняют, как «укрытия для людей и их имущества во времена татарских набегов».

С 1569 года и до середины XVII века поселение находилось под властью Польши (Речи Посполитой), с 1654 года — в составе Русского государства.

Освободительная война под руководством Богдана Хмельниченко вызвала значительный приток переселенцев в эти места. С 1660 года Великие Будыща становятся сотенным местечком Полтавского полка, в котором проживало на тот момент 832 выборных казака, 992 подпомощника и 7036 посполитых¹²⁰ — не меньше, если не больше, чем в самой Полтаве — полковом городе.

Слабые крепостные сооружения местечка не могли сдерживать натиска шведов, и весной 1709 года (со 2 марта до конца апреля) Великие Будыща становятся местом расположения очередной (по маршруту следования) штаб-квартиры Карла XII.

Накануне прихода захватчиков большинство местных жителей ушли на левый берег Ворсклы. Из устроенного там импровизированного лагеря они устраивали успешные нападения на оккупантов. А великобудыщанский сотник Максим Левченко и его брат Михаил со своими людьми ушли в Полтаву и стали защитниками этой крепости — с первого и до последнего дня её осады.

Шведы пытались предпринимать к партизанам карательные меры. Против лагеря великобудыщан был послан отряд гвардии (она стояла в полумиле от Великих Бу-

Шведы допрашивают могилёвских крестьян (худ. В. Савин). Подобные экзекуции отнюдь не были редкостью и на Полтавщине. Только здесь к ним добавились еще более изощренные пытки и жестокие расправы над непокорными

дыщ, в селе Петривцях) численностью 300 человек под командованием Гилленштиерна. Когда гвардейцы приблизились, обитатели лагеря открыли по ним беглый огонь, затем рассыпались по полю и исчезли. Нескольких шведов нашли тогда убитыми.

19 апреля отряд местных казаков-партизан сам переправился на противоположный, занятый шведами берег и напал на вражеский лагерь. В результате 24 шведских воина убили и 8 взяли в плен. Спустя несколько дней смелый рейд против захватчиков был повторен уже другим партизанским отрядом великобудыщан.

Карл XII, узнав, что партизаны проникли в самое расположение шведов, пришел в ярость и угрожал своим военачальникам самыми крутыми мерами карать за подобный недосмотр. После этого в Великих Будыщах было установлено несколько виселиц и проведены акции устрашения — шведы демонстративно вешали здесь захваченных ими жителей, объявляемых «партизанами». Но оккупантам это мало помогло: партизанские отряды продолжали громить небольшие шведские отряды в окрестностях Великих Будыщ, а вдоль дороги Опошня — Будыща на протяжении трех дней (26–28 апреля) была устроена особо плотная засада. Самые смелые из партизан проникали даже в шведские палатки и там уничтожали врагов¹²¹.

ПОЛТАВА

Около середины XI столетия в границах Переяславской земли выделилось древнерусское удельное княжество с центром в Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий), крайней восточной «точкой» которого было безымянное поселение по Лтаве — правому притоку реки Ворскла. С севера и востока его «прикрывала» Северская земля, границы которой уходили за Трубчевск, Курск и Донец, но с юга уже непосредственно перед нею лежала «земля незнаемая», «Дикое поле».

Первое летописное упоминание о поселении содержится под 1174 годом: «...Того же лета на Петров день*. Игорь Святославич, совокупив полкы свои и еха. в поле за Ворсколь. и стрете Половце иже ту ловять языка. изыма е и поведа ему колодникъ. оже Кобякъ и Кончакъ. шле к Переяславлю. Игорь же слышав то поеха противу Половцемъ и перееха Върсколь оу Лтавы к Пеяславлю»¹²².

* Петров день по современному календарю — 12 июля.

В XIII и в начале XIV столетия летописи умалчивают о по-Лтаве; и лишь в 1430 году она упоминается, уже под современным названием, в составе Великого княжества Литовского. В этом году Витовт передал Полтаву вместе с местечками Глинск и Глинаца во владение выходцу из Золотой Орды татарскому мурзе Лексе (Лексаде Манксурксановичу), принявшему в православном крещении имя Александра, а фамилию получившему от владения своего, став отныне писаться «Глинским». Его племянница Елена Глинская вышла замуж за великого князя московского Василия III и стала матерью первого венчавшегося на царство русского государя — Иоанна IV Грозного.

Александр Глинский стал первым, кто в этот период начал вновь отстраивать Полтавскую крепость: возвёл деревянные укрепления и насыпал новые земляные валы. Увы, устоять перед нашествием татар это не помогло — в 1482 году город был полностью разрушен крымским ханом Менгли Гиреем.

Во владении Глинских Полтава пребывала до 1508 года, после чего её у них отобрали по воле Сигизмунда I*. Затем возвратили. Глинские владели ею до 1537 года, после чего она перешла в собственность их родственников — Грибуновичей-Байбуз.

В 1569 году, с образованием Речи Посполитой, Полтава перешла во владение Польши и сменила много собственников, в числе которых стоит упомянуть Бартоломея Обалковского (собственник на 11 лет, с 1630 года), Конецпольских (всего на пять лет, с 1641-го** по 1646-й). Самым известным и в то же время непродолжительным по времени хозяином города был Иеремия Вишневецкий — власти-

Василий III, великий князь московский, вводит во дворец невесту свою, Елену Глинскую.
Худ. Пастушкевич, «Нива», 1896 г.

В 1569 году, с образованием Речи Посполитой, Полтава перешла во владение Польши и сменила много собственников, в числе которых стоит упомянуть Бартоломея Обалковского (собственник на 11 лет, с 1630 года), Конецпольских (всего на пять лет, с 1641-го** по 1646-й). Самым известным и в то же время непродолжительным по времени хозяином города был Иеремия Вишневецкий — власти-

* Сигизмунд I Великий, из династии Ягеллонов (1647–1548) — царь польский и великий князь литовский (с 1506 г.).

** В этом году Полтава в документах впервые была названа городом (см.: Киевская старина. 1891. Сентябрь. С. 682).

тель (по понятиям того времени) чуть ли не полумира и отец весьма неудачливого короля Михая (с 1646-го по 1648-й, начало войны с польской шляхтой).

Что собой представляла в это время Полтава, сказать трудно. Известно лишь, что в 1608 году она была вновь осажена (заселена) неким казаком (в других источниках — «миргородским князьком» Маслом. Но дела у новопоселенцев пошли, видимо, неплохо, поскольку в XVII столетии город уже владел так называемым магдебургским правом*.

В том же 1608 году была восстановлена и Полтавская крепость. Её ядро (цитадель) было устроено на том самом месте, откуда, возможно, всматривались в тревожную степную даль ещё давние первопоселенцы здешних мест — скифы (подтверждено археологическими раскопками на древнем городище Ивановой горы).

В очередной раз, в 1608 году, озаботился восстановлением крепости в Полтаве, которая была записана на тот момент «пустой слободой», польный коронный гетман Станислав Жолкевский. Удачно используя рельеф местности, он распорядился укрепить треугольный в плане мыс между Мазуровским и Панянским ярами, подсыпав вал и откопав ров возле первого из них и поставив частокол над вторым — обрывистые склоны Панянки и сами по себе представляли достаточное препятствие для нападавших. Ахиллесовой пятой крепости было отсутствие в ней открытых источников воды, ведь ближайшая малая речка Полтавка протекала по Мазу-

* Весьма распространенное, впрочем, в средние века городское право, возникшее около конца XIII в. в Магдебурге (город в прусской провинции Саксонии; кстати говоря, в контексте нашего разговора, располагает первоклассной крепостью).

Магдебургское право является продолжением так называемого Саксонского зеркала — свода немецкого права (земского и ленного), составленного где-то в середине XIII в. и действительно пользовавшегося популярностью в Германии, Нидерландах, Польше и Лифляндии. Механически перенесенный на фактически силой подчинённую территорию Левобережья, этот «первый европейский выбор» был сопряжен с самой дикой азиатчиной — поборами и наложением всевозможных повинностей на население города, магистрат которого захватили богатые купцы и мздоимцы-процентчики. На первом этапе конец их власти положила народно-освободительная война под предводительством Богдана Хмельницкого, ближайшим сотрудником которого был первый полтавский полковник Мартын Пушкарь (события 1650 г.), на втором — Полтавская битва 1709 г., после которой возврата к прежней феодальной системе уже и быть не могло.

ровскому яру за пределами укрепленной территории. Поэтому новый хозяин города коронный гетман Станислав Конецпольский в начале 1640-х годов приказал расширить крепость почти вдвое, включив в неё яр Мазуровку с речкой и часть плато, лежащее на юго-запад от него, примерно по линии современного Первомайского (прежде именовавшегося Келинским) проспекта.

План Полтавской крепости XVII столетия Гильома Левассера де Боплана, составленный, видимо, примерно в это же время, является одним из первых известных картографических источников Полтавы данного периода¹²³.

Неизв. художник XVII ст.
Предположительно
достоверный портрет
полтавского полковника
Мартына Пушкаря

В 1649 году Полтава становится военным и административным центром созданного в числе первых Полтавского полка, командиром (полковником) которого стал один из ближайших соратников Богдана Хмельницкого Мартын Пушкарь. В самом городе стояли первая и вторая сотни, а также располагались запасы оружия, боеприпасов, продовольствия и фуража. Крепость, исходя из важного её предназначения, тогда же совершенствовались и усиливали. Ремонт был произведён, в частности, в 1658 году, для чего из Москвы в Полтаву был направлен стольник и воевода Алексей Пантелеевич Чириков. В царской грамоте прямо была указана цель его приезда: «...от нас, Великого Государя, наказано, как городовые крепости в Плотаве вновь где доведетца поделать или старые где покрепить...»¹²⁴.

Полтавский полк принимал активное участие в событиях освободительной войны против Польши и, в частности, в битве под Зборовом.

Полтава одним из первых малороссийских городов в январе — феврале 1654 года присягнула на верность России: таковую присягу дали 1335 жителей города, в том числе 861 мещанин, 468 рядовых казаков и 6 представителей казацкой старшины¹²⁵.

Большой бедой для Полтавы стала измена Ивана Выговского и некоторой части казацкой верхушки, пытавшихся оторвать Малороссию от России и вновь отдать её под власть Польши. Полтава

самой первой из городов края испытала удар отрядов Выговского в январе 1658 года. Зная, что на них идут с оружием предатели, М. Пушкарь и запорожский кошевой Я. Барабаш «...собрали себе из винников, броварников, пастухов и наймитов людских полк пехотный и назвали его дейнеками»¹²⁶ и выступили с ним навстречу клятвопреступникам. Под Диканькой Выговский был разбит и бежал. Но в мае того же года он вернулся, имея в союзниках войска крымского хана*.

Новые боевые действия противоборствующих сторон начались 18 мая и продолжались до 1 июня. Вначале успех снова сопутствовал полтавчанам. Но колоссальный численный перевес**, который обеспечили крымчаки, сделал свое дело. Мартын Пушкарь погиб в бою***, после чего Выговский беспрепятственно занял Полтаву.

* А вот как описывает те же события другой источник – «Словарь географический Российского государства»: «...Виговский же, ...паче же будучи возпален желанием учиниться Удельным Князем, ...с наемным своим Польским войском и с Татарами ходил под город Полтаву на вышеупомянутого Полковника Пушкаря, который, сперва вылазкою из города напав на шанцы Виговского, не только обоз и артиллерию, но и булаву Гетманскую отнял; вскоре однакож по том, при сражении со многочисленною Крымскою ордою, отваживая себя на все опаснейшие места битвы, был убит, был со всех сторон окружен, о чем в самое время битвы, узнав казаки, бывшие под его начальством, пришли в беспорядок и замешательство, а по тому и были все наголову перерублены на месте сражения Татарами, кои тогда же и город Полтаву совсем разорили и выжгли» (Указ. соч. Ч. IV. Отд. I. С. 68).

Принявшие как бы из рук Выговского и татар факел сжигателя полтавских городов и сёл, Мазепа и Карл XII тоже немало преуспели на этом поприще: помимо многих прочих селений 16 марта была сожжена Ковалёвка под Полтавой – местечко, входившее в состав второй сотни Полтавского полка. По словам шведского лейтенанта Лита, это была месть жителям за поддержку русских (Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. С. 160; Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. С. 811).

** Хан Карамбей, союзник Выговского, имел под своей рукой 40-тысячную орду.

*** В 1987 г. в Полтаве на улице Великотырновской, в пределах бывшего села Пушкаревки, которое получил в наследство первый полтавский полковник Мартын Пушкарь, был открыт памятный знак. В основе его – композиция из двух пилонов (возможно, в напоминание о голове Пушкаря, отрезанной татарами и принесенной Выговскому на пиках?), на которой укреплен выполненный из кованной меди скульптурный портрет М. Пушкаря. Возле подножия на гранитной глыбе – бронзовая доска с мемориальной надписью. Авторы монумента – скульптор М. Коган и архитектор Ю. Добровольский.

На протяжении трёх дней татары разрушали и грабили город, зверски убивали и забирали в неволю людей¹²⁷.

Боярин В.Б. Шереметев отписывал 8 июня 1658 года (т.е. спустя неделю после события): «...А черкасской город Плтава ныне разорён и сожжён без остатка, и только Великий Государь укажет Плтаву город построить, и Плтава на татарской сакме на Бакаеве шляху, и ево Государевым многим городом будет в заступу...»¹²⁸

1658 год в Полтаве — год жестокой борьбы за полковничью должность. Сначала на место Мартына Пушкаря воспретендовал некий Федор Иванович Богун, затем эту должность на короткое время перехватил Филон Гаркуша, позиционированный как сторонник Виговского, затем сын Мартына Пушкаря — Кирилл, потом опять Филон Гаркуша, а после него в должности утвердился второй сын первого полковника — Марко Мартынович, уступивший должность брату Кириллу — надо полагать, ради поездки в Москву вместе со священником Полтавского Крестовоздвиженского монастыря отцом Самийлом. «Засланный с товариществом от Кирилла Пушкаренка, полковника Полтавского», Марко бил челом о милости: даче «рати для заставы и корму», защите от своеволия Виговского и татар¹²⁹.

Видимо, челобитная «имела последствия», поскольку известно, что вскорости в Полтавской крепости был размещён русский гарнизон, а восемью годами позже, в 1666-м, он насчитывал уже не менее 1500 русских «ратных людей»¹³⁰.

При этом следует отметить, что размещение гарнизона не имело скорее постоянного характера, поскольку на фоне борьбы казацкой старшины за гетманскую власть, получившую достаточно острый характер в 1660–1680-х годах, Полтаву неоднократно разрушали татары. Нападали они на город и во время русско-турецкой войны 1680–1690 годов. Последнее сожжение города крымчаками зафиксировано в 1695 году¹³¹.

Стрельцы (XVI–XVII вв.) и их вооружение

* * *

В описываемое время (середина и конец XVII столетия) Полтава была окопана рвом и обнесена валом, в котором имелось пять «брам» (башен с проездными воротами)¹³².

Полтавский полк принял активное участие в азовско-днепровских походах 1695–1696 годов. Из пушек, ставших его трофеем при взятии крепости Казикермен, был отлит колокол, подаренный казаками Успенской соборной церкви г. Полтавы и считавшийся одной из важных её реликвий*.

* * *

К картографическим источникам, содержащим изображения Полтавской крепости времен Великой Северной войны, относятся планы «Старой и новой Полтавы»¹³³, «Полтавской баталии» (так называемый «План Петра I») ¹³⁴, «Боевых порядков русской и шведской армии в сражении под Полтавой» (так называемый «План Алларта») ¹³⁵, изготовленные в 1709 году; план де Фера 1714 года ¹³⁶, план Ивана Бишева 1722 года ¹³⁷, планы Василия Кутузова конца 20-х годов XVIII столетия ¹³⁸, «План Полтавского сражения» ¹³⁹, изготовленный в 30-х годах XVIII столетия (копия с более ранних планов) и другие**. Первым из них по времени изготовления считается план «Старой и новой Полтавы». Он, как и почти все другие источники, изображает лишь общую конфигурацию защитной линии крепости. Только «Чертеж города Плотав», выполненный «инженерного корпуса кондуктором» (помощником военного инженера. — *Я. И.*) Иваном Бишевым (см. с. 116 настоящей книги), показывает защитные сооружения, церкви, отдельные строения.

Планы Полтавы, составленные инженером-прапорщиком В. Кутузовым с приложенными описаниями, дают возможность ещё бо-

* Успенский собор был разрушен большевиками в 1934 г., но колокол сохранился, он и поныне экспонируется в Полтавском краеведческом музее.

** Среди «других» заслуживают прежде всего безусловного внимания «План Полтавы» 1748 г., план В.М. Долгорукого 1772 г., план Полтавы 1803 г., план генерала А.И. Хатова 1819 г., план А.А. Несвицкого 1910 года. Из шведских источников известен атлас карт походов Карла XII, изданный шведским Генеральным штабом в 1918 году. В нем помещены 11 карт, где имеется схематическое изображение Полтавской крепости.

Согласно перечислению Военно-ученого архива Главного штаба (составитель Бендерон, под редакцией Вивье де Шатобрена), всего насчитывается свыше тридцати карт, схем и планов, связанных с отображением Полтавской баталии; они сохраняются в ЦГВИА в Москве.

лее детально познакомиться с отдельными укреплениями крепости и ремонтными работами, произведёнными в ней. Хотя и он не лишен ряда существенных недостатков — в частности, начертание внешней ограды на нем не соответствует действительной конфигурации: северо-западный и юго-восточный участки показаны ровными и почти параллельными. Тогда как на самом деле они имели форму ломаной линии.

План Полтавы Василия Кутузова (1729 г.)

Довольно скупо говорится о крепостных сооружениях Полтавы и в письменных источниках того времени. Первое, вероятно, такое упоминание о них встречается в донесении командира Ингерманландского полка бригадира* князя А.Г. Волконского: «...С полком Ингерманландским в Платаву пришёл декабря дня 3-го... Около города всего сам осмотрел... с одной стороны по дороге Гадичкой и Сорочинской вёду и палисаду; от реки Варслы (Ворсклы. — Я.Г.) ничего крепости нет. А где сколько можно велел починить»¹⁴⁰.

Отдельные, причем, не создающие целостной картины известия о крепостных сооружениях города содержатся в письмах коменданта А.С. Федина из осаждённой крепости в ставку русского командования**.

Ещё одним, но тоже крайне скудным источником получения некоторых сведений о крепости Полтава могут служить воспоминания бывшего генерал-квартирмейстера*** шведской армии А. Гилленкрока «Современное сказание о походе Карла XII в Россию»¹⁴¹ — он упоминает о тех оборонных сооружениях города, которые шведы безуспешно штурмовали****.

* Бригадир — в XVIII столетии — в русской армии чин, промежуточный между полковником и генерал-майором.

** См. подробнее в книге «Доблестный комендант непокорённой Полтавы».

*** Начальник штаба и начальник тыла в одном лице; в русской армии этого чина не было.

**** Данные мемуары были написаны А. Гилленкроком в 1711 г., в русском плену. В русском переводе впервые напечатаны в 1845 году.

Тема фортификации Полтавы не потеряла своего значения и в последующем времени. Во второй половине XIX — начале XX столетия были опубликованы работы Г.П. Данилевского* «Полтавская старина в отношении ко времени Петра Великого» в «Журнале Министерства народного просвещения» (СПб., 1856), Н. И. Арандаренко «Записки о Полтавской губернии» в 3 частях, оконченные изданием в 1848 году, А.З. Мышлаевского «Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году» (СПб., 1897), Н.Л. Юнакова «Северная война. Кампания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра» (СПб., 1909) и другие, содержащие сведения о крепости, составе гарнизона и его вооружении.

В произведениях полтавских авторов В.Е. Бучневича «Записки о Полтаве и её памятниках» (Полтава, 1902), И.Ф. Павловского «Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и её памятники» (Полтава, 1909), в сущности, поданы сведения, ранее кропотливо собранные Г.П. Данилевским.

В трудах советских историков В. Шперка «Инженерное обеспечение Полтавской битвы» (Л., 1939), С.Ю. Гербановского «Инженерные мероприятия в обороне Полтавы и по обеспечению Полтавского сражения» в сборнике статей «Из истории русского военно-инженерного искусства» (М., 1952), Л.Г. Безкровного «Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны» в сборнике статей «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения» (М., 1959) о фортификации Полтавы говорится опять-таки в самых общих словах.

Л.А. Гольденберг в своем исследовании «Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708–1709 гг.» в сборнике статей «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения» (М., 1959) дает обзор планов, касающихся полтавского периода Великой Северной войны.

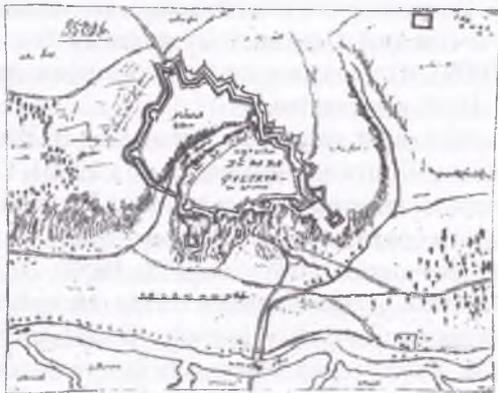
* Данилевский Григорий Петрович (14.04.1829, с. Даниловка, ныне Харьковской области — 6.12.1890, Санкт-Петербург; похоронен в с. Пришиб, ныне Балаклеевского района Харьковской области). Родился в семье помещика. Окончил в 1850 г. Санкт-Петербургский университет. Состоял, в качестве крупного чиновника, на государственной службе. В 1869–1890 гг. — редактор официальной газеты «Правительственный вестник». Известный писатель-историк (романы «Беглые в Новороссии», «Воля» («Беглые воротились», опубликован под псевдонимом А. Скавронский), «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожжённая Москва» и другие.

В нашей работе «Місто-фортеця Полтава (XI–XVIII ст.)», опублікованій в «Українському історичному журналі» (К., 1976), дається кратке, но все же несколько более детальное описание полтавских укреплений.

Собранные и проанализированные, все эти источники в сочетании с нашим обследованием остатков земляных укреплений — валов, рвов и бастионов — дают возможность с достаточно большой долей вероятности установить подлинный вид бывших укреплений города.

* * *

Полтавская крепость в XVIII столетии имела вид замкнутого многоугольника, вытянутого по оси с севера на юг. Она состояла из двух неравных частей, разделенных Мазуровским яром, проходившим как бы сквозь неё в направлении с востока на запад. Главная часть крепости, где находилась её цитадель, была размещена на плоскогорье в северо-восточной от Мазуровского яра стороне, другая — меньшая по площади — лежала в юго-восточной стороне от яра.

План старой и новой Полтавы (план Алларта, 1709 г.)

Длина внешней крепостной ограды, в сумме её отрезков, показанных на плане Бишева, составляла 1052 сажени*. Следовательно, общая длина крепостной ограды в привычных нам теперь едини-

* Сажень — старая русская мера длины, впервые упоминающаяся в русских источниках в начале XI века. В XI–XVII вв. встречалась сажень в 152 и в 176 сантиметров. Это была так называемая прямая (маховая) сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. Косая сажень имела размеры и в 216, и в 248 сантиметров — она определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали. До XVI в. сажень была равна 32 вершкам. С 1554 г. сажень устанавливается равной 3 аршинам и получает название царской, орлёной, казённой или печатной (в отличие от произвольных). Уложением 1649 года сажень была установлена равной 3 аршинам = 48 вершкам = 7 футам = 84 дюймам = 2,13360 м.

цах измерений составляла 2245 метров. Ограда включала в себя земляные валы, а с напольной северо-западной стороны, наиболее уязвимой на случай осады крепости, и рвы. Чтобы предупредить оседание и разрушение валов, их обкладывали камнем, дёрном или укрепляли деревянной обшивкой*. Такое покрытие затрудняло противнику возможность преодолевать крутизну вала во время штурма укреплений. Рвы имели эскарпы и контрэскарпы — укосы с обеих сторон, — они были ещё одними простыми, но достаточно эффективными противоштурмовыми препятствиями.

Деталь плана Алларта — абрис крепости Полтава

Земляные укрепления усиливал частокол из дубовых кольев.

Северо-западный участок крепости имел более мощную линию обороны, чем прочие. Вместе с тем этот район был весьма удачен для проведения контратак гарнизона за пределами города, что и

обусловило создание здесь специальных плацдармов, так называемого покрытого пути, где концентрировались отряды защитников крепости перед броском на врага. На этом же участке находились и три сутеренга — тайных прохода в земляном валу.

На внешней ограде стояло десять башен**, пять из них были проездными, остальные — глухими. Кроме этого, существовали ещё Подольские ворота, соединявшие меньшую часть крепости с предместьем Подолом.

* Следует отметить, что устройство таких обшивок было весьма затратным делом: ленточные пилы появились лишь во времена Петра Первого, а широкое распространение получили и того позже. Топорами же из бревна получалось вырубить максимум две доски.

** «Все башни были деревянными, рублеными, четырехгранными, невысокими с шатровыми покрытиями» (Полтавщина. Энциклопедичний довідник / Ред. А.В. Кудрицького. К.: Українська енциклопедія, 1992). В составлении этого труда принимал участие и Я.Г. Иванюк.

Внутренняя защитная ограда длиной около 400 метров* была построена защитниками крепости уже во время её осады шведами, когда возникла реальная опасность прорыва врага в более слабую часть твердыни. На этом участке стояли одна глухая и одна воротная башни.

Артиллерия была размещена в основном на крепостных бастионах. На внешней ограде их было пять, и такое же количество имелось на внутренней.

Существующий с юго-восточной стороны старого города эллипсообразный выступ в сторону реки Ворскла имел, по плану И. Бишева, длину дуги в 168 метров. На выступе стояли Подольская башня, имевшая выход в сторону крепости, и одноименный бастион. План В. Кутузова показывает на этом выступе и пороховой погреб.

Дальше, если двигаться по карте против часовой стрелки, стояли глухая безымянная, а за нею воротная Куриловская башня. И.Ф. Павловский** в своей работе «Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и её памятники» свидетельствует, что эта башня имела и другое название — Куриловская, произошедшее будто бы по имени местного казака Курилы, жившего неподалеку.

И.Ф. Павловский

*Ни один из известных источников не сообщает о размерах внутренней защитной ограды; но принимая во внимание, что современная конфигурация городской застройки в целом и теперь соответствует изображению на плане Бишева, автором данного исследования был произведен обмер, результаты которого приводятся здесь.

** Павловский Иван Францевич (9.01.1851, с. Боброво Калужской губернии — 27.05.1922, Полтава) — историк и педагог, действительный статский советник, подполковник, около 40 лет преподаватель Полтавского Петровского кадетского корпуса и первый директор первого музея истории Полтавской битвы (1909—1918), сотрудник в ранге секретаря Полтавской учёной архивной комиссии, автор ряда исторических трудов по истории Полтавщины и Полтавской битвы. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета им. Св. Владимира (1874). Основные труды: «Полтавская битва 27 июня 1709 года», «Малороссийское казачье ополчение в Крымскую войну», «К истории Кирилло-Мефодиевского братства в Киеве» и другие, написанные на основе архивных данных и сохраняющие своё значение и сейчас.

За Крыловской (или Куриловской) располагались две глухие башни, а за ними на северо-восточном выступе естественной горы — Чернецкий бастион, получивший название от мужского Крестовоздвиженского монастыря, в прямой видимости и на расстоянии в полторы версты от которого он располагался. Любопытно, что в документах тех лет применяли и другие названия этих фортификационных сооружений — больверк и раскат. При этом Подольский бастион назывался «Раскатом большим», а Чернецкий — «Раскатом меньшим». Остатки этих бастионов угадываются на местности до сих пор.

На протяжении всего северо-восточного отрезка ограды каждое из оборонных сооружений размещалось на выступах плоскогорья над обрывами. Это и давало возможность наиболее эффективно использовать огневые средства во время обороны Полтавы.

За Чернецким бастионом защитная ограда поворачивала почти под прямым углом на северо-запад и подходила к следующей башне — Спасской, а затем до Киевской воротной башни и бастиона, носившего такое же имя. Башню назвали Спасской, ибо поблизости располагалась Спасо-Преображенская церковь, древнейшая в городе. Помимо неё здесь же, в цитадели, имелись Воскресенская церковь (построенная напротив Спасской) и соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы, которая находилась ближе к Подольской башне. В этой части крепости был торговый и административный центр города, правление Полтавского казацкого полка, пороховой погреб и цейхгауз.

В другой, отделённой яром Мазуровкой, части города были построены приходские церкви Святого Николая (руины её можно видеть на склоне по левой, непарной, стороне переулка Первомайского и сейчас) и Святого Георгия (стояла на территории городского сада, теперь парк «Победа», не сохранилась), а также Покровский женский монастырь, следов существования которого ныне тоже нет.

По разделявшему обе части крепости Мазуровскому яру протекала малая речка Полтавка, имевшая даже приток и служившая основным источником получения воды для защитников крепости*,

* В ходе усиления крепостных сооружений внизу Мазуровского яра был насыпан более мощный вал, послуживший одновременно плотиной поперек русла Полтавки; так образовался достаточно большой водоём с дополнительными запасами воды.

поскольку колодцев и криниц в Полтаве было мало. Нынче её едва можно угадать за рядом частных строений по крайне запущенному состоянию. А прежде через неё было переброшено два моста — один собственно через речку, а другой — через весь яр; он соединял Свято-Никольскую церковь со шляхом (дорогой), выведившим на линию современного Первомайского (бывшего Келинского) проспекта.

Полтава XVIII ст.
Худ. А. Белецкий

* * *

Очередным сооружением на защитной линии была воротная башня, названная на плане Ивана Бишева Басманной, имя которой связывают и с воеводой А.Д. Басмановым, и с тюркским словом «басма», то есть степь. Действительно, башня стояла с равнинной, напольной части крепости.

От Басмановской башни защитная ограда снова поворачивала и шла в южном направлении к Мазуровской воротной башне и точно так же именовавшемуся бастиону. Здесь же находился и теналь* —

* Теналь — входящий угол между фасадами долговременных укреплений, а также строение во рву укрепления, составленное из двух фасов*¹, образующих между собой угол, который прикрывает куртину*².

*¹ Фас — передняя сторона укрепления, допустим, бастиона; в известном смысле то же самое, что для здания фасад.

*² Куртина — в фортификации так называют часть главного вала укрепления, соединяющую два бастиона.

продолговатое и узкое по форме укрепление, состоявшее из земляного вала и рва, имевшее вид входного угла. Он был сооружён с внешней стороны крепости и прикрывал один из важнейших её участков.

Комплекс защитных сооружений Мазуровских башни и бастиона создавал достаточно сильный узел сопротивления. Во время осады, когда шведы проводили свои особенно жестокие атаки и вели минные подкопы именно на участке Мазуровского вала, эти фортификационные сооружения полностью оправдали своё предназначение. Шведский генерал Гилленкрок в своих мемуарах свидетельствовал, что одной из существенных причин провала операций шведов против осажденной Полтавы было активное противодействие крепостной башни на этом участке. Противнику до конца осады так и не удалось сбить башню артиллерийским огнём или поджечь¹⁴².

От Мазуровской башни ограда вела на юго-восток до Подольских городских ворот. Здесь стояли ещё один бастион и глухая башня. Первоначальные картографические источники не содержат названия этого бастиона. Лишь более поздний план города Полтавы 1748 года называет его тоже Чернецким — надо полагать, в связи с рядом расположенным Покровским монастырем¹⁴³.

* * *

Большинство городских строений в обоих частях крепости имели ограждения, а в некоторых случаях и дворы внутри были перегородены заборами (тынами). Каждое сооружение или группа соседских строений представляли собой замкнутый многоугольник, каждый из которых в отдельности мог стать самостоятельным пунктом сопротивления на случай прорыва врага в город. Территория Полтавы вдоль северо-западного и западного отрезков оборонной линии была плотно застроена, и это тоже усиливало обороноспособность крепости¹⁴⁴.

Северо-западный и западный форштадты (напомним — предместья перед городской чертой) занимало, как показано на плане «Старой и новой Полтавы», вспаханное поле. На юго-запад от города территория заросла лесом и частично была засажена фруктовыми садами. План В. Кутузова сообщает, что в садах раскинулись «слободы казацкие». В более поздние времена, когда город раздвинул свои границы, в этом районе возникли Первый, Второй и Тре-

тий казачьи переулки (ныне переулок Рабочий, улица Клары Цеткин и переулок Трудовой).

* * *

Защитники крепости Полтава предпочитали придерживаться тактики активной обороны. Это отражено и в особенностях её фортификационных сооружений. Дабы иметь возможность осуществлять вылазки, полтавчане устроили три сутеренга — тайных прохода за пределы оборонительных сооружений; на плане В. Кутузова они изображены достаточно четко.

План Полтавы и расположение войск в 1709 г. (план де Фера 1714 г.)

Первый из них располагался вблизи Чернечега бастиона (того, что на северо-восточном выступе плато), на отрезке между ним и Спасской башней. Второй — возле Басмановской башни. Третий — между башнями Басмановской и Мазуровской. Кроме этого, обороне немало способствовали два редута* с контрапрошами** (изобра-

* Редут — небольшое отдельно устроенное укрепление, сомкнутое в виде многоугольника.

** Апроши — подступы осадных работ; рвы зигзагами с насыпью на одной стороне, вырывающиеся осаждающими с целью приблизиться к укреплению; контрапроши — такие же сооружения, создаваемые осажденными с целью приблизиться для нападения к осаждающим.

жены на планах «Старой и новой Полтавы», «Полтавской баталии», планах Алларта, де Фера и других). Собственно, первоначально они были сделаны защитниками крепости для сообщения гарнизона с основными силами Русской армии, находящимися в селе Крутой Берег. Но из-за небывалого разлива Ворсклы, случившегося в тот (1709) год, и оставшихся непроходимыми болот, окружавших город со стороны Подола, этот план осуществить не удалось. Однако редуты, безусловно, сыграли свою положительную роль в обороне города и оставались ещё некоторое время после Полтавской битвы в системе защитных сооружений крепости, о чем свидетельствуют более поздние планы Полтавы XVIII столетия.

Один из таких редутов был построен с северо-восточной стороны крепости, другой — с юго-восточной. Г.П. Данилевский пишет, что слева от крепости, если ориентироваться на Полтавский Крестовоздвиженский монастырь, был «...утёс... с Самсониевской башней»¹⁴⁵. На этом обрыве, как свидетельствуют картографические источники того времени, стоял и северо-восточный редут. Месторасположение обоих говорит о том, что они составляли на этом участке взаимодействующий узел обороны.

В свою очередь, Подольская башня на эллипсообразном выступе и юго-восточный редут составляли вместе тоже подобный оборонный узел в этом районе.

Названные башни в соединении с редутами могли выполнять и предназначение фортов — вынесенных вперёд за линию внешней ограды защитных сооружений, приспособленных к задачам стойкой обороны. От крепостной стены до юго-восточного редута было около 130 метров, до северо-восточного — около 320*. Места нахождения бывших редутов и башен заметны и сейчас.

На плане Алларта показано продолжение контрпроша от юго-восточного редута до конца возвышения, что может свидетельствовать о наличии в этом районе передового наблюдательного пункта защитников Полтавы, поскольку именно в этом направлении на правом берегу реки Ворсклы находился лагерь противника.

По улице Мазуровской над Мазуровским же яром в 1984 году были обнаружены остатки одной из каменных стен порохового погреба крепости. Стена подходила почти вплотную к бывшему Подольскому бастиону. На плане В. Кутузова пороховой погреб был

* Обмер был произведен автором настоящей работы Я.Г. Иванюком в 1975 году.

показан именно здесь. Длина стены его составляет около 22 метров, высота в разных местах — от 2,3 до 3,5 метра, толщина стен — 0,6–0,8 метра. Сооружение имеет следы контрфорсов — внешних каменных подпор. Они придавали ей дополнительную прочность*.

Особенности строения, присущие таким крепостным сооружениям, давность строительного материала, наличие здесь подземного прохода, теперь уже засыпанного, ведшего в сторону Подольского бастиона, — достаточно весомые аргументы, свидетельствующие о том, что давняя стена — это действительно один из элементов порохового погреба Полтавской крепости.

Понять, как выглядело это сооружение в те далекие времена, помогают научные труды по теории фортификации XVIII столетия.

В них говорится, что пороховые погреба обычно строили из камня или кирпича, во многих случаях под насыпью бастиона форта (как это и было сделано в Полтаве). Иногда их сооружали и во внешних укреплениях крепости, отдаленных от главной ее части, чтобы

Стена порохового погреба на ул. Мазуровской.
Фото 1970-х гг. из архива Я. Иванюка

избежать разрушений, неизбежно связанных с взрывом пороховых запасов. Внешняя длина подобных сооружений составляла обычно 19–22 метра, ширина 10–12 метров, высота и толщина стен были различны. Для укрепления стен применялись контрфорсы, сверху создавался мощный кирпичный сводчатый потолок. Снаружи его дополнительно защищали каменными плитами.

* В процессе подготовки рукописи Я.Г. Иванюка к печати, в начале лета 2008 г., остатки этого порохового погреба были обследованы и редактором данной книги. Строение находилось, если указать место точнее, близ схождения внешних улиц Мазуровской и Художественной. Вид его во время исследования Я.Г. Иванюком запечатлен на старом снимке. Примерно так он выглядел и последующие 30 лет. Но в 2007 г. собиратели металлолома варварски извлекли из стен порохового погреба металлические закладные пластины, служившие усилением, после чего погреб рухнул. Кирпич был разобран, видимо, на хозяйственные нужды. В настоящее время от него осталась лишь некая яма для ссыпания мусора.

Такое сооружение в значительной степени гарантировало безопасность во время осады и обстрела крепости, даже если в него попадало пушечное ядро. В средней части поперечной стены устраивалась дверь. В погребе делали пол и устраивали стеллажи, на которых устанавливались бочки с порохом. Вентиляцию обеспечивали отверстия в стенах. Такими были типовые пороховые погреба в важных крепостях XVIII столетия. Такой была и Полтавская, относившаяся к регулярным крепостям страны.

* * *

Под крепостью Полтава были пробиты многочисленные подземные ходы, имевшие широкое разветвление именно под главной частью крепости. Впервые их осмотр провел местный археолог, известный исследователь старинных городищ Поворскля XIX столетия Иван Андреевич Зарецкий*. В некоторых местах, как он описывал, подземелья уходили вглубь на 7–13 метров от поверхности, имели внутреннюю высоту от пола до потолка 1–3 метра, ширину — от 1,5 до 5 метров. Их стены и потолок в ряде случаев были обложены кирпичом, в других — крепились дубовыми балками и досками. Использованный при этом строительный кирпич, как тогда же было установлено, изготовлялся не ранее XVII столетия. Найденные под землей предметы быта тоже относились к этому времени. Отдельные участки подземелья сообщались с поверхностью вентиляционными отверстиями.

В 1946 году в результате сдвига верхнего слоя грунта на склоне Мазуровского яра открылся выход из подземелья за линию бывшей внутренней ограды. Он был обследован автором этой книги. Высота подземелья оказалась небольшой — всего один метр, ширина в нижней части — полтора метра. Выход имел вид арки, обложенной кирпичом. Не исключено, что этот подземный ход жители Полтавы построили, чтобы иметь потаённый доступ к источнику воды — действительно, неподалеку от него протекала речка Полтавка.

Сведений о том, когда были построены полтавские подземелья, не сохранилось. Но, принимая во внимание свидетельства письменных источников о сооружении земляной крепости в XVII веке и найденные в подземельях предметы быта того же периода, а так-

* Зарецкий Иван Андреевич (1887 — ?) — археолог, исследовал захоронения на территории Полтавской и Харьковской губерний; по поручению Полтавского губернского земства исследовал гончарные промыслы. Труды И.А. Зарецкого печатались в полтавских и харьковских издательствах.

же тот же строительный материал, применявшийся и на строительстве крепости, можно сделать вывод об одновременном возведении земляных укреплений и устройстве подземных ходов.

Можно быть уверенным, что они немало послужили защитникам города во время шведской осады в апреле — июне 1709 года; в частности, когда им приходилось вести контрминные галереи по обезвреживанию вражеских закладок пороха для взрыва крепостных стен*.

* * *

Существенными вопросами, непосредственно касающимися истории крепости, являются количественный и качественный состав её гарнизона, вооружения, и в первую очередь — оснащённость артиллерией.

Первым гарнизоном русских войск, введённым в Полтаву во время Великой Северной войны, были два полка, присланные сюда из Белгорода в конце октября 1708 года. В декабре им на смену пришёл Ингерманландский полк бригадира князя Волконского.

19 января 1709 года светлейший князь Меншиков в письме к Петру I докладывал: «...вчерашнего дня ввечеру получил я от бригадира Волконского письмо, от 17 дня сего месяца ис Полтавы писанное, в котором он пишет, что Келина с полками в Полтаву ввел, а Ингерманландской полк вывел и в предместье поставил...»¹⁴⁶

Командир Тверского полка полковник Алексей Степанович Келин привёл тогда из Ахтырки пять батальонов своего и Устюжского полков; сводный отряд насчитывал в своем составе 4192 солдата и офицера, из них 91 были пушкарями (артиллеристами).

А.С. Келин и его офицеры, находясь в Ахтырке, были ознакомлены с указом Петра I про оборону крепостей и подтвердили это своими подписями. Офицеров в отряде состояло 60 человек, из них два полковника — Келин и Менден, три подполковника — Озеров, Репьев и Кунингам, четыре майора — Кривков, Волынский, Крафорт, Лудевиль; семь капитанов — Шимановский, Мишатин, Зубатов, Тяпкин, Насакин, Кирчевский и Маслов; 16 пору-

* По некоторым данным, шведы пытались заложить мины, чтобы взорвать крепостные стены Полтавы, семь раз. И ни единожды им не удалось довести своё дело до конца: всякий раз полтавчане прокапывали галереи к минам изнутри и выбирали порох, который использовали затем для стрельбы по шведам (несколько подробнее об этом см. в разделе «Доблестный комендант непокорённой Полтавы»).

чиков, 7 подпоручиков, 20 прапорщиков. К сожалению, в документе не обозначено, какой чин имел адъютант Келина Алексей Петров, составивший и заверивший этот список офицеров гарнизона Полтавской крепости. Уже во время осады в крепость в ночь на 14 мая 1709 года сквозь вражеские заслоны прорвались 900 солдат и офицеров русской полевой армии под командой бригадира Алексея Алексеевича Головина*. Наряду с гарнизоном крепость обороняли 2600 казаков Полтавского полка и вооруженных жителей города**.

Ближайшими помощниками коменданта полковника Келина были наряду с бригадиром Головиным подполковники Т. Треден и И. Шамордин. Два последних, вероятно, вошли в крепость в составе отряда Головина, поскольку в списках офицеров гарнизона, пришедших из Ахтырки, они не числятся. Особо следует отметить заслуги еще одного ближайшего сотрудника коменданта — военного инженера Андрея Юрьевича Телепнёва. Это под его непосредственным руководством в осаждённом шведами городе были возведены дополнительные укрепления, сыгравшие столь важную роль в тяжелые для Полтавы дни; они помогли полтавчанам выстоять и в конечном счете победить.

* * *

Следующим важнейшим обстоятельством для обороны города являлось вооружение гарнизона.

Войдя в Полтаву 3 декабря 1708 года, командир Ингерманландского полка князь Волконский немедленно озаботился осмотром артиллерийского парка и нашел его в достаточно запущенном состоянии. Исправных пушек насчитывалось всего восемь¹⁴⁷. Вероятно, он предпринял меры по ремонту орудий, и еще две пушки вскоре были поставлены в строй: русский артиллерийский офицер

* Отряд Головина прорвался в город, сначала обманув бдительность часовых, а затем, напав на вражеские, ближайшие к городу апроши, перебил находящихся в них солдат. Численность отряда варьируется в разных источниках от 900 до 1200 человек (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 357).

** Жителей в Полтаве «всего» в конце 1708 — начале 1709 гг. было, по разным источникам, от 4100 до 4200 человек. Но накануне того, как шведы сомкнули вокруг города кольцо осады, из крепости было выведено 1500–1600 человек, в основном стариков и женщин, а также большое количество детей. Таким образом город избавился от ненужного во время кровопролитных боев контингента, который в данных условиях стал бы балластом и увеличил напрасные жертвы.

Невельской, посланный в Полтаву для обследования состояния вооружений крепости в январе 1709 года, доносил, что в наличии имеется 10 пушек, а боезапас к ним насчитывает 187 ядер, 24 пуда пушечного и 12 пудов мушкетного пороха, компонентов пороха — селитры 90 пудов, серы 2 пуда. Помимо этого, имелась самая малость — всего полпуда — железной дроби и шесть пудов свинца.

За то короткое время, что оставалось до начала осады крепости шведами (1 апреля), русскому командованию удалось направить в Полтаву ещё 18 пушек и некоторые боевые припасы. Что именно и в каких количествах — доподлинно установить, наверное, невозможно. Однако известно, что в мае 1709 года (после более чем месяца изнурительнейших боев)* в крепости оставалось 24 пуда орудийного пороха «да (ещё) 16 мешков без весу», 21 пуд 5 фунтов мушкетного пороха, 620 ядер, 100 зарядов картечи, а кроме того, дроби железной «мешков без весу 10 да (ещё) пуд 20 фунтов», свинца 41 пуд 15 фунтов, серы 20 пудов, запалов для поджигания артиллерийских зарядов 10 пудов 15 фунтов¹⁴⁸.

Лейб-гвардии Преображенского полка гренадер, обер-офицеры, пикинер и барабанщик

* * *

В 1718 году Военная коллегия, имея целью выяснить общее состояние крепостей, их гарнизонов и вообще всех тех средств, которые не входили в состав регулярных войск, собрала такие сведения: «...Какие в которой губернии суть фортификации и города, и в каком состоянии обретающиеся в них гарнизоны... а где есть при гарнизолах конница, то конных шквadroнов (эскадронов. — Я.И.), и в них кто имяны штаб и обер офицеры... Артиллерии сколько в кото-

* При этом следует иметь в виду, что защитники крепости, активно действуя против осаждавших город шведов, выбирали порох из мощных закладок (мин), устраиваемых осаждающими с целью взрыва крепостных валов (а они не могли быть слабыми по определению). Какое-то количество пороха (пушечного и мушкетного) было взято на вылазках гарнизона в шведских траншеях — как и мушкетного, и пушек.

рой фортификации и городах, по болварках (больверках, т.е. бастионах. — Я.И.), в цейхгаузах и так просто... О фортификациях и городах: где какие есть каменные, земляные или деревянные и что в них каких цейхгайзов, магазейнов, пороховых погребов...»¹⁴⁹

Ответ на этот вопрос относительно Полтавской крепости известен: по данным Киевского губернского управления, её артиллерийский парк состоял в это время из 56 пушек разного калибра. К ним было запасено 12 656 ядер разного веса, 2118 бомб, 351 заряд картечи, да еще отдельно 34 пуда железной дробы; для стрельбы имелось 1119 пудов пушечного пороха, 431 пуд 19 фунтов пороха мушкетного, да еще отдельно «пороха для другого ручного оружия» — 670 пудов 26 фунтов. Ядер ручных хранилось на складах 25 101, а свинца — 613 пудов 32 фунта¹⁵⁰. (Сопоставляя эти данные с теми, что имелись, десятилетней по отношению к ним давности, можно без труда увидеть тот качественно иной подход к обороне Полтавы — а стало быть, и к безопасности горожан, — что характеризовал мазепинско-герциковское правление, и руководство, скажем так, нового типа, под надзором Малороссийской коллегии. — *Особое прим. редактора.*) При этом следует отметить, что после победного сражения 27 июня 1709 года Полтавская крепость никогда более не была под огнем противника*. Хотя к военным делам касательство имела: в 1711 году в Полтаве стояла дивизия генерал-майора И.И. Бутурлина**, выполняющая задачу защиты украинских зе-

* Сравните приведённые выше данные с теми, которые характеризуют боезапас Полтавской крепости в 1709 г., накануне осады. По каждой позиции — превышение на порядок, а потом и в разы! Как здесь опять не вспомнить слова из донесения В.Л. Кочубея, облыжно называемого некоторыми горе-историками «доносом»: «...В прежние времена малороссийские города были хорошо укреплены, а теперь уже не отправляются... люди думают, что города нарочно не отправляются для того, чтобы не в силах были обороняться от тех, которых гетман призовет». Был, очевидно, что был умысел на то, чтобы «...города нарочно.. не в силах были обороняться...!» Но они оборонились, выстояли, хотя и ценою гораздо больших, чем они могли бы быть, жертв своих людей. И потери противника могли быть гораздо большими. А всё вместе взятое, в проекции на Полтавскую битву, могло уменьшить утраты обеих сторон. Вот это и есть одна из составляющих кровавой «цены измены» Мазепы.

** Бутурлин Иван Иванович — стольник, был в «потешных» царевича Петра Алексеевича; шведский пленник в первом деле под Нарвой; сопровождал царя Петра I в поездке в Европу; участник судов над царевичем Алексеем и бароном Шафировым.

мель от набегов Крымской орды*. А в 1737 году, в начале русско-турецкой войны, в Полтаве стоял штаб главнокомандующего русской армией графа Б.-Х. Миниха**.

* * *

Некоторые данные о городе-крепости Полтава дает «Румянцевская опись Малороссии» 1765 года. В то время в главной части крепости вблизи соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы было «...казенное место... огорожено забором, на котором лежат ядра и бомбы артиллерийского ведомства да близ оногo пороховой погреб один...».

В другой части крепости был «...артиллерийский цейхгауз, в нем три амбара... для поклажи разных артиллерийских припасов»¹⁵¹.

За годы, прошедшие со времени Великой Северной войны, в городе произошли некоторые изменения. К примеру, улица, названная на плане И. Бишева Мостовой (шла от Киевского бастиона, где через ров был переброшен мост), в «Румянцевской описи» упоминается как Киевская. Указаны улицы: Успенская — от соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, Крыловская — от Крыловской (Куриловской) воротной башни, Воскресенская — от церкви Воскресения Господня, Никольская — от Свято-Николаевской церкви.

Граф Б.Х. Миних

План Полтавы 1748 года показывает на месте Басмановской башни Полтавский полубастион. Чернецкий бастион («раскат меньший») назван в труде Г.П. Данилевского Спасским (от Спасо-Преображенской церкви). И.Ф. Павловский в своем труде называет Мазуровскую башню Никольской.

* Такой набег, учитывая обстоятельства 1710–1711 гг., был весьма даже возможен; но Малороссия уже была надежно защищена «гранью дружеских штыков», а Полтава, как видим, в особенности.

** Граф Бурхард-Христофор Миних (1683–1767) был приглашен в Россию Петром I в качестве инженера и в его царствование занимался своим прямым делом (строил Ладожский канал). Но уже в 1732 г. был возведен в генерал-фельдмаршалы и сделан президентом Военной коллегии. Произвел благотворные, по оценкам современников, реформы в военном устройстве государства и совершил в 1736–1739 гг. успешные походы против турок.

* * *

...Во время осады крепости Полтава шведами в апреле — июне 1709 года её укрепления были весьма повреждены, особенно западный фронт. Пётр I лично и не единожды осматривал их и приказал реконструировать столь славную

Петр Первый.
Худ. П. Кузанын

«фортецию». Но в обстановке тех лет приказ был трудновыполним: забот прибавил неудачный Прутский поход*, много было ещё дел в Прибалтике и на Балтийском море — от Полтавы до Ништадта, в котором был заключён мир, пролегла длинная дорога протяженностью в 12 лет.

Тем не менее три года спустя после подписания мирного договора со Швецией, положившего конец Великой Северной войне, в 1724 году для инспектирования Полтавской крепости был направлен инженер-майор Деколонт, который осмотрел крепость, начертил её план и даже составил калькуляцию работ по реконструкции.

По его проекту трассирование линий обороны не претерпело существенных изменений. Исключение составил южный узел: вместо небольшого Подольского, у ворот, бастиона, названного в документах терминологически более точно горнверком**, появился треугольный в плане рavelин (то есть укрепление перед серединой фронта за рвом главного вала); при этом нетронутыми оставались и ворота, и башня, сохранившиеся из прежнего времени.

Бастион возле Киевских ворот (в документах инженер-майора Деколонта вновь-таки определённый как «горнверк с рavelином») капитально перепланировали, создав бастион регулярных очертаний. Бастион возле Спасской церкви ликвидировали вовсе, а север-

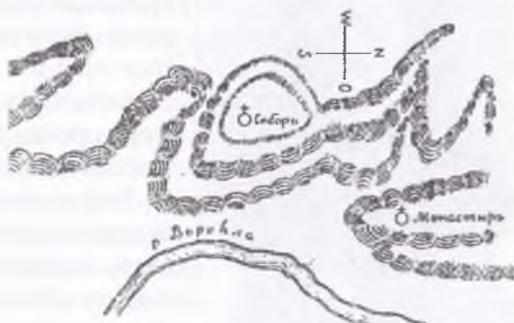
* Прутский поход во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг., когда в мае — июне 1711 г. Русская армия под командованием Петра I, состоявшего в союзе с молдавским господарем Д. Кантемиром, вступила в Молдавию, но была окружена превосходящими силами турок у Станилешти (юго-восточнее Ясс). Петру I удалось заключить так называемый Прутский мир, разрешивший ситуацию.

** Горнверк — укрепление, состоящее из двух полубастионов.

ный бастион («Чернечий») из квадратного переделали в пятиугольный. Подковообразный Подольский («восточный») претерпел такие же изменения.

Помимо этого, в период между 1722 и 1730 годами была скрыта внутренняя линия укреплений над Мазуровским яром, делившая крепость на две части. После этой, последней во времени реконструкции крепость имела высокие валы с частоколом, земляные бастионы правильных («регулярных») очертаний и восемь башен, сохранившихся с прежних времён.

В таком виде Полтава просуществовала вплоть до 1805 года, когда в связи с приданием ей статуса центра губернии* началось основательное перепланирование города. Валы и рвы были сначала

План Полтавы исследователя «полтавской старины в отношении ко времени Петра Великого» П. А. Китицына

прорезаны новопроложенными улицами, а затем, в 1817 году, валы срыли, рвы засыпали, и на их месте разбили бульвары, сады, а в некоторых местах освободившиеся площади отдали под плановую городскую застройку.

* Из Указа Правительствующего Сената про образование Полтавской губернии, данного 27 февраля 1802 г.: «Правительствующий Сенат слушали высочайше конфермованные Е.И.В. доклады Правительствующего Сената минувшего января 28-го, которыми все подданейше представлено было: 1-м, чтобы из Малороссийской губернии учредить две губернии и именовать оной Черниговскую, а другой Полтавскою губерниями, и в каждой из них быть по 12 поветов или уездов, а именно... Полтавской ныне существующим: 1) Полтавскому, 2) Кременчугскому, 3) Хорольскому, 4) Золотоношскому, 5) Лубенскому, 6) Гадяцкому, 7) Пирятинскому, 8) Переяславскому, 9) Прилуцкому, 10) Роменскому и вновь учредить 11) Константиноградской, возобновя подобным же образом прежде бывшее и в Константинограде уездное или поветовое управление, а 12) вместо теперешнего уездного города Зенькова, по сообразности лучшего вообще всех уездов расположения, возобновить бывший прежде уездным же, а до того еще Малороссийским полковым город Миргород с приписанием к нему повета и переведением туда из Зенькова уездных присутственных мест...» (Полный свод законов Российской империи. СПб. Т. XXVII. Ст. 20 162. С. 50–60).

СТАРЫЕ САНЖАРЫ*

В 19 километрах от Полтавы вниз по течению реки Ворскла находятся Старые Санжары (прежде писали: «Сенжары»); ещё 17 километрами ниже — Новые Санжары. Оба поселения, как полагают, основаны в начале XVII столетия польским шляхтичем Казаковским (или Казановским). Сами же земли в 1571 году (от Санжаровского перевоза до впадения Ворсклы в Днепр) были отданы польским королём во владение родовитому казаку Емельяну Ивановичу (с ударением на втором слоге). В самом начале XVII столетия большая часть этих земель перешла в собственность шляхтичу С. Гурскому. Он их продал в 1643 году Немиричам**. Частью же (непосредственно прилегающей к Днепру, у Переволочной) продолжали владеть вплоть до 1917 года наследники Емельяна Ивановича, от названия имения — Потоки (ныне село в Кременчугском районе Полтавской области) и получившие свою родовую фамилию — Потоцкие.

Название «Санжары» — тюркского происхождения; оно означает «брод», «урочище». Действительно, здесь на Ворскле с древних незапамятных времён существовала удобная переправа, в силу чего через Старые Санжары и пролёг Чумацкий шлях («путь»). Он (этот путь) был удобен, но труден: переправившись вброд через крохотные речушки Тагамлык, Быстрицу, а затем и неглубокую в этих местах Ворсклу на правый берег, чумаки вынуждены были разгружать свои возы и порожними вытаскивать на крутые склоны по глинистому грунту, при малейшем дожде превращавшемся в плотное густое месиво. Район современной застройки, прилегающий к этой дороге, до сих пор носит название Багно — т.е. «топь», «грязь», «болото». Путь этот был к тому же опасен, поскольку о торговом «шляхе» знали не только добрые люди, но и лихие. Из Крыма в Москву

* Главы «Старые Санжары», «Новые Санжары», «Белики» и «Соколка» составлены редактором настоящего издания.

** Слишком долго владеть этими землями Немиричам не пришлось. Ю. Немирич принял сторону мятежного малороссийского гетмана Выговского и в 1658 г. со своими казаками пошёл на Полтаву против Мартына Пушкаря. Был наголову разбит, и у него отобрали в качестве трофея 9 боевых флагов (Акты Южной и Западной России. Т. VII. СПб., С. 204, 209). Окончательно сгинул Ю. Немирич доподлинно неведомо как, где-то в белорусских землях.

действительно шли, в сущности, только две торные дороги: одна — через Перекоп на Тавань, далее на «замки», как их называли, Черкассы, Канев, Киев. Другая же пролегла через «поля яловые» (то есть пустые, безлюдные) на урочище Сан-Чарово.

Именно этим путём пошёл на свою беду во второй половине XVI века караван перекопских и кафских купцов, и именно здесь, вблизи урочища Сан-Чарово, на них напали сначала московские, а затем королевские (польские) казаки. Хан жаловался по этому поводу Ивану Грозному; так появилось первое письменное упоминание о Старых Санжарах*. Итак, переправу знали не только чумаки, но и степные кочевники**, позже крымские татары, совершавшие регулярные набеги на Переяславскую землю, южным форпостом которой была территория современной Полтавщины. Поэтому на крутых склонах над долиной Ворсклы и возникли здешние крепости. Следы по крайней мере двух из них сохранились в большей или меньшей степени до сих пор.

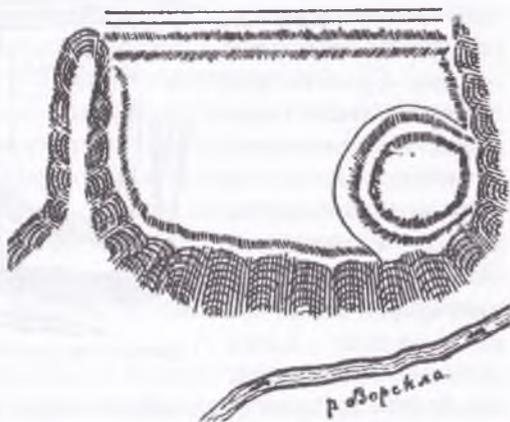
Вот что писал по этому поводу в начале XX века известный исследователь этих мест П.А. Кителин***: «Верстах в четырех к северо-востоку от местечка Старо-Санжарова, по дороге на деревню Булановку, есть урочище, именуемое городок или городище. Оно расположено на возвышающемся сажень на 25 (свыше 53 метров. — *Прим. ред.*) над уровнем долины выступе нагорного плато правого берега р. Ворсклы, круто спускающемся с трех сторон и имеющем вид четырехугольной площадки. Последняя занимает около 80 сажень (170 метров) в длину и около 40 сажень (85 метров) в ширину. От остального нагорья эта площадка отделена рвом и валом, протянувшимся сажень на 80. В юго-восточном углу городища находится полукруглой формы вал со рвом на внешней

* Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. Редакція УРЕ. К., 1967. С. 732–733.

** Есть сведения, что здесь в 1243 г. зимовала татарская орда. Вокруг зимовья были выставлены знамена и бунчуки, которые было видно издалека. По-тюркски они обозначаются словом «санджак». Отсюда происходит допущение, что название Сан-Чаров или Санчар возникло в это время (см.: Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1892. № 5. С. 214, 215).

*** Кителин Платон Александрович (1846–?) — историк, член Русского исторического общества. Ряд статей: «Путешествие Екатерины II в Крым», «Голос запорожского депутата во всероссийском собрании депутатов 1768 г.», «Турецкое посольство в 1793 г.» и др. Его работа «Кобелякская старина» была опубликована в сб. «Труды Полтавской учёной архивной комиссии» (Полтава, 1907. Вып. 4).

стороне, который прекрасно защищает означенный участок городища. Окружающий это красивое укрепление вал находится в связи с тем валом, что окружает всю четырехугольную площадку городища. Площадь этого небольшого городища занимает около 200 квадратных саженей; площадь же всего городища — около $1\frac{1}{2}$ десятины. Высота вала имеет около 2 саженей, местами доходит до $2\frac{1}{2}$ и 3 саженей.

«Курган» — древнее городище к северо-востоку от Старых Санжар. Рис. из исследования П. А. Кितिцына

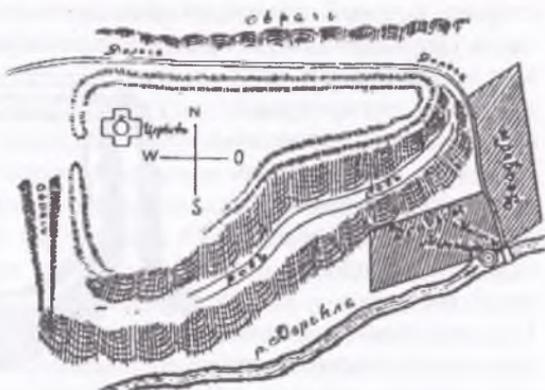
Среди местных жителей этот городок известен еще под названием кургана; по преданию, он служил для защиты от неприятелей. В прежние времена на этом месте, по словам крестьян, рос лес, который несколько времени назад уничтожен*.

В самом Старо-Санджарове, на горе, т. е. на том склоне нагорного плато, которое подходит к долине реки Ворскла, находятся следы древних окопов, не вполне хорошо сохранившиеся.

Расположено это городище на треугольной формы выступе, несколько полого спускающемся к долине реки Ворскла и по мере приближения книзу суживающемся все более и более, переходя в почти острый шпиль в несколько саженей ширины. Западная и северная стороны городища проходят близ оврагов с крутыми, обрывистыми стенками. В длину городище имеет около 200 саженей (426 метров) и в ширину — до 100 в широкой и наполовину меньше — в узкой частях. Вал и ров, некогда ограждавшие это городище со всех сторон, наилучше сохранились в западной и северной частях его, особенно же близ церкви (Св. Николая. — *Прим. ред.*) и над дорогой, идущей параллельно северному валу и несколько отстоящему от него провалью (входу в древний подземный ход. —

* Автором-редактором настоящей книги это место было обследовано совместно с учителем местной школы, краеведом С.В. Кульчинским. Хозяйственная деятельность в XX столетии полностью уничтожила все следы этого древнего памятника.

Прим. ред.). Въезд или ворота в городище находятся в западной части, напротив церкви. Судя по положению этого городища, его размерам, остаткам валов и рвов, можно полагать, что оно относится к числу древних городищ края и ввиду существования здесь древней переправы через реку должно было играть видную роль...»* (Китицын П.А. Указ. соч. С. 36–37).

Древнее городище Старых Санжар (по П.А. Китицыну)

* * *

«Видную роль» здешней переправы через Ворсклу шведы, судя по всему, прекрасно осознавали. Или (что вернее) им помогли осознать их роль. Сделали это наверняка отщепенцы из так называемого отряда запорожских казаков кошевого атамана Кости Гордиенко.

Течение событий было таково. Отметив, что на Раде в Глухове запорожцев не было, Пётр I 12 ноября послал в Запорожскую Сечь достаточно солидную депутацию во главе со стольниками Гавриилом Кисленским и Григорием Теплинским, в составе которой были также лубенский сотник Василий Савич и представитель от киевского митрополита, архимандрита Межигорского монастыря Иосифа Кроховского — Иродион Жураховский. Они привезли запорожцам царскую грамоту, в которой сообщалось об избрании нового гетмана Малороссии Ивана Ильича Скоропадского и содер-

* В отличие от первого городища, это, западнее от первого расположенное и отстоящее от него на расстоянии 2,5 километра, в общих чертах сохранилось. Отчётливо видны валы (практически со всех сторон), фундамент старой Николаевской церкви, круглой формы провалы на месте входов в подземные галереи (доходившие, по рассказам местных жителей, до соседних сёл) и имеющие вид неглубоких оврагов впадины, тоже якобы на месте обвалившихся подземных ходов. Увы, всё старое городище пребывает в запустении; исследовательских работ здесь не проводилось никогда.

жалось предостережение, дабы они, сечевики, бдили, чтобы «по прелестям и изменническим умыслам Мазепиным» не было нападения от татарской орды на Малороссию. Послы привезли: обычное годовое жалованье в 12 тысяч рублей, а помимо этого — кошевому ещё 500 червонцев и старшине 2 тысячи рублей.

Но в Запорожье произошел раскол: мудрые «старики», составлявшие основную массу запорожцев, горой стояли за Россию, против шведов и предателей. Неразумная крикливая «молодежь» во главе с Гордиенко — за Мазепу. Деньги, конечно, забрали, но при этом послов унижали, грозились сжечь, убить или утопить. Царю написали оскорбительное письмо «с нареканием и бесчестьем... чина многие неприличные запросы и досадительные коризны и угрозы»*.

И это было только начало. Масла в огонь подлил вскоре появившийся посланец Мазепы. Тот самый обанкротившийся гетман, который совсем недавно сам предлагал Петру «скоренити поблизу Сечи будучие городки — каменный Затон и Самарские Городки», выжечь Сечь огнем и мечем, как источник «непокоры», предлагал теперь запорожцам принять сторону шведского короля, чтобы вместе выступить против России. Это письмо Мазепы не возымело должного действия, запорожцы по-прежнему тянули кто куда.

Пётр вновь повелел (23 ноября) отправить на Сечь годовую плату, по 40 пудов пороха и свинца, а также богатые подарки атаману, судье, писарю и есаулу.

Мазепа вдогонку первому послал «обширно написанный универсал» и «особенный лист», в котором измышлял «московские вины» и вновь призывал выступить заодно со шведом против России.

5 января 1709 года Петром I была отправлена на Сечь очередная грамота «Кошевому атаману и всему посольству», а в феврале месяце — войсковые клейноды.

Мазепа послал свою очередную делегацию увещавателей во главе с бывшим генеральным судьей Чуйкевичем, бывшим киевским полковником Мокиевским и сыном бывшего переяславского полковника Мировичем. Это посольство мутило воду на Сечи уже в отсутствие Гордиенка — с отрядом в тысячу человек он 1 марта 1709 года выступил на Переволочну. Здесь 12 марта Гордиенко собрал «раду» и с позиции силы (переволочанский полковник Несту-

* Источники малороссийской истории. Ч. II. С. 224.

лей располагал вдвое меньшим количеством «голосов») убедил гарнизон крепости выступить на его стороне (несогласные, а их было немало, в тот же день ушли в Запорожье).

Спустя два дня, 14 марта, гордиенковцы совместно со шведами напали на русский гарнизон в Царичанке, убив многих и взяв в плен 150 человек*. Часть пленников была тотчас отправлена крымскому «патрону» — хану Давлет-Гирею II (лютейшему ненавистнику России), часть — шведскому королю Карлу XII, «ласки» которого так упорно добивался Кость Гордиенко.

«Подарок» был доставлен Карлу XII спустя 5 дней, 19 марта, и «вручен» в Великих Будышах, где уже две недели как обосновалась очередная (и последняя по счёту) «главная квартира» северного завоевателя. Гордиенковцев, никакущих, но тем не менее же-

* Царичанку защищал отряд русской армии под командованием полковника Кампеля. Под давлением превосходящих сил противника ему пришлось отступить, потеряв некоторое количество своих людей убитыми, ранеными и пленными.

Но об инциденте под Царичанкой в русской «главной квартире» стало известно уже 18 марта, спустя всего три дня после события. И уже на следующий день, 19 марта, на помощь Кампелю выступили 4 полка драгун и 4 полка пехоты под общим командованием генерал-лейтенанта Ренне. Встреча его соединения с отрядом Кампеля произошла в начале апреля, в междуречье Ворсклы и Орели, в южной части современного Новосанжарского района. Кампель и Ренне сообща овладели Нехворощей и Маячкой, отбросив мазепинцев на правый берег Ворсклы, и густой гребёнкой прошли от Новых Санжар до Соколки, очищая территорию от шведов и казаков-предателей.

Карл XII, бив поставлен в известность об этом рейде, оперативно послал генерал-майора Круза с 4 тысячами драгун и 4 пушками на выручку своим. Соединившись в Новых Санжарах с 3 тысячами мазепинцев, Круз устремился вдогонку за Ренне и Кампелем. 12 апреля под Соколкой (теперь Правобережная Соколка Кобелякского района Полтавской области) состоялось сражение, в котором Круз был разбит и бежал, спасаясь, опять к Полтаве.

Заметим при этом, что всего лишь в 48 километрах отсюда, в местечке Голтва (Говтва), стояли русские войска генерал-майора Волконского и украинские казаки Данилы Апостола, «оборонявшие от шведов границу Псла и весь прилегающий район» (Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. С. 446). Вмешайся они в этот конфликт — и как знать, удалось ли после этого Крузу избежать полного разгрома.

Таким образом, на момент подхода к Переволочной отряда полковника Яковлева (18 апреля) во всей округе не было равным счётом никаких войск, способных хотя бы потенциально ему противодействовать: стало быть, лишение шведской армии средств к переправе являлось хорошо продуманной и надлежаще обеспеченной операцией.

ланных союзников (потому что единственных), король принял аж дважды, при этом угощал и поил, награждал подарками. Самому Гордиенко этого было мало: желая выслужиться для пушного «ласкания», он, продвигаясь вверх по течению Ворсклы к Полтаве, «изменнически в ночи» напал на русские гарнизоны в Кобеляках, Маячке, ибо те от запорожцев, «яко неприятелей не опасались», некоторых убивал, а оставшихся в живых брал в плен и отводил к шведам*. Помимо этого, Гордиенко строчил и рассылал во все стороны свои «универсалы», а 15 марта сподобился даже на письмо к Станиславу Лещинскому, начинавшееся словами: «Наияснейший вельможный король польский, нам велце пане милостивый...» Письмо попало в руки русского командования, было опубликовано, и после знакомства с этим образцом подлинного лизоблюдства и пресмыкательства перед королём ляхов «Костю» подавляющее большинство малороссийских казаков больше вообще за человека не считали.

Сполна набравшись «заслуг» самого что ни на есть сомнительного свойства, Гордиенко 27 марта 1709 года предстал перед «наияснейшие очи короля» и был в полной мере им «обласкан». Гнусная попойка, устроенная Мазепой Гордиенко и его «лыщарям» во дворце убитого им Кочубея, окончившаяся разграблением (дескать, по старому обычаю) дорогой посуды и убийством здесь же, на виду стола с объедками, мазепинского управляющего-поляка, дерзнувшему сделать замечание вора́м; взаимные клятвы Мазепы и Гордиенко друг другу (непонятно только, чем клялись: один намедни был широкозвучно отлучён от Церкви, и анафемствование распространялось на каждого, кто станет с ним заодно), присяга Гордиенко иноземному завоевателю — всё это относится как раз к этим окаянными дням конца марта 1709 года.

Все эти театрализованные действия, на самом деле мало кому интересные, вылились в действительно большую беду. Запорожцы Гордиенко отошли к Новым Санжарам, где и стали табором. Но, поскольку питаться им чем-то было нужно, они ватагами («купами») напали на сёла, разоряли пасеки, силой отбирали у жителей «хлеб и всякий харч», «и хозяевам ни в чем (от них) воли нет», — свидетельствовал кобелякский казак Герасим Лукьянов**.

* Источники малороссийской истории. Ч. II. С. 225.

** Там же.

Но одно дело — третиловать незащитное население, и совсем другое — встретиться с теми, кто способен был оказать вооруженный отпор. Не только супротив регулярных войск, но и против казачьих отрядов гордиенковцы были, как правило, бессильны. Классическим примером здесь служит случай преследования партизан отрядом гордиенковцев числом в 500 сабель, посланных именно с этой карательной целью Карлом XII 27 апреля 1709 года в сторону Слобожанщины. Этот отряд нарвался на чугуевских казаков, добровольно составивших свою «партию», уже разбивших шведов и конвоировавших их в расположение русских войск. «Встретившись с запорожцами, чугуевцы перекололи пленных и приняли бой. Хотя чугуевцев было вдвое меньше (численность отряда действительно составляла 250 человек. — *Прим. ред.*), они вели бой с таким мужеством, что в короткое время уничтожили 150 запорожцев и 29 взяли в плен. Чугуевцы потеряли в этом бою 21 человека убитым и 38 поранеными»*.

* * *

Гордиенковцы распространяли своё влияние на территорию ниже Новых Санжар — Келеберду, Переволочну и даже на противоположную сторону Днепра, планируя поход на Умань. Планы эти были насколько смелы, настолько и нереальны: Правобережье держалось за единство со своими единоверными братьями. «Белоцерковский сотник М.Е. Омельченко заверил Петра I, что правобережные казаки ненавидят Мазепу. Посланные в Чигирин и Богодухов мазепинцы были задержаны и доставлены в Киев»**.

Шведы же после переноса штаб-квартиры Карла XII в Великие Будыща стали занимать квартирный район, с севера ограниченный Опошной, Лютенькой и Петривкой, а с юга — Решетилровкой и Сан-

* Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. С. 212). Это же известие содержится в напечатанных в 1849 г., тогда ещё не полностью, известных «Записках П.Н. Крекшина» — петровского писаря и «комиссара девятого класса по подрядам», современника описываемых событий, много записавшего как по памяти, так и перенесшего в свои записки из подлинных документов, к которым он получил доступ в правление императрицы Елизаветы.

Относящиеся к 1708 и 1709 гг. записки П.Н. Крекшина были опубликованы в 97-м томе «Библиотеки для чтения».

** Маркевич А. Великий подвиг. К 250-летию Полтавской битвы. К.: Изд-во Киевского ун-та, 1959. С. 85.

жарами. Здесь, в Старых Санжарах, они и разместили свой, поди первый за всю историю Полтавщины, концентрационный лагерь*, куда ими были переведены многие пленные, в том числе гарнизон героического Веприка. Здесь они находились до 14 июня 1709 года.

Узникам в конце концов удалось своё «таинственное через тамошних обывателей письмо» передать царю Петру. В нём они сообщали о малочисленности своих тюремщиков и просили прислать войско для их освобождения.

Мысли царя были всецело заняты подготовкой к генеральной баталии, до которой оставалось всего-то чуть больше двух недель. Тем не менее он немедленно послал на этот зов семь полков под командованием генерала Генскина**.

* Описание, «как это было», можно найти, в частности, у Даниэля Крмана, которого с полным правом следует отнести к шведским, причём пристрастным, летописцам: «21 мая (стиль применён григорианский, отличавшийся в то время от юлианского на 11 дней) с Опошни и Будыщ отводили в Старые Санжары веприкских пленных москалей. Потом эти оставленные шведами города были сожжены...(sic!)... Они (пленные) в Старых Санжарах продержались больше месяца, 25 июня были освобождены... (14-го по нашему, тогда действительному, календарю). На город, в котором после недавней кобилецкой битвы (разгрома под Соколкой) несчастный генерал-майор Крузе разместил свой и какой-то иной полки, внезапно напали восемь тысяч москалей... Презирая смерть, враги разбили стену из тяжкого кирпича (т.е., всего вероятнее, крепостную стену. — Прим. ред.) и освободили пленных» (Крман Д. Подорожній щоденник (Itenerarium 1708–1709). К.: Просвіта, 1999. С. 80).

** Семь «полноформатных» полков, да ещё и отряды малороссийских казаков Данилы Апостола, которые оперировали в этой местности и не упустили бы возможности лишний раз поквитаться с оккупантами и их пособниками — это действительно более 8 тысяч человек, что формально совпадает с данными Д. Крмана. Но есть иные, более точные сведения. «По позднейшим данным, у генерал-лейтенанта Генскина было всего 2500 драгун и один пехотный Астраханский полк, когда он подошел к Старым Сенжарам (т.е. 3500–3700 человек. — Прим. ред.). В городе находился генерал-майор Круус (Круз) с войском в 3500 человек. Русские «штурмом город счастливо взяли и шведов в городе порубили и обоз и королевскую многую казну и знамена и офицеров и солдат взяли и невольников, взятых в Веприке, освободили» (ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. 1709. Кн. II. Д. 10. Л. 88–89 об., Из Москвы, 1709 году, июня 2. Тихон Стрешнев — Петру I).

«Шведов в Старых Сенжарах не спасло и очередное (sic!) гнусное зверство: они, собираясь уйти из Старых Сенжар, решили перебить всех русских пленных. Успели они убить лишь 170 человек, Генскин явился, когда его в этот день ещё вовсе не ждали, и как раз прервал шведов в разгар их «работы» по убийству пленных. Во время переполоха, вызванного нападением, русские разбили око-

Но одно дело — третировать беззащитное население, и совсем другое — встретиться с теми, кто способен был оказать вооруженный отпор. Не только супротив регулярных войск, но и против казачьих отрядов гордиенковцы были, как правило, бессильны. Классическим примером здесь служит случай преследования партизан отрядом гордиенковцев числом в 500 сабель, посланных именно с этой карательной целью Карлом XII 27 апреля 1709 года в сторону Слобожанщины. Этот отряд нарвался на чугуевских казаков, добровольно составивших свою «партию», уже разбивших шведов и конвоировавших их в расположение русских войск. «Встретившись с запорожцами, чугуевцы перекололи пленных и приняли бой. Хотя чугуевцев было вдвое меньше (численность отряда действительно составляла 250 человек. — *Прим. ред.*), они вели бой с таким мужеством, что в короткое время уничтожили 150 запорожцев и 29 взяли в плен. Чугуевцы потеряли в этом бою 21 человека убитым и 38 поранеными»*.

* * *

Гордиенковцы распространяли своё влияние на территорию ниже Новых Санжар — Келеберду, Переволочну и даже на противоположную сторону Днепра, планируя поход на Умань. Планы эти были насколько смелы, настолько и нереальны: Правобережье держалось за единство со своими единоверными братьями. «Белоцерковский сотник М.Е. Омельченко заверил Петра I, что правобережные казаки ненавидят Мазепу. Посланные в Чигирин и Богодухов мазепинцы были задержаны и доставлены в Киев»**.

Шведы же после переноса штаб-квартиры Карла XII в Великие Будыща стали занимать квартирный район, с севера ограниченный Опошной, Лютьенькой и Петривкой, а с юга — Решетилровкой и Сан-

* Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загартників у 1708–1709 рр. С. 212). Это же известие содержится в напечатанных в 1849 г., тогда ещё не полностью, известных «Записках П.Н. Крекшина» — петровского писаря и «комиссара девятого класса по подрядам», современника описываемых событий, много записавшего как по памяти, так и перенесшего в свои записки из подлинных документов, к которым он получил доступ в правление императрицы Елизаветы.

Относящиеся к 1708 и 1709 гг. записки П.Н. Крекшина были опубликованы в 97-м томе «Библиотеки для чтения».

** Маркевич А. Великий подвиг. К 250-летию Полтавской битвы. К.: Изд-во Киевского ун-та, 1959. С. 85.

жарами. Здесь, в Старых Санжарах, они и разместили свой, поди первый за всю историю Полтавщины, концентрационный лагерь*, куда ими были переведены многие пленные, в том числе гарнизон героического Веприка. Здесь они находились до 14 июня 1709 года.

Узникам в конце концов удалось своё «таинственное через тамошних обывателей письмо» передать царю Петру. В нём они сообщали о малочисленности своих тюремщиков и просили прислать войско для их освобождения.

Мысли царя были всецело заняты подготовкой к генеральной баталии, до которой оставалось всего-то чуть больше двух недель. Тем не менее он немедленно послал на этот зов семь полков под командованием генерала Генскина**.

* Описание, «как это было», можно найти, в частности, у Даниэла Крмана, которого с полным правом следует отнести к шведским, причём пристрастным, летописцам: «21 мая (стиль применён григорианский, отличавшийся в то время от юлианского на 11 дней) с Опошни и Будыщ отводили в Старые Санжары веприкских пленных москалей. Потом эти оставленные шведами города были сожжены... (sic!)... Они (пленные) в Старых Санжарах продержались больше месяца, 25 июня были освобождены... (14-го по нашему, тогда действительному, календарю). На город, в котором после недавней кобилецкой битвы (разгрома под Соколкой) несчастный генерал-майор Крузе разместил свой и какой-то иной полки, внезапно напали восемь тысяч москалей... Презируя смерть, враги разбили стену из тяжкого кирпича (т.е., всего вероятнее, крепостную стену. — Прим. ред.) и освободили пленных» (Крман Д. Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709). К.: Просвіта, 1999. С. 80).

** Семь «полноформатных» полков, да ещё и отряды малороссийских казаков Данилы Апостола, которые оперировали в этой местности и не упустили бы возможности лишний раз поквитаться с оккупантами и их пособниками — это действительно более 8 тысяч человек, что формально совпадает с данными Д. Крмана. Но есть иные, более точные сведения. «По позднейшим данным, у генерал-лейтенанта Генскина было всего 2500 драгун и один пехотный Астраханский полк, когда он подошел к Старым Сенжарам (т.е. 3500–3700 человек. — Прим. ред.). В городе находился генерал-майор Круус (Круз) с войском в 3500 человек. Русские «штурмом город счастливо взяли и шведов в городе порубили и обоз и королевскую многую казну и знамена и офицеров и солдат взяли и невольников, взятых в Веприке, освободили» (ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. 1709. Кн. II. Д. 10. Л. 88–89 об., Из Москвы, 1709 году, июня 2. Тихон Стрешнев — Петру I).

«Шведов в Старых Сенжарах не спасло и очередное (sic!) гнусное зверство: они, собираясь уйти из Старых Сенжар, решили перебить всех русских пленных. Успели они убить лишь 170 человек, Генскин явился, когда его в этот день ещё вовсе не ждали, и как раз прервал шведов в разгар их «работы» по убийству пленных. Во время переполоха, вызванного нападением, русские разбили око-

вы, которые были на них надеты, этими же оковами перебили всю стражу и присоединились к русскому отряду» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 372).

* * *

Молниеносная реакция царя Петра на призыв военных узников о помощи совершенно понятна. Ему ли было не ведать, как именно шведы относятся к пленным? Это стало широко известным со времен Нарвы

Над Ворсклой в с. Старые Сенжары.
Открытка конца XIX — начала XX в.
Фото В. Светличного

1700 г., когда многие русские пленные были отпущены шведами домой с отрубленными пальцами на ногах или указательным и большим пальцем на правой руке (чтобы фузеи держать не могли); со времени шведской победы под Фрауштадтом 1706 г., когда «взятых наших в полон великороссийского народа ратных людей... на третий день после взятия... тиранским способом... по-

сечь и поколоть велели» (положа друг на друга по два и по три человека сразу, прокалывали штыками и иными способами лишали жизни). Аналогичным, к слову говоря, было отношение шведов и к пленным малороссиянам: когда король шведский «на часть одну малороссийских войск, в Великой Полши бывших, напал и оную разбил», обессиленные казаки, «видя изнеможение свое, оружие положа, пощады от него просили»; однако же победитель «в ругательство сему малороссийскому народу» распорядился умертвить пленников, причем «немилосердно палками, а не оружием, до смерти побить их повелел» (ЦГАДА. Ф. «Малороссийские дела». 1708. Д. № 72. Л. 27–28 об.).

Это были не единичные случаи, а именно система, причем действовала она не только против одних лишь пленных воинов, но и относительно мирного населения, притом даже не оказывавшего шведам противодействия: «Как ныне в нескольких деревнях многих поселян, не супротивляющихся ему, с женами и детьми порубить велел», — говорится в одном документе (Письма и бумаги... Т. VIII. Вып. I. С. 276–284. № 2816).

Подобное, заметим, продолжалось до самых последних дней пребывания шведов под Полтавой: так, поймав четырёх «поселян», лишь заподозренных во вредительстве шведам, оккупанты двух из них изжарили живьем, а двоих, отрезав им носы и уши, отпустили в распоряжение русских войск (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 359 со ссылкой на шведский источник — записки пастора и духовника короля Карла XII Нордберга: Nordberg J.A. Histori de Charles XII. Т. II. Р. 292). Приводя достаточно много примеров подобной практики, Е.В. Тарле заключает: «Попавших в плен крестьян и казаков шведы убивали после долгих, жестоких истязаний» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 359).

Главным тюремщиком здесь, в Старых Санжарах, был в это время крайне жестокий (вспомним эпизод с сожжением Куземина и близлежащих сёл) и весьма бездарный, лишь намеренно «отличившийся» (в апреле 1709 года), когда его послали на помощь запорожцам из уже взятой к тому времени русскими войсками Переволочной Крузе*. Отряд А.Д. Меншикова основательно потрепал тогда его отряд под Соколкой и отогнал назад к Полтаве. Подполковнику Юрлову, содержащемуся под караулом (надо полагать, в старой крепости), удалось в ожидании освобождения сплотить пленных. Поэтому когда они слышали выстрелы вблизи и поняли, что воля близка, то разбили колодки и начали избивать ими своих мучителей.

Современный вид валов крепости-городища в Старых Санжарах

* Крузе (Крусе, Круз) Карл Густав – генерал-майор, участник Великой Северной войны с самого начала её и до конца июня 1709 г. Кавалерийский офицер. Самое большее, что ему доверялось, – быть командиром небольшого соединения, не имеющего самостоятельной задачи. После своей неудачи (скажем так) под Старыми Санжарами, летом 1709 г. состоял на полковничьей должности, командуя Уппландским конным резервным полком.

Уппландский пехотный полк был *tremanningsregementen* – «третьеочередной». Он носил название, как это было принято, лёна, в котором формировался или квартировался. Шведские полки, помимо наемных, составлялись путем рекрутских наборов исходя из системы поземельной зависимости – индельты. Община выставляла рекрута, в случае ухода которого на войну объявлялся второй и третий набор. Уппландский полк, шефом которого был в 1700–1712 гг. граф А.Л. Левенгаупт, назывался просто «полком Левенгаупта» и особой боеспособностью не отличался. (См.: Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. СПб., 1992. № 1).

Этот полк оказался и в стороне от главных событий Полтавской битвы 27 июня и потому, уцелев, благополучно и в боеспособном состоянии отошел к Переволочной. Тем не менее на совещании у главнокомандующего шведскими силами, оставленными королём на левом берегу Днепра, генерал-лейтенанта Адама Людвиг Левенгаупта, устроенном с целью выяснить мнения относительно предложенной А.Д. Меншиковым капитуляции, Круз чуть ли не настоятельнее всех требовал согласиться на условия победителей и практически безоговорочно сложить оружие.

И.И. Голиков в своей работе «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам», описывает это дело так: «Тревога, учинившаяся в городе, возвестила г. Юрлову о прибытии к нему помощи; он повелел содержащимся с ним россиянам разбивать свои колодки; вмиг сие исполнено, и, употребляя оные вместо оружия, бросились как вырвавшиеся из оков львы, на стражу, перебили оную, потом напали на гарнизон и способствовали тем самым к легчайшему овладению осаждавшему генералу городом и крепостию». Шведы, однако, всё же успели переколоть штыками 147 безоружных пленных, но и сами потеряли в бою свыше 800 человек убитыми. 1200 русских пленников обрели свободу. В качестве трофеев Генскин взял 8 шведских флагов, 2 пушки, около 200 повозок с разным имуществом и 22 тысячи саксонских талеров.

За организацию восстания внутри крепости и оказание помощи русским войскам во время овладения Старыми Санжарами Пётр I пожаловал Юрлова званием полковника.

НОВЫЕ САНЖАРЫ

Новые Санжары были крайним (с юга) поселением, где шведы, захватив это местечко весной 1709 года, держали свой постоянный гарнизон (вместе со сторонниками И. Мазепы и К. Гордиенко).

Поселение было, судя по всему, невелико: на карте де Боплана (напомним, 2-я половина XVII столетия) отмечен, правда, «Санжаров Новый» — как один из населённых пунктов Черкасского старства, — но среди 19 городов и местечек, вписанных в реестр Полтавского полка 1649 года, он ещё не значится.

Универсалами Богдана Хмельницкого 1650 и 1651 годов здесь было позволено селиться беглецам с правой стороны Днепра. Известна и численность населения в то время: в 1654 году здесь присягали на верность России атаман, войт, писарь, 101 казак и 50 мещан.

Новосанжарская сотня в 1661–1663 годах входила в состав Кременчугского полка.

Этот полк был организован по инициативе наказного гетмана Акима (Якима) Сомка и просуществовал менее трёх лет; после казни А. Сомка его ликвидировали, а территорию поделили между Лубенским, Миргородским, Чигиринским и Полтавским полками.

Новые Санжары ввиду территориальной близости, естественно, отошли к Полтаве.

Во время постоя в Новых Санжарах шведы занимались тем, что ремонтировали старые мосты через Ворсклу*. Население эта активность беспокоила (возможно, люди связывали её с ожиданием шведами орды?). В любом случае «все тамошние жители от мeste-

* Эти «ремонтные работы» были не столь бессмысленны, как это может показаться на первый взгляд. Гордиенко, отаборившемуся вместе со шведами в Новых Санжарах, всё же удалось вступить в связь с крымским ханом, который во второй половине июня уже шёл сюда со своей ордой. Откуда такой вывод?

Дело в том, что связным Карла XII с крымским ханом, возбуждавшим его на поход в Малороссию, был шведский полковник Лагерберг. В 1710 г. он записал в своем дневнике, имея в виду свои пока что безуспешные переговоры, имевшие целью сорвать орду в набег на Малороссию, от чего Давлет-Гирей II уклонялся под предлогом, что он-де не имеет на то разрешения султана: «Я напомнил, что в прошлом году хан точно так же шел к Полтаве без разрешения императора (султана), тогда он (крымский хан) ответил, что имел на это разрешение императора, а когда выступил в поход, получил контрприказания» (Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. С. 97).

Кроме того, следует знать, что на Малороссию и сопредельные с нею юго-западные земли России (Московии) давно нацеливалась и другая, ногайская орда. В общем контексте русско-турецких договоренностей её (ногайскую орду), как вассала Турции, удалось на данном этапе нейтрализовать заранее, ещё в 1707 г. — тогда Портой был смещён по русским требованиям татарский князь Гази-Гирей, допускавший набеги татар и ногайцев на русские земли.

Силистрийского Юсуф-пашу удалось склонить на свою сторону как добрым словом, так и подкупом (обычная практика в Турции). Получая «прельстительные письма» от Мазепы с призывом идти в Малороссию на поддержку Карлу XII, получив в качестве своего рода предоплаты право пограбить города, высказавшие верность русским, он незамедлительно пересылал султану эти письма со своим «мнением»: в войну с Россией ввязываться не стоит, поскольку дела у шведов весьма плохи.

Положительным фактором, в полной мере учитываемым русскими дипломатами, была также личная вражда Юсуф-паши с крымским ханом, которому он не хотел помогать в его военных планах.

Фактором обратным, крайне негативным в отношениях России с Крымом, стало возвращение из ссылки на Родосе яркого ненавистника России — хана, принявшего затем власть под именем Давлет-Гирея II (после смерти своего отца Селим-Гирея, последовавшей в 1704 г.). Всего лишь годом ранее, в 1703-м, изменились политические конъюнктуры и в самой Турции: султан Мустафа II, правивший с 1695 г. и заключивший с Россией 30-летний Константинопольский мир 1700 г., был свергнут своим братом, взошедшим на престол под именем Ахмеда (Ахмада) III (правил страной в 1703–1730 гг.). За его спиной составила «партия войны», которую возглавил великий визирь Чорлулу Али-паша вкупе

с Давлет-Гиреем. Первый, значительно превышая свои полномочия и действуя грубо вразрез с прежними договоренностями, дал распоряжение оказать помощь шведам, увязшим под Полтавой, второй с готовностью бросился их исполнять.

Ситуацию спасла осведомленность об этих тайных происках русской дипломатии. Возглавлявший русское посольство П.А. Толстой нашел способ связаться с матерью султана (султан-валиде), стоящей во главе придворной партии, и та сумела убедить сына приостановить подготовку к войне, «которая принесет Турции много бед и несчастий» (см.: Турция накануне и после Полтавской битвы. М.: Наука, 1977).

Однако на тот момент (в канун Полтавской битвы) приход орды ожидался, что называется, со дня на день. Об этом есть известие в письме полтавского коменданта А.С. Келина к светлейшему князю А.Д. Меншикову, отправленному из осаждённой крепости 4 июня. Алексей Степанович пишет, что, со слов перешедшего к ним от шведов «волошского хлопца» Сидора Грищенко, крымских татар шведы ждут к 10 июня (Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 370).

В расспросном листе этого Сидора Грищенко, опубликованном в третьем томе «Трудов Императорского Русского исторического общества» (стр. 206, № 202), зафиксированы его слова о том, что «...пришли до короля от арды послы, а слышно, что всеконечно есть четыре тысячи арды в Кобыляке, а другие перебираютца через Днепр, а пришла арда крымская и белгородская, а другая половина арды пошла до польского короля, а когда арда прибудет к Полтаве, в те поры Полтаву добудут, а слышно, что Полтава и так хочет сдатьца. А ушел от шведского войска, что есть нечего и купить негде».

Стоит никогда не забывать: в отличие от Карла XII, обладавшего фантазией неуёмной и безудержной — достаточно сказать, что из-за грёз завоевать чуть ли не весь мир из Польши «он даже тайно посылал своих офицеров в Азию и Египет, дабы снять планы городов и разузнать о силах держав там расположенных» (Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 107), и Мазепа его просто-таки потряс, сообщив, что вожденная Азия находится рядом, километрах в восьми от того места, где они находились в крайней точки Слобожанщины — то есть раз в шесть ближе, чем до Харькова, — и король готов был тут же двинуть свои полки туда, лишь бы «побывать в Азии» (случай описан, в частности, в упомянутой книге Е.В. Тарле «Северная война и шведское нашествие на Россию», с. 301), — так вот, в отличие от этого коронованного прожектёра, турки обладали мышлением сугубо конкретным и прагматичным. Их приход означал бы получение права совершенно безнаказанно грабить, жечь всё подряд и толпами угонять пленников в Кафу: как для своих, если можно так выразиться, нужд, так и для продажи. Иными словами: сбудься намеченное Мазепой и Гордиенко — этот набег превзошел бы всё прежде виданное в здешних местах (учитывая масштаб всенародной, не побоимся этого слова, поддержки местным населением русских сил, на месте Полтавщины, Слобожанщины и Правобережья осталась бы, пожалуй, одна безлюдная, выжженная земля).

чек и сёл бегут по лесам и в другие места», — сказывал Федор Скрыпников в посольской походной канцелярии. Впрочем, чем ближе к развязке 27 июня 1709 года, тем активнее начинали вести себя эти самые «жители». Пример показали казаки-партизаны Данилы Апостола: 5 апреля они напали под Новыми Санжарами на шведов и запорожцев Гордиенко, уничтожили 60 и взяли в плен 20 человек. Повторно значительная активность партизан под Новыми Санжарами была документально зафиксирована 25–28 мая. Выразилась она в нападении на отряд шведских фуражиров численностью 200 человек. При этом 61 швед погиб и 4 из них взяли в плен. «...Партеи наши повсякдневно, где могут неприятеля утомляют и конницу неприятельскую на ноги поставляют ибо такого дня нет, чтоб от неприятелей к нам лошадей не отгоняли»*. Иной раз это были действительно крупные партии — скажем, 15 и 17 мая у шведов угнали 1100 лошадей, в том числе лично принадлежащих уже не раз упоминавшемуся нами генерал-майору Крузе.

Памятник, который был установлен в Новых Санжарах в дни празднования 200-летия Полтавской битвы

Путь отступления остатков шведской армии после её разгрома под Полтавой 27 июня шёл именно через эти места**. Раненый и

* ЦГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. 1709. Кн. №9. С. 441–442.

** «...Уже после Полтавы к русским перебежал из шведского отряда, стоявшего в Новых Санжарах, капрал Роленц-Вейц, сообщивший, что в Новых Санжарах стоит драгунский полк численностью 1050 человек и, кроме того, 300 человек казаков (мазепинцев). В Старых Сенжарах стояло тогда же три драгунских полка. И все эти силы так и простояли до сдачи в плен, не принимая участия в битве под Полтавой» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 372).

Если принять это утверждение за истину, то оно ещё больше ломает общепринятую версию о сколько-нибудь организованном отступлении шведов после поражения под Полтавой. Ведь на произвол судьбы был брошен не какой-нибудь единичный часовой на отдалённом складе имущества, а целый воинский контингент численностью до пяти тысяч человек, притом расположенный в непосредственной близости от магистрального, так сказать, пути отступления шведской армии к Переволочне.

разбередивший активным движением повреждённую ногу во время битвы, Карл XII ночь с 27 на 28 июня провёл в Новых Санжарах.

* * *

Дополнение (из записок Я.Г. Иванюка)

На карте де Боплана Новые Санжары обозначены как действительно новый населенный пункт. Но уже в то время (начало XVII века) город был обведен защитной оградой, включавшей земляные валы и рвы. П.А. Кителин сообщает, что Новосанжарская крепость, по рассказам местных старожил, имела укрепления «подобные Кобеляцким». Длина её внешней ограды равнялась 2,5 тысячи метров. Её юго-восточный участок проходил по береговой линии над Ворсклой и имел длину 600 метров.

Цитадель находилась в северо-восточной части города на самом высоком его участке. С северной и северо-восточной части крепости на оборонной стене были оборудованы пять бастионов, следы которых сохранились поныне.

ВАСЮРИНА ГОРА И БЕЛИКИ

Следующим значимым в свете описываемых событий населённым пунктом, расположенным вниз по Ворскле в направлении Переволочной, являются, несомненно, Кобеляки. Здесь король Карл XII провёл последнюю свою ночь на Левобережье, в Малороссии. Здесь же, на юго-западной окраине местечка Кобеляки, на рубеже речки Кобелячки шведы попытались (совершенно безуспешно) организовать заслон корволанту («летучему отряду») русских войск, путившемуся вдогонку за убегающим шведским королём и его незадачливым подручным — Мазепой.

При этом следует помнить, что Карл XII со своей вполне боеспособной, хотя и деморализированной, подавленной поражением армией отступал от Полтавы отнюдь не по голой степи. Он шёл по старой Полтавской (иначе Кременчугской) дороге, причудливо извивавшейся вдоль правого берега Ворсклы, где было достаточно много опорных пунктов, пригодных для организации эффективной обороны. Коль скоро эт ого не случилось, можно с уверенностью говорить о том, что поражение под Полтавой было для него настолько оглушительным, что ни о чём другом, кроме как о бегстве из этих мест король (о Мазепе и вовсе речи нет), просто не помышлял.

Самыми примечательными крепостями, стоявшими на отрезке пути между Новыми Санжарами и Кобеляками, были Васюрина гора и Белики.

«Близ хутора, носящего название Крута-Стинка, на возвышенном нагорье над долиной р. Ворсклы, находится урочище, известное под именем “Васюриной горы” (местные жители называют его несколько иначе: “Васюрина гора”. — *Прим. ред.*). Здесь, по преданию, жили запорожцы (sic!). На вершине нагорья находится 2 кургана, полураспаханных. По крутым склонам нагорья, над рекой, находятся вал и ров, по своим очертаниям сходные с теми, что находятся на высоких берегах р. Сулы. Следы такого “змиеваго” вала отчетливо заметны на протяжении более версты. Охватываемая указанным валом местность расположена на мысообразно выступающей в долину реки возвышенности, ограниченной, с одной стороны, глубоким оврагом, с другой — долиной р. Ворсклы. Таким образом, следы защитного вала по р. Ворскле констатированы и в её южном отделе, вблизи тех мест, которые представляли собой удобства для переправы через реку»*.

Плато на вершине Васюриной горы господствует над окружающей местностью; напротив неё расположена возвышенность, само название которой («Стинка» — т.е. стена) тоже говорит о её доминирующем положении над местностью. Овладев этими возвышенностями, можно легко контролировать дорогу, проходящую как раз между ними.

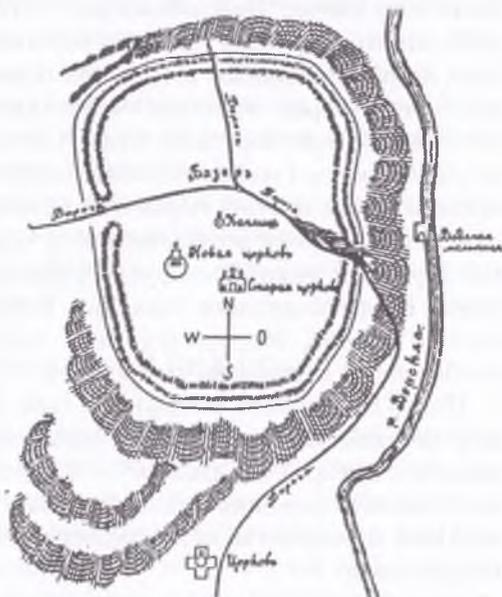
Но отступающие шведы, как мы знаем, полностью пренебрегли шансом задержать здесь своих преследователей.

Далее вниз по течению Ворсклы расположены Белики (Беликов брод, просто «Беликов», Белополь) — поселение, основанное именно как стратегический пункт обороны в первой половине XVII века. Местечко было обнесено валом, в нём были устроены подземные ходы и сооружена крепостная Георгиевская церковь. В предместье Беликов — Боярке находилось имение генерального писаря, а затем генерального судьи В.Л. Кочубея, казнённого Мазепой.

Платон Александрович Кителин пишет, что возникли Белики не на пустом, а на давно «насиженном» месте: «В м. Беликах, расположенном на правом берегу Ворсклы, прекрасно сохранилось од-

* Кителин П.А. Кобелякская старина // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. Полтава, 1907. Вып. 4. С. 38.

но из замечательных древних городищ. Городище помещается на высоком, вдающемся в речную долину, мысообразном выступе (т.е. самой природой устроенном бастионе. — *Прим. ред.*), омываемом с трёх сторон течением реки Ворсклы (ныне река отступила южнее этого выступа, проложив себе новое русло, но абрис возвышенности в целом сохранился. — *Прим. ред.*). Беликское городище представляет форму не совсем правильного овала, окаймленного почти со всех сторон довольно хорошо сохранившимся валом и рвом, которые уничтожены только в той части, где находится въезд в городище: здесь вал и ров уничтожены для расширения площади, на которой помещается церковь. Диаметр городища, по длинной оси, имеет 170, а по узкой от 120 до 150 саж.[ен]. Высота вала, в общем, около 3 или 4 саж.[ен], считая от основания рва, но местами он почти вдвое выше. Глубина рва до 1–2 саж.[ен], при ширине от 3 до 7 саж.[ен]. С северной стороны городище отделяется довольно широким (до 7 саж.[ен]), хотя и неглубоким рвом, переходящим затем в образовавшийся от дождевых размылов овраг по уступам горы. В северо-восточном углу, над оврагом, есть высокий холм, носящий название “Высока гора”. Внутри городища, на базарной площади, помещаются две церкви, из которых одна, ветхая пятикупольная, находится в южной части городища; другая, новая, построена в некотором расстоянии к западу от первой. Неподалеку от новой церкви, к с.[еверо]-востоку, близ дороги стоит капличка (часовенка), — место прежде бывшей здесь церкви. Через городище проходят к реке две дороги, из которых одна идет с запада, а другая — с севера; сойдясь на площади среди го-

Белики. Рис. из исследования П.А. Китицына

роудище. Через городище проходят к реке две дороги, из которых одна идет с запада, а другая — с севера; сойдясь на площади среди го-

родища, спускаются к реке. Внутри городища находится несколько усадеб и домов»*.

«Усадьбы и дома» по-прежнему стоят на территории древнего городища-крепости**. От обеих церквей и «каплички» не осталось и следа. Валы в общих чертах сохранились, хотя и много потеряли в высоте: с северной и восточной стороны, где он лучше всего сохранился, высота его достигает максимум 2–2 1/2 сажени (4–5 метров), ров практически полностью засыпан. На мысообразном выступе («природном бастионе») устроено жильё, более напоминающее времянку, а с правой

(западной) стороны этого выступа образовалась стихийная мусорная свалка. С северной, напольной стороны крепости (этот район по-здешнему называется Парканы, с ударением на последнем слоге, — то есть «заборы», «ограждения»), по словам местных жителей, случаются провалы в

Валы крепости Белики. Современный вид

бывшие подземные ходы, но они сразу же забрасываются мусором и землёй — «от греха подальше, чтобы кто-нибудь не влез».

Отступающей армией Карла XII был проигнорирован и этот оборонный рубеж***, хотя с точки зрения организации эффективной обороны он представляет несомненный интерес: во время Второй мировой войны, в 1943 году уже другие завоеватели, немцы, используя изрезанные глубокими оврагами окрестности Беликов, отрыли руками местных жителей окопы и траншеи, построили блиндажи и противотанковые заграждения; но, не приняв боя, отошли по приказу своего командования на другой, ближе к Днепру расположенный рубеж обороны.

* Китицын П.А. Указ. соч. С. 38–39.

** В период подготовки этого издания, весной 2008 года валы Бельской крепости были обследованы редактором книги совместно с краеведом Ю.А. Попругой.

*** Если быть совсем уж точным, то не вполне оставлен был Карлом XII без внимания «этот оборонный рубеж». Когда шведская армия, потерпевшая поражение в Полтавской битве, лишь начинала свой «отход» (а, вернее сказать, бег-

КОБЕЛЯКИ

Кобелякская крепость была основана в первой половине XVII столетия на правом гористом берегу реки Ворскла в месте впадения в неё притока Кобелячка*.

Периметр внешней её ограды, включавшей земляные валы, рвы и частокол, составлял около 2 тысяч метров. Цитадель, как её изобразил на своей карте де Боплан, имела четыре бастиона. Два из них располагались с напольной стороны, а два других были обращены в сторону Ворсклы и лежащей за нею Дикой степи.

Местный историк П.А. Кителин в своем труде «Кобелякская старина» сообщает такие данные о крепости: «Крепость в Кобеляках была земляная, окруженная валом. Вал начинался от реки Ворсклы и проходил по Екатеринославской дороге, поворачивал на восток около лавок и через площадь по Троицкой улице спускался

ство) из лагеря в Пушкарёвке в направлении Переволочной, к королю, ехавшему в карете его главного министра, графа Пипера, сдавшегося в плен в конце сражения, подъехал Гилленкрок и спросил: куда им направиться? «Карл XII ответил, что надо снестись с генералом Функом, который был в местечке Беликах, а потом уж можно будет решить, куда бежать дальше» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 413).

Судя по всему, старания Томаса Функа в зверских расправах над мирными жителями Тернов, Чернух и других местечек не остались незамеченными, и мы видим его здесь уже в более высоком звании, чем семь с половиной месяцев назад.

Осталось неизвестным, что именно присоветовал королю его генерал Функ, но Белики в ходе отступления к Днепру остатки армии шведов прошли резво, без остановки. Ни один из местных жителей не согласился указать им дорогу.

* Место, где теперь стоят Кобеляки, как удобнее для жизни и деятельности, было заселено ещё во II–VI вв. (см.: Полтавщина. Энциклопедичний довідник. Київ: Українська енциклопедія. 1992. С. 349).

Здесь находился ещё один помимо Старо- и Новосанжарского, а также Белицкого «брод» — то есть место, где можно было (возможно, не всегда, а лишь в самое сухое время года) переправиться через Ворсклу на противоположную сторону реки. Для защиты его и были возведены в начале XVII в., когда отношения с Крымом стали гораздо определённое, крепостные сооружения.

Карл XII, идя мимо всех этих переправ, четыре раза, таким образом, проигнорировал возможность перехода остатков его армии в Дикую степь. На наш взгляд, это является дополнительным свидетельством тому, что он не рассматривал крымских татар как серьёзных союзников и был устремлён в Турцию, гораздо более «цивилизованную», по его мнению, а значит, и безопасную.

к реке. Крепость стояла на горе против Успенской церкви»¹⁵². О земляных укреплениях Кобелякской крепости упоминается и в работе Н.И. Арандаренко «Записки о Полтавской губернии»¹⁵³.

По описанию П.А. Кितिцына, в крепость вели двое ворот на северном и южном отрезках ограды. В крепости существовали подземные ходы и даже будто бы действовал водопровод, подводящий воду от речки Кобелячка в центр города¹⁵⁴.

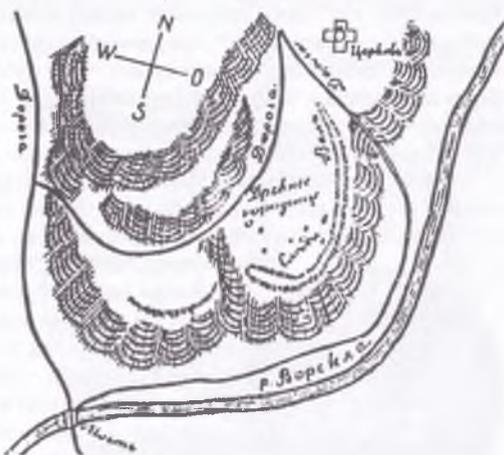
Остатки крепостного вала частично сохранились до наших дней. Его высота по современным замерам кое-где достигает 2,5–3 метров. Склоны над Ворсклой, по которым проходил восточный участок обороны, имеют в высоту до 45 метров. На склонах рельефно выступают в сторону реки остатки бастионов*. Внутри крепости была устроена цитадель. Вход в неё находился с восточной стороны**.

*Обследования остатков бывшей крепости в Кобеляках были осуществлены автором, Я.Г. Иванюком, в 1975 году.

** В 2008 г. редактором данной книги вместе с краеведом Ю.А. Попругой тоже был произведен осмотр остатков Кобелякской крепости. По нашим данным, укрепления сейчас более или менее прослеживаются лишь со стороны Ворсклы. Края плато, на котором стояла древняя крепость, не будучи укрепленными, постоянно обрушиваются, делая обрыв несколько более пологим. Валы едва угадываются, да и то лишь в направлении старой дороги на Екатеринослав (ныне Днепропетровск). В остальных местах время и застройка полностью сравняли их.

Как уже отмечалось, ночь с 29 на 30 июня шведский король Карл XII провёл в Кобеляках. Надо помнить, что это всего лишь версия, построенная на косвенных свидетельствах — точного документального подтверждения этому обстоятельству нет.

Что абсолютно верно, так это факт устройства арьергардом отступающей шведской армии заслона с попыткой задержать русские войска на рубеже речки Кобелячки, протекавшей за западной околицей (ныне уже в черте города) и на этом участке подходившей к Ворскле почти перпендикулярно её течению. Речка

Кобеляки. Рис. из исследования П.А. Кितिцына

эта отнюдь не мала, и перемахнуть такое препятствие с ходу вряд ли было возможным. То, что победа досталась здесь русским воинам, само собой разумеется. Но каковы были потери? По свидетельству местного учителя истории (к слову говоря, автора раздела «Кобелякский район» в академическом издании «Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область» (К., 1967) и автора статей в другом энциклопедическом издании — «Полтавщина» под редакцией А.В. Кудрицкого (К.: Українська енциклопедія, 1992), в подготовке которого принял участие и сам Я.Г. Иванюк) А.И. Дубины, здесь несколько раз находили при строительстве домов шведские захоронения, но могил русских воинов — никогда. Один из таких застройщиков в начале 1960-х гг. даже предлагал Акиму Илларионовичу приобрести вроде бы шведскую золотую монету*¹, найденную возле останков шведа, запросив неподъемную для школьного учителя сумму — 130 рублей (месячная зарплата А.И. Дубины составляла в то время 87 рублей). Далее след этой монеты теряется — скорее всего, её заполучили «компетентные органы», поскольку подобная торговля в то время, мягко говоря, не приветствовалась.

Предполагаемый вид Кобеляк XVII ст. Худ. А. Кулик

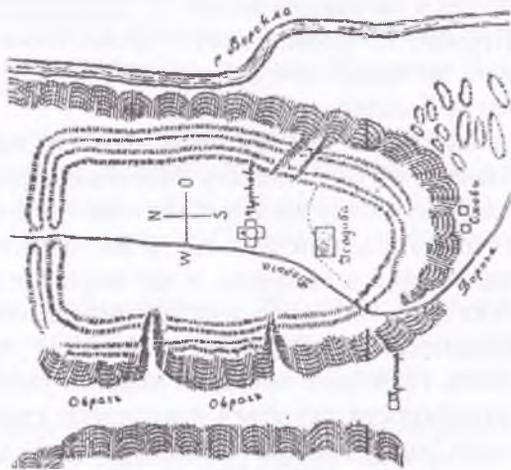
*¹ В описываемый период (конец XVII — начало XVIII столетия) шведская денежная система включала в себя как золотые, так и серебряные и медные деньги. Золотых монет (дукатов) чеканилось очень и очень мало, и они в известной степени представляют собой редкость. Основу обращения составляли монеты серебряные достоинством в 1, 2 и 4 марки, так называемые каролинки, с изображением на них королей Карла X, Карла XI и Карла XII. Другая серебряная монета — риксдаллер (или риксталлер), чеканенная в Швеции в подражание немецкому талеру, известна со времени Стена Стура I (правил в 1470–1497 гг.), однако она имела как бы второстепенное значение и была подвержена резким скачкам цены. Основной денежной единицей со времени Густава I Вазы была всё же марка. В XVII столетии средний курс составлял 6,5 марки за 1 риксдаллер, но в период с 1664 по 1776 год, с лихвой перекрывающий годы правления интересующего нас в данном случае короля Карла XII, он (риксдаллер) стоил 52 эре — медных монеты, соотносимых по значению с русской копейкой.

Монета риксдаллер с изображением Карла II

СОКОЛКА

Ещё одна (и последняя) крепость, мимо которой прошли шведы в их печальном последнем марше на Переволочную, была Сокольская. Она возвышалась над рекой Ворсклой, но стояла достаточно далеко от её русла; таким образом, шведская колонна, двигавшаяся по правому берегу, видела её справа от себя. П.А. Кителин сообщает о Правобережной Соколке (таково её нынешнее название) следующее: «В местечке Соколке, на горе, сохранились довольно хорошо остатки древних укреплений. Сокольское городище занимает типичный для древних укреплений высокий, мысообразно выступающий в речную долину, прекрасно защищенный с трех сторон нагорный отрог. Городище имеет овальную, не вполне правильного рисунка, форму. Вокруг всего городища, по венцу высот, находится довольно хорошо сохранившийся вал с остатками рва на внешней стороне. Только в некоторых местах, вследствие размывов горы, образовавшихся от дождевых вод, валы и рвы разорваны, но направление их проследить очень легко благодаря уцелевшим остаткам. Особенно хорошо сохранилась восточная часть городища, нависающая над крутым обрывом к реке, где вал и ров видны на значительном протяжении. В северной части городища защищено двойным валом со рвом между обеими линиями валов. Вал в настоящее время поднимается на высоту 1–2 саж.[ен], и только местами он выше; в соответствии с ним и ров имеет в ширину сажени 3–4, при глубине в 1–2 саж.[ени]. Въезд в городище был с севера, а спуск с юга, по очень крутому склону. Внутри городка поверхность совершенно ровная, без следов каких-либо возвыше-

Крепость Соколка (по П.А. Кителину)

но возвыше-

ний или же курганов. На середине площади городища, несколько ближе к южному его краю, находится новая церковь во имя Иоанна Богослова. В насыпи валов городища попадаются куски черепков древнего типа... Кроме того, в этом городище находят нередко наконечники копий, стрел и пр. У южной подошвы городка, на низменной местности, заливаемой некогда водами р. Ворсклы, под удивительнейшей, по словам местных жителей, под самую гору, т.е. крепостной обрыв, видна группа каких-то насыпей, расположенных, по-видимому, без особого порядка, но имеющих ту особенность, что большая часть их направлена перпендикулярно течению реки, здесь находились в прежние времена ряды каких-то заграждений, не вполне ясных в настоящее время. Прежде, по словам местных жителей, эти бугры были больших размеров,

Современный вид крепости Соколки. Справа — высокие склоны, на которых прежде высились валы и частокол; слева — долина реки Ворсклы, по которой отступала к Днепру шведская армия

но ежегодные разливы затягивают их наносной землей или же размывают их мало-помалу. Местные предания относят эти сооружения к военному времени и считают, что они были устроены с защитительной целью. Для такой же защитительной цели существовали, по этим преданиям, и две вырытые в стенке городища, вблизи этих бург, землянки, или же погребца, составляющие, как здесь выражаются, “схов”, т. е. убежище, куда укрывались в военное время люди, если они, защищая нижние укрепления на реке, не имели возможности укрыться в нагорную крепость. Убежав в землянки, люди “ховались и зачинались дверыма так, як у кузныци”, пояснил мне рассказчик, слышавший это предание от глубоких стариков. Среди местных жителей еще и до сих пор живы предания о пропойной жизни Соколковского городка. Согласно этому преданию, Соколковский городок был лучшей крепостью, дававшей надежный приют для убежавшего сюда населения, прекрасно отражавший нападавших врагов и препятствовавший им прорываться через реку.

По словам предания, когда в старину неприятель подступал с востока, от Китай-городка, то на “робленной можле”*, которая стоит над горой, запаливали фитиль и давали знать об опасности; этот сигнал давался и впереди Соколков, т. е. к востоку от него, и позади, т. е. к западу от Ворсклы. Увидев пламя или дым, люди спешили спрятаться в городок, где замыкали ворота, выставляли стражу по валам, которая отбивалась от неприятеля. “Стреляли тогда через ров не ружьями, а луками и стрелами”, — объяснял рассказчик. Река Ворскла, говорят, протекала в прежнее время под самой горой. Из городка к реке был подземный ход; ход был устроен из дубовых брусьев, наваленных поверх земель.

Таким образом, выгодное месторасположение этого городища, лежащего на крутом, труднодоступном, высоко поднимающемся, доминирующем над окружающей местностью холме, прекрасная защита с востока водами р. Ворсклы, протекавшей у самой подошвы городища, наконец, возможность сосредоточить защиту в одном, наиболее опасном месте, — делало то, что городище это являлось одним из лучших укреплений древнего времени, и немудрено, что оно получило очень меткое для себя название “Соколки”, символически характеризующее роль и значение в деле наблюдения и быстрого налета на рыскавших в долине врагов» (Китицын П.А. Указ. соч. С. 40–42).

Вот в этом самом месте «соколы» Меншикова и устроили воякам «несчастливого генерал-майора Крузе» изрядную трёпку «в кобылецкой битве» (слова Д. Крмана), после которой ему (Крузу) и выпала незавидная участь быть в Старых Санжарах тюремщиком веприкского гарнизона.

Но это не единственное упоминание Д. Крманом Соколки: «...поспешили мы к селу Беликам, откуда шли две мили до города Кобеляки (какими «милями» мерил это расстояние Крман, неиз-

* То есть, скорее всего, «рукотворной мачте». Подобные сооружения называли также «маячками» (с ударением на втором слоге, от глагола «маячить» — видеться, просматриваться). Многие селения, возникшие у таких сигнальных постов, до сих пор сохранили эти названия: Маяки (в совершенно сухопутном районе Одесской области, близ Малаевцев, у границы с Молдавией, у некогда турецких владений); в Донецкой и Волынской областях. Маячки встречаются в Полтавской и Херсонской областях.

Есть ещё Сухая Маячка (в Новосанжарском районе Полтавской области; прежде эта территория относилась к Кобелякскому уезду Полтавской губернии).

вестно: от Беликов до Кобеляк 12 километров)*, от них до Соколиков, которые были дальше на две мили (на самом деле Соколка от Кобеляк, если брать по прямой, в 13 километрах — видимо, убегиание шведов происходило настолько бодро, что они воистину и ног под собой не чуяли и расстояние указывали весьма приблизительно), и размещались на холме возле реки Ворсклы и были известны укрепленным замком» (померещилось сербскому летописцу — у страха, как известно, глаза велики: там стояла всего лишь деревянно-земляная крепость) — (см.: Крман Д. Указ. соч. С. 102).

Но не только это важно: «большая часть королевской артиллерии похоронена, говорят, между Кобеляками и Соколкой», — записал Крман в своём дневнике (см. там же, с. 106).

Это, на наш взгляд, говорит о том, что, исходя из опыта неудачно выставленного заслона под Кобеляками и наверняка зная, что впереди находится крепость, из которой они, вполне вероятно, будут обстреляны не только сверху, но и из-за нижних валов, шведы избавились от многого, что затрудняло их движение. Конечно же, опасный участок лучше всего было преодолеть быстро, а значит, налегке (судьбу артиллерии разделила, по Крману, и «королевская канцелярия, (которая) кроме каких-то протоколов, была сожжена. Такая же судьба постигла и королевские возы» (там же, с. 106).

Иными словами, все тайны, хранившиеся в королевской канцелярии последнего обоза короля Карла XII или ушли в кобелякское небо с дымом костров, или на дно реки Ворсклы на участке между

Казак поражает врага пикой.
Старинный лубок

* Милья — мера длины различной, приносим извинения за вынужденную тавтологию, длины. «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова 1913 г. сообщает, что германская географическая милья равна 6,956 версты (верста, русская мера длины, в свою очередь = 500 сажений = 0,575 морской мили = 1,067 километра); русская милья = 7 верстам, прусская и датская = 7,061 версты, австрийская = 7,111 версты, французская (льё) = 4,168 версты, английская и северо-американская = 1,509 версты, морская милья всех наций = 1 минуте меридиана = 1,736 версты. Шведская милья = 10 километрам.

Кобеляками и Соколкой. Вполне возможно (а какой резон был Д. Крману в этом случае врать?), что все шведские карты сражений в Малороссии («кроме каких-то протоколов», разумеется) не есть документы, опалённые огнем сражения под Полтавой, а являются продуктом мемуарного плана: т.е. восстановлены по памяти в Турции и русском плену.

А это кардинально меняет степень их документальности.

* * *

У П.А. Кителина содержится ещё одно любопытное сведение о Соколке, имеющее непосредственное отношение к теме нашего исследования. Рассмотрев всевозможные «курганы» и «окопы», во множестве располагавшиеся в то время к западу от крепости (в настоящее время практически полностью распаханые и запаханые), Платон Александрович сообщает, что

Бегство Мазепы. «Иль это сон? Мария... Ты ли?»
А.С. Пушкин, «Полтава». Худ. К. Трутовский

«на краю горы, представляющей конечный край-

вой мыс нагорного плато правого берега р. Ворсклы, находится курган-майдан, обращенный крыльями к западу. Этот майдан известен у местных жителей под названием «мечети», или же «шведской мечети», в котором, по преданию, будто бы жил какой-то швед (sic) отмечено автором, П.А. Кителиным. — *Прим. ред.*). Рассказывают, что там был когда-то город (т.е. поселение. — *Прим. ред.*), в котором жила мать «шведа» (sic); доказательства того, что там был когда-то город, крестьяне видят в кусках обожженной глины и грубых кирпичей, попадающихся в насыпи означенного кургана-майда. Тут, по словам крестьян, «була ёго (т.е. шведа) церква» (Кителин П. А. Указ. соч. С. 43).

«Шведская мечеть» близ Соколки (по П.А. Кителину)

Не факт, но вполне возможно, что какой-то швед, каким-то чудом избежавший пленения под Переволочной, действительно поселился в разрытом кургане (именно так следует понимать выражение «курган-майдан»). Учитывая то обстоятельство, что шведы в этих местах не особо зверствовали, можно допустить, что и ему, и его матери в самом деле дали спокойно дожить жизнь — отшельником, как он сам того пожелал*.

ПЕРЕВОЛОЧНА

Переволочанская крепость в сколько-нибудь похожем на солидное фортификационное сооружение виде была построена запорожцами в 1654 году¹⁵⁵. Она занимала очень выгодное стратегическое положение в углу между береговой линией Днепра и дельтой его притоки Ворсклы и стояла в том самом месте, где некогда располагалась разрушенная монголо-татарами древнерусская Переволока, известная еще с XI столетия**.

Наряду с другими укрепленными городами края Переволочне уделялось большое внимание как опорному пункту сопротивления против набегов крымской орды.

* Редактором этой книги совместно с краеведом Ю.А. Попругой весной 2008 г. были обследованы эти места. От верхних валов, как и от самой крепости, не осталось и следа — вся эта площадь была давно распахана под посевы зерновых культур. Остались в целости лишь валы на склонах (не претерпев ущерба от человеческого вмешательства — вода же и ветры сделали своё дело, в значительной степени сгладив эти рукотворные «складки местности»). На своём месте осталась дорога, как и прежде «перерезающая» территорию бывшей крепости почти надвое.

Самое поселение переместилось севернее и находится нынче в упадке. Прежде здесь была выведена и успешно культивировалась особая сокольская порода овец; каракуль шёл на дорогие шубы и генеральские папахи. Даже в трудное время (1919–1920) зготовители скупали на здешней ярмарке шкурки каракуля сотнями (см.: Погода Ю.В., Попруга Ю.А. Дневник приказчика. Полтава: Барз. Инк., 2005); — теперь их нет даже напоказ.

** Бытует такое мнение, но оно, скорее всего, ошибочно. «Летописная Переволока» — это город нѣ р. Уды — ныне с. Переволочная в Прилукском районе Черниговской области. Она действительно упомянута в летописях XI столетия по случаю взятия кочевниками: («в лето 1092 взяша половци 3 городы: Песочен, Переволоку, Прилук...»). По документам «Переволока Черниговская» стала известна с XVI в. (Славянская энциклопедия. М.: Олма-пресс, 2002. С. 127), а «Переволока Полтавская» — с XVII века.

В документах конца XVII века она встречается неоднократно. Так, в одном из царских указов 1690 года о ней упоминается в связи с требованием «полки расставить по Днепровскому берегу, где пристойно», а в 1692 году — чтобы здесь «иметь денно и ночью крепкие караулы». В том же году в Переволочанской крепости* был размещен на постоянной основе казачий отряд¹⁵⁶.

* Казачий отряд в местечке Переволочна появился около 1660 г. Здесь с этого времени и до 1765 г. располагалась Переволочанская сотня Полтавского полка.

Сам полк Полтавский был создан в 1648 г. Мартыном Пушкарём и являлся одним из сильнейших среди малороссийских казачьих полков. В момент его возникновения состав полка был таков: три Полтавские сотни, Багачанская, Балаклеевская и Кобеляцкая. В следующем году в него вошла большая часть Гадяцкого староства, и количество сотен в нём увеличилось до 19 (Багачанская, Балаклеевская, две Борковских, Веприкская, Гадяцкая, Зеньковская, Кнышевская, Кобеляцкая, Ковалевская, Куземинская, Лукомльская, Лютенская, Опошнянская, Подольская, Рашевская и, как и прежде, три Полтавских). После 1660 г. из состава полка выделился Зеньковский полк. В самом полковом городе Полтаве после уничтожения его Выговскими и его союзниками — крымскими татарами в 1678 г. ввиду обезлюдения осталась всего одна сотня. Но в то же время в землях, отстоящих ближе к юго-западу, формируются новые сотни Полтавского полка: Старосанжарская, Новосанжарская, Беликская, Кишеньская и Переволочанская. Таким образом, в 1660–1668 гг. Полтавский полк состоял из 14 сотен, Переволочанской в том числе.

Во время гетманства Демьяна Игнатьевича Многогрешного (1668–1672) Полтавскому полку было передано от Зеньковского (при образовании из него Гадяцкого полка) две сотни (позже они опять будут возвращены Гадяцкому полку), а кроме этого, по условиям Андрусовского договора (1667) — Голтвянскую и Остапьевскую сотни (позже они также будут переданы, на сей раз Миргородскому полку). Но образовывались и новые сотни — Сокольская (sic!), Келебердянская, Шишацкая, Зеньковская, Ярьесковская, Будыщанская (sic!) — и общее количество «сотен» Полтавского полка достигло в это время 19.

При гетмане Иване Самойловиче Самойловиче (1672–1687) в Полтавском полку появилось 5 новых сотен: Китайгородская, Маяцкая, Нехворощанская, Орлянская (или Орельская) и Царичанская. Но в 1687 г. в Миргородский и Гадяцкий полки отошли по три сотни, территориально им более близкие. В таком состоянии Полтавский полк и встретил 1709 год.

После Великой Северной войны, в 1723 г., появляется вторая Полтавская сотня — «Новая Полтавская» (стояла на Кобыщанах, в старом предместьи), затем Решетилковская сотня, а уж после, в середине XVIII столетия — и третья Полтавская.

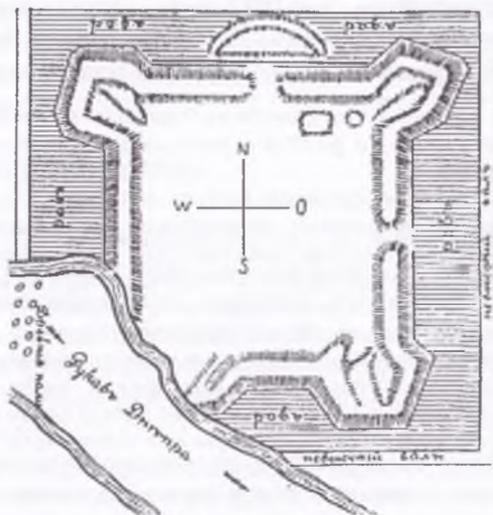
В 1765 г. большинство местечек Полтавского полка, кроме самой Полтавы, Будыщ и Решетилки, вошли в состав Новороссийской губернии. 26 марта 1765 г. от Полтавы как бы отошёл и Кременчуг, став губернским городом Новороссийской губернии (подняв свой статус). В 1775 г. Новороссийская губерния делилась

Наличие в Переволочне большого количества «плавсредств» давало возможность за один раз перевезти через Днепр до 3 тысяч человек.

Ещё в XVII столетии здесь действовала достаточно удобная переправа, которая в 1695 году была использована русскими войсками во время похода на Азов¹⁵⁷. В мирное же время работал обычный перевоз людей и грузов, что приносило до 12 тысяч рублей ежегодной прибыли, которая целиком и полностью поступала в войсковую казну запорожцев.

В конце XVII века по договоренности между Россией и Турцией возле Переволочны (Переволочной) осуществлялся обмен пленными¹⁵⁸.

Отдельные факты, связанные с городом-крепостью Переволочная, содержатся в трудах Ф.Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России» — при написании этой книги автор использовал действительно любопытные данные из архива инженерного департамента¹⁵⁹; А.З. Мышлаевского «Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году»¹⁶⁰; Н.Е. Макаренко «Городища и курганы Полтавской губернии» — готовя к печати это исследование, Николай Емельянович в основу своего сборника положил данные центрального статистического комитета, собранные в

Крепость Переволочна (по П.А. Кителину)

на 12 уездов, три из которых были на левом берегу Днепра: Кременчугский, Новосанжарский, Полтавский. Полтавщина была отнесена к Екатерининской провинции Новороссийской губернии, и её территория входила в состав Днепровского пикинерского полка; она делилась на 8 рот, а именно: Власовскую, Келебердянскую, Кишенскую, Кобелякскую, Кременчугскую и Переволочанскую (sic!).

Такое деление сохранялось до 1783 г. (см.: Адміністративно-територіальний поділ Полтавщини (1648–1941 рр. — Полтава, 2002).

1873 году по инициативе известного русского историка и археолога Д.Я. Самоквасова¹⁶¹, исследование П.А. Кितिцына «Кобелякская старина...»¹⁶² и других.

Из картографических данных о крепости следует упомянуть планы де Фера 1714 года и Шварца (около 30-х годов XVIII века)¹⁶³, которые воссоздают события Полтавского периода Великой Северной войны от начала подготовки генеральной битвы до капитуляции остатков шведской армии у Переволочны.

В труде В. Шперка «Инженерное обеспечение Полтавской битвы» помещен план Переволочанской крепости, который дает возможность судить об общей конфигурации внешней защитной ограды и размерах отдельных фортификационных сооружений¹⁶⁴.

* * *

В своей основе Переволочанская крепость имела форму пятиугольника с периметром сторон** около 1107 метров¹⁶⁵.

Внешняя защитная ограда бастионного (регулярного) начертания состояла из вала с бруствером — небольшой насыпью в его верхней части для удобства стрельбы и прикрытия от вражеского огня; рва с контрэскарпом, вонне которого находился покрытый путь — место сосредоточения гарнизонного отряда, предназначенного к осуществлению вылазки за пределы крепости.

В труде П.А. Кितिцына говорится, что «на южной стороне Переволочной находятся остатки бывшей крепости... обнесенной валом, занимая 34 десятины земли (около 37,1 гектара. — Я.И.) с двумя воротами». О длине крепостного вала с напольных сторон указывается в работе Н.Е. Макаренко: с западной он простирался на 170,4

* Самоквасов Дмитрий Яковлевич (15.5.1843 г., имение Молотечь Новгород-Северского уезда Черниговской губернии — 3.8.1911, Москва) — русский археолог и историк русского права. С 1877 г. профессор истории русского права в Варшавском, с 1894 г. — в Московском университете. Производил археологические раскопки во многих районах России. Наиболее известны раскопанные им погребения воинов-дружинников вокруг Чернигова и курган Чёрная Могила. Свою археологическую коллекцию передал в 1891 г. Историческому музею в Москве.

Основные работы: «Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей» (Варшава, 1892); «Могилы русской земли» (Москва, 1908); «Могильные древности Северянской Черниговщины» (Москва, 1916); «История русского права» в трёх томах (Варшава, 1888–1896).

** Во всех источниках кроме книги В. Шперка размеры крепостных сооружений даются в сажнях и футах. Автор перевёл их в метрическую систему мер. —

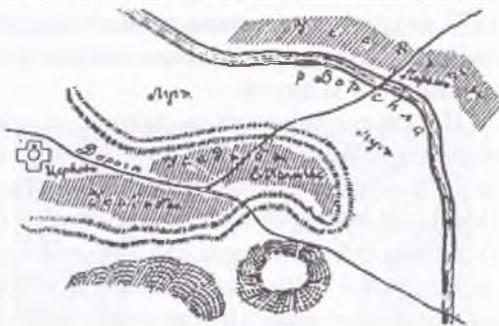
Прим. ред.

метра, с северной — на 63,9, с восточной — на 149,1 метра¹⁶⁶.

На плане, приведенном в книге В. Шперка, показана длина четырёх отрезков внешней ограды: северо-западного — 56 метров, северного — 136 метров, северо-восточного — 148 метров, юго-восточного — 82 метра¹⁶⁷. Высота вала, по данным В. Шперка, достигала 10–12 метров, а ширина в верхней его части — от 4 до 6 метров¹⁶⁸.

О размерах вала, проходившего вдоль береговой линии, доступные нам источники не сообщают. Внешний ров имел глубину 1,21 метра¹⁶⁹ и был прорыт только с напольной стороны; со стороны реки рва, естественно, не было — естественная водная преграда с успехом заменяла его.

В работе Ф.Ф. Ласковского* отмечается, что на внешней защитной линии Переволочанской крепости размещалось 5 бастионов. Два из них были с напольной стороны крепости, а три — с речной, они были оборудованы непосредственно на береговой полосе¹⁷⁰. Длина каждого бастиона от восходящего угла, образованного схождением фасов, до горжи составляла 40 метров¹⁷¹. Так считает профессор Ф.Ф. Ласковский; однако на плане, помещенном в книге В. Шперка, изображены только четыре бастиона, и все они расположены с напольной стороны.

Укрепленное поселение Кишенька близ Переволочной (по П.А. Китицыну)

* Ласковский Фёдор Фёдорович (22.07.1802–8.04.1870, Петербург) — русский военный инженер и историк, генерал-лейтенант (1862). Окончив в 1822 г. высшие офицерские классы Главного инженерного училища, с 1824 г. преподавал в нём фортификацию. С 1832 г. по совместительству адъюнкт-профессор, а с 1842 г. — профессор Академии Генштаба. С 1858 г. заслуженный профессор Инженерной академии. Совместно с профессором Н.В. Болдыревым написал «Курс фортификации» (1864). В 1853–1869 гг. создал фундаментальный труд «Материалы для истории инженерного искусства в России» — первое историческое исследование развития военно-инженерной мысли и техники в России с древнейших времён до начала XIX века. Труд Ф.Ф. Ласковского, по мнению военных специалистов, не утратил своего значения до сих пор.

Переволочанская крепость, по книге А.З. Мышлаевского «Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году», имела двое ворот: Полтавские — с востока и Киевские — с запада. Первые были обиты металлическими листами, имели крепкие запоры и дверцу для пешеходов. Вторые — без металлических конструкций и без пешеходной дверцы¹⁷². С северной стороны существовало дополнительное фортификационное сооружение — рavelин, вынесенный за внешнюю линию защитной ограды¹⁷³. Он усиливал обороноспособность крепости в целом и, в частности, с этой, наиболее уязвимой на случай атак врага стороны. Существовал ли рavelин в полтавский период Великой Северной войны, с определенностью сказать трудно. А.З. Мышлаевский отмечает лишь, что на время подачи ведомостей в Военную коллегию (1718 год) строительство рavelина ещё не было окончено. Ф.Ф. Ласковский же, характеризуя несколько более позднее состояние крепости, пишет о рavelине как о вполне завершенном строительством объекте.

Существование рavelина само по себе может пояснить некоторые особенности защитной системы крепости. По правилам фортификационного искусства того времени, бруствер рavelина сооружался примерно на один метр ниже бруствера главного крепостного вала. Это давало возможность артиллерии крепости вести огонь поверх рavelина. В работе Ф. Энгельса «Фортификация», где, в частности, говорится и об особенностях строительства таких защитных сооружений, отмечается, что между куртеной и рavelином во рву находился теналь, который служил главным образом для прикрытия куртены от артиллерийского огня противника. Бруствер теняля давал возможность пехоте гарнизона на случай успешного штурма крепости врагом защищать рavelин фланкирующим огнем¹⁷⁴.

На плане де Фера с напольной стороны защитной линии Переволочанской крепости изображено 9 башен. Под крепостными стенами было устроено четыре погреба «для поклажи полковых припасов»¹⁷⁵.

В крепости была цитадель, по форме напоминающая неправильный четырехугольник. Находилась она в юго-западной части города. В неё вели двое ворот¹⁷⁶. Более детальных сведений о размерах цитадели и особенностях её укреплений источники не общают.

Для защиты крепостных валов от размывания во время разливов Днепра с западной стороны крепости находилась дамба, при строительстве которой использовались гранит, деревянные пали и железо¹⁷⁷.

Произвести осмотр остатков крепостных сооружений Переволочны уже никогда, увы, не представится возможным: территория, на которой стояла крепость, в 1959 году ушла на дно Днепродзержинского водохранилища.

* * *

Ещё до окончания Великой Северной войны* крепость Переволочна (или Переволочная, в ряде источников пишется так), была

* Своей известности Переволочанская крепость всецело обязана тем, что у её стен 30 июня 1709 г. капитулировала армия, дотоле считавшаяся самой сильной в Европе. Армия сдалась, будучи вполне боеспособной (с точки зрения наличия вооружения, боеприпасов и амуниции — совсем другой вопрос, что она была подавлена и деморализована, и это в самой основе лишало её способности драться).

Командовал армией и подписал условия капитуляции граф генерал от инфантерии с 1706 г. Адам Людвиг Левенгаупт, которому в этот памятный 1709 г. исполнилось 50 лет. Он проживёт после этого ещё 10 лет (в русском плену), имея много времени для раздумий и размышлений, и оставит после себя интересные, по заключению специалистов, мемуары.

Существует мнение, что шведы не простили бывшему главнокомандующему безропотной капитуляции, но это не так. Карл XII — этот да, этот, наверное, действительно не простил. А вот те, кому он спас жизнь под Переволочной, не погнав на заведомый убой, те были ему, разумеется, благодарны. Подтверждений этому немало. Так, хотя знатных шведов в плену у Петра I было пруд пруди, но главой администрации шведских военнопленных стал именно Левенгаупт, а не, скажем, Реншэльд, стоявший заметно вы-

«Битва под Полтавой положила конец продвижению Карла XII по России и способствовала поднятию престижа России на небывалую дотоле высоту» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона). Гарантией безопасности России послужила капитуляция шведской армии под Переволочной — никогда впоследствии Швеции не удалось создать столь же боеспособной армии, чем та, которой предводительствовал Карл XII

ше в шведской военной иерархии. Да и Пётр I ставил графа Левенгаупта (генерала) выше графа Карла-Густава Реншёльда (фельдмаршала) — это видно хотя бы из того, что последнего он отпустил на родину, обменяв на двух русских пленных генералов, а вот Левенгаупта — нет, «не желая этим усиливать шведскую армию», как поясняет один современный исследователь.

Шведская королева Ульрика-Элеонора после смерти Карла XII неоднократно пыталась выкупить Левенгаупта из плена, суля крупные суммы, и, невзирая на отказ, заочно возвела его в ранг государственного советника. А после заключения Ништадтского мирного договора прах Левенгаупта был перевезен в Стокгольм и там, в столице, перезахоронен.

Адам Людвиг Левенгаупт был весьма образованным человеком — он учился в шведских университетах Лунда и Упсалы, немецкого Росток и даже был,

по меркам нашего времени, учёным со степенью (успешно защитил диссертацию).

Ему бы начальником Генерального штаба быть, планируя военные операции. Руководителем военной академии. Советником монарха (не такого, с «железной башкой» (определение турок в отношении загостившегося у них после Полтавы и Переволочной шведского короля), а, скажем, как Фридрих II Прусский — но это всё всего лишь разговоры...).

Левенгаупт под Лесной, бросивший обозы ради спасения своих людей; Левенгаупт, как командующий правым флангом шведской армии на первом этапе Полтавского сражения и смело идущий навстречу смерти в середине шведского построения на втором этапе битвы; Левенгаупт, не допустивший конечного уничтожения остатков вверенной ему армии у Днепра пресполненными сознания своей силы и могущества драгунами Меншикова, — все эти фигуры не могут не вызывать у нас если не уважения, то по крайней мере понимания, что действовал он по возможности целесообразно и разумно, как солдат и как человек.

Теперь о самой Переволочной. Как уже говорилось, отрядом численностью 1 тысячу человек 12 марта 1709 г. мятежный Костя Гордиенко фактически захватил Переволочную. Несогласные с ним запорожцы ушли в Сечь. Но и там обстановка оставалась далеко не однозначной. Туда прибывали всё новые и новые «посольства» от противоборствующих сторон. Одним из таких были присланные Данилой Апостолом «добрые» казаки, прежде избиравшиеся в Сечи куренными атаманами. Но гордиенковцы забирали силу и послов приковали к пушкам с целью казнить. Пленникам удалось каким-то образом освободиться и бежать.

Королева Ульрика-Элеонора

А.Л. Левенгаупт

Новая «рада» вскоре после этого избрала кошевым атаманом Сорочинского, с виду противника Гордиенко, отобрав права у последнего. Однако через некоторое время выяснилось, что и он, Сорочинский, и наказной атаман Симонченко на самом деле поддерживают именно Гордиенко: они послали послов к крымскому хану и участвовали в набегах на русские гарнизоны.

Терпению Петра I пришёл конец, и он 31 марта повелел Скоропадскому фактически блокировать Сечь, чтобы не допустить подвоза продовольствия и пресечь контакты сечевиков с Малороссией. Со стороны русской регулярной армии эта задача была возложена на полковника Петра Яковлева, поставленного во главе отряда из трёх пехотных полков.

Гетман И.И. Скоропадский

Это войсковое соединение отправилось из Киева по Днепру вниз по течению 6 апреля и спустя 12 дней, 18 апреля, прибыло к Переволочной. К жителям городка-крепости было послано письмо, в котором предложено «склониться к Царскому Величеству». Гарнизон во главе с запорожским полковником по фамилии Зинец ответил на это стрельбой «из пушек и мелкого ружья». Дальнейший бой продлился около двух часов, в результате чего получившая значительные повреждения крепость была взята; все суда, стоявшие на якоре в её округе, сожжены и потоплены.

Точно так же за два дня перед этим, 16 апреля, была уничтожена и Келеберда, отклонившая предложения «покорности Царскому Величеству и не учинять противне», — здешнюю крепость взяли штурмом и сожгли, «окром церкви» (ЦГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. 1709. Кн. № 9. Лл. 555–556).

Единственно сохранения цельности повествования ради добавим, что Сечь полковником Яковлевым, действовавшим заодно с малороссийским полковником Игнатием Галаганом, была взята 14 мая, почти месяц спустя после овладения Переволочной, после столь же неудачных попыток мирных переговоров (запорожцы на посланные им письма не пожелали даже ответить) и боёв на подступах, стоивших жизни тремстам русским солдатам. Строения в Сечи сожгли, артиллерию, боеприпасы, войсковые клейноды и ценности вывезли, «и стало Запорожье пустое» (Фонд «Бумаги Меншикова». Книга копий № 6. Л. 18).

Что характерно, Малороссия весьма вяло прореагировала на уничтожение Сечи, а почему? Убедительный вариант ответа на этот вопрос даёт, в частности, Евгений Викторович Тарле в своей книге «Северная война и шведское нашествие на Россию», нами уже цитированной: «...достаточно было измены запорожцев, пошедших за Гордиенко, чтобы на уничтожение Яковлевым Запорожья стали смотреть как на ликвидацию гнезда измены, и, что бы ни писали теперь Андрусайк (Андрусак) и другие “щирые украинцы”, украинский народ считал предателями вовсе не Галагана и Даниила Апостола, действительно помогавших справиться с мазепинцами, а именно этих самых мазепинцев» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 232). Короче говоря, больше угроз со стороны Дикого поля и лежащей за ним совершенно неуправляемой вольницы ожидать не приходилось. Да и крымским татарам был преподан достаточно наглядный урок.

Окрестности Полтавы
(почтовые открытки
конца XIX — начала XX вв.)

Нижние Млины — место, где, по некоторым данным, 16 июня 1709 года, в день своего рождения, был ранен пулей шведский король Карл XII.

Он стоял на возвышенности, наблюдая за перемещением русских войск. Группу шведских военачальников заметили из русского лагеря и начали активно обстреливать. Одна из пуль поразила короля...

Семеновка и Петровка — сёла, расположенные возле трёх бродов: Лыкошино, Ташенково и Семеново, по которым Русская армия переправлялась на правый берег Ворсклы.

«Шведская могила» до устройства на ней памятника. С картины, принадлежавшей Полтавскому Петровскому кадетскому корпусу.

Старый крест на Шведской могиле.

Освящение
и открытие
памятника
на Братской могиле
Русских воинов
11 сентября 1895 г.

После панихиды
в присутствии
государя
императора на
Братской могиле
27 июня 1909 г.

Братская могила Русских воинов.
 Слева — вход в курганную церковь во имя
 святых апостолов Петра и Павла.

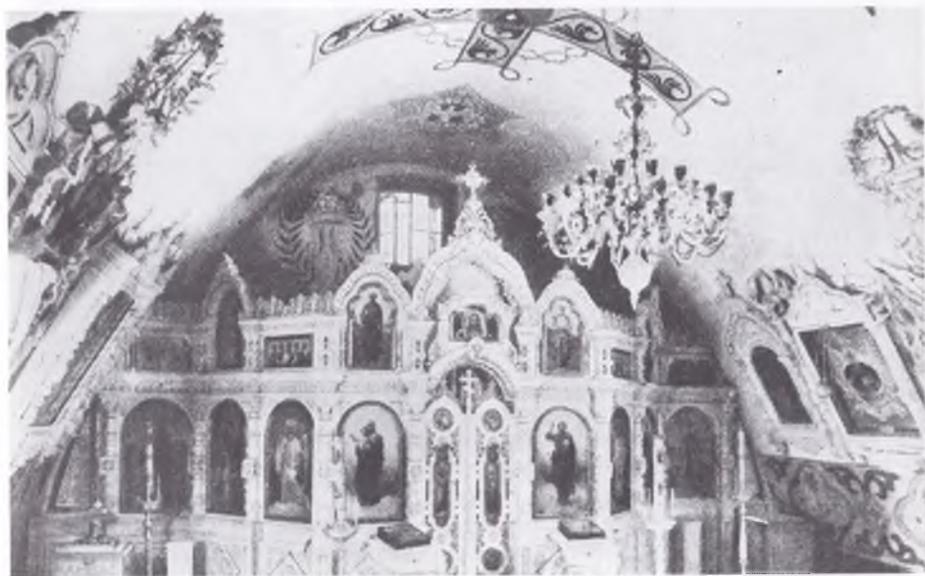

Внутренний вид храма,
 устроенного в кургане.

Хорошо различимы один из картушей
 в военной артиллерии, на котором были
 перечислены полки, принимавшие участие
 в Полтавской битве, и одна из икон
 Каплуновской Божьей Матери —
 спешницы Полтавской победы.

Иконостас и свод
храма святых первоверховных апостолов
Петра и Павла.

Чудотворная икона Каплуновской Божьей Матери — споспешницы Полтавской победы и памятный медальон в её честь. На фото внизу — картуши с названиями полков, принимавших участие в Полтавской битве, прежде размещённые в курганной церкви Братской могилы, затем, после её разрушения, экспонированные в музее Полтавской битвы, а в последнее время снятые из обозрения.

Вверху слева — медалионы в честь Чудотворной иконы Каплуновской Божьей Матери и святого Самсония Странноприимца, выпущенные в память 200-летия Битвы.

Справа — изображение святого Самсония Странноприимца. На обороте этой открытки — жизнеописание святого, тропарь в его честь и печать издателя — Полтавского Свято-Макариевского братства.

В память 300-летия Полтавской битвы открытка была репринтно воспроизведена Свято-Троицкой общиной Полтавского Крестовоздвиженского монастыря при содействии благотворительного фонда «Полтавская битва».

Внизу слева — почтовые марки Полтавского земства.

Так выглядел Сампсониевский храм
в 1909 году
(вид снаружи; внутренний интерьер).

Икона с изображением святого
Сампсония Странноприимца —
часть современного иконостаса
этого храма.

Иконостас Спасской церкви,
как он выглядел
в начале XX века.

Памятник, установленный
на месте дома казака
Магденко, где во время осады
Полтавы жил комендант
Келин и в котором пировал
после битвы Пётр Первый.
Справа от него —
Спаса Нерукотворённого
Образа церковь,
слева — Воскресенская
церковь, ныне разрушенная.

Первый музей
(«музей И.Ф. Павловского»),
построенный на поле Полтавской
битвы в преддверии 200-летнего
юбилея знаменитого сражения.

Экспонаты музея.

Памятник на месте одного из редутов.
Александро-Николаевская учительская
духовная семинария, Сампсониевская
церковь и госпиталь для увечных воинов
последней Русско-турецкой войны
(ныне музей Полтавской битвы).

Панорамы легендарной
Переволочной, сделанные
неизвестным фотографом-
краеведом перед затоплением
местности водами
Днепродзержинского
водохранилища (верхняя
— в направлении север-юг;
нижняя — восток-запад).
На верхней панораме отчетливо
видны береговая линия Днепра
и остатки валов древней
крепости.

Лицевые стороны открыток,
изданных к 200-летию
Полтавской баталии.

Полтавский Крестовоздвиженский монастырь — ставка шведского короля Карла XII во время осады Полтавы.

«Монумент Славы».

(Худ. И. Зайцев. 1880-е гг.)

В центре картины — монумент Славы Петра I. За ним отчетливо просматривается фасад главного здания Полтавского Петровского кадетского корпуса с куполом храма святого Сампсония Странноприимца — небесного покровителя Полтавы.

Храм ныне разрушен.

отстроена вновь, о чем свидетельствуют, в частности, «Ведомости Киевского губернского правления»: согласно этим данным, по состоянию на 1718 год гарнизон Переволочанской крепости насчитывал 426 солдат и 8 офицеров. На его вооружении было 26 пушек, в боекомплект которых входило 1508 ядер и 250 пудов пушечного пороха. Для стрелкового оружия имелось 73 370 патронов и 15 пудов ружейного пороха¹⁷⁸.

* * *

В начале 20-х годов XVIII века в крепости опять были проведены ремонтные работы — в частности, отремонтированы деревянно-земляные конструкции и нарощен бруствер. За год до смерти императора Петра I военное ведомство составило так называемый штат укрепленных городов России, куда введена была и Переволочанская крепость, а в начале 30-х годов XVIII века её включили в систему защитных сооружений укрепленной «Украинской линии», проходившей от Днепра до Сиверского Донца и предназначавшейся для защиты от ордынцев¹⁷⁹. Строительство «Украинской линии» велось в 1731–1732 годах.

Но в самом конце XVIII — начале XIX века, когда границы Российского государства отодвинулись далеко на юг, Переволочанская крепость окончательно утратила своё боевое значение и вскоре перестала существовать как военный объект вовсе¹⁸⁰.

План Переволочанской крепости
1776 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПРАВА (послесловие редактора)

Крах был очевиден, и «первыми сориентировались в сложившейся неблагоприятной обстановке Мазепа и его окружение», — пишет Александр Викторович Беспалов (Беспалов А. Сподвижники Карла XII. С. 51).

Надо отметить, что мятежный гетман лишь дважды за весь полтавский период Великой Северной войны проявил необычно-

венную подвижность: в момент, когда он узнал, что к нему едет на встречу сам Меншиков, явно испугавшись и полагая, что князь уже что-то проведал, мгновенно решил: «порвался нечаянно Мазепа, як вихор, и поспешил в вечер, поздно того ж дня в субботу до Батурина», затем 23 октября переправился через Сейм, 24-го переправился через Десну и явился к генералам Карла XII. Королю он представился 28 октября (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 234).

Ровно восемь месяцев спустя испуг был ещё сильнее, поскольку Мазепа осознал, что теперь ему придётся отвечать не за «подозрения», от которых ему долгое время удавалось успешно «открещиваться», а за доказанные тяжкие преступления. Вот почему ещё более редкой птицей, чем та, о которой говорил Н.В. Гоголь, и которая способна долететь лишь до середины Днепра, Мазепа вмиг оказался на противоположном берегу.

«Король (тоже) решил переправиться через Днепр, но с одним условием — армия должна была отступать в Крым. Шведы организовали безуспешную переправу через реку, и многие из них потонули» (Беспалов А. Указ. соч. С. 51).

С королём переправились на правый берег Днепра и ушли в Турцию отряд Сильверьельма (в составе четырёх рот Южно-Сконского рейтарского полка), корпус лейб-драбантов, лейб-драгунский полк и несколько рот солдат

Карл XII и Мазепа на берегу Днепра

Седерманландского полка, а также часть придворного штата — всего около 1300 человек (там же, с. 52, со ссылкой на источник: Petri G. Slaget vid Poltava. S. 291–293). Даниэл Крман персонифицирует некоторых из них: Лагеркрона («о котором шведы говорили, что после утраты всех прочих генералов Бог оставил этого последнего, худшего из худших. Вначале он был у короля весьма в чести, но... после утраты возможности добыть Стародуб король перестал ему

доверять»); а также Спарре, барон Фалькенберг, «Клингенстьерна, заседатель королевского хранилища, который был потом повышен на секретаря, Дюбен, интендант двора, то есть самый высокий начальник двора, Нойгебайэр, все королевские пехотинцы, доктор Мальмберг, епископ Магнус Авривиллюс, Енеман, капелланы королевской пехоты, а также Вюрффель, капеллан какого-то немецкого полка, других не могу припомнить...» (Крман Д. Подорожный щоденник (Itenerarium 1708–1709). С. 107). «Народ, как видим мы, такой — изрядный да плохой», — как говаривал известный мало-российский баснописец.

С Мазепой же переправились: «Войнаровский, его племянник и самый известный казацкий полевой маршал (sic!), Мазепин секретарь вместе с женой». Начальство не начальство, но за переправу его, Филиппа Орлика,

«воза» через Днепр генеральному писарю пришлось посулить казакам «триста таляров» — иначе, надо полагать, не взяли бы. «Шведов было около двух тысяч и столько же мазепинцев и запорожцев», заключает Д. Крман.

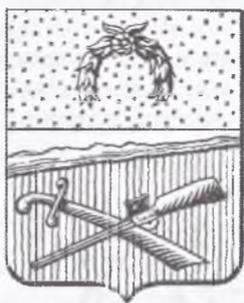
Зная наверняка, что шведов было минимум на 700 человек меньше обозначенной цифры, по крайней мере на столько же следует снизить и число сопровождавших Мазепу.

Ещё на сколько-то уменьшил коли-

Маршрут движения шведской армии по Малороссии от Батурина до Переволочной с районами расквартирования и значимых боевых действий полтавского периода Северной войны

чество шведов и мазепинцев переход по безжизненной степи. «Голод и жажда, дневной зной и ночная стужа были неминуемыми орудиями в руках смерти, поражавшей без пощады начальствовавших и подчиненных. Степь была усеяна трупами шведов. Только незначительная часть казаков спаслась от смерти», — пишет военный историк, полковник Б.С. Тельпуховский в своём исследовании «Северная война» (М.: Военное изд-во Министерства обороны Вооруженных сил Союза ССР, 1946. С. 132).

Исторический герб города Кобеляки (1843 г.). Был дарован в воспоминание славных событий, случившихся здесь 30 мая 1709 г.

Мало кто знает, что по дороге к турецким берегам в среде запорожцев вызрел бунт. В это время «ненависть запорожцев к Мазепе, соблазнившему их на измену, дошла до таких размеров, что, конечно, только шведы спасали “старого гетмана” от расправы. Это чувство открыто сказалось впоследствии во время панического бегства Карла и его спутников от Переволочной в заднепровские степи. Беглецы уже приближались к Бугу, когда вдруг, по свидетельству очевидца графа Понятовского, произошло следующее. “На третий день в ночь в лагере возникла тревога. Казаки, которые возмутились против Мазепы, хотели разграбить его телеги, где у него были

большие ценности, а его самого схватить и выдать царю”. Король Карл XII попросил Понятовского успокоить казаков, что ему и удалось. (Средствами «успокоения» была вооружённая сила, перевес в которой находился на стороне короля. — *Прим. ред.*) Мазепа был спасен от неминуемой гибели: казаки твердо знали, что царь им все простит и богато одарит за выдачу старого изменника...» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 345–346).

Действительно, в погоню за беглецами ещё 1 июля был отправлен отряд (два драгунских полка) бригадира Г.И. Кропотова, а затем, 2 июля, ещё и корволант из 2 тысяч драгун генерал-майора князя Волконского, прибывшего в Переволочну накануне. Одновременно фельдмаршал-лейтенанту Гольцу, войска которого находились в пределах Волыни, был отдан приказ отрезать Карлу XII и Мазепе дорогу в Польшу, к шведским войскам генерал-

майора Крассау. «Волконский догнал отступающих уже у переправы через Днестр и прижал их к реке, — пишет далее Б.С. Тельпуховский.

Русский кавалерийский разезд уничтожает противника.
Худ. В. Савин

— До 300 человек, бросившихся в реку, потонуло, а 500 были взяты в плен и отведены в Полтаву. Только королю и Мазепе и на этот раз удалось уйти, «хотя не далее как до места, с которого он мог зреть гибель, постигшую его спутников» (здесь Б.С. Тельпуховский цитирует, в свою очередь, книгу В. Лагуса «Карл XII в Южной России», с. 5).

А. Маркевич, автор уже упоминавшейся нами книги «Великий подвиг», рассказывает (с. 118–119) в приципе об этом же, но прослеживает отдельно судьбу другого отряда. Кропотков, пишет Александр Петрович, «продолжая преследование противника, прижал его к реке Прут, и в районе местечка Черновец, не приняв боя, шведы сдались, а около 500 запорожцев «побежали в леса вниз подле реки Прута, которых наши передовые драгуны и казаки и волохи, спешась, многих побили и во оной реке потопили» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. С. 410).

* * *

Итак, переправа завершилась поздно вечером, если не ночью с 29 на 30 июня, «когда король со своей свитой и казаки Мазепы исчезли в темноте...», пишет А. Беспалов. Это была последняя ночь шведской армии на воле, и она провела её на виду у разрушенной Переволочанской крепости. «Общее настроение этой ночью, очевидно, представляло собой странную смесь усталого безразличия, безвыходности и безумного страха. Некоторые просто махнули на все рукой и, выдохшиеся, повалились вместо работы спать (так поступили и Левенгаупт с Крейцем — просто легли спать. — Прим.

ред.) Другие, охваченные непередаваемым ужасом, лихорадочно сооружали плоты и предпринимали безумные попытки преодолеть реку... Старшие офицеры либо сами участвовали в запрещённых мероприятиях на переправе, либо давали на них свое молчаливое согласие» (Беспалов А. Указ. соч., С. 52, со ссылкой на другой источник: Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995).

Здесь просматривается по крайней мере два важных момента — во-первых, что подвели и тут незадачливых шведов их лукавые «союзнички»; ведь без надёжных провожатых, знавших здешние переправы так, что в определённое время года и вброд могли перевести скот через Днепр (о чём и поныне ходят воспоминания в краях, близких к затопленной сейчас водами Днепродзержинского водохранилища Переволочне), шведам нечего было и думать переправиться самим на другой берег, минуя опасные «ямы», водовороты и прочие «ловушки». И во-вторых, насколько всё же отличалась реальная шведская армия от лубочного портрета, нарисованного тем же Крманом: что, дескать, «весь мир мог убедиться, что нигде на земле не найти солдат, которые терпеливее переносят жару и мороз (нигде на земле, кроме Гадяча и Веприка. — *Прим. ред.*), напряжение и голод, самоотверженной исполняют приказы, по сигналу охотнее идут в бой, смелее стремятся к смерти (кроме Переволочной), меньше склонны к военному бунту, спокойнее ведут себя в лагере, набожнейше живут (кроме Малороссии, где за ними «числятся» десятки сожженных и оскверненных храмов, разрисованных под шахматные доски икон, и где они даже перед главнейшей из своих битв не удосужились провести хотя бы формальное богослужение, в расплату за что и Крман, и Карл XII потом относили своё поражение), а изменяя боевые порядки, быстрее перестраиваются...» (с. 89–90 по сербскому, 1969 года изданию «Itenerarium 1708-1709»).

С рассветом 30 июня шведы начали иные перестроения: «...шведские солдаты в одиночку и группами стали перебегать на сторону русских и сдаваться в плен» (Беспалов А. Указ. соч. С. 52). Таким образом вопрос будут ли солдаты драться, поставленный Левенгауптом на военном совете, собранном по поводу получения ультиматума от А.Д. Меншикова, был в известном смысле риторическим. Будут ли они драться — можно было увидеть, лишь откинув полог штабной палатки.

В тот же день «остатки (шведской) армии капитулировали перед вдвое слабейшим противником» (Там же. С. 53). «В плен к русским попали: генерал от инфантерии Левенгаупт, генерал-майоры Крейц и Крузе, 11 полковников, 16 подполковников, 23 майора, 1 фельдцехмейстер, 256 ротмистров и капитанов, 1 капитан-лейтенант, 304 лейтенанта, 323 корнета и прапорщика, 18 полковых

Капитуляция шведской армии возле Переволочны.
Фрагмент диорамы

квартирмейстеров, 2 генерал-адъютанта и 25 адъютантов, всего 983 офицера; унтер-офицеров и рядовых — 12 575 человек, из них 3286 пехотинцев, 9152 кавалериста и 137 артиллеристов. Таким образом, в руки русских войск попало 13 558 чело-

век строевого состава шведской армии, 1407 неслужащих, 34 человека из придворного штата короля, 3402 человека нестроевых и 1657 женщин и детей (семьи шведских воинов). Общее количество пленных составило 20 058 человек. К ногам победителей легло 142 знамени и штандарта. К ним же перешла вся оставшаяся артиллерия — 31 орудие (восемь из которых затем, столетие спустя, лягут в основание памятника Славы. — *Прим. ред.*): 21 пушка, 2 гаубицы, 8 мортир и много другого военного имущества» (Там же. С. 53).

* * *

«Это была самая грандиозная военная катастрофа в долгой истории Швеции — каковой она является и по сей день», — так сказал по поводу капитуляции шведской армии современный шведский историк Петер Энглунд (Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. С. 267).

Но для нас более значимой была и остаётся оценка этого события, сделанная, что называется, по горячим следам (то есть как его оценили современники): «Может быть, в целой истории не найдется подобного примера покорного подчинения судьбе со стороны та-

кого количества регулярных войск», — так писал 20 июля 1709 года английский посол в Москве Чарлз Витворт статс-секретарю Бойлу (Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 50. СПб., 1886. С. 207).

А другой современник события, Феофан Прокопович, и того смотрел глубже: «Немного таковых побед в памятях народных, в книгах исторических обретається», — говорил он

Феофан Прокопович

(Прокопович Ф. История императора Петра Великого. С. 212). Он же, приветствуя Петра I 10 июля в киевском Софийском соборе, так сказал: «Величие и славу победы не иным мерилом мерим, токмо силою и храбростью побежденного от тебя супостата, свирепством и лютостью истинного льва свейского, ногою твоею попранного... Супостат воистину таковой от какового непобежденному токмо быти, великая была бы слава: что же такового победиши тако преславно и тако совершенно? Между иными бо народы немецкими он яко сильнейший воин славится и доселе прочим всем бяше страшен. Такое же о себе в народах ощущая мнение, безмерно кичится и гордится и народы презирати навычен...»

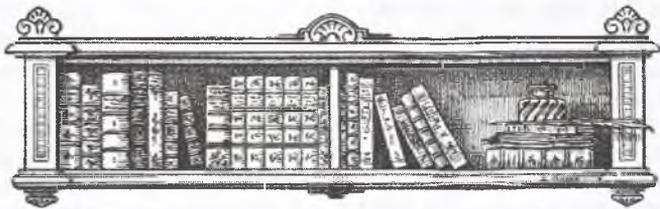
* * *

Наши предки триста лет всегда помнили об этом.

Будем помнить об этом и мы.

Ибо такое забыть — невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленко В.Г. Собр. соч. Т. 8. М., 1955. С. 454–455.
2. Книги Малороссийского приказа. № 101. Л. 23–61, 105 об.; № 103. Л. 261 об.; Дядиченко В.А. Украинское казачье войско в конце XVII – начале XVIII в. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 255.
3. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. № 1544.
4. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 203.
5. Павленко Н.И. Петр Первый. М., 1975. С. 157–158.
6. Чтения в Московском ОИДР. М., 1882. Кн. I. С. 86.
7. Труды Императорского Российского военно-исторического общества (ИРВИО): Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.). СПб., 1909. С. 43–48; Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию / Соч. в 12 т. Т. X. М., 1959. С. 417.
8. Шутой В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К., 1951. С. 137–138, 230.
9. Труды ИРВИО. Документы Северной войны. С. 70.
10. ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. Отд. I. Кн. 60. Л. 157–158. Собственноручное; Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. IX. Вып. I. М.; Л., 1950. с. 20–21.
11. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII ст. Ч. I. СПб., 1820. С. 274–275.
12. Стиле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб, 1912. С. 65.
13. Тарле Е.В. Указанное сочинение. С. 594–598.
14. Там же. С. 681; Шутой В.Ю. Указ. соч. С. 181.
15. Іванюк Я.Г. Місто-фортеця Переволочна у XVII-XVIII століттях // Український історичний журнал. №7 (208). К., 1978. С. 110.; Іванюк Я.Г. Міста-фортеці Лівобережної України та їх роль у ході Північної війни // Республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства (Тези доповідей). К., 1980. С. 227.
16. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 747.
17. Іванюк Я.Г. Місто-фортеця Переволочна у XVII-XVIII століттях. С. 110.
18. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников. Т. II. М., 1839. С. 162–163; Тарле Е.В. Указ. соч. С. 696.

19. Голиков И.И. Указ. соч. С. 172–174; Бучневич В.Е. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава. 1902. С. 69–70; Тарле Е.В. Указ. соч. С. 707–708.
20. Голиков И.И. Указ. соч. С. 191–192.
21. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 754.
22. Там же. С. 635–637; Шутой В.Ю. Указ. соч. С. 147.
23. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 621.
24. ЦГАДА СССР. Ф. 210. Белгородский стол. Ст. 389. С. 22; Ст. 1020. С. 445; Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVII столетии. М., 1887. Т. I. С. 145; Иванюк Я. Г. Міста-фортеці Охтирка і Суми у XVII–XVIII столітті // Український історичний журнал. № 9. 1980. С. 101.
25. Кругляк Ю.М. Ім'я вашого міста: Походження назв міст і селищ міського типу Української РСР. К., 1978. С. 100.
26. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 9 (прибавления). СПб., 1875. С. 296.
27. Історія міст і сіл Української РСР. Сумська область. К., 1973. С. 91.
28. Дополнения к актам... Т. 9 (прибавления). С. 296; Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта... Т. I. С. 145–146.
29. Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта... Т. I. С. 146–148.
30. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 58–59.
31. Там же. с. 59.
32. Історія міст і сіл Української РСР. Сумська область. С. 92.
33. Иванюк Я.Г. Міста-фортеці Охтирка і Суми у XVII–XVIII ст... С. 105.
34. Чтения в Московском ОИДР. Кн. II. М., 1885. С. 4; Загоровский В.Г. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 167; Иванюк Я.Г. Міста-фортеці Охтирка і Суми у XVII–XVIII ст... С. 101.
35. Кругляк Ю.М. Ім'я вашого міста... С. 100.
36. АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 263; Загоровский В.Г. Белгородская черта... С. 167.
37. Загоровский В.П. Белгородская черта... С. 167–168.
38. Багалея Д.И. Материалы... С. 57.
39. Там же. С. 57.
40. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны... С. 51–53.
41. Там же. С. 52; Тоуды ИРВИО. С. 157–158; Иванюк Я.Г. Міста-фортеці Охтирка і Суми... С. 103.
42. Труды ИРВИО. С. 157–158.
43. Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины XVII–XVIII веков. М., 1967. С. 52–53; Иванюк Я.Г. Міста-фортеці Охтирка і Суми... С. 103.
44. Пясецкий А. Полтавщина в XVI веке // Полтавские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. № 17. Полтава, 1897. С. 643.
45. Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины... С. 22.
46. Челеби Эвлия. Книга путешественника. М., 1961. С. 80–81.
47. Бочкарев К.П. Очерки Лубенской старины. М., 1900. С. 8–9.
48. Білий П.Х. Лубни. Історично-краєзнавчий нарис. Харків, 1971. С. 11.

49. Бочкарев К.П. Очерки Лубенской старины... С. 3, 8.
50. Іванюк Я.Г. Фортеця над Сулою // Ленінська Зоря. 1977. 3 грудня. № 189 (9388).
51. Кругряк Ю.М. Ім'я вашого міста... С. 91.
52. Лазаревський А.М. Описание старой Малороссии. Т. 2. Полк Нежинский. К., 1893. С. 51.
53. Шафоронский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. К., 1851. С. 463.
54. Там же. С. 462–463.
55. Государственная публичная библиотека им. В.И. Ленина. Рукописный отдел. Сборник Н. Маркевича. № 1627/1807; Апанович Е.М. Збройні сили України першої половини XVIII ст. К., 1969. С. 130.
56. Дядиченко В.А. Украинское казацкое войско... С. 256.
57. ЦГАДА. Письма разных лиц на русском языке 1709. № 6. Л. 20–21 об.; Письма и бумаги Императора Петра Великого. т. IX. Вып. 2. С. 589.
58. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб., 1861. С. 505.
59. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны... С. 18.
60. Лазаревский А.М. Обзорение румянцевской описи Малороссии. Вып. II. Чернигов, 1872. С. 169; Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины... С. 52.
61. Цапенко М.П. Указ. соч. С. 52–53.
62. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21 590. Л. 3. План города Нежина; Цапенко М.П., Указ. соч. С. 50–52.
63. Логвин Г.Н. Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль. М., 1965. С.16.
64. Его же. По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. К., 1968. С. 83.
65. Рибаків Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1953. С. 80.
66. Судиенко М. Материалы для отечественной истории. Т. II. 1855. С. 457–458.
67. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны... С. 18.
68. Там же. С. 18.
69. Лукьянов П.М. Производство пороха в России в первой четверти XVIII в.
70. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны... С. 18.
71. Шафоронский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 277–278.
72. Пясецкий А. Полтавщина в XVI веке // Полтавские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. № 17. Полтава, 1897. С. 643.
73. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 3. Полк Прилукский. К., 1902. С. 81.
73. Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии, составленные в 1848 году. Ч. 1–3. Полтава, 1848–1852. С. 293.
74. Шафоронский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 509–511.

75. Маценко В.А. Прилукщина. Историческое и статистическое описание Прилукского уезда Полтавской губернии в 2-х частях с картой уезда и с планом города Ромны. 1888.
76. ЦГВИА. Ф. 418. Д. 608.
77. Маценко В.А. Прилукщина... С. 71–72.
78. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 3. Полк Прилукский... С. 82; Арандаренко Н.И. Записки... С. 293.
79. ЦГАДА. Кабинет Петра Великого. Отд. 2. Кн. 9. Л. 182; Письма и бумаги... Т. IX. Вып. 2. С. 570.
80. ТИРВИО. Т. III. С. 69.
81. Шафоронский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 509.
82. Стороженко А.В. Очерки Переяславской старины. К., 1900. С. 1–17.
83. Повесть временных лет. Т. I. М.; Л., 1950. С. 283–284.
84. Ляскоронский В.Г. История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII столетия. 2 изд.. К., 1903. С. 129.
85. Довженок В.Й. Будова міських укріплень в Київській Русі // Вісник АН УРСР. № 7 (135). К., 1947. С. 57.
86. Пясецкий А. Полтавщина в XVI веке... С. 642.
87. Сікорський М.І., Швидкий Д.Т. На землі Переяславській. К., 1971. С. 42–43.
88. Письма и бумаги... Т. IX. Вып. 2. С. 588–589.
89. Ласковский Ф.Ф. Материалы... Ч. II. С.482–483.
90. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. Ч. I. Тетрадь I. О русских крепостях. СПб., 1838. С. 44.
91. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны... С. 20–21.
92. Там же. С. 9.
93. Там же. С. 21.
94. Грабовский И.А., Днестров И.Н. Переяслав-Хмельницкий: Архитектурно-исторический очерк. К., 1954. С. 12.
95. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. К., 1888. С. 134–135.
96. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий... С.31.
97. Ляскоронский В.Г. История Переяславской земли... С. 117.
98. Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии... Ч. 3. С. 336.
99. Шафоронский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 571.
100. Там же. С. 566.
101. Ляскоронский В.Г. История... С. 117.
102. Макаренко Н.Е. Городища и курганы Полтавской губернии (Сборник топографических сведений). Полтава, 1917.
103. Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. С. 628.
104. Там же. С. 629.
105. Там же. С. 630.
106. Там же. С. 667.

107. Там же. С. 667.
108. Макаренко Н.Е. Городища и курганы Полтавской губернии. С. 34–35.
109. Арандаренко Н.И. Записки... С. 197.
110. Письма и бумаги... Т. IX. Вып. 2. С. 569–570.
111. Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины... С. 22.
112. ЦГВИА. Ф. 418. Д. 574. План Гадяча XVIII ст.; Цапенко М.П. Указ. соч. С. 49.
113. Письма и бумаги... Т. IX. Вып. 2. С. 764–765.
114. Шафоронский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 625–626.
115. Там же. С. 626.
116. Іванюк Я.Г. Славні сторінки історії // Будівник комунізму. 1978. 7 вересня. № 108 (7192).
117. Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. С. 166.
118. Там же. С. 304.
119. Арандаренко Н.И. Записки... С. 106–107.
120. Шутый В.Ю. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708–1709 рр. К., 1951. С. 199, 211–212.
121. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. М., 1962. С. 568–569.
122. Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. II (карты Боплана). К., 1910; Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины... С. 22.
123. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XV. СПб., 1892. С. 159–160.
124. Воссоединение Украины с Россией. Т. III. С. 539.
125. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке (Летопись С. Величко). Т. 1. К., 1848. С. 328.
126. Там же. С. 322.
127. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XV. СПб., 1892. № 4. С. 181.
128. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. VII. 1657–1663, 1668–1669. СПб., 1872. С. 288.
129. Літопис Самовидця. К., 1971. С. 99.
130. Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. С. 70.
131. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве... С.16–17.
132. Гольденберг Л.А. Картографические источники XVIII в. О военных действиях в 1708-1709 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 380.
133. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве... С. 152.
134. Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. Полтава, 1909. План 2.
135. Там же. План 3.
136. Гольденберг Л.А. План города Полтавы Ивана Бишева // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 425–427.

ПРИЗВАННЫЙ ИСТОРИЕЙ,

или

СЛОВО О СТАРШЕМ ТОВАРИЩЕ*

Был тёплый солнечный воскресный день, как это очень часто случается в конце лета, и ответственный секретарь заводской многотиражки «Ударник» Полтавского паровозоремонтного завода Иван Евстафьевич Данишев со своей маленькой дочкой Тamarой

* Мне долго думалось, как обозначить себя по отношению к герою этого очерка. Наша разница в возрасте не давала мне непосредственного права назвать себя «другом» — ведь Ярослав Григорьевич Иванюк по рождению ровесник моего отца: год тот же самый, 1925-й, по слову хорошего писателя, редко встречающийся даже на кладбищах. Но я действительно был вхож в их с Tamarой Ивановной дом, приглашаем на некоторые важные семейные мероприятия, в частности на золотую свадьбу отца и матери Tamarы Ивановны — Ивана Евстафьевича и Елены Михайловны Данишевых (о чем будет упомянуто в тексте далее), некоторые другие семейные события. Моя мама, Kлавдия Ивановна Синченко, работала вместе с Tamarой Ивановной Иванюк в областном лечебно-санаторном управлении. Во время моей работы в областной молодёжной газете «Комсомолец Полтавщины» мне неоднократно приходилось готовить к печати статьи не только Ярослава Григорьевича, но и Tamarы Ивановны (она получила второе образование, окончив биофак Полтавского пединститута, и, как биолог, писала о судьбах рек Полтавщины...) — и так далее, аж до наших встреч с Ярославом Григорьевичем в бытность его директором музея истории милиции, в чём был мой непосредственный интерес как историка правоохранительных, в частности, органов.

Не скрою, мне было приятно, что семья Иванюк доверила именно мне разбор архива Ярослава Григорьевича и подготовку к печати его произведений. В процессе работы над ними, признаюсь, я ощутил полное совпадение наших мировоззрений; в то же время я не стал вкладывать в авторский текст свои, порою достаточно резкие, реплики; они выделены другим шрифтом и ответственность за них — моя.

отправились в городской парк — главное место отдыха горожан в предвоенной Полтаве. Сколько же там было на самом деле необычного и действительно интересного! Ярко разрисованные качели. Самые настоящие самолеты, перкаль крыльев которых можно было потрогать рукой, и, дождавшись очереди, даже посидеть в кресле пилота и покачать штурвал. Парашютная вышка, откуда спускались под громадным куполом юноши — порой побледнев от волнения, крепко сжав челюсти, но молчанием соблюдая мужское достоинство; и девушки, зачастую не в силах сдержать криков восторга от бесподобного ощущения свободного падения. А ещё там продавали мороженое в бумажных стаканчиках, которое полагалось есть плоскими деревянными палочками — белое, вернее, чуть желтоватое от сливок, и розово-красное, от наполнителя-варенья.

А кроме того, в этот день Тамара получила в подарок сверх ожиданий яркий и блестящий, сказочно огромный воздушный шарик и поэтому пребывала просто-таки на седьмом небе от счастья. Но шар вскоре внезапно и оглушительно лопнул, отчего глаза девочки сразу же наполнились слезами — ведь большего горя ей трудно было на тот момент себе даже представить!

В то же время, ощущая некое единство взглядов, я почёл себя вправе назвать Ярослава Григорьевича своим старшим товарищем, в полной мере сознавая колоссальную ёмкость этого слова. Ведь «товарищ», — по Далю, — это «дружка, сверстник, ровня в чём-либо», а также «помощник, (и) сотрудник»; а, кроме того, «соучастник в чём-либо..., собрат».

Между прочим, «в вербованных полках рядовой назывался товарищем», общает Владимир Иванович. *«По товарищам и слава»*, — такой, в частности, пример пословицы приводится им в «Толковом словаре живого великорусского языка». И еще: *«Умный товарищ — половина дороги»*. А также: *«Родной брат продаст, а товарищи невыдадут!»*

Производное слово «товарищество», как считает лучший из знатоков русского языка, означает «...состоянье, связь, союз и взаимные отношения товарищей». *«Товарищество не дружба, а связывает»*, — говорят в народе. Это действительно особые отношения, когда «все за одного, франц. *esprit de corps*». Это и «союз на известное дело, общество, компания», и *«товарищество на паях, где всякий участвует по мере внесенного пая»*.

В свое время в арифметике существовало *«правило товарищества»*, которое учило делить любое число соразмерно другим числам.

Насколько данный, так уж получилось — во многом совместный, труд «Книга о крепостях и героях» соответствует всем этим условиям, об этом судить читателю. — *Прим. автора-редактора.*

Рядом с городским парком жила сослуживица Ивана Евстафьевича — Вера Никифоровна Иванюк, и отец с дочкой зашли к ней. Сын Веры Никифоровны Славик был старше Тамары на целых три с половиной года; он показался ей совсем взрослым. Увидев заплаканные глаза девочки, мальчик мигом оценил ситуацию и сказал совсем растаявшей от слез плаксе:

— А у нас яблоки растут в самом доме!

Глаза ребенка сразу же просохли по крайней мере наполовину.

— Как это может быть? — засомневалась малышка.

— А вот смотри сама. — Славик решительно распахнул окно в сад, и яблоня в самом деле послушно протянула ветку, усеянную розовощекими яблоками, прямо к ним в комнату.

— Ну-у-у, — разочарованно собрала губки бантиком готовая вновь разреветься девочка, — у нас тоже есть сад, и ветки из него сами лезут в окно.

— Ну не плачь, не плачь, — снова взял инициативу в свои руки старший по возрасту мальчик. — А хочешь, я тебе подарю живого кролика?

Вот это было действительно интересно!

— Хочу! — ответила девочка, и остатки слез на сей раз окончательно исчезли с её лица. И они вдвоем тут же дружно занялись выбором будущего Тамариного питомца. Предательски взорвавшийся негодный шарик был тотчас предан вечному забвению...

Вот так и познакомился Ярослав с Тамарой, со своей будущей женой. Правда, до загса им оставалось преодолеть реку времени длиною в полтора десятка лет, — а поперёк нее лежали война и очень много тысяч километров расстояний! В принципе, могли ведь и не встретиться их дороги опять. Но, видимо, чему суждено сбыться, то не сбыться никак не может.

* * *

Истоки судеб той и другой семьи прежде, чем пересечься, лежали и того дальше друг от друга.

Мать Ярослава была старшей в семье крестьянина Никифора Махтеевича Кочерги из села Сазоновки Золотоношского уезда Полтавской губернии, а ныне Оржицкого района Полтавской области. Господь благословил их с супругой Ефросинией четырьмя дочерьми, которых, не мудрствуя лукаво, назвали они Верой, Надеждой и Любовью, а младшая получила имя Маруси. Вера четыр-

надцати лет окончила церковно-приходскую школу и сразу же пошла работать продавцом местного крестьянского потребительского общества. Чуть позже, в 1917-м, она отучилась ещё и на учительских курсах, но больше по душе пришлась ей всё же бухгалтерская работа. И стала она сначала счетоводом в уездном, Золотоношском упродкоме, а после, окончив губернские (в Полтаве) кооперативные курсы, вернулась в Золотоношу инструктором райпотребсоюза.

Девушка редкой и строгой красоты, Вера рано обратила на себя внимание местных парней. Со времени познакомилась с действительно хорошим хлопцем, и всё уже вроде к женитьбе шло, но судьба распорядилась круто и совершенно по-другому. Вдвоём с женихом они приехали к родственнице в ближнее село, а тут как раз вооруженный отряд — как можно понять, Добровольческой

Мать Ярослава Иванюка Вера Никифорова со своими братьями. Фото начала 1920-х гг.

армии. Принимая во внимание, что родственница эта сама была организатором продотряда, становится понятным, почему именно к ней сразу же нагрянули с обыском. Женщину, правда, не тронули, но прятавшегося за печкой Вериного жениха вывели во двор и расстреляли. Саму Веру тётка спрятала в печь (дело было в теплое время года), завалила дровами и закрыла заслонкой. Её не нашли. Но в память о пережитом навсегда осталась у Веры Никифоровны белая прядь волос посередине головы.

Второй реальный претендент на её руку и сердце появился только спустя несколько лет, в 1923 году, когда она оканчивала уже кооперативные курсы в Полтаве. Это было поистине романтическое знакомство, ибо они встретились и познакомились на крыше поезда (поскольку в вагонах мест не было), по дороге из Полтавы в Золотоношу. Избранник имел все возможные по тем временам достоинства — был участником Гражданской войны и красным партизаном; был, как говорится, ладно скроен и крепко шит. Работал он

следователем. В остальном же они с Верой Никифоровной были равны: как и она, Григорий Севастьянович происходил из крестьян Пирятинского, тоже Полтавской губернии, уезда, и семья его отца и деда також-де была обстоятельной и грамотной.

— Дед (отец Веры Никифоровны) выписывал в свое село Сазоновку очень большое количество газет и книг, много читал и даже оставил свои записки, — вспоминает Тамара Ивановна. — Как мы все жалеем, что эти мемуары не пережили войну и не сохранились...

Годом позже знакомства Вера и Григорий поженились, а ещё через год у них родился сын, названный именем не иначе, чем княжим, — в обоих родах оно ранее не встречалось, — Ярославом; вскоре в 1928 году семья переехала в город Полтаву, где поселилась на красивой и тихой улице Садовой — как бы и в центре, однако в то же время будто бы на окраине: в месте не просто чудесном, но и весьма знаменательном.

Отец Ярослава Иванюка
Григорий Севастьянович.
Фото конца 1920-х гг.

...Дед Никифор был будто бы настолько строг и как бы неприступен, что, когда в один из приездов молодой семьи к нему в Сазоновку он самолично вырезал и подарил внуку дудочку, это было воспринято не просто как признание, а даже «как счастье», по крайней мере так говорит об этом семейное предание. Хотя в то же время все в округе знали, что дед Никифор очень добр, отзывчив и открыт для односельчан: он всем желающим охотно писал всякие «заявления», «прошения» и письма, и никогда не ждал за это особой благодарности.

* * *

Итак, в 1928 году, в возрасте трех лет, Ярослав Иванюк стал действительно полноправным полтавчанином, ибо к тому времени из-за административно-территориальных экспериментов новой власти Полтавская губерния, откуда были родом оба его родителя, полностью прекратила свое существование, будучи поглощена так называемым Харьковским округом (как «область» ее восстановили

лишь 22 сентября 1937 года). Но Полтава на карте страны осталась, как осталась на плане города в числе очень и очень немногих «прежних названий» и старинная Садовая улица, где Вера, Григорий и их сын Ярослав поселились (а окружающие ее Новополтавская превратилась в улицу Шевченко, Келинский проспект — в Первомайский, Большая Казачья — в Клары Цеткин, Малая Петровская и Рождественская, названная так, поскольку стоял на ней громадный и очень красивый храм Рождества Пресвятой Богородицы, безжалостно уничтоженный, слились в безликую, то есть в любом городе и селе имеющуюся улицу Ленина, и т.д.). Так вот, «с чего начинается Родина?» — отнюдь не все вопрошает в своих воспоминаниях Т.И. Иванюк. «Родина Ярослава Григорьевича начинается с улицы Садовой, дом № 10», — сама же и отвечает на этот вопрос Тамара Ивановна. «Эта тихая, уютная, утопающая в зелени улица проходит рядом с прославленным на века парком «Победа». С этим парком выросло не одно поколение жителей нашего города.

Ярослав Иванюк с матерью.
Фото 1934 г.

Уже на одном из первых по времени изготовления плане Полтавской крепости, так называемом плане старой и новой Полтавы XVIII века, к югу от городских оборонных валов был изображен сад и густой лес — именно тот, где позднее заложили этот парк.

Многое видели на своем долгом веку постаревшие сейчас дубы, клёны, ясени. Вдоль современного Первомайского проспекта в апреле — июне 1709 года проходила главная линия обороны Полтавы, защитники которой героически отражали попытки шведских войск овладеть городом-крепостью.

Именно на этом участке Мазуровского вала, в непосредственной близости от современной зоны парка, произошли самые кровопролитные бои с врагом. Тут же шведские войска, начиная от крутых склонов, где проходит ныне Нижнемлинская улица, повели свои подкопы к крепостному валу, потом пытались подорвать его стены заложенными минами.

Но не вышло.

Тут захлебнулись самые последние жестокие атаки шведов 21 и 22 июня 1709 года. На этом участке стояла знаменитая Мазуровская, или Николаевская, башня, которая своим метким артиллерийским огнем не давала врагу покоя ни днем, ни ночью и которую шведам так и не удалось во время осады ни сбить своими пушками, ни поджечь. К 200-летию Полтавской битвы в 1909 году вблизи парка в воспоминание о тех выдающихся событиях отечественной истории был сооружен памятник храбрым защитникам крепости и её доблестному коменданту А.С. Келину. В 1787 году здесь побывали выдающиеся русские полководцы А.В. Суворов и М.И. Кутузов.

Рядом со знаменитым парком в 1903 году по улице Малой Садовой (современная улица Короленко, № 1) поселился известный русский писатель Владимир Галактионович Короленко. Часто бывал в старом парке Владимир Галактионович, блуждал по тихим аллеям, здесь рождались его новые творческие замыслы. Здесь же, в парке, находится могила с установленным над нею памятником этому писателю-демократу и гуманисту, передовому публицисту и прогрессивному общественному деятелю.

После Великой Октябрьской социалистической революции в парке, который носил тогда имя писателя-революционера Ивана Франко, действовали спортивная площадка с теннисным кортом, летний кинотеатр. Летом работал большой цирк, где выступали известные борцы Иван Поддубный* и Иван Шемякин, знаменитый дрессировщик В.Л. Дуров**.

* Поддубный Иван Максимович (26.09.1871, с. Богодуховка, ныне Золотоношского района Черкасской области — 8.08.1949, Ейск) — русский профессиональный борец, атлет, заслуженный артист РСФСР и заслуженный мастер спорта СССР. На цирковой арене как атлет-гиревик и борец начал выступать в 1897 г. В 1905–1908 гг. был победителем крупнейших чемпионатов мира по классической борьбе среди профессионалов в Париже. За 40 лет выступлений не проиграл ни одного чемпионата, имея поражения лишь в отдельных схватках. Гастролировал за рубежом (в 50 городах 14 стран). Получил мировое признание как «чемпион чемпионов», «русский богатырь» (рост 184 см, вес 118 кг, объём груди 134 см).

** Дуров Владимир Леонидович (25.06.1863, Москва — 3.08.1934, там же) — заслуженный артист РСФСР, брат основателя знаменитой династии дрессировщиков Анатолия Леонидовича Дурова. Первый из Дуровых, получивший зоотехническое образование (посещал лекции И.М. Сеченова по физиологии животных), организатор (в 1912 г.) уголка-музея (ныне Уголок им. В.Л. Дурова). Много гастролировал по стране, пользовался громадной популярностью.

Посещал этот парк и знаменитый полярный летчик, один из первых Героев Советского Союза, С.А. Леваневский*. В парке демонстрировали отечественные самолеты, на которых учились курсанты Полтавского аэроклуба.

В конце 30-х годов парк начал носить имя Ленинского комсомола. Над одной из главных аллей реяло красное полотнище, на нем слова из песни Орленок: “У власти орлиной орлят миллионы, и ими гордится страна”.

Началась Великая Отечественная война 1941 года. На сцене летнего кинотеатра стояли станковый и ручные пулеметы. Ополченцы изучали здесь боевую технику.

С этой сцены в августовские дни 1941 года звучали популярные выступления Александра Корнейчука и Ванды Василевской. Писатели — тогда политработники Красной армии — обращались к полтавчанам с призывом следовать примеру своих славных предков, которые обороняли родной город от шведского агрессора в 1709 году, защитить свою родину от фашистских палачей.

С 1-го по 8-й класс Ярослав Григорьевич учился в средней школе № 1 г. Полтавы (она находится неподалеку от Садовой, на быв-

С. А. Леваневский

*Леваневский Сигизмунд Александрович (р. 1902, Петербург — погиб 13.08.1937; р-н Северного полюса) — советский летчик, один из первых Героев Советского Союза (звание присвоено 20 апреля 1934 г.). В 1925 г. окончил Севастопольскую школу морских летчиков, затем работал инструктором в различных авиационных школах. С 1933 г. служил в Главсевморпути, совершил несколько дальних перелётов. В апреле 1934 г. участвовал в операции по спасению людей с затонувшего парохода «Челюскин». В 1936 г. совершил перелёт Лос-Анджелес — Москва протяженностью 19 тысяч километров. 12 августа 1937 г. на самолете Н-209, имея на борту 6 человек экипажа, стартовал под Москвой с задачей перелететь через Северный полюс в США. В 17 часов 53 минуты 13 августа связь с самолётом, попавшим в тяжелые метеорологические условия, прекратилась. Поиск оказался безуспешным, экипаж погиб. Именем Сигизмунда Леваневского в Полтаве названа улица (бывшая Каменная), лежащая параллельно Садовой (прежде Большой Садовой), недалеко от городского сада (ныне парк «Победа», или парк Победы).

шей улице Новополтавской, ныне Шевченко. — *Прим. ред.*). Когда началась война, на базе этой школы был организован эвакуогоспиталь № 1766. С декабря 1941 года он работал в этом госпитале санитаром...»

* * *

Ярослава Иванюка привела сюда на работу его мама, Вера Никифоровна, которая с началом войны была мобилизована военкоматом и направлена в эвакуогоспиталь № 1766 руководить хозяйственной его частью.

Немцы стремительно приближались к Полтаве, и госпиталь был перемещен в глубь огромной тогда страны, в город Вычугу Ивановской области.

Еще дальше, в Красноярск, был эвакуирован Полтавский паровозоремонтный завод, на котором работали отец, его братья, мать и дед Тамары Ивановны. Туда же уехала и она сама, в то время 12-летний ребенок, со своей младшей сестрой Аллой, которой в этом жутком полтавском августе 1941 года исполнилось только 4 года.

* * *

Железная дорога, равно как и история, странным образом очень тесно вошла в жизнь обеих этих семей, впоследствии породившихся, — и семьи Иванюк, продолжателем рода которых стал Ярос-

Коллектив ТПО Полтавского ПРЗ. Фото 1932 г.

лав, и Данишевых-Галиченко, откуда родом была его будущая жена Тамара.

Дед Тamarы Ивановны, Михаил Игнатьевич, приютивший в построенном им доме на три входа всю свою огромную по нынешним меркам семью, жил в так называемом железнодорожном районе города, на Дублянщине, — именно там, где в памятные дни весны и лета 1709 года располагались укрепления русских войск вдоль реки Ворсклы и где долгое время оставался в качестве объекта поклонения один из главных памятников Полтавской битвы — так называемая Могила Русской рати, ныне уничтоженный. Здесь же стоит и сейчас церковь святых первоверховных апостолов Петра и Павла — покровителей русского воинства, правда, располагается она не на исконном месте, а на фундаментах домов церковного клира, а та, старая церковь тоже была уничтожена во времена большевистских гонений на Церковь*.

Михаил Игнатьевич пришел на завод, называвшийся тогда паровозоремонтными мастерскими, двенадцатилетним парнишкой, и первое, что ему доверили, это было подносить в чайнике воду рабочим: летом — холодную, а зимой — кипяток. На заводе он проработал свыше полувеска — 53 года и вырос до слесаря высочайшей квалификации; слава его как мастера далеко превзошла сугубо заводскую; знали о нём и в харьковском, и во многих других депо.

Помимо работы, слесарил он и дома. В его домашнюю мастерскую со всей улицы несли примусы и кастрюли, самовары и чайники, он охотно их «рихтовал», паял, лудил — словом, возвращал к жизни. И при этом ни с кого ни за что никогда не взял ни копейки

* Рассказывают, что эту церковь, очень красивую, поджег в 1937 г. какой-то фанатично настроенный дурак из водившихся тогда во множестве «борцов с религией». Пожарные приехали, но спасти памятник деревянного зодчества, увы, не представилось возможным.

К слову говоря, курганная церковь святых апостолов Петра и Павла, расположенная в Братской могиле русских воинов на поле Полтавской битвы и цинично уничтоженная перед войной (в ней разместили склад горючего института свиноводства, и ныне занимающего здесь же, на поле Битвы, стоящее старинное здание бывшей Александро-Николаевской церковно-учительской семинарии), — так вот она, судя по газетным сообщениям, не будет восстановлена даже к 300-летию юбилею знаменитейшего из сражений. Вот вам и «духовная столица Украины», как дерзко и самонадеянно, хотя и совершенно безосновательно любит называть себя Полтава.

денег — полагал, что раз уж суждено ему было освоить ремесло, то оно должно безвозмездно служить людям.

Сюда же, на родной завод (прилагательное, в те года отнюдь не красного словца ради употреблявшееся), он привел и Ивана Данишева, посватавшегося к его дочери Елене. Зять не подвел: он тоже стал весьма умелым слесарем.

Иван Евстафьевич помимо того, что был смекалистым и схватывавшим буквально на лету рабочую науку, проявил себя, по духу того времени, еще и тянувшимся к книжной грамоте, и общественно активным — он стал одним из самых активных рабкоров заводской многотиражки «Ударник». Вскоре его

Отец будущей супруги Ярослава Иванюка Тамары Данишевой Иван Евстафьевич (в центре) с братьями.
Фото 1930-х гг.

пригласили в редакцию на постоянную работу; здесь он вырос сначала до ответственного секретаря, а затем и редактора газеты. Далее И.Е. Данишева избрали заместителем секретаря парткома завода, потом секретарем. Жена, Елена Михайловна, тоже работала в редакции. Сюда же частенько заходила по делам общественным мама Ярослава — Вера Никифоровна; она уже на следующий год после переезда в Полтаву, в 1929-м, была избрана членом Совета рабочих и красноармейских депутатов города, делегированной от Центрального рабочего кооператива, где работала счетоводом (а затем она в 1931 году и вовсе перешла в отдел рабочего снабжения паровозоремонтного завода, бухгалтером). Семьи чем-то приглянулись друг другу и вскоре достаточно тесно подружились.

* * *

Надо сказать, что семья Иванюк понесла в это время, в 1930 году, действительно тяжелую утрату — в аварии погиб глава ее, отец Ярослава, Григорий Севастьянович. Вера Никифоровна осталась после этого в Полтаве одна-одинешенька, с пятилетним сыном. И, несмотря на то, что исполнилось ей к тому времени всего лишь

30 лет и что засматривались на нее очень и очень многие, никогда в будущем она даже не пыталась составить новый брачный союз — все её мысли и усилия были отныне направлены на воспитание сына, работу и несение общественных, как тогда говорили, нагрузок. Её квартиру на Садовой (состоящую из одной, правда очень большой, комнаты) изредка посещали друзья, очень немногие. Среди них были и Данишевы с их дочкой Тamarой.

Из той старой уютной довоенной обстановки особо запомнились Тамаре Ивановне в квартире Веры Никифоровны Иванюк и ее сына Ярослава большие книжные полки с длинным рядом томов энциклопедии Южакова* (кстати, оконченной изданием именно в год 200-летия Полтавской битвы. — *Прим. авт.*), безнадежно пропавшей в злом смерче войны, и другими несомнительными книгами, столь волновавшими и интриговавшими ее детское воображение.

* * *

Война ворвалась (вот именно так — «ворвалась», несмотря на всю «истертость» от частого употребления этого определения) в жизнь Веры Никифоровны и Ярослава, только что окончившего восьмой класс, как ураган, как буря, своим появлением не оставляющие места для размышления. Во вчерашних школьных классах, где Ярослав слушал рассказы учителей о Гоголе и Чехове, решал задачи по математике и учил всеми ненавистное «дойче», стояли теперь кровати и лежали на полах матрасы; на них укладывали с забинтованными руками и ногами, головами и грудью привозимых с фронта солдат и офицеров, уже принявших в свою живую плоть пули и осколки рвущихся в самое сердце его страны немцев. Подросток носил ящики с консервами и коробки с марлей, бинтами и ватой, проводил раненых на перевязки и отводил обратно в импро-

* Южаков Сергей Николаевич (17.12.1849, Вознесенск Херсонской губернии, ныне Николаевской области Украины — 29.11.1910, Петербург) — известный русский просветитель, дворянин. В 1898–1909 гг. осуществил выпуск 22-томной «Большой энциклопедии» товарищества «Просвещение». Разработал и популяризировал программу реформ с целью поддержки сельской общины и артели, которые, по его мнению, могли стать основой обобществления производства в сельском хозяйстве и кустарных промыслах. В области социологии Южаков выступал как субъективный идеалист, отрицая навязшую на зубах «классовую борьбу» и отводя «этический факторам» главную роль в социальном прогрессе. «Взгляды Южакова подверглись острой критике в работах В.И. Ленина», — пишет по этому поводу Большая советская энциклопедия.

визированные «палаты». А вечером бежал в комсомольский парк, где приезжий лектор, зачастую в гимнастерке, галифе и сапогах, рассказывал о тяжелых боях на западном направлении и что «победа непременно будет за нами».

Однако очень скоро и этот быт, наскоро, но все же организованный, распался — гитлеровцы накатывались стремительно, и на станции Полтава-Южная уже шла погрузка эшелона «ихних» раненых и кое-как приобретенного имущества для отправки на Восток. Вовсю распорядился начальник госпиталя Венгеров (Яков? Яковлевич?); мать Ярослава тоже старалась ничего не упустить из виду — ведь раненых в пути нужно было кормить и поить, делать перевязки и, не исключено, даже операции.

* * *

Несмотря на постоянную угрозу бомбежек, доехали относительно благополучно, «нормально» устроились по новому адресу. И тут оказалось, что подростку в госпитале не место, здесь вполне хватало взрослого персонала.

— Парню учиться надо, — заметили в местном исполкоме. Но отправили не в школу, куда следовало, а вот именно «куда надо» — в местное Ивановское железнодорожное училище ФЗО № 15, которое Ярослав окончил четыре месяца спустя, 14 декабря 1942 года, получив в 17 лет самую низшую на железнодорожном транспорте, но нужную и все же «квалификацию» — кочегара. Так он стал не только «фактически», но и документально участником великой войны, ибо посзда из Иваново шли на фронт, везя оружие, боеприпасы и прочие военные грузы, а обратно забирали в глубокий тыл раненных в боях. При этом у Ярослава хватало сил (намахавшись порою лопатой до полного изнеможения) ещё и читать учебники; вскоре он успешно выдержал экзамены на помощника машиниста. Это была уже следующая, более высокая ступень достаточно сложной железнодорожной иерархии.

* * *

Откровенно говоря, Ярослава очень тянуло на родину. И после освобождения Харькова ему вскоре удалось добиться перевода сначала в здешнее депо «Октябрь», а затем, когда стала свободной от захватчиков и родная Полтава, в депо станции Полтава-Южная. Здесь он и проработал в качестве помощника машиниста до 1946 года (включительно).

* * *

Да, был такой, во многих отношениях рубежный год — когда США и Англия внезапно, «сразу и вдруг», из вчерашних товарищей по оружию превратились в «потенциального противника». С Запада повеяло просто-таки арктическим холодом: фултонская речь Черчилля (в самый разгар Нюрнбергского процесса, 5 марта 1946 года). С треском упавший вскоре после этого пресловутый «железный занавес». Значительное оживление шпионской и подрывной деятельности по отношению к СССР западных держав. Разразившаяся в итоге многолетняя «холодная война»...

Нашим тогдашним «асимметричным ответом» стало, надо полагать, в частности, превращение в 1946 году Наркомата государственной безопасности (возник 14 апреля 1943 года при обратном разделении объединенного в самом начале войны, из НКВД и НКГБ, наркомата и вновь разделённого по выполнению своей задачи) в одноименное Министерство государственной безопасности (МГБ), с естественным в таком случае изменением штатов и некоторым расширением функций.

В один из наборов в школу МГБ попал и Ярослав Иванюк — вместе со своим товарищем Володией Трегубом. Им было всего по 20 лет; позади стояла величайшая из войн, своим жестоким огнем опалившая юность обоих; манила своей несомненной притягательностью грозная слава СМЕРШа — вот это и была та «романтика», которая звала юношей именно туда, куда нужно было их великой родине.

* * *

Семья Данишевых тоже уехала в это время в глубь огромной тогда страны — аж в Красноярск, и тоже не как беженцы, а с эвакуируемым оборудованием Полтавского паровозоремонтного завода. Отдельное предприятие на его базе создано не было, и отца Тамары Ивана Евстафьевича, выполнившего возложенную на него миссию, назначили на рядовую должность инструктора политотдела станции Красноярск, а потом «перевосили» на станцию Чернореченское, назначив парторгом — по сути дела, комиссаром. Но как только освободили Харьков, его немедленно перевели в здешнее депо, а вскоре и в Полтаву — восстанавливать завод, принимать оборудование, шедшее теперь в обратном направлении — с востока на запад.

Завод еще дымился в развалинах (немцы, отступая, взорвали его и сожгли), когда Иван Евстафьевич Данишев вновь ступил на его территорию. В этом предприятии остро нуждался фронт, стремительно уходящий к Днепру и потом все дальше на Запад. Под-

Вокзал Полтава-Южная, разрушенный гитлеровцами при отступлении в 1943 г.

вижной состав и, главное, паровозы, пострадавшие в боях, удобнее было ремонтировать (восстанавливать) как можно ближе к месту повреждений; Полтава в этом смысле была гораздо удобнее Харькова, Лозовой, Днепропетровска и даже Кременчуга. Забегая вперед, следует отметить, что полтавский, сначала паровозоремонтный, а затем, при переходе на более совершенную тягу, тепловозоремонтный, завод настолько грамотно и успешно был сначала возрожден, а затем расширен, что до последних лет существования СССР здесь ремонтировались, получая вторую жизнь, локомотивы из очень многих стран, начиная от Монголии до Германской Демократической Республики.

* * *

Проработав много лет парторгом предприятия, последние годы своей трудовой жизни Иван Евстафьевич Данишев был председателем областного комитета профессиональных союзов работников общественного питания и торговли. Но главное, о чем стоило бы упомянуть, это то, что ему удалось создать удивительно крепкую и дружную семью. Позволю себе привести здесь с незначительными купюрами свою собственную статью, опубликованную 28 сентября 1978 года (аккурат, стало быть, 30 лет назад) в полтавской областной газете «Комсомолец Полтавщины».

ИВАН И ЕЛЕНА

Из Ейска до Полтавы — не близкий свет. Особенно если тебе всего лишь четыре года. Сосед по купе спросил Сережку:

— Куда торопишься, казак?

Мальчонка серьезно пояснил:

— На свадьбу еду. Дед с бабой женятся.

Пришлось разъяснять Сережиной маме:

— У наших дедушки и бабушки действительно свадьба — золотая. Это их правнук. Персональное приглашение, — засмеялась.

...Небольшая уютная квартирка Данишевых, казалось, не могла вместить всех тех, кто хотел поздравить Ивана Евстафьевича и Елену Михайловну с золотым юбилеем. Собрались родные, знакомые, друзья. Пришли представители коллективов, где в свое время работал Иван Евстафьевич. Подарок и праздничный адрес от имени коллектива Полтавского треста столовых вручил секретарь партийной организации...<...>

Иван Евстафьевич и Елена Михайловна — комсомольцы 20-х годов. В связи с их праздником пришло и поздравление обкома комсомола.

Нежно звучит «Белый танец». В кругу гостей кружат и Иван Евстафьевич с Еленой Михайловной. Что вспоминается им сейчас? Какие дни были для вас самыми радостными, Елена Михайловна?

— Самыми радостными? Это были годы, когда мы вместе работали в многотиражке «Ударник» паровозоремонтного завода. Не скажу, чтобы легко было: Иван Евстафьевич был сначала ответственным секретарем, а затем редактором. Газета выходила ежедневно, кроме воскресенья, — работы хватало. Но все же в постоянном движении, в заботах — разве это не счастье?

— Какие дни были самыми тяжелыми? — переспрашивает Елена Михайловна и задумывается. — В 1931 году Ивана Евстафьевича посылали уполномоченным в Ковалевский сельсовет. Он организовывал колхоз имени Чапаева. Возвратился Иван Евстафьевич домой тяжело больным. Трудно пришлось тогда... Маленькая дочка на руках (Тамара. — *Прим. автора*).

Иван Евстафьевич рано познал цену куска хлеба. С шести лет за три рубля в сезон нанимал хлопца сельский богатей (семья жила в с. Броварках — ныне село Заможное Глобинского района) пасти скот. В одиннадцать — стал учеником сапожника.

В 1924 году Иван приезжает в Полтаву. Настойчиво учится, со временем сдает экзамены в сельскохозяйственный институт. Но с третьего курса институт по ряду причин пришлось оставить. Тогда он работает сначала учеником слесаря, а со временем слесарем на паровозоремонтном заводе, возглавляя одновременно комсомольскую организацию предприятия.

— Самым радостным днем моей жизни был тот, когда меня приняли в партию в 1932 году, — вспоминает Иван Евстафьевич.

Перед войной он возглавил партийную организацию ПРЗ.

— С первого дня войны, — рассказывает И.Е. Данишев, — перед заводом было поставлено ответственное задание — наладить ремонт паровозов для фронта. Заводчане построили и водили на фронт бронепоезд...

Затем были эвакуация завода в Красноярск, трудности, связанные с организацией производства на новом месте... И всегда рядом была жена — верный друг и надежный товарищ.

Через три дня после освобождения Полтавы семья Данишевых была в родном городе. Иван Евстафьевич (вновь) был избран секретарем партийной организации паровозоремонтного завода. И снова работы хоть отбавляй. Искали людей, отстраивали завод и одновременно ремонтировали паровозы для фронта. Завод дал электричество в госпитали города, здесь же наладили производство коек.

— Много, очень много трудных и счастливых дней имели мы на своем веку, — говорит Иван Евстафьевич. — Вдвоем нам всегда беда была за полбеды, а счастье — вдвое больше. Дочки рождались, замуж выходили, внуков дарили. А вот уже и третье поколение — правнук Сережка*... <...>.

* * *

Младшей дочке Ивана Евстафьевича и Елены Михайловны Алле к моменту возвращения в Полтаву было лишь шесть лет от роду, а старшей, Тамаре, исполнилось к этому времени уже 14. Ей надо было думать о профессии, и вскоре она поступила в Полтавскую зубоврачебную школу.

Это так считается, что Данишевы жили в Полтаве. На самом же деле от их отдаленной Дублянщины в город нужно было добираться сначала по железной дороге — в «телячьем» вагоне «рабочего» поезда, других поначалу не было совсем, а затем несколько километров пешочком (шесть остановок троллейбуса сейчас). В кое-как перешитом пальтишке и какой-никакой обуви...

...Случилось, что к Данишевым на Дублянщину пришла как-то в гости Вера Никифоровна Иванюк. После нехитрого угощения посмотрели альбом семейных фотографий — как-никак пробыли они в разлуке достаточно долго. Среди прочих были, естественно, и фотографии дочери Тамары.

— Можно мне взять на память вот эту? — спросила Вера Никифоровна.

* Сергей Александрович Иванюк (внук Ярослава Григорьевича и Тамары Ивановны) в настоящее время имеет звание подполковника и работает в военкомате города Волжского.

— Бери, конечно же, — не отказали в просьбе старой подруге Иван и Елена.

А спустя некоторое время почтальон принес письмо от Славика из Львова, где он учился в школе МГБ. Друг детства рассказывал о курсантском житье-бытье, благодарил за фото и в конце приписал: «Высылаю тебе свое»...

Своей переписки Тамара от мамы не таила. Елена Михайловна внимательно читала письма от всех ее друзей-ухажеров и вывод сделала такой:

— Письма от Славика — они самые содержательные.

Ещё через какое-то время в Полтаву приехал друг Ярослава (дело было как раз под Новый год): весь такой «модный», как принято говорить нынче, хотя и по-иному, чем сейчас, — в новенькой, с иголочки, форме, перехваченной скрипучими ремнями портупей*. Елена Михайловна накормила гостя домашними пирожками, отпустила дочь с ним в город в кино (где Тамариного кавалера, конечно же, подружки по зубоврачебной школе заметили, что надолго задало пишу для разговоров: «Ты посмотри — тихоня, тихоня, а надо же, какого красавца себе отыскала...»). Друг Ярослава вскоре уезжал.

— Что передать товарищу? — спросил.

— Ну, привет передать... — сразу даже не нашлась, что ответить, Тамара.

— И поцеловать — за тебя?

— И поцеловать... наверное.

Недели через две после этого события к Данишевым вновь пришла Вера Никифоровна и сообщила:

— Славик в Полтаве, он сейчас находится на поправке здоровья в водолечебнице. Можешь пойти его навестить...

Понимая, что отношения идут вроде как уже совершенно всерьёз, мама Тамары достала заветный отрез драпа. Знакомая портниха мигом пошила из него пальтишко, скроила модную шапочку. Приобрели туфли вместо прежней неопределённого вида обуви...

Февраль и март в Полтаве, как правило, месяцы мрачные и не столько холодные, как слякотные. Но в этом памятном для Тамары и Ярослава 1949 году они казались самыми лучшими месяцами из

* Это был всё тот же Володя Трегуб, с поправкой на нынешний его возраст и солидное звание — Владимир Захарович Трегуб.

всех, какие только можно было себе представить... И в середине марта Ярослав наконец отважился, пришел в дом к Данишевым и несколько по-старомодному обратился к главе семейства:

— Иван Евстафьевич, разрешите нам пожениться...

Отец Тамары сначала, было, заартачился:

— Нет-нет, ни в коем случае. Ей сначала пужно закончить учебу!

Но потом оказалось, что учебу нужно закончить и ему, Ярославу. А женитьба отнюдь не препятствие для этого. Это потом, после получения диплома, он заберет Тamarу к себе... Ну, то есть к месту службы, которое пока что и для него самого не вполне известно. Просьбы его были столь горячи, а доводы убедительны, что Иван Евстафьевич сдался:

— Но ведь в загсе с момента подачи заявления нужно ожидать не менее месяца...

Оказалось, что для военных существуют исключения, а к тому же там, в загсе, работала знакомая Веры Никифоровны.... И 19 марта 1949 года утром их расписали, вечером того же дня сыграли свадьбу, на которую пришли кроме родителей еще и дедушка Тамары Михаил Игнатьевич, брат отца Степан с женой Валею и машинист Василий Иванович Мокиенко, который учил Ярослава водить поезд и с которым они не раз ездили на фронт...

А на следующее утро Тамара проводила мужа на поезд, и он уехал во Львов.

* * *

«Приезжай ко мне в Ровно. Устроился я отлично, квартира замечательная, все необходимое для жизни есть», — писал Ярослав Тамаре после назначения. Тамара сложила в сумочку паспорт, новенький диплом зубного врача. Упаковала приданое: две подушки, одеяло, простыни и красиво вышитые ризелье пододеяльники, чем славились искусные рукодельницы-монашки Полтавского Крестовоздвиженского монастыря, и вместе с мамой отправилась в путь. «Все необходимое для

Одна из первых семейных фотографий Тамары и Ярослава Иванюк

жизни», о чём писал Ярослав, это были алюминиевые кастрюля и кружка, да гвоздь, вбитый в стену, на котором висели шинель и фуражка. Пришлось переночевать на полу, но на следующий день с базара принесли купленные сообща кровать, посуду и веник — вот теперь семья была действительно обеспечена всеми пужными вещами, и, устроив её быт, Елена Михайловна уехала.

Вопреки всем тем ужасам, которые рассказывают нынче про Ровно 1949–1952 годов (годы, прожитые Иванюками в этом городе, где к тому же в 1951 году родился их сын Саша), отношение к приезжим с восточных областей вообще и офицерам МГБ в частности было самым что ни на есть благожелательным. Более того: Тамара и Ярослав квартировали, снимая целый второй этаж, у поляков Синицких. Глава этой семьи Роман Иванович, его жена Таисия и их дочка Вера в квартирантах души не чаяли. Охотно делились друг с другом чем могли.

Ярослав Григорьевич, Тамара Ивановна
и их сын Саша. Ровно, июнь 1952 г.

— Зарежут поросенка — обязательно угостят нас и мясом, и салом, и колбасами, — вспоминает Тамара Ивановна.

А когда семье Иванюк предложили служебную квартиру, Синицкие слёзно просили их остаться:

— Мы вам квартирную плату (и так невысокую. — *Прим. автора*) наполовину уменьшим... Только не уезжайте.

Иной вопрос, что местный климат очень худо отразился на здоровье Тамары. У неё вдруг открылось заболевание щитовидной железы, и протекало оно в такой форме, что частенько случались даже обмороки.

— Вам бы к морю переехать жить, — советовали врачи санчасти местного управления МГБ, куда устроилась на работу Тамара.

Слушая эти советы, Ярослав хмурился. Но однажды вернулся со службы повеселевшим, улыбающимся:

— Слушай, что я тебе скажу, жена. Молодого лейтенанта к Чёрному морю служить, конечно, не пошлют. Но есть возможность отправиться к другому морю — Охотскому. Как ты на это смотришь?

Родители Тамары, с которыми снеслись по этому поводу письмами, на переезд не возражали. Единственно запретили (категорически!) везти в такую даль малыша Сашеньку*. Вместо него советовали взять с собой сестру Тамары Аллу, которая в тот год неудачно пыталась поступать в Москву в Высшее техническое училище имени Баумана. Экзамены сдала, но по конкурсу, увы, не прошла**.

* * *

На Дальний Восток и сейчас поездом добираться не меньше недели, а тогда, в начале 1950-х, это путешествие занимало по край-

А.Я. Иванюк*

ней мере вдвое больше времени. Это теперь легко осведомиться, что нужно взять с собой на первое время, а тогда бытовало расхожее мнение, что, к примеру, там бушует всюю цинга, вот и взяли с собой Ярослав, Тамара и Алла целый ящик лука, а на поверку оказалось, что там его «местного» полно. Что белые медведи там ходят прямо по улицам Находки и Владивостока, а оказалось, что живут они много-много севернее. Зато при всех этих страхах и собранных впрок

* Александр Ярославович Иванюк (сын Ярослава Григорьевича и Тамары Ивановны) после окончания школы в Полтаве поступил в Полтавское высшее военное зенитно-артиллерийское ракетное краснознамённое командное училище (находилось в том же здании, что и некогда Полтавский Петровский кадетский корпус, ныне оно расформировано, по сути уничтожено). Кроме этого известного в своё время во всём СССР училища он окончил также Военную академию в Киеве. Служил в разных городах Советского Союза. Ныне в отставке. Полковник А.Я. Иванюк живёт в настоящее время в Волгограде, является председателем совета ветеранов.

** Впоследствии Алла Ивановна Данишева (в замужестве Фадеева) успешно окончила Полтавский педагогический институт, специальность — физика и математика; преподавала в Полтавском высшем военном зенитном артиллерийском командном краснознаменном училище. Депутат Октябрьского районного совета города Полтавы. Дети ее живут и работают в г. Петрозаводске на Камчатке.

запасах «на все случаи жизни» наши путешественники отправились в дорогу, имея всего лишь: он — осеннее обмундирование, а они с Аллой — легонькие пальтишки, что называется, на рыбьем меху.

От западных границ их путь пролегал сначала через Полтаву на Москву; оттуда надо было ехать до Находки, но с багажом что-то напутали, и вещи ушли во Владивосток. Оставив женщин с ручной кладью ожидать его на станции Угольная (где и эти вещи у них чуть было не своровали), Ярослав уехал разыскивать имущество в столицу Приморья. Тем временем какие-то подозрительные личности начали кружить вокруг незащищенных женщин, и Тамара уже оценила ситуацию как безвыходную:

— Ну, всё, Алла, прощай наши платишка-туфельки-продукты...

И тут, поистине как в сказке, в дверях зала ожидания появился Ярослав — в кожаном пальто и с кобурой на поясе. «Темных личностей» будто ветром сдуло...

До Находки потом добрались без приключений. Дальше маршрут пролегал морем. Пассажирам объявили:

— Кто хочет получить хорошую каюту — должен помочь здешнему колхозу убрать капусту.

А кто же не хочет получить «хорошую каюту»? Пошли на уборку все втроем.

Каюту дали действительно хорошую, но в кресла «подселили» моряков. Те потешались, пугая новичков:

— Колыма, Колыма — удивительная планета. Десять месяцев зима, остальное лето... А вы знаете, дамочки, что такое Колыма? Это место, где сто километров — не расстояние, сто рублей — не деньги, а сто лет для бабы — не возраст. Вот что такое — Колыма...

Страхов и других хватало: обстановка в мире была тогда самая что ни на есть ненадежная, и пароход при пересечении знаменитого залива Лаперуза сопровождала в охранении советская боевая подводная лодка.

— Но сказать, что боялись чего-то, — неправда: на палубе постоянно танцевали, отовсюду из динамиков, с палуб и кают звучали песни, — вспоминает Тамара Ивановна.

Такой душевный подъем трудно сейчас, поди, и объяснить. Было чувство, что за тобой стоит могучая, сильная, способная защитить тебя страна. А бытовые трудности, которые испытывали поч-

ти все, незаметно отходили на второй, а то и на третий план. Такая деталь: несмотря на причастность к весьма грозному и уважаемому ведомству, подъёмных и командировочных Ярославу на дорогу не выдали, что-то с этим не заладилось, и ехать через всю огромную страну пришлось, питаясь взятыми из дому консервами, салом и колбасой. А ещё захватили с собой из Полтавы зеленых помидоров. Они постепенно поспевали и перемещались из корзины на стол.

В дороге отметили, не откладывая на «потом», и день рождения Ярослава Григорьевича. На всё про всё у женщин имелось лишь 3 рубля 50 копеек, но в бюджет уложились вполне: купили в магазине на пароходе флакончик одеколона, сделанный в виде виноградной грозди, копеек за 70, а на оставшиеся деньги пригласили изумленного именинника... в ресторан. Заказали каждому участнику застолья по стакану чая и по пирожному — средств на это хватило, правда под самый обрез.

* * *

Пароход благополучно прибыл в бухту Нагаево, которая видом своим путешественников отнюдь не впечатлила, но за сопками открылся их взору действительно красивейший белый город — Магадан.

Поселили их поначалу порознь: Тамару с Аллой — в женское общежитие, Ярослава — в мужское. Из своего управления он вернулся, принеся толстую пачку денег — всю задолженность плюс аванс. Распорядился:

— Идите, девчата, в город и покупайте себе всё, что хотите.

Так вот первое, что сделали, получив полный карт-бланш, Тамара с Аллой — накупили гору заварных пирожных. И объелись так, что потом всю жизнь даже смотреть на них не могли... Позже, по здравому размышлению, приобрели вещи более необходимые, в том числе тазик и ножницы для резки жести: здешние крабы были столь велики, что больше одного в подобную посудину было не положить, а их панцирь

Я. Г. Иванюк во время службы в Магадане.
Фото 1953 г.

и клещи иными инструментами не одолеть. Морепродукты сделали свое дело. Вскоре о своей щитовидке Тамара и думать забыла, а полтавские врачи впоследствии изумились — куда могла подеваться опухоль, которую, по их мнению, следовало немедленно оперировать? Дальний Восток полностью исцелил Тамару: болезнь впоследствии никогда не напомнила о себе.

А громадная практика — сначала в центральной объединённой больнице г. Магадана, затем в поселке Марчекане, а после в центральной магаданской поликлинике № 1 дала ей возможность значительно усовершенствоваться в тонкостях профессии стоматолога. Почему, вероятно, и пригласили её потом, по возвращении в Полтаву, на работу в «обкомовскую больницу» — так называемый обллечсанупр.

* * *

Обратно в Полтаву семья Иванюк возвратилась в 1958 году. Пребывание на Дальнем Востоке, столь целительно сказавшееся на здоровье Тамары Ивановны, в то же время оказалось губительным для Ярослава Григорьевича. Тяжкий недуг поразил его в 1957 году: у него нашли туберкулёз почки с легким поражением и другого парного ей органа.

Ни слова не говоря о болезни жене, он уехал как бы в отпуск в Крым, в Симеиз, где находилась клиника, в которой ему и была сделана операция. Тамару он просто, не открывая причины, позвал сюда: приезжай, мол, а почему и зачем — о том ни слова.

Почувствовала она неладное или нет, но в Симеизе (вернее, рыбачьем поселке близ него) Тамара оказалась в тот же день, когда её мужа прооперировали, и сразу же пришла к нему в палату. Ярослав Григорьевич, впрочем, жену не принял:

— Томочка, уходи... Придёшь завтра. У меня, как видишь, всё в порядке...

Тамара полагала, что её поездка уложится в недельку, максимум две, на столько и отпрашивалась. Но пробыла в Крыму полтора ме-

Я.Г. Иванюк на 7-й день после операции.
Крым, Симеиз

сяца. Чуть ли не ежедневно ездила в Симферополь на базар за свежими продуктами, готовила супы и бульоны, выхаживала мужа, а выздоравливал он медленно и трудно. Хорошо, что рядом оказался в это время добрый человек — доктор из Ленинграда, Екатерина Ивановна Выродова. Она сама переболела подобным заболеванием, переехала сюда жить, выздоровела и теперь спасала жизни другим больным.

А по выздоровлении встала другая проблема: как дальше быть со службой? Ведь, в сущности, гражданской профессии у Ярослава Григорьевича не было, исключая железнодорожную, возврат к которой по состоянию здоровья был закрыт. Но в том, что мир не без добрых людей, Я.Г. Иванюк в очередной раз убедился, поговорив с тогдашним начальником полтавского управления КГБ* Алексеевичем Хорошуном.

— Никто вас не собирается исключать из кадров управления, — заверил он. — Сейчас ваша главная задача — поправиться, а затем служите, сколько будет позволять вам здоровье.

Доброе отношение к нему действительно позволило Ярославу Иванюку не только вернуться в строй, но и прослужить ещё целых двенадцать лет. При этом сто дважды повысили в звании (сначала до майора, затем и подполковника) и предоставили возможность учиться: заочно окончить общенаучный исторический факультет Полтавского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко.

* * *

Думается так: свыше тридцати лет (исключая предвоенное детство и раннюю юность) сплошн были отданы Я.Г. Иванюком как долг родине (в то время эти слова были, вновь поставим на этом ударение, отнюдь не пустой звук) — в отставку он вышел в 1974 году. Имея диплом историка, поначалу работал референтом по делам религий облисполкома, а с января 1979 года — внештатным упол-

* Следующая реформа органов госбезопасности была проведена 13 марта 1954 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР был создан Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. КГБ возглавлял систему органов государственной безопасности, которая включала комитеты государственной безопасности при советах министров союзных и автономных республик, управления этих комитетов в краях, областях, крупных городах; в подчинение КГБ вошли также пограничные войска.

номоченным Украинского республиканского отделения ВААП. Так он приближался к самому главному, пожалуй, делу своей жизни — и 28 февраля 1983 года Ярослав Григорьевич действительно был принят на должность заместителя директора по научной работе государственного историко-культурного заповедника «Поле Полтавской битвы».

* * *

Почему именно историю следует считать главным делом жизни Ярослава Григорьевича Иванюка?

Потому, что ему, несомненно, было присуще и чутье, и понимание истории. Она действительно начиналась для него, как в некогда популярной песне, с картинки в его букваре; а потом продолжилась чтением энциклопедии Южакова и других хороших книг, накопленных дедом Никифором и разговорами с той теткой, которая спасла его мать, спрятав в печь, — её подругой была популярнейшая в свое время артистка Наталия Ужвий, с которой, в свою очередь, мог встречаться Ярослав в детстве.

Вполне возможно, что и старую отцовскую буденовку находил он где-то в шкафу. И что мама пела ему правильные, разумные песни...

Песенные «окошки, горящие вдаль» — для Ярослава это были огни казачьего предместья Кобыщаны, откуда брала начало и его малая родина — улица Садовая, где прошли детство и юность будущего историка. Ей он первой признался в любви, сочинив слова песни, музыку к которой написал Валентин Ефремов. Ярослав посвятил её — «Участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, жителям улицы Садовой города Полтавы», — так написано на оригинале. Вот этот текст:

НА САДОВОЙ

*Сады цветут на улице Садовой,
Весенний цвет — такая благодать,
В кипени белой, нам давно знакомой,
Садам конца и края не видать.*

*Мы здесь росли на улице Садовой,
Она для нас начало всех начал,
Отсюда уходили вдаль дороги,
А дом родной так терпеливо ждал.*

Не все вернулись к отчему порогу,
Отметины поставила война,
Нет Петьки из Садовой номер десять,
И Борьки из Садовой номер два...
 Не выпало ребятам в сорок пятом,
 Тот бой я часто вижу и теперь,
 Снаряд под бруствер, падают солдаты,
 Штурмуя Кенигсберга цитадель.
Над улицей вечерних звёзд мерцанье,
С полей не дальних тёплый ветерок,
О днях былых живы воспоминанья,
Как дорог нам любимый городок.
 Оркестр играет в парке на Садовой
 Так с детства полюбившийся мотив,
 Наш старый клен луной посеребрённый,
 Вот соловей в листве заговорил.
Сады цветут на улице знакомой,
Не разлюбить тех милых яблонь цвет,
Растут мальчишки на моей Садовой,
Под стать ребятам сороковых лет.
 Звучит для нас над улицей знакомой
 Давнишняя мелодия опять,
 Мой старый друг, пройдемся по Садовой,
 Как до войны, и будем вспоминать...

Здесь нет ни грана отсебятины, какого-либо вымысла, ибо «Петька из Садовой номер десять» — это действительно Петр Немудрый, а «Борька из Садовой номер два» — Борис Трященко; это именно те хлопцы, рядом с которыми Ярослав Иванюк жил, с кем ходил в школу, бегал на вечерний сеанс в летний кинотеатр парка, ныне носящего имя «Победа»; с кем простился на вокзале, отъезжая в эвакуацию и со многими из которых встретиться после войны уже не представилось возможным, ибо они погибли.

Ярослав Иванюк составил список всех парней и девчонок со своей улицы, ставших участниками той войны, из которых многие вернулись, имея на груди ордена и медали, но некоторые из которых уже не придут никогда. Это ли не поступок историка? И патриота: ибо, как в песне, родина на самом деле ведь начинается «с хо-

ропших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе...» — и в самом деле, с чего же ещё?

Так становится известным, что у поэтического «Борьки из Садовой номер два» — реального Бориса Трященко — был брат Александр; а ещё в этом доме жили и ушли воевать Александр Бабух и Борисенко Илья; что из соседнего, 4-го дома ушел на фронт Георгий Чернявский; что через один дом, 6-й по нумерации, жил фронтовик Михаил Коба.

А напротив, в «седьмом» и в «девятом» домах (их уже просто физически нет — снесены) — Василий Соловьёв, Вильвгений (да, вот именно так звучало его имя) Кибкало и Олег Крижановский — и так далее, до угла Садовой и Короленко (там жили Елизавета и Юрий Бедржицкие, а также Владимир и Лидия Опрышки), и аж до № 15-го, где в семье Рубан жил его, Ярослава, товарищ Юрий.

Вот так рос и формировался будущий историк: служба в Комитете государственной безопасности приучила его к чёткости и точности, уважительному отношению к цифрам, датам и взвешенным оценкам. Возможность объехать и увидеть страну огромную, необозримую — сформировала мышление широкое, масштабное, отнюдь не хуторского типа. Основательность же и целесообразность, заложенные происхождением, воспитанием и образованием, «встроили» надёжный компас в его миропознавательную жизненную программу: от истории двора и улицы он шёл к изучению истории родного города и самого примечательного события в его истории — Полтавской битвы, а отсюда к изучению Великой Северной войны и государства в целом. «Его родиной был весь огромный Советский Союз, — пишет в своих воспоминаниях Т.И. Иванюк. — Но при этом Ярослав Григорьевич никогда не забывал, что он родился и вырос в Полтаве».

Я.Г. Иванюк

* * *

Ярославу Иванюку как историку была присуща некая военная, если можно так выразиться, собранность, цельность и неразбросанность, способность к концентрации внимания на избранном для изучения предмете. Ведь «Поле Полтавской битвы» (представьте себе, это действительно так) — это своеобразная terra incognita, земля непознанная и неизвестная, несмотря на то, что лежит оно не за тридевятью землями, а, как говорится, в «центре Европы». Сложилось так, что системных изучений «Поля» никогда не проводилось; археологи только говорят, что на нём расположено 30 скифских курганов (но ни один до сих пор не исследован и даже не обозначен). Отдельные части «Поля» находятся в ведомственном владении (военных, в частности, а также автоагрегатного завода, кондитерской фабрики и т.д. — всего же их, «порвавших» «Поле» на части, в списке 15). Экспедиций для работы на «Поле» никогда не создавалось и никаких средств для этого не выделялось.

Даже город Полтава, весь густо перспоясанный транспортными коммуникациями, и тот, представьте себе, мало кому ведом в контексте не утилитарно-туристическом, а в плане историческом, в надёжных привязках к величайшей из битв. Вот, скажем, почему в самые последние годы разрушен пороховой погреб времен боевых действий 1709 года — а Ярослав Григорьевич сумел (и успел) его задокументировать, сфотографировать и описать. В самые последние месяцы пошли под пилу по крайней мере пять дубов более чем трехсотлетнего возраста — живых свидетелей героической обороны; а есть люди (истинные ценители истории), сумевшие снять на пленку их, еще живых.

* * *

Как заместитель директора по научной работе музея Полтавской битвы, Ярослав Григорьевич Иванюк вдоль и поперёк пешком исходил территорию заповедника (а это 800 гектаров), знал каж-

Ярослав Григорьевич Иванюк — заместитель директора заповедника «Поле Полтавской битвы»

дый памятник «в лицо». Понимал его и ведал, когда, зачем и почему тот установлен, ибо памятники Полтавской битвы — это достаточно стройная система монументов, рассказывающих о многом; стало быть, в них имеет значение решительно все — и время постройки, и материал, и авторство, и художественное решение.

Памятников Полтавской битвы на самом деле гораздо больше, чем их могут видеть обычные туристы — ведь памятником выдающегося сражения являются и сам город Полтава, и многие улицы, и некоторые дома, да и сама Полтавская область (если понимать её как правопреемницу Полтавской губернии) с очень многими районными (прежде уездными) центрами и отдельными населенными

пунктами, иными топонимами и гидронимами. Разумея это, заместитель директора по научной работе заповедника «Поле Полтавской битвы» изъездил всю область — начиная от городских предместий Крутой Берег (где состоялся исторический военный совет, принявший решение дать генеральное сражение именно под Полтавой) и неподалеку любовно оборудованного «Родника Петра I» (кто из экскурсоводов упоминает о нём теперь?) до самых отдалённых райцентров: Чернухи (где разыгралась одна из жутчайших трагедий полтавского периода Великой Северной войны, повлекшая гибель от рук шведских карателей всего населения этого городка и его окрестностей), Переволочной (где были пленены остатки шведской армии, веками наводившей ужас на север Европы), ныне ушедшей под воду Днепродзержинского водохранилища, и Гадяча с Веприком, вписавших столь героическую страницу в летопись той войны.

Малую толику этих своих знаний Ярослав Григорьевич Иванов изложил, как уже говорилось в предисловии, в единственной прижизненно изданной своей книге «Заповедник “Поле Полтав-

Я.Г. Иванов обследует усадьбу XXVIII–XIX вв. в историческом селе Крутой Берег

ской битвы”» (Харьков, Прапор, 1986). Написанная в форме путеводителя, она структурно разбита на три раздела: «экскурсия первая» посвящена в ней собственно музею Полтавской битвы; вторая выводит читателя за его стены и «показывает» само поле Полтавской битвы, останавливая внимание на памятнике Петру I; Братской могиле русских воинов; Сампсониевской (небесного покровителя Полтавской битвы святого преподобного Сампсония Странноприимца) церкви; втором укрепленном лагере русской армии и командном пункте Петра I; памятнике шведам от русских; редутах. Автор заканчивает эту виртуальную экскурсию у памятника шведам от соотечественников, стоящем на самом краю знаменитого «Поля».

Третья, последняя из «экскурсий» этой книги называется «Полтава — город славы русского оружия». В ней автор поведал читателям о крепости Полтаве, о памятнике Славы и других, самых примечательных — на месте отдыха Петра I после Полтавского сражения и «славным защитникам Полтавы и доблестному коменданту крепости полковнику А.С. Келину». С небольшой площади у этого монумента, как уже говорилось, непосредственно берет своё начало родная Я. Г. Иванюку улица Садовая, столь им любимая, искренне воспетая в стихах.

В круг главных полтавских памятников Я.Г. Иванюк ввёл и Спасскую церковь — современника и непосредственного участника героической обороны, где полтавчане давали клятву стоять насмерть и у стен которой прикончили предателя (как они считали), хотя вернее было бы сказать — просто труса, высказавшегося за сдачу Полтавы шведам.

На пять тысяч защитников города всего лишь один негодяй — такой статистике сейчас можно разве что позавидовать (притом с глубокою тоской).

* * *

Значительное количество изученного (или изучаемого) Я. Г. Иванюком материала осталось в рукописях, в блокнотах и за-

метках. Его «выделенными темами» стала личность героического коменданта Полтавы полковника А.С. Келина, человека действительно удивительного и во многом уникального. Ведь в самом деле, лишь ему одному (!) поставлен памятник как герою длившейся 21 год Великой Северной войны, а монографии о нём не появилось за целых триста лет, истекших с момента беспрецедентной обороны Полтавы 1709 года. С целью изучения биографии избранника своего научного поиска Ярослав Григорьевич предпринял несколько поездок в город, именовавшийся тогда Ленинградом, немало просмотрел документов в Центральном государственном архиве СССР (ныне Российский государственный архив) и Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (теперь Российский государственный архив Военно-Морского флота). Итогом стала работа, впервые помещаемая в этой книге, — «Доблестный комендант непокорённой Полтавы. Герой Великой Северной войны генерал-майор А.С. Келин. Страницы биографии». Безусловно, и после этой публикации в биографии Алексея Степановича остаётся немало «белых пятен», но несомненным достоинством данной исторической «разведки» является полная и убедительная, на наш взгляд, реабилитация Келина от обвинений в том, что был он «немцем», и введение в научный оборот нескольких десятков ранее не использовавшихся архивных документов, найденных Я.Г. Иванюком в архивах Северной столицы.

Вторая работа — «Крепости Полтавского края» — тем ещё уникальна, что на здешние укрепленные города (которые крепостями в общепризнанном значении этого слова могут называться лишь весьма условно и с большой натяжкой) действительно никто до Я.Г. Иванюка не обращал системного, так сказать, взгляда — именно ввиду их малозначительности и несостоятельности нести бремя тяжёлой и длительной осады. А ведь они были. И они сыграли на самом деле весьма значительную роль в противодействии шведскому нашествию на Россию (и Малороссию в том числе) 1708–1709 годов. Одни только оборона Веприка и оборона Полтавы чего стоят — вместе они отняли у захватчиков свыше 10 тысяч человек убитыми и ранеными, что, по самым скромным подсчетам, составило от 20 до 25 процентов численности армии вторжения.

А как переоценить моральный фактор этих «оборон» — весьма губительный для шведов и их «союзников», воочию убедившихся в

способности русских (к ним мы уверенно причисляем и малорусов, отнюдь не отделявших себя от единоверных братьев) к мужественному сопротивлению и действенному отпору оккупантам, — и крайне положительный для русской армии и малороссийских казаков, которые видели перед собой живые примеры мужества и героизма своих братьев по крови и оружию, стоявших на валах неприступных для шведов Веприка и Полтавы прежде всего.

Заинтересовавшись «темой» крепостей, Я.Г. Иванюк объехал многие из них и сделал замеры; мы же, готовя книгу к публикации, повторили и несколько даже расширили этот маршрут, включив в него часть Слобожанщины, где шведы свирепствовали более всего, и детализировали, добавив описания Великих Будыщ (последняя ставка Карла XII перед Полтавой), Старые и Новые Санжары, Белики и Васюрину гору, а также Соколку, близ которой «лежат» очень многие ответы на вопросы завершающего этапа полтавского периода Великой Северной войны. Вовремя: годы и хозяйственная деятельность чем дальше, тем больше стирают следы древних укреплений, а злобствующие руки властей прячут в запасы (это в лучшем случае), а то и безвозвратно уничтожают свидетелей той войны — будь то картины, книги или иные раритеты. Уничтожаются (перестройкой или спосом) даже строения и исторические «площадки». Но в подробностях — это тема иного разговора.

* * *

Собирая материалы о героях и крепостях, Я.Г. Иванюк не хранил их втуне, до времени — он охотно ими делился. Свыше ста насчитали мы с вдовой Ярослава Григорьевича Тамарой Ивановной газетных и журнальных публикаций — и в районных газетах, и в исторических («профильных») журналах. А сколько было сделано выступлений по радио, телевидению? Сколько прочитано лекций в «трудовых», как тогда говорили, коллективах — на заводах и фабриках, в школах и вузах, колхозах и совхозах? Ведь Ярослав Григорьевич Иванюк долгое время состоял в качестве лектора во всесоюзном обществе «Знание» и к своим обязанностям пропагандиста исторических и культурных знаний относился ответственно и серьезно, как и ко всему, за что брался и за что «отвечал».

К лекционной пропаганде вполне можно отнести и ведение им экскурсий по музею, поскольку в «советское время» коллектив музея составлял 54 сотрудника, и недостатка в экскурсоводах он ни-

когда не испытывал. Это сейчас, в «часы незалежности» коллектив ступенчато снизился до 17 сотрудников, лишь в преддверии

Я.Г. Иванюк беседует с комсоргом бронепоезда «Маршал Буденный» Михаилом Семеновичем Зальцбергом

300-летия Полтавской битвы опять возраста до 24 (не набрав, таким образом, и половины прежнего штата). Особо ответственные экскурсии, повторим, Я.Г. Иванюк охотно брал на себя, испытывая при этом удовольствие от живого общения с пришедшими сюда людьми.

К Я.Г. Иванюку часто обращались студенты и аспиранты полтавских вузов, прежде всего из педагогического института, за советами и консультациями, ведь тема Полтавской битвы до

последних времен была весьма актуальной при написании курсовых и дипломных работ, лекций и диссертаций (что вполне естественно). Осаждали Ярослава Григорьевича также журналисты и писатели, поскольку к любой дате, так или иначе связанной с обороной Полтавы, в прессе появлялись более или менее взвешенные и основательные публикации, а то и книги (из которых прежде всего стоит упомянуть роман полтавчанина, известного писателя Бориса Левина «Фортеця»). В личном архиве Я.Г. Иванюка сохранился и номер самого популярного, пожалуй, во времена СССР журнала «Огонёк» за сентябрь 1984 года (№ 39) с развёрнутой статьей специальных корреспондентов Владимира Потресова и А. Награльяна (фото), на которой авторы отметили собственноручной подписью заместителя директора музея-заповедника за помощь: «Уважаемому Ярославу Григорьевичу с благодарностью...»

Я.Г. Иванюк выступил в качестве научного консультанта (что было отражено на афишах и в программках) при создании пьесы «Облога» («Осада»), в число действующих лиц которой были введены: «Келин Алексей Степанович, полковник, комендант Полтавы», «граф Пипер, канцлер Швеции», «Левенгаупт, шведский генерал», а также городские мещане, русские и шведские солдаты, казаки. Пьеса, написанная местным драматургом Василием Котляром,

с успехом шла на полтавских сценах. На сохранившейся в семейном архиве программке «первого дня» начертано рукой режиссера, заслуженного работника культуры УССР Я. Орлова: «Дорогому Ярославу Григорьевичу в день премьеры! Спасибо за помощь в совместной работе над «Облогой», где Ваши мысли и пожелания были воплощены в спектакле. Здоровья Вам и счастья! С уважением — Я. Орлов. 15.VI-84 г.».

Значит — были мысли, были пожелания; и вот письменное свидетельство, что их удалось успешно воплотить.

В настоящее время пьеса «Облога» не значится в репертуаре ни одного из полтавских театров — ни профессионального, ни любительских. Иные, стало быть, времена, иные «пьесы».

* * *

В конце 1980-х здоровье Ярослава Григорьевича резко ухудшилось. Видимо, сказались испытания, перенесенные им в годы Великой Отечественной войны: действительно, перекидать в смену лопатой бункер угля из тендера в топку было не очень-то подходящим занятием для, по сути, пацана. Причём на весьма скудной кормёжке. Признавался: случалось, уходя домой после рейса, прихватить в чемоданчик, имевшийся у каждого железнодорожника, дватри куска угля, чтобы потом поменять их на ломоть хлеба. Вот тебе и «бронь железнодорожная» с её «фронтовым пайком»...

Дало себя знать и напряжение, когда приходилось работать в «две тяги» — служа в КГБ и одновременно за полночь просиживая над конспектами лекций в институте...

В любом случае, в 1988 году Ярослав Григорьевич взял расчёт в музее-заповеднике «Поле Полтавской битвы», куда приходилось ежедневно ездить за семь километров, а порою и не раз, и... принял приглашение на работу в музей истории милиции Полтавщины в качестве директора. Который располагался на соседних от его дома улицах — сначала Пушкина (в помещении областного УВД), а затем Лидова, а это буквально «через забор», если смотреть из окна гостиной квартиры Ярослава Григорьевича и Тамары Ивановны Иванюк.

Мне опять придется процитировать самого себя: в предисловии к книге «История милиции Полтавщины», вышедшей из печати в 2004 году, перечисляя всех, кто «приложил руку» к созданию этого одного из старейших в системе МВД СССР музеев (создан в

1967 году, о чём не сочла зазорным сообщить своим читателям даже «главная газета страны» — «Известия», я тогда писал: «Последователем ему (предшественником Я.Г. Иванюка на посту директора музея милиции, пока что директором неофициальным и потому названным в тексте «хранителем древностей», был другой ветеран органов НКВД — МГБ — КГБ Лев Петрович Портнов. — *Прим. автора*) стал ещё один бывший офицер органов государственной безопасности Иванюк Ярослав Григорьевич. Сравнительно

Музей истории милиции Полтавщины.
Современный вид

Музей истории милиции Полтавщины.
Фрагмент экспозиции — кабинет оперативного
работника начала 1920-х годов

молодым выйдя в отставку, Я.Г. Иванюк приобрел гражданскую специальность историка. Перед приходом в музей истории милиции он продолжительное время работал заместителем директора по научной части музея-заповедника «Поле Полтавской битвы». Поэтому даже за сравнительно короткое время его директорства, с 1988 по 1991 год, было сделано

немало. Признанием этого стало присвоение согласно решения коллегии Полтавского областного управления культуры № 5г от 5 мая 1992 года музею милиции Полтавщины звания «народного». Решение подписал председатель коллегии, начальник облуправления культуры П.К. Бондаревский.

Присвоение такого звания выводило музей милиции Полтавщины из положения чисто ведомственной самодеятельной затеи, в ко-

тором он пребывал около четверти века, и придавало ему настоящий музейный статус. Это достижение стало последним, что успел за свои неполные 67 лет жизни Ярослав Григорьевич: 20 мая, через две недели после объявления решения «музейной» коллегии облуправления культуры, его не стало...

* * *

«Умер Ярослав Григорьевич в расцвете своих творческих сил и планов», — пишет в своих воспоминаниях Тамара Ивановна. «Много он писал о выдающихся людях Полтавщины — а земля эта на редкость богата талантливыми людьми.

Тамара Ивановна Иванюк возле могилы мужа — Я. Г. Иванюка

Но главная тематика его работ всё же была о Северной войне, о Полтавском сражении.

Многое было запланировано, но смерть, увы, оборвала интересные замыслы Ярослава Григорьевича. И потому мне хотелось бы, чтобы его дело продолжили такие же энтузиасты-историки, чтобы они досконально изучали это и все другие важные события в жизни нашего народа.

Завершить свой рассказ мне хочется словами талантливого писателя Вадима Шефнера из его книги «Запоздалый стрелок»:

*Мир пронизан миновавшим, он вечен,
С каждым днём он богаче стократ.
В нём живут наши давние встречи,
А погасшие звёзды горят».*

КРЕПОСТИ И ГЕРОИ С НОВА В БОЮ

Рецензия

Вот и прошло 300 лет после свершения славной Полтавской баталии. Триста лет неувыдаемой славы и всемерного почитания подвига предков!

Но, как оказалось в канун юбилея, пушки не смолкли, и через пропасть лет они вновь ведут огонь, батальоны опять идут в штыковую — теперь уже на поле битвы историческом.

Сегодня объектом нападок и ненависти современных украинских национал-историков (или просто националистов) стала именно русская (общерусская) история — как раз та, которая, по словам Фёдора Тютчева, всего лучше «может защитить Россию».

Именно история, которая хранит все элементы единого русского организма со времен Киевской Руси — веру, язык, культуру, имена героев, понятия чести и долга, превратилась в мишень «обстрела» недобросовестных, продавшихся за пресловутые «тридцать сребреников» иностранных грантов либо просто безразличных и бездумных «примкнувшим к ним» чиновников, архивистов, с позволения сказать, «исследователей» и поставленных в безвыходное положение школьных учителей. Ведь именно она, история, убедительно доказывает единство русских и малороссов, чуждость мировосприятия и мироощущения галичан — вот потому она и стала, в последнее время особенно, подвергаться чудовищной ревизии, гнусным фальсификациям, невиданной лжи и грязным инсинуациям.

Ещё со времен грушевских и антоновичей враги России (и Украины) делали ставку на «доказательство» научно-исторического

различия этих стран и в конечной цели раскол России. На идею отторжения истории малороссийской от собственно российской работали целые «комбинаты» польских, австрийских, немецких, канадско-американских и прочих «исторических школ». Когда-то их домыслы и ничтожные попытки развеивались даже поверхностным натиском научного исторического объективизма. Но защита ослабла, а натиск лишь усиливался...

Принятие Украиной независимости стало отправной точкой новых усилий, направленных уже не на простое искажение, а на полное уничтожение истории и исторической памяти в умах своих сограждан. Главной целью сегодняшней государственно-исторической науки Украины, как видно по результатам, стала управляемая ненависть. Украину заполнили мемуары и «исследования» канадских «украинцев», города и сёла стремительно заполняются этой исторической макулатурой. И это отнюдь не был порыв к стиранию «белых пятен истории»; новые (в смысле старые, вновь извлечённые из исторического нафталина) и позиционирующие себя как продолжатели их губительного дела современные поколения поощряемых властью «исследователей» несут в своих трудах лишь один-единственный посыл — ненависть к России и русским.

На эту же стезю встали и украинские историки ещё советской исторической школы, отстаивающие когда-то идеи марксизма-ленинизма, донные занимающие ключевые посты в системе образования и контроля за финансируемой государством исторической наукой. Теперь они, видите ли, «прозрели», и их «прозрение» пожирает детей и студентов с ненасытностью Сциллы и Харибды.

Результаты современного исторического «дранг нахт Остен» очевидны — несколько поколений уже выросло с искорёженным представлением об историческом процессе и поврежденным, как следствие, историческим сознанием. Что же тогда удивляться, глядя на разрушенные и систематически оскверняемые памятники, избиваемых ветеранов, — страна живет в исторической лжи; за неимением (из-за их отрицания) настоящих героев из пыльных запасников истории вытягиваются, кое-как очищаются от плесени и водружаются на постаменты достоинства, подражания и поклонения недостойные личности, объявляемые «забытыми героями Украины», как то: Роман Шухевич, Симон Петлюра, Иван Мазепа, Иван Выговский и так далее.

С другой стороны, искусственно замалчиваются подлинные герои и настоящие политические и государственные деятели, военачальники, художники, писатели и поэты. И выдающиеся события тоже. Такие, например, о которых рассказывается в книге полтавчанина Я.Г. Иванюка, отредактированной, дополненной и подготовленной к печати историком и писателем Юрием Погодой*.

Эта книга — не просто собрание научного материала, удачно и весомо дополняющее достаточно обширную библиотеку классических книг о «преславной Полтавской биталии». Ей присущи многие особенности, о которых стоит упомянуть отдельно.

Прежде всего, это коллективный труд, работа над которым была прервана обстоятельствами, временем и политико-историческими событиями. Свыше четверти века назад у заместителя директора по научной части музея-заповедника «Поле Полтавской битвы» Ярослава Григорьевича Иванюка созрел замысел написать монографию о главном герое обороны крепости Полтавы во время её осады шведскими оккупантами в 1709 года — коменданте А.С. Келине. Эта работа, как часто бывает у настоящих исследователей, была

Ю.В. Погода

* Погода Юрий Владимирович.

Родился 4 мая 1954 г. в поселке Артемовке Чутовского района Полтавской области. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. Член национального Союза журналистов Украины, один из основателей Полтавского союза литераторов, ныне объединяющего в своих рядах свыше 150 поэтов и прозаиков (членский билет №2). Директор благотворительного фонда «Полтавская битва», член общественного комитета «Полтава-300».

Автор нескольких книг прозы: приключенческих повестей «Немотивированное убийство» и «Украденный миллион», повести-эссе «Білий кінь у картонному коробку», фантастической повести «Чашка чая на ладони Вселенной» и других. Несколько его книг посвящено прошлому края: «Історія села Вільховатки», «Історія міліції Полтавщини» (в соавторстве с А.Б. Цветовым), «Дневник приказчика» — о событиях периода революции и смуты 1916–1922 гг. в Кобелякском уезде Полтавской губернии (в соавторстве с Ю.А. Попругой), «Соткавший славу из побед» — о фельдмаршале И.Ф. Паскевиче, самом знаменитом военном из полтавчан (в соавторстве с В.Ф. Шестаковым) и других. Статьи по исторической тематике Юрия Погоды часто печатаются в областных и всеукраинских периодических изданиях, на многочисленных интернет-сайтах.

тесно сопряжена с другим его всегдашним занятием — сбором описаний крепостей Малороссии, сыгравших ту или иную роль в так называемом полтавском периоде Великой Северной войны (ноябрь 1708 — июль 1709 года). Кропотливый труд Ярослава Григорьевича — это исследование сотен научных источников, зачастую представлявших библиографическую редкость (в чём легко убедиться, обратившись к спискам использованной литературы, помещённым в книге), многочисленные поездки с целью изучения архивов Ленинграда и Москвы...

Увы, Я.Г. Иванюку не суждено было увидеть свой труд изданным в полном объеме — лишь отдельные публикации по заявленным темам были помещены при его жизни в исторической и общедоступной периодике. В мае 1992 года Ярослава Григорьевича, тяжело к этому времени заболевшего, не стало...

Волею случая и по решению семьи Я.Г. Иванюка архив исследователя был передан в руки Юрия Владимировича Погоды — талантливого, на мой взгляд, рассказчика, кропотливого исследователя и знатока истории Полтавского края. Его заслуга состоит в том, что он не только увидел перспективность книги, он и осознал (что гораздо более важно) её насущную необходимость; не упустил из виду также познавательную ценность (ведь прежде цельных исследований ни по коменданту Келину, ни по крепостям Полтавского края не предпринималось), а помимо того осознал и сугубо научное значение труда своего предшественника. Юрий Погода принялся за работу, целью которой стало не просто издание книги Иванюка, но и серьезная её доработка с учетом вновь открывающихся фактов и политической ситуации.

В итоге «Книга о крепостях и героях», как назвал её составитель, одолела более высокую «планку» научно-методического, строго исторического подхода в описании героической обороны Полтавы и создании широкого «полотна», на фоне которого развернулся этот действительно выдающийся эпизод истории. Ведь редактор и составитель справочного и комментирующего аппаратов не просто «дополняет» или «уточняет» автора, он насыщает его материал многочисленными новыми проверенными фактами. Юрий Погода, если можно так выразиться, окружил люнетами и окопами, оснастил оружием и боеприпасами, удачно расположил гарнизон в крепости, которую задумал и построил Ярослав Иванюк.

Книга написана двумя достаточно разными историками, двумя историческими языками — научно-статистическим и научно-популярным, в то же время удивительно органически сочетающимися. Она основана на сугубых фактах и конкретных источниках, что в сегодняшней русофобской Украине выглядит практически эксклюзивно. Сейчас ведь здесь пишут историю преимущественно по политическому заказу, при выполнении которого факты, как вещь необычайно упрямая, нежелательны и даже вредны. Потому и плодятся, как опарыши в тухлой рыбе, заказные политико-исторические мифы, призванные не просветить и образовать, а одурачить и свергнуть в пучину невежества.

Полтавская битва. Фрагмент диорамы.
Худ. А. Горленко, Г. Марченко, Н. Жашков
(студия им. М.Б. Грекова). Музей-заповедник
«Поле Полтавской битвы»

Особый смысл «Книги о крепостях и героях» состоит и в том ещё, что создана она непосредственно там, где происходили описываемые в ней великие и поистине удивительные события Северной войны 1700–1721 годов, в городе, так и не сдавшемся шведским захватчикам и их

прихвостням-мазепинцам, — в городе Полтаве. В той самой Полтаве, где потерявшие память и предавшие своих отцов современные неомазепинцы планируют установку памятников убийце их прадедов и сожигателю малороссийских городов шведскому королю Карлу XII и его жалкому приспешнику, предателю малороссийского народа, анафемствованному гетману Мазепе.

Для создания этой книги (читай: восстановления исторической справедливости) авторы не пожалели труда. Я.Г. Иванюк исследовал архивы и изучил библиотечные редкости. Ю.В. Погода, демонстрируя исключительное уважение к своему «старшему товарищу», как он назвал его в помещаемом в книге очерке, изездил и обходил все те города и исторические объекты, о которых идёт речь

в обоих разделах книги. И всё это ради той настоящей истории, которая сегодня такого дорогого стоит.

К сожалению, сегодняшняя Россия ещё не в состоянии начать активную защиту по всем фронтам, в том числе и на сугубом фронте исторической контрпропаганды — принуждения, скажем так, ющенковской Украины к следованию исторической справедливости. Особенно в тех её моментах, которые касаются нашей общей, неразрывной истории.

Мне хочется думать, что «Книга о крепостях и героях» является первой ласточкой, предвещающей эту желанную весну. Во всяком случае, Я.Г. Иванюк и Ю.В. Погода своей работой уверенно встали в первый ряд борцов против фальсификаторов истории и засвидетельствовали готовность и умение защищать историческую правду, славу предков, а как следствие, и потомков.

Главное, чтобы потомки внимательно читали о ней. Ведь исторической правды в современной Украине осталось маловато; эта книга — часть этой искренней, настоящей правды.

Виктор Шестаков,
историк, рецензент книги*

*Шестаков Виктор Феофанович

Родился 5 сентября 1966 г. в городе Алма-Ата (Казахстан). Окончил исторический факультет Томского государственного университета. Работал преподавателем истории, заместителем редактора историко-патриотического журнала «Штурм» (г. Москва). Автор нескольких научных работ по истории Афганистана, философии образования.

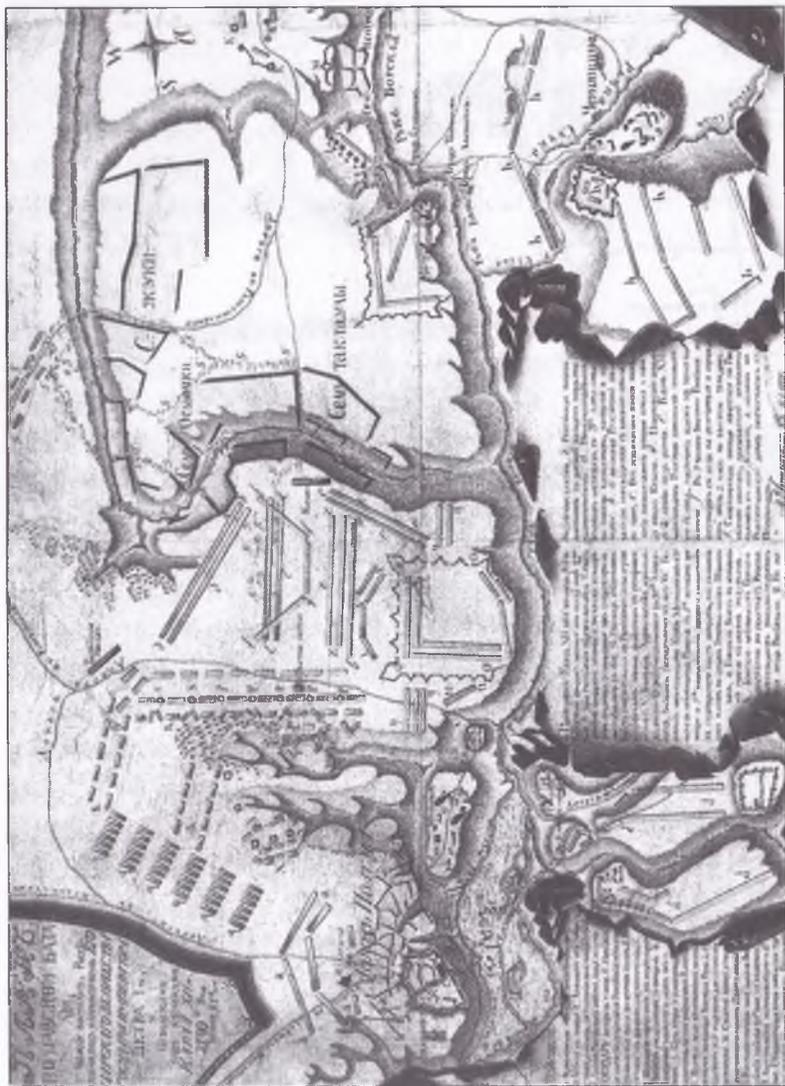
В настоящее время живет и работает в Полтаве.

Будучи признанным публицистом, Виктор Шестаков является членом редколлегий ряда всеукраинских изданий — газет «Русская правда», «Русская культура в Украине», «Наша страна». Его статьи регулярно публикуются в местных периодических изданиях, популярном еженедельнике «2000», газете «Секретные материалы», их можно найти на интернет-сайтах.

Председатель русской общины Полтавской области, сопредседатель общественного комитета «Полтава-300».

В. Ф. Шестаков

Карта, изображающая крепость Полтаву, поле битвы и диспозицию войск, изготовленная по приказу Петра Первого полковником Русской армии Алексеевым.

План
поля Полтавской битвы 27 июня 1709 года

План поля Полтавской битвы, снятый инструментально Корпуса Военных Топографов штабс-капитаном Михальсоном в мае 1909 года.

Слово о крепостях и героях (вступление)	5
Доблестный комендант непокорённой Полтавы (герой Великой Северной войны генерал-майор А.С.Келин. Страницы биографии)	70
Литература	172
Крепости Полтавского края	177
Сумы	188
Ахтырка	193
Лубны	197
Нежин	202
Чернигов	206
Прилуки	208
Переяслав	212
Стародуб	216
Ромны	221
Пирятин	224
Лохвица	227
Сенча	232
Чернухи	233
Миргород	238
Сорочинцы (Краснополь)	241
Гадяч	242
Веприк	245
Зеньков	252
Опошня («Местечко опушнинское»)	253
Великие Будыща	257

Полтава	259
Старые Санжары (Сенжары)	285
Новые Санжары	296
Васюрина гора и Белики	300
Кобеляки	304
Соколка	307
Переволочна (Переволочная)	312
Последняя переправа (послесловие соавтора и редактора)	321
Литература	329
Призванный Историей, или Слово о старшем товарище	336
Крепости и герои снова в бою (рецензия)	373

Юрий Владимирович Погода
Ярослав Григорьевич Иванюк

Полтавская баталия: Крепости и герои

Редактор Ю.В. Погода
Корректор О. Егоренкова
Макет и вёрстка С.В. Говоров

Издательство "Кучково поле"
123022 г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Объединенная редакция МВД РФ
123434 г. Москва, Ивановский пр-д, 18.
Тел./факс: (495) 976 66 44.

Подписано в печать 22.05.2009. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Гарнитура "Петербург". Усл.-п. л. 24.
Учёт.-издат. лист 17,27. Тираж 2000.

Отпечатано в ППП Типография "Наука",
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6

Заказ 852

ISBN 978-5-9950-0052-5

9 785995 000525 >

Институт Русского зарубежья — автономная некоммерческая организация, созданная в марте 2005 г. с целью совершенствования исследовательской, информационно-аналитической, экспертной и организационной работы государственных и общественных структур Российской Федерации с российскими соотечественниками за рубежом.

К настоящему времени Институт Русского зарубежья стал одной из ведущих российских неправительственных организаций, работающих в этом направлении.

Осуществляя свою деятельность в рамках Общественной дипломатии, Институт поддерживает прочные связи с общественными организациями зарубежных российских соотечественников, активно сотрудничает с государственными структурами Российской Федерации, курирующими работу с соотечественниками за рубежом.

Институт на регулярной основе проводит научно-практические конференции, экспертные круглые столы, другие общественно-значимые мероприятия, посвященные проблемам положения русского и русскоязычного населения в ближнем и дальнем зарубежье, общественно-политическим процессам на пространстве СНГ и Балтии.

Использование в работе с российскими соотечественниками за рубежом современных информационных технологий является одной из отличительных сторон деятельности Института. Организация активно работает в Интернет-пространстве, поддерживает работу информационно-аналитического портала "Россия и соотечественники" (www.russkie.org). В 2007 г. этот портал стал лауреатом Национальной премии "за вклад в развитие российского сегмента сети Интернет ("Премия Рунета"), заняв первое место в номинации "Рунет за пределами. Ру". В 2008 г. портал "Россия и соотечественники" был отмечен наградой Евразийского конкурса электронных СМИ "Гуманитарное сотрудничество во имя процветания", учрежденного Комитетом Государственной Думы ФС РФ по безопасности, Некоммерческим партнерством "ИНФОФОРУМ" при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Тел: +7 495 718-84-11 E-mail: info@russkie.org
www.russkie.org

